Никита Михалков
Мои дневники
1972–1993
«Уль все приснилось мне?..»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это мои записные книжки, которые я начал вести во время службы в армии, а точней, на Тихоокеанском флоте. Сорок лет катались они со мной по городам и весям, я почти никому их не показывал, продолжая записывать «для памяти» то, что мне казалось интересным, и относился к ним как к рабочему инструменту.

Что же касается моих флотских дневников, вообще не понимаю, почему я в свое время их не уничтожил. Конечно, они не содержали секретных сведений. Но тот, кто жил в советское время, может представить, куда бы укатились мои мечты о режиссуре, попадись это записки на глаза какому-нибудь дяденьке со Старой площади или тётеньке из парткома «Мосфильма». Потому и прятал я дневники все эти годы.

Но прошло время. И с такой скоростью, таким калейдоскопическим вихрем изменился ландшафт внешней и внутренней нашей жизни, что мне показалось – эти записи, сделанные то карандашом, то авторучкой, то в одном конце страны, то в другом, становятся определённым документом осознания времени, истории, человека.

- Никита Михалков
  - ○
  - ○ От автора
  - ○ Призыв в тумане
  - ○ Перелет
  - ○ Борьба за смирение
  - ○ Дневники и записные книжки
    - ■ Введение к дневникам 1972–1973 гг.
    - ■ Первая тетрадь
    - ■ Вторая тетрадь
    - ■ Третья тетрадь
    - ■ О Геннадии Шпаликове
    - ■ 1972–1973. Зарисовки на полях «Повелители мира». Наброски сценария кинокартины
    - ■ Армейские и флотские выражения
    - ■ Шутливые армейские диалоги
    - ■ Зарисовки из армейской жизни
    - ■ Третья причина прервать киносеанс
    - ■ Полет второй и заключительный
  - ○ Записные книжки 1980–1993 гг.
    - ■

        - Записные книжки 1980–1983 гг.
        - «Завоевательница»
    - Записные книжки 1989–1991 гг.
        -
        - С Надей в Париже
        - К «Дмитрию Донскому»
    - Записные книжки 1993 г.
        -
        - К «Детству»
- notes
    - 1
    - 2

Никита Михалков
Мои дневники

© Михалков Н., 2016
© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов)
© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

От автора

Публикация записных книжек никогда не входила в мои планы. Но когда я оказался на берегу Тихого океана, в Краснознаменной Камчатской флотилии, на меня обрушилось такое количество впечатлений, что я просто не мог удержаться от того, чтобы не начать хотя бы фрагментарно их фиксировать. Поскольку понимал, что сохранить в памяти все удивительные ситуации, их детали, тонкости, словечки, речевые обороты было просто невозможно.

Тогда я и начал вести дневник, хотя по армейским законам это категорически запрещено. Когда же, через какое-то время, уже вернувшись с флота, я заглянул в эти помятые тетрадки и увидел, что там написано, меня охватил ужас. Потому что, если бы тогда, когда эти страницы писались, они попали бы кому-то на глаза, это могло иметь для меня самые серьезные последствия. Дело, конечно же, не в том, что я – диссидент, я никогда им не был, а в том, что те зарисовки, которые я тогда вносил в тетради почти ежедневно, при последовательном складывании их в сознании читателя давали, прямо скажем, довольно-таки жуткую картину. И тем более обидно, что эта жуткая картина вырисовывалась в стране, которую я очень любил и люблю.

Сравнительно недавно, работая над сценарием картины «Солнечный удар», я перечитывал «Окаянные дни» Бунина. И поймал себя на мысли, что если бы Иван Алексеевич писал эту книгу по прошествии многих лет своего эмигрантского изгнания по воспоминаниям, в которых уже в известной мере затихла бы боль мгновенных впечатлений от революции и Гражданской войны в России, это была бы совсем другая книга. Возможно, более мудрая и гармоничная. Может, в ней было бы больше «литературной округлости», изысканности и чистоты формы, которой Бунин владел в совершенстве. Наверняка многое было бы «переформатировано», и в книге уже не соблюдалась строгая последовательность событий. Как литературное произведение эта книга могла бы получиться более совершенной, но ушло бы главное – этот нерв, это почти осязаемое ощущение оскорбленного самолюбия русского интеллигента, большого писателя, столкнувшегося не только с разъяренной людской массой, возбужденной революционными идеями, но еще и с трагическим опытом измены и предательства тех, кого Бунин считал той самой, ответственной за судьбы народные русской интеллигенцией, к которой он и себя причислял. Поэтому «Окаянные дни» у многих вызывали отторжение и нежелание

узнать в авторе этой книги того, кто совсем еще недавно создавал тончайшую лирическую прозу – рассказы «Солнечный удар», «Митина любовь», «Легкое дыхание»… Образ писателя словно распадался в сознании его читателей, привыкших к иному Бунину. На страницах «Окаянных дней» мы видим человека желчного, озлобленного, оскорбленного, больше не стремящегося ни к какой писательской «высшей объективности», не желающего ни прощать, ни понимать происходящего! И поэтому единственным способом борьбы с тем, что он победить не мог, было его раскаленное слово.

Часто дневники и записные книжки становились настоящим кладом не столько для современников автора, сколько для последующих поколений читателей. В том числе и для серьезных исследователей тех или иных событий в жизни государства. Ведь именно дневники наиболее точно определяют время – у их автора, как правило, не существует внутреннего самоцензора.

Когда мы работали с Сашей Адабашьяном над сценариями «Механического пианино» и «Обломова», пришли к одному очень интересному выводу: экранизировать надо не произведение, а автора! То есть главным в работе над текстом должен стать не сам текст, а то ощущение времени, в котором жил автор. А фиксируется это ощущение точнее и ярче всего в дневниках, записных книжках, письмах…

* * *

Признаться, к дневникам своих сверстников (в школе и в институте дневники вели в основном девочки) я относился снисходительно и даже с некоторым пренебрежением. Ну что ты, мол, записываешь каждый свой день – что делал, где был, что ел, с кем разговаривал? Кому это интересно? Разве самому тебе не скучновато?!..

Тогда я не понимал, что дневник – это как дорогое вино, которое со временем начинает приобретать совершенно иное, уникальное качество! А поскольку мне эти мысли в голову не приходили, ни в детстве, ни в юности дневников я не вел. Только оказавшись на Тихоокеанском флоте, на Камчатке, вдалеке от дома, я понял, что столкнулся с совершенно иным, незнакомым мне миром и если хоть как-то не зафиксирую его для себя, он вскоре сотрется из памяти, и восполнить это будет абсолютно невозможно. С этого момента я начал вести записи – иногда фрагментарные и конспективные, порой схематичные, в надежде, что спустя какое-то время я смогу расшифровать их из

скороговорки аббревиатур и сокращений.

Собственно то, что можно назвать дневниками, это мои записи во время уникального нашего похода с юга Камчатки до севера Чукотки, который длился 117 суток. Именно это можно в какой-то степени считать дневником. Остальные записные книжки не имеют хронологического или даже логического порядка. Это поразивший вдруг пейзаж. Это раздумье над какой-то ситуацией. Это внезапная сценарная задумка. Это зафиксированное внутреннее ощущение, вызванное либо состоянием природы вокруг, либо общением с невероятно интересным мне в этот момент человеком… Либо возникшая внезапно перед глазами картинка из еще неснятого, и даже незадуманного фильма, но которая сама по себе была так богата, что хотелось специально к ней придумать эпизод и встроить его в новый фильм.

То есть это – записи, которые ведут очень многие люди творческих профессий. Естественно, не хочу ни с кем себя сравнивать, но именно в записных книжках Антона Павловича Чехова в свое время мы с Адабашьяном обнаружили всего одну фразу: «Механическое пианино», и этот образ пианино, играющего само по себе, сразу придал особый аромат и некую фантасмагорическую странность тому усадебному миру, в котором существовали герои нашего фильма по мотивам ранней чеховской пьесы «Безотцовщина». Сам факт присутствия в кадре механического пианино, взрывающегося внезапными аккордами, замечательно иллюстрировал монотонность беспечной и сонной, казалось бы, усадебной жизни, вдруг вспыхивающей страстями.

Я очень редко перечитывал свои записные книжки, а к армейским дневникам не возвращался более 40 лет, и только готовясь к публикации своей предыдущей книги («Территория моей любви»), начал их разбирать, пересматривать и с удивлением увидел, что хотя многие записи и не связаны напрямую с моими кинолентами, но содержат именно те импульсы, которые затем переросли в те или иные драматические повороты сюжета или характеры героев впоследствии написанных сценариев и снятых картин.

> Дневник – это как дорогое вино, которое со временем начинает приобретать совершенно иное, уникальное качество!

То есть все это не осталось просто сублимацией тоски находящегося на краю света, вдали от родного дома человека, а оказалось воплощено потом в практической работе.

Впрочем, с огромным сожалением увидел я там и другое:

какое огромное количество задумок так и осталось на страницах забытых тетрадок… Но при этом меня посетила и радость осознания того, что многие тогдашние наброски и мысли меня волнуют и сегодня, а значит, есть в них нечто такое, что не подвержено коррозии времени.

* * *

Как я уже говорил, в 70-е годы в Советской армии и на флоте к такому понятию, как дневник, было отношение довольно негативное. Это было связано и с опасностью разглашения секретных сведений, да и просто нежелательно было посвящение гражданских лиц во внутреннюю жизнь армии и флота. Не помню, было ли это прописано в уставе, но и старшины, и мичманы не раз предупреждали, что в наших тумбочках, кроме писем с родины и тетрадок с конспектами занятий, других записей быть не должно.

Но я числился человеком творческим, а кроме того, при подготовке к походу (о котором пойдет речь дальше) и во время похода работал внештатным корреспондентом «Комсомольской правды» и «Камчатского комсомольца» и обязан был писать некие очерки нашего путешествия, этакие идеологически выверенные репортажи-отчеты из всех пунктов маршрута. Таким образом, мое существование с авторучкой и блокнотом стало для командиров вещью вполне обыкновенной, и какие-то тетрадки, ручки и карандаши в моей тумбочке не вызывали никаких вопросов.

Так что писать возможность я имел, но по мере заполнения страниц все лучше понимал, что попади мои записи к руководству, добром для меня это не кончится. Я ведь записывал все, что было мне интересно! Причем никак не фильтровал своих впечатлений, перенося их на тетрадные листы!

Кроме того, в то время я уже готовился к первой полнометражной картине «Свой среди чужих, чужой среди своих» и, если бы не был призван в армию, уже приступил бы, наверное, к съемкам. И так как голова была занята этим, иные мои наблюдения тут же пытались найти свое место в ткани будущей картины… Итак, я вел дневник и не без оснований надеялся, что мою тумбочку «шмонать» все же не будут. Тем более, в ней всегда было много книг, писем, журналов, и это вызывало даже некоторое уважение у офицерского состава.

* * *

Готовя к печати дневники, я совершенно четко понимал, что собственно дневниковый текст, сам по себе, как бы ни был интересен, требует определенных дополнений и разъяснений. Их незачем прописывать, если автор оставляет свои записи «для внутреннего пользования», но необходимо сделать, если записи уже предназначаются для публикации.

Чтобы в настоящем издании рассказ о моей армейской службе был наиболее целостен и полон, а у читателей не возникло впечатления, что они «смотрят кино не сначала», я посчитал нелишним предварить свои армейские дневники рассказом о моем призыве в армию и первых днях службы. Этот рассказ составил когда-то несколько глав моей предыдущей книги «Территория моей любви» – я привожу его и здесь, несколько расширив, но никак не смешивая с текстом дневников.

Из той же книги я поместил сюда по окончании дневника рассказ о своем дембеле и еще некоторые записи, имеющее прямое отношение к армейской теме. А кроме того, добавил несколько любопытных, на мой взгляд, историй, связанных с авиаперелетами на тихоокеанскую службу и обратно.

Сами же записки снабдил некоторыми примечаниями и комментариями на тех страницах, где они действительно необходимы. Порой эти комментарии связаны с моим теперешним несогласием с собой же двадцатисемилетним, излишне категоричным и безапелляционным в оценках людей и событий (дань молодому максимализму). Но чаще комментарий просто вносит пояснение к некоторым фрагментам текста или отдельным словам, именам персоналий, малоизвестным понятиям, в том числе к специально-военным, географическим, этнографическим терминам либо к специфическим приметам того времени, которые могут быть непонятны современному читателю.

Честно скажу, особенно тревожит меня лишняя категоричность в оценках тех или иных людей, с которыми сводили армейские дороги и к которым сегодня, с позиции зрелого опыта, я отнесся бы совсем иначе. Думаю, «смягчающим обстоятельством» здесь послужит то, что записи эти сделаны человеком в достаточно экстремальных условиях, да еще и не достигшим 30-летнего возраста.

Но «из песни слова не выкинешь», поэтому вымарывать эти суждения и оценки из публикации все-таки не буду (тогда собьется общее дыхание повествования, что-то станет совершенно непонятным), а просто попрошу сердечного прощения у тех людей, которых против своей воли мог чем-либо обидеть. Хотя при наличии здорового чувства юмора и самоиронии обижаться

там, надеюсь, не на что. И думаю, читатель почувствует, что, рассказывая о ком бы то ни было, я не испытывал чувства самодовольства или превосходства.

Когда ты оцениваешь людей спустя время – это уже устоявшаяся человеческая позиция, но когда эта оценка фиксируется в тот самый день, когда происходило общение с ними, совершенно естественно она может быть окрашена минутным раздражением, обидой, субъективной спецификой той или иной ситуации… Но нивелировать и смягчать сегодня те мои реакции на происходящее будет не совсем честно, в этом случае и ценность дневниковой записи станет сомнительна.

* * *

По окончании всей моей армейской истории, как дневниковой, так и автобиографической, я поместил в книги записные книжки последующих лет (от 1973-го до 1993-го). В них уже нет такого подробно выписанного и большого «куска жизни», как наш «чубаровский поход» во время моей тихоокеанской службы, но и в них тоже – кажущиеся мне любопытными наблюдения, мгновенные впечатления, размышления о жизни страны и о собственной жизни и многое другое.

Немалое место в блокнотах, которые я вел, уже работая в профессии, конечно же, занимает «поток режиссерского сознания» – наброски будущих сценариев, зарисовки мизансцен, размышления о картинах коллег, описания операторских приемов и актерских ходов. То есть все то, что относится к профессии. Может быть, это пригодится кому-то из моих молодых коллег.

Но обо всем по порядку. Итак, я должен был идти в армию…

Призыв в тумане

Я был приписан в Алабино, в кавалерийский полк, где в основном служили молодые кинематографисты и другие творческие работники, уже получившие творческую профессию. Это было решено априори, и я пребывал в полной уверенности, что именно туда и попаду. Так как я учился и снимался, у меня была отсрочка. Но она перестала действовать, как только я окончил институт. Мне было двадцать шесть лет, и военкомат торопился меня отправить в армию, потому что еще немного, и исполнится двадцать семь, а это уже возраст, после которого призвать на срочную службу нельзя.

Все шло своим чередом. Я снимался у Сережи Соловьева в картине «Станционный смотритель» и ждал окончания съемок. Сережа так рассчитал график, что к моменту, когда меня заберут в армию, он закончит снимать. Хотя, как правило, если актер, который попадал в кавалерийский полк, не успевал закончить съемки, его отпускали на «Мосфильм» завершить работу. Так у меня снимался Кайдановский в картине «Свой среди чужих» – он одновременно проходил срочную военную службу.

Но случились обстоятельства, которые я не мог вообразить даже в самом фантазийном и замысловатом сне. Дело в том, что в это время у меня был роман с Олей Полянской – замечательной девушкой: красивой, нежной, умной, спокойной, с прекрасным чувством юмора и абсолютно потрясающим взглядом на мир, самостоятельным и очень оригинальным. Как выяснилось, единственный ее недостаток заключался в том, что она была дочерью крупного партийного чиновника, кандидата в члены Политбюро. И меня лично это сильно напрягало. Мне не хотелось, чтобы так или иначе моя жизнь, поступки и творческая биография в какой-то мере могли определяться высокопоставленным тестем. Я не знал, как сказать об этом Оле напрямую, что-то мешало мне, и я решил написать ей письмо. В нем я сообщал о том, что очень дорожу нашими отношениями, что бесконечно благодарен ей за те прекрасные дни.

Я несколько раз бывал в их доме и запомнил миленькую старушку, дежурившую у лифта. Мне и в голову не могло прийти, что просто так милые старушки на работу лифтерами в такие дома не попадают. Короче, я отдал конверт с этим письмом этой Марьванне и ушел. Она любезно его приняла, улыбнулась, сказала, что обязательно письмо передаст.

А через какое-то время начали происходить совершенно непонятные для меня вещи.

Особенно когда пришла пора идти мне в армию…

Как только я узнал, что меня забирают в стройбат в Навои, вне себя от возмущения отправился к начальнику сборного пункта. С трудом держа себя в руках, спросил о причине такого решения.

– А твое какое дело? – отвечает он. – Ну, записали тебя сначала туда, а потом сюда. И чего?!

Я говорю:

– Но это стройбат в Навои! У меня два высших образования, я же могу пригодиться в другом месте.

А он усмехнулся в ответ:

– Да ты, Михалков, просто в Москве остаться хочешь?

Это оскорбило очень.

– Какая самая дальняя команда? – спросил я.

– Во флот! На Камчатку не желаешь?!

– Желаю! – выпалил я, не раздумывая. – Записывайте туда!

Теперь настал его черед понервничать. (Видимо, такого распоряжения насчет меня не поступало.) Впрочем, он быстро сообразил, как снять с себя ответственность за мою отправку на Тихий океан.

– Пиши заявление, – протянул он мне чистый лист бумаги.

И я написал заявление…

Капитан-лейтенант, приехавший за призывниками с Камчатки, только начал набирать свою команду, и я остался ждать, когда он ее укомплектует.

Мне не хотелось, чтобы так или иначе моя жизнь, поступки и творческая биография в какой-то мере могли определяться высокопоставленным тестем.

Не знаю, как теперь, но в тот год городской сборный пункт являл собой странное зрелище. Представьте: ворота, проходная КПП, «человек с ружьем», высокий и крепкий забор простирается налево, направо… – короче говоря, огороженное с трех сторон пространство, вход по удостоверению, выход по удостоверению, а тыльная сторона «режимного учреждения» упиралась… просто в лес! Без всякого забора. Точнее, какие-то звенья забора имелись, но в общем и целом забор с тыла был не достроен. Через широкий проем совершенно спокойно ходили товарищи призывников, носилась водка (нередко ящиками!), захаживали девушки… В эти душные и дымные в буквальном смысле дни (в это время горели торфяники и Москва была чудовищно задымлена, поэтому стояла практически пустой) меня тоже навещали товарищи – и Паша Лебешев, и Саша Адабашьян… Конечно, приходили они не с пустыми руками.

Постепенно призывники сбивались в команды и отправлялись в разные концы страны, и почему-то только нашу, камчатскую, бригаду никак не удавалось сформировать до конца. В конце концов на городском сборном пункте остались только мы.

В первую ночь я ночевал на ГСП – в пустой казарме, а на второй вечер попросился у дежурного отпустить меня в город. Дал слово, что обязательно к утру вернусь. Причем слово он взял не только с меня, но и с моего сопровождающего.

Здесь необходимо пояснить, что в Москве (не знаю, как во всем СССР) раньше в период призыва на срочную службу практиковался такой метод: некоторые из военнообязанных сотрудников городских предприятий и институтов, вызываясь на сборы, получали задание – помогать военкоматам в организации работы, в частности, присматривать за дожидающимися своего часа призывниками. Вот и ко мне был приставлен такой «сопровождающий». Это был еще молодой, но уже довольно тучный сотрудник одного из московских НИИ.

Итак, мы отправились с ним в Дом кино. Там я давно уже был своим человеком, для моего сопровождающего это был дебют в пространстве «кинематографической элиты», поэтому он совершенно расслабился – напился до того, что мне самому пришлось его «сопровождать» до дома.

Вернувшись уже самостоятельно на ГСП, там переночевал, но… ни утром, ни в течение дня камчатскую команду снова не сформировали. А поэтому и на следующий вечер я, точнее мы с

сопровождающим, вполне закономерно оказались в ресторане Дома кино…

Этот сценарий повторялся несколько дней кряду. День я проводил на ГСП, а вечерами вывозил моего «приятеля поневоле» в Дом кино. Порой даже оставался ночевать дома. Мне казалось, что я уже списан на берег!..

Мой сопровождающий через несколько дней такой своей работы просто изнемогал.

– Уходи ты в свою армию!.. – умолял он после тяжкого похмелья. – Не могу я больше! Пьем каждый день!.. Жена уже косо смотрит!

Я старался его приободрить:

– Может, заберут сегодня!

В один из тех жарких вечеров, когда мы, уже не выходя с ГСП, пили водку, а мой сопровождающий как-то особенно быстро сникал, произошло нечто совсем уже странное.

Кто бывал когда-либо в таких заведениях, как городской сборный пункт, знает, каковы там туалеты, помнит длинные, в десять-пятнадцать метров писсуары с отколотыми плитками, в которых всегда журчит вода.

И вот, зайдя в тот вечер в туалет на ГСП, я случайно заметил в самом углу этого длиннющего писсуара, как что-то «знакомое до слез» трепетало. Сделав несколько шагов в том направлении, я понял, что это было… Чей-то военный билет.

Осторожно достав этот билет из писсуара, я раскрыл его красные корочки… и обомлел. Военный билет был не «чей-то», а мой!

Здесь необходимо пояснить, что в тот период, когда призывники находятся на ГСП, те люди, которые их отправляют, обязаны иметь их военные билет при себе – с тем, чтобы передать начальнику команды, с которым призывники поедут к месту службы.

И вот я почему-то (без единого свидетеля этого факта!) снова держал свой военный билет в руках. И тут же вспомнил слова мамы: «Если тебе что-то катится в руки просто так и ты без всяких затрат можешь протянуть руку и взять, подумай, сколько из десяти людей от этого не отказались бы. Если насчитаешь больше пяти, откажись».

Я подумал, что намного больше пяти людей воспользовались бы возможностью абсолютно безнаказанно этот билет выкинуть, порвать, спустить в унитаз. Пока медкомиссия, пока то да се… Можно включить еще какие-то рычаги – потянуть время, а в октябре стукнуло бы двадцать семь!..

И вдруг я совершенно отчетливо понял, что это искушение. Я высушил на солнце военный билет и вернул его в расстегнутый портфель мирно спящего моего сопровождающего.

На другой день, чтобы как-то разнообразить наш досуг, я предложил:

– Хочешь, с Высоцким познакомлю?

– Да ладно!..

> Тут же вспомнил слова мамы: «Если тебе что-то катится в руки просто так и ты без всяких затрат можешь протянуть руку и взять, подумай, сколько из десяти людей от этого не отказались бы. Если насчитаешь больше пяти, откажись».

Мы пошли на Таганку. Спрашиваю на вахте:

– Володя здесь?

– Да, здесь.

– Пожалуйста, скажите ему, что Никита пришел. Я в армию ухожу.

Высоцкий спустился, причем сразу с гитарой, спел нам несколько песен, мы выпили… Помню только, что на сборный пункт я транспортировал сопровождающего уже на троллейбусе.

В тот вечер я остался ночевать там – так как на другой день нужно было улетать.

Однако вернемся к первопричине этих и последующих приключений, то есть к старушке-лифтерше. Конечно (и совершенно естественно!), старушка передала эти письма, так сказать, кому следует. Их посмотрели. Не знаю, показывали ли их отцу Ольги или все решалось не на столь «высоком уровне», но с этого момента (о чем я узнал позднее, когда через много лет просматривал архивные документы, связанные с этой историей) я был включен в список неблагонадежных, от которых очищали Москву в связи с приездом Никсона, президента Соединенных Штатов.

Конечно, мне было весьма лестно, что я занесен в списки тех, кто под памятником Маяковскому вольнодумные стихи читал, да только я там никогда в жизни не был.

Проституток тогда отправляли за сотый километр, а неблагонадежных, как могли, рассовывали, так сказать, куда попало. Вот таким образом вместо кавалерийского полка я чуть не угодил в стройбат, да вовремя уехал на Камчатку.

…Стоя перед разглядывающим меня с удивлением начальником ГСП, я успокаивал себя: «Что ни делается, все к лучшему. Когда еще за казенный счет я смогу выбраться на Камчатку и побывать на Тихом океане!»

Перелет

В сформированной наконец команде новобранцев я был самым старшим. Это и по виду чувствовалось: все-таки мне – 26, а остальные – еще пацанва, по 18–20 лет. Прибыли в аэропорт Домодедово…

Нам предстоял чартерный рейс на «Ил-18». Кажется, с тремя посадками. В Новосибирске, Хабаровске и Якутске. Конечным пунктом путешествия должен был стать аэропорт Елизово, в тридцати километрах от Петропавловска-Камчатского.

Я был в кожаной куртке – широкой, летчицкой, с большим количеством карманов. И везущий нас каплей, мужик небольшого росточка, совершенно очумевший в Москве, уже крепко попивший, окинул эту куртку с множеством карманов несколько стеклянным взглядом и спросил:

– Ты водку взял?

– А что, можно?

Он не сомневался ни секунды:

– Давай беги, бери водку!

Не спросил даже: есть у меня деньги, нет у меня денег. Просто отправил и все.

Деньги у меня были. Я взял такси и домчался до ближайшего поселка, где был продуктовый магазин. Там я набрал водки, сколько в карманы влезало. Наверное, бутылок семь. А куртка широкая – не очень заметно, если равномерно по карманам рассовать.

Вернулся в аэропорт к каплею. У того один вопрос: «Привез?» – Привез.

Вскоре началась посадка в самолет. Каплей посадил меня рядом. В салоне – одни новобранцы, человек 150 примерно. Вот взлетели, «отстегните ремни», и каплей сразу – «Давай!..».

Я вынул водку, он принял на грудь стакан, еще побыл при памяти минут пятнадцать, и… больше я его живым не видел. Верней, поначалу он изредка еще просыпался, но тут же выпивал и снова «уходил в небытие»… А всех пассажиров удаляют же из самолета на стоянках. И вот я оказался в нашей команде, по сути, единственным, который мог бы, если не командовать (на это я и права не имел), то по крайней мере взять на себя хоть какую-то организацию.

Ребята-новобранцы так до конца и не поняли – кто я, что я. Видели, что я с каплеем сидел, что мы беседовали поначалу с ним и даже выпивали. И, конечно же, ребята решили, что я тоже из командного состава.

Я разделил их на пятерки, назначил ответственного и сказал: вот, братцы, мы стоим здесь час, можете пока перемещаться в пределах аэропорта как угодно, но через час – вы здесь.

– Конечно же, я не могу вам запрещать выпивать, – говорю. – Просто поймите, что если кто-то отстанет, то всем будет хреново.

Они вняли моим речам. Разбились по пятеркам и вышли в аэропорт…

Тогда первый раз в жизни увидел я одну занятную картину. В 70-е повсюду на вокзалах и в аэропортах стояли одеколоновые автоматы, но здесь впервые я увидел, как люди, после того как опускали в автомат монетку, вместо того чтобы поодеколонить лицо или иные части тела, просто разевали рот на уровне той пипочки, откуда брызгался тройной одеколон, и в них заливалось сколько положено. Если было мало, клиент опускал еще монетку (кажется, 15 копеек).

> А ведь гульнуть последний раз – святое дело! Но гульнуть за сотни верст от дома, в чужом городе…

Так мы выходили на каждой стоянке-заправке. После первой остановки человека три были уже не совсем вменяемы, поэтому в следующий раз их оставили в самолете (в компании храпящего каплея). Так мы с грехом пополам, но в целости-сохранности и без особых происшествий долетели до Елизово.

Надо заметить, что быстро сориентироваться в ситуации и организовать ребят мне помогло то, что еще в Щукинском училище я ставил спектакли, а затем во ВГИКе снимал курсовые и дипломный фильмы, в работе над которыми организаторские способности были нужны и важны. Они уже стали частью моего характера. Поэтому то, что я «построил» брошенных и предоставленных судьбе ребят, было достаточно естественным шагом для меня.

К прилету в Елизово наш каплей немножко оклемался, но был, что называется, нехороший. Мы выгрузились, было объявлено общее построение, и перед зданием аэровокзала мы встали в три шеренги – совершенно развалленные, не очень трезвые, не очень выспавшиеся. В общем, больше похожие на бригаду зэков, чем призывников. Каплей же вовсе, кажется, не представлял, что с ним все это время происходило, и, так и пребывая в состоянии общего напряжения и недоверчивости, видимо, во избежание лишних проблем… сдал меня патрулю.

Конечно, от меня тоже пахло, но я был в полном сознании! Причем всю каплееву работу проделал, и довольно ответственно. Уж не знаю, сдал он меня патрулю «по пьянке» или в похмельном синдроме – объятый иррациональным ужасом или попросту все

еще был невменяем: то, что мозгу у него происходило, я не ведал. Наплести обо мне патрулю он мог все что угодно. Но зачем?! Может, успел узнать от кого-то из ребят о том, что я, по сути, исполняя всю его работу, разбивал их на пятерки, а после пересчитывал, и, опасаясь моего откровения в ответ на чей-то возможный вопрос, почему призывников сопровождал не ответственный офицер, а такой же призывник, как и все они, каплей «подстраховался» – оговорил меня перед патрульными и сдал им на руки.

Когда в комендатуре все-таки разобрались – что да как – и выяснили заодно, куда меня распределять, в аэропорту никого из ребят уже не было. А вместе с ними и низкорослый каплей исчез из аэропорта и из моей жизни навсегда. Но я запомнил на всю жизнь эту его трусливую неблагодарность, притом абсолютно не соответствующую моим представлениям о том, что такое офицер, тем более – морской офицер. Здесь же, рядом со мной, оказалось какое-то рыхлое, очень недалекое, безвольное и боязливое чмо. Ну что ж, бывает…

Никакого наказания я не понес. Ведь призывников нельзя наказывать до принятия присяги. Поэтому меня довольно резво отправили из комендатуры в полуэкипаж, где я и начал свою службу. Из тех ребят, что летели со мной в самолете, там оказалось всего человека три. Они были совершенно изумлены

тем фактом, что я приступил к срочной воинской службе в звании матроса вместе с ними. «Мы-то думали, ты вместе с командиром! – качали головами. – А ты служить, что ли, тоже?» Я же словно не понимал их изумления: «Служить, ну да».

И не только у этих троих, а практически у всех ребят, еще когда я, совершенно неожиданно для них, встал в строй вместе с ними на построении у аэровокзала, возникла – и, казалось, совершенно естественно! – жгучая досада, что я управлял ими, не будучи «начальником», а значит, ими был упущен шанс послать меня куда подальше и в Новосибирске, и в Якутске, и в Хабаровске. Послать и вести себя как угодно. А там уж «однова живем», как говорится, – все равно в армию уходим. Мое несанкционированное «руководство» теперь вызывало в них негодование и ревность. Такой же засранец и гражданский шпак, как и они сами, ими командовал, распоряжался, не давал нормально выпивать! А ведь гульнуть последний раз – святое дело! Но гульнуть за сотни верст от дома, в чужом городе…

Только позже я понял, до какого все это могло дойти куража безысходного… Причем все это и для аэропортов, и для самолета, и вообще для Аэрофлота с его жестким ответственным графиком могло кончиться достаточно неприятной историей. Да и для самих ребят, не говоря уж о каплее, который вполне мог за серьезное ЧП, случившееся по его вине, поплатиться карьерой.

Но, едва я встал в строй в Елизово, по рядам полетел такой изумленный и злой ропот, что на мгновение мне стало не по себе. Я же, напротив, удивлен был тем, что они не только не испытывали ко мне и малейшей благодарности, но горячо поддержали каплея, когда он сдавал меня патрульным.

Смешно вспоминать, но каплея этого я потом даже искал. Вернее, бдительно посматривал по сторонам во время службы – вдруг где-то встретится? Да так и не привелось глянуть ему в глаза никогда.

Борьба за смирение

…В армии я полюбил писать письма. И не потому, что ты отправляешь знакомому или любимому человеку весточку о себе, а потому, что, сев за стол, начав писать, ты невольно формулируешь все то, что волнует в этих новых для тебя условиях: новые ощущения, новые отношения, новый быт, абсолютно новый взгляд на самого себя, твое новое положение в окружающем мире – непривычное, странное, иногда обидное, но невероятно важное для постижения сути твоего существования. К примеру, то, что, будучи человеком с двумя высшими образованиями, уже снявшимся в определенном количестве фильмов и достаточно известным в кинематографическом мире (да еще с такой фамилией), оказавшись на плацу, в строю, перед старшиной первой статьи Толиком Мишлановым, ты совершенно растворялся в общей массе людей в бескозырках. Поначалу это было очень тяжело.

Дело даже не в том, что тяжело вскакивать с койки по команде «Подъем!» или бегать по плацу в сапогах, а тяжело с точки зрения принятия своего бесправного положения. И здесь невероятную помощь мне оказывали усвоенные в детстве уроки: отцовское «От службы не отказывайся, на службу не напрашивайся» и поразительной мудрости слова матери: «Никогда не обижайся! Если тебя хотели обидеть, не доставляй удовольствия тому, кто этого хотел, а если не хотели, то всегда можно простить».

Именно эти два правила стали для меня в определенном смысле оберегами, теми спасительными маяками, помня о которых я научился и смирять гордыню, и управлять своим горячим характером. Причем не из страха наказания, наоборот! (Неотвратимость наказания мне обычно только добавляла куражу.)

Поначалу эта борьба за смирение проходила совсем нелегко. Но постепенно я приучил себя даже получать от этого удовольствие. Как ни странно, я взял за основу образ Швейка, такого нарочито исполнительного дурака. Сначала это было похоже на игру, а потом я вошел в этот образ, и он мне показался невероятно привлекательным и удобным, для того чтобы существовать в этих условиях достаточно свободно и легко. Занятно, что эта покорность и смирение поначалу вызывали настороженность (и даже некий злой азарт) у старшин, которые распоряжались в нашем экипаже. Они интуитивно чувствовали что-то не совсем естественное в том, с какой легкостью и

удовольствием человек кидался выполнять их бессмысленные приказы, такие, например, как «продувать макароны» или что-то вроде того. Тогда приходилось хитрить.

Например, к тому времени я давно бросил курить (причем бросал не один раз), но перекур для тех, кто начинает служить в армии, – святое дело, равно как обед и киносеанс. И вот как-то во время занятий строевой подготовкой на плацу старшина Мишланов объявил перекур, и все расселись на травке около плаца, рядом с бочкой для окурков. Поискав глазами некурящих, Мишланов быстро выхватил меня из общей массы и сказал: «Матрос Михалков, тебе все равно делать нечего, сбегай, принеси мне…» – уж не помню что – сигареты, спички, свежую прессу, бушлат или что-то другое. То, за чем он меня посылал, было как минимум на другом конце плаца. А кто не знает: по плацу если один, то бегом, если вдвоем, то строем. Просто так прогуливаться там, по крайней мере у нас, было категорически запрещено. Вот я так пару раз побегал то за этим, то за тем (все курят – я бегаю, приношу, докладываю), и в один прекрасный день, едва при очередном перекуре Мишланов собрался меня куда-то отправить, я говорю:

– Извините, товарищ старшина, я курю.

– Как? Ты же не куришь!

– Нет, уже курю.

И тут же стрельнул у кого-то папироску, прикурил и тем самым как бы снял вопрос о том, должен я или не должен куда-то

бежать. Ведь я, как и все, в настоящий момент имею право отдыхать: я и сижу курю.

Таких случаев было довольно много, когда, не конфликтуя и не споря, что только озлобляет человека, имеющего над тобой власть (особенно в армии, особенно «деда», как называли и называют до сей поры старослужащих), ты разворачиваешь в свою пользу ситуацию, при этом развивая у себя ту самую смекалку, которая в других условиях, более тяжелых и серьезных, частенько выручает солдат.

Итак, письма были единственной отдушиной. Я постепенно втянулся в переписку, особенно с братом. Мне казалось, что мой монолог в письме чудесно превращался в диалог с ним. Рассказывая ему о своих невероятных испытаниях, я представлял, как он все это слушает и что может ответить.

Постепенно это вылилось в довольно оживленную переписку, которая очень помогала мне осмысливать свои впечатления, заодно эмоционально освобождая от них мою душу.

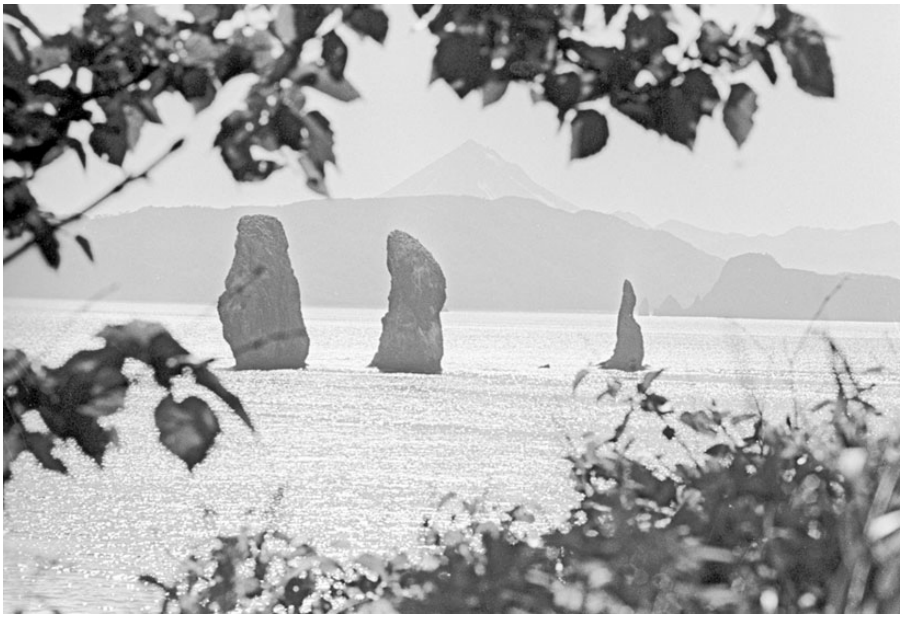
Впрочем, вскоре мне стало не хватать эпистолярной отдушины, и я завел дневник и вел его почти каждый день. Особенно часто делал записи во время похода с юга Камчатки до севера Чукотки…

Эта сложнейшая экспедиция была организована благодаря Зорию Айковичу Балаяну, в будущем – писателю и общественному деятелю, в те времена работавшему на Камчатке врачом. Так что я благодарен судьбе, забросившей меня на берег Тихого океана, в том числе за встречу с этим уникальным человеком.

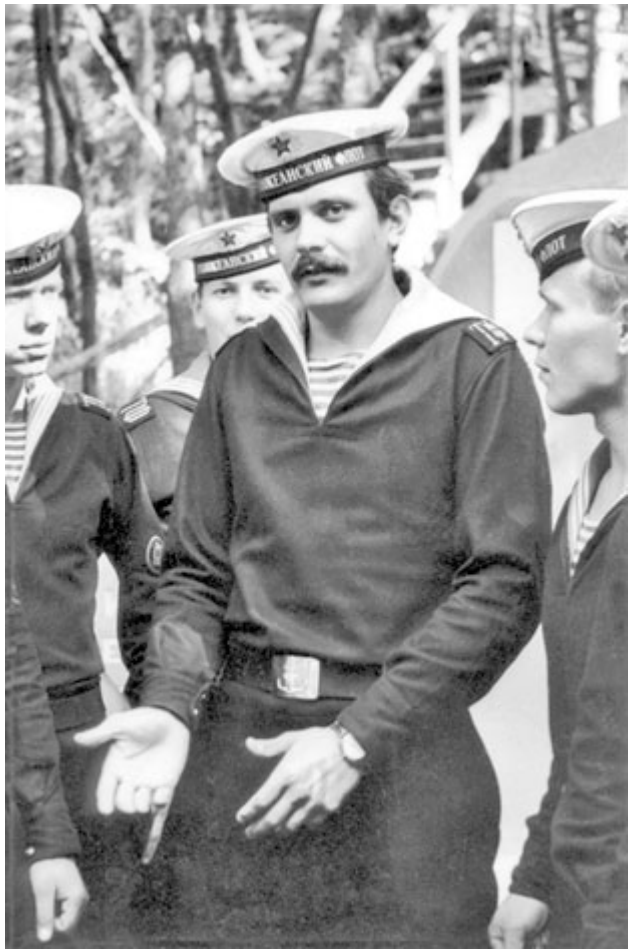
Старший матрос Михалков с товарищами по оружию на Тихоокеанском флоте. 1972 год.

…Я хорошо помню, как мы – мой непосредственный начальник, с которым мы быстро сдружились, капитан первого ранга Вячеслав Пантелеев и капитан-лейтенант Котилевский, работавший в штабной разведке, – в конце лета 1972 года чуть ли не ежедневно выходили на небольшой яхте «Дельфин» в знаменитую Авачинскую бухту. Мне тогда посчастливилось по выходным, когда я получал увольнительные, несколько раз выходить с ними на яхте в открытый океан. Вскоре к нам присоединился и Зорий Балаян.

Вот что писал Зорий о тех днях наших походов в своей книге «Белый марафон»: «Дух захватывало каждый раз, когда приближались к Трем Братьям – трем гигантским скалам, стоящим бок о бок у входа в открытый океан. Туда нас всегда тянуло – на простор, где и цвет воды другой – более небесный, где и волны покруче, и белые «барашки» побелее и покрупнее! Но слишком маленький наш «Дельфин». Он даже меньше тихоокеанского «барашка». Да и не делается это просто так – захотел и вышел в океан. А главное – тогда у нас была другая цель, другая дорога».



Скалы «Три брата» в Авачинской бухте у выхода в открытый океан



С однополчанами

Да, тогда у нас была другая дорога. Однажды на яхте Зорий вдруг сказал, что скоро сделает мне замечательный подарок. Он попросил капитана «Дельфина» выйти из Авачинской бухты на несколько кабельтовых в открытый океан. И уже там попросил, чтобы я спел из фильма «Я шагаю по Москве» строки: «А я иду, шагаю по Москве, / Но я пройти еще смогу / Соленый Тихий океан, / И тундру, и тайгу…». И, когда я выполнил его заявку, уверенно провозгласил: «Вот, походили по Тихому океану, но несомненно пройдем вскоре и тундру, и тайгу!»

Через несколько месяцев мы углубились в тундру… Я и впрямь получил, может быть, самый бесценный подарок в моей жизни. Слова гениального Гены Шпаликова из песни, которую я пел в фильме «Я шагаю по Москве», песни, которую пела вся страна, оказались пророческими.

Дневники и записные книжки

Введение к дневникам 1972–1973 гг.

Итак, работавший в то время главврачом спортивного диспансера в Петропавловске-Камчатском Зорий Балаян обратился к дальневосточным властям с абсолютно идеологически выверенной инициативой. Зорий просил помочь ему в организации похода «по огненным вехам», как любили тогда выражаться, отряда большевика Григория Чубарова, который устанавливал в годы Гражданской войны здесь советскую власть. Почин Зория, спустя неизбежное время бумажной волокиты, был поддержан и местными партийными органами, и комсомолом. К походу «по местам революционной и боевой славы» незамедлительно были привлечены редакции газет и радио. Необходимое содействие обещали и войска – ведь маршрут экспедиции пролегал по весьма суровым местам, где могли потребоваться армейские тягачи и вертолеты, и даже оружие – в качестве защиты от диких зверей.

Таким образом, и я, как матрос срочной службы, отвечающий за исправность и сохранность оружия, был экспедиции Зория придан. В моем ведении были карабины СКС, ракетницы, цинк с патронами и пистолет Макарова с двумя снаряженными обоймами. Я, естественно, отчасти напросился сам, пообещав по совместительству исполнять и обязанности спецкора – то есть писать репортажные очерки о нашем путешествии в «Комсомольскую правду» и «Камчатский комсомолец» и отправлять их в редакции из всех пунктов нашего маршрута.

Командир Красной армии Г. И. Чубаров

Зорий назвал эту экспедицию «Карабах» – в честь своей малой родины. С нами шли один журналист, один представитель обкома комсомола (звали его, кажется, Евгений Милявский) и один… поэт. Да, да, национальный корякский поэт – Володя Косыгин (литературный псевдоним – Каянта). Этот сорокалетний путешественник оказался самым колоритным моим спутником, что, надеюсь, будет очевидно из самих записок.

Позднее к нам присоединились и мои коллеги, региональные киношники. Дело в том, что хабаровская телестудия решила снять научно-популярную короткометражку, цели и художественные задачи которой припоминаю уже смутно. Фильм, кажется, должен был быть связан и с нашим путешествием, и с

революционным походом Чубарова, и с восторженным освещением всего того, что уже сегодня, «в период развитого социализма», происходит в городах и весях, куда Чубаров привел некогда советскую власть.

Оператором был хабаровчанин Гена Лысяков. Меня же студия поначалу планировала в качестве режиссера, ходатайствовала об этом у командования округа, но так и не получила согласия – и я, отсняв несколько первых сцен для их фильма (кстати, в невероятных погодных условиях, при температуре –50 ˚С, в жуткую пургу и почти без света), с чистой совестью оставил эту работу и впредь ограничивался дружескими консультациями.

Но все это случится только через несколько месяцев нашего похода, который, как я только потом понял, дал мне столько, что трудно было себе даже представить. Это касается и творческих идей, и человеческого опыта, и тесного общения с суровой природой, и понимания того, что человек – только малая часть этой природы, и он должен осознавать это всю жизнь и в любых обстоятельствах.

Итак, в путь!..

Первая тетрадь

29. X.1972

Готовимся. Авантюра полная. Мало что продумано. Идеологическая сторона дела освещена и подготовлена, то есть сделано все, что им необходимо для «галочек». Все остальное же брошено на произвол судьбы. Вымпелы есть, альбом есть, формально «есть все», нет только того, что необходимо делать, прилагая усилия. Митинги же и тому подобное «на высшем уровне».

29. X.72

Стадион. Торопливый лживо-формальный митинг. Холодные, фальшивые речи, напутствия. Стадион пуст. Холодно, солнце, страшный ветер. Хочется напиться. Фоторепортеры, хроника.

29. X.72

Елизово. Приехали. Никто ничего про нас не знает. Поели пельменей, легли спать. Вечером пригласили на комсомольское собрание, посвященное дню рождения комсомола. Тоска зеленая. Еще раз убеждаюсь, как официоз и фальшь чудовищно выжигают вообще все человеческое. В гостинице по трансляции, т. к. она принимается через спутник, то и дело (возможно, совершенно случайно, но очень отчетливо) слышим позывные, а затем голос: «Вы слушаете «Голос Америки» из Вашингтона».

Вечером сидели, Косыгин рассказывал трогательные истории. Милый человек. (*Владимир Косыгин – корякский поэт, литературный псевдоним – Каянта. – **Современный комментарий автора.***) Рассказал о пастухе, герое соц. труда, который поехал на сессию Верховного совета, а вернулся в майке.

Еще один такой же человек приехал в Москву. Вернулся и говорит: «Некультурные люди в Москве живут. Я со всеми здоровался так, что язык распух, а со мной никто!»

Дело в том, что у коряков принято здороваться с любым встречным.

…….

Группка «не бей лежачего». Посмотрим, что будет дальше.

30. X.72

Позавтракали. Москва (*по радио. –* ***Современный комментарий автора***) передала о нашем походе, назвав нас краеведами, комсомольцами, чуть ли не юными натуралистами.

Косыгин вчера попробовал гранат. Никак не мог понять, что это такое. Удивился очень. Ел его первый раз в жизни.

30. X.72

Райком комсомола. Увидели свою программу встреч и мероприятий в Елизово. Огромна и бессмысленна. Дело в том, что люди-то относятся к нам как к жуликам, а нас собираются водить по улицам, как того слона, которого делают из мухи. Хотя, в сущности-то, всем на нас наплевать. Кто мы, что… никого это не интересует. Сгоняют людей в зал, и они тоскливыми глазами глядят на нас так, что стыдно становится.

Логически доказал секретарю порочность этих мероприятий. Сократили.

Были в школе. Клуб краеведов. Как всегда – старожилы, пенсионеры, пионеры. Но дети слушали с интересом. Все смотрел на них и думал: «Где же, в какое время их детской жизни они теряют веру? Становятся циничными и равнодушными ко всему? Где тот рубеж, на котором ложь и равнодушие перетягивает чашу весов в их сердцах?»

Потом нам дали список вопросов, которые мы должны были задать детям, а они должны были на эти вопросы ответить, так как еще за несколько дней до встречи выучили свои ответы наизусть.

Одна девочка полезла вне очереди – потянула руку, и вожатая стукнула ее по руке…

Искусственность всего. Железобетонная форма и серо-бумажное содержание. Ни одного живого, человеческого взгляда. Сонные мозги. Пионервожатые и учителя навязывают этим детям свою волю, выдавая ее за независимую волю тех, кому они ее навязывают. Искусственность, «внешность» и холодность.

…Мучаюсь от обязанностей спецкора. Чувствую себя от них не в своей тарелке.

31. X.72

День солнечный, как в апреле. Но морозный.

Приехали киношники. Снимались. Профанация, конечно, все, но ребята милые. Потом – все по старой схеме. Ходили, бродили, «работали»…

Кончил очерк. Не знаю, что получилось…

Вечером выступал в совхозе птичников. Клуб приличный. Организовано же все чудовищно, как, впрочем, и всегда.

Парторг – тонкогубый человек, с близко и глубоко посаженными глазами, маленького роста. Физиономия отвратительная. Так и хочется по ней съездить. И главное, ни за что совершенно! Просто так. Вот бывает же! Видишь лицо, и… ничего вроде плохого тебе обладатель данного лица не сделал, а так и хочется в эту харю заехать, да побольней. Беда просто.

К концу своего выступления зал я раскачал все-таки, но диплом показывать не стал, не заслужили – и собирались долго, и раскачивались. Пообещал, что приеду в другой раз, если позовут… Позвали.

Вечером поужинали, выпили по 150 граммов водочки.

1. XI.72

Голова побаливала. Пошли на прием к первому секретарю райкома партии. Обаятельный человек, мягкий, искренний, красивый. Вообще, чем выше должность, тем симпатичнее ребята. По крайней мере здесь, на Камчатке. Но среднее звено!.. – ох, рутина, гниль, пакость, снобизм.

Второй секретарь райкома – улыбчив, хитер, пробивной неистово. Делает все не отходя от стола и мгновенно…

Поглядываю на карту – и берет оторопь. Что же нас там ждет впереди?!.. Под 60° ниже нуля, пурги, собаки… и что еще?

Потом пошли домой. Да, в райкоме подарили нам транзисторный приемник. Это они молодцы.

…Работал, отправил материал в газету. Потом заходили в школу, где нам обещали переснять фотографии… В учительскую я не пошел, остался в коридоре. Стоял, и пронзительное чувство охватило меня. Началась перемена, и дети высыпали из классов. Мальчики и девочки – такие разные, такие трогательные. Смотришь на какого-нибудь парнишку – и совершенно точно можно представить себе его, когда он будет взрослым, или девочка – лет четырнадцати – уже маленькая женщина, идет, походка меленькая, головку несет ровно, щеки румяные, носик кверху, так и знает, что смотрят на нее. Бегают дети, возятся, пирожки жуют, новостями делятся, конфетами… – замечательно!

Потом мылись в душе общежития, обедали. Ходили к второму секретарю. Вечером выступал перед полком морской авиации. Выступалось трудно. Устал.

Да, вот уже третий день хочу написать о нашем шофере, да все забываю. Это «голый комплекс». Верней, клубок комплексов. Водитель он хороший, можно сказать, ас. 23 года. Ущемлен страшно своим положением шофера, хотя никто никогда ему повода для этого не дает. Но он ведет себя подчеркнуто развязно, а машиной управляет все время на грани риска, то есть если обгоняет, то зазор между машинами – два пальца, если гонит, то не менее 120 км/ч. За рулем он просто упивается мгновениями, когда «с цепи спускает» свои комплексы и рассчитывается с нами за все сразу. Тут уж он, Толя, дает себе волю и ликует внутренне, видя, как зеленеют от страха его пассажиры.

2. XI.72

День был странный. Утро хлопотное – искали спирт, доставали всякие продукты, мясо, соусы… Словом, делали все то, что необходимо было сделать не нам и много раньше.

Если бы не Санталов, второй секретарь райкома, пришлось бы нам туго, конечно.

Потом, после долгих сборов, записывались для радио Москвы. Многое хотел сказать, но зажался, все растерял, и получилось комкано и плохо.

Выехали вместе с журналистами и Санталовым – они решили нас немного проводить, заодно и шашлык сделать. Выехали. Остановились. Сделали. Выпили.

Перед этим рубил дерево. Живое рубить было жалко. Увидел погибшую большую ветку, залез высоко с топором на березу и рубил долго. Все проклял. Подумалось, что ведь такая это ерунда и для такого праздного дела, как шашлык, а как тяжело и надоедливо, а что ж если вот так – в тундре один и собьешься с пути?..

Врезали здорово. Косыгин – тонкий, поэтичный человек, говорит умно и талантливо. Явный самородок…

Тогда-то с удивлением я вспомнил, что мы в милиции забыли наши карабины!.. Поехали в милицию. Зашли туда все «под сильной банкой»…

Начальник милиции называет себя «начальником полиции». Достали бутылку водки, вылили всю ее в кубок, который милиция получила за что-то. Двинулся кубок по кругу. Каянта стал читать стихи и танцевать. Ночь уже, милиция полна бичей и каких-то субъектов, а поэт читает нараспев стихи, и все слушают… В дверь ломятся просители, их не пускают… Странное зрелище.

Да, до этого днем видел в пельменной одну девочку, она выписывает чеки и деньги получает. Удивительное лицо, глаза глубокие-глубокие, голубые. При этом смотрит на всех, как на людей, которые стремятся ее обмануть, но знает, что этим смешна, и – где-то в глубине себя – сама себе улыбается.

Наконец отбыли. Каянта в машине поет. Да проехали немного – машина сломалась. Чинились. Все это время перед фарами Каянта танцевал корякские танцы…

Приехали в Начики. Это санаторий на горячих источниках. Поместили нас в физиокабинет, дали по одеялу, и все. Главврач хотел было Балаяна – как коллегу – и меня устроить куда-то в местечко получше. Но Каянта вмиг устроил бунт. Он был бухой и страшно возмущался: мол, Косыгин – все равно что Балаян, это всеми должно быть немедленно признано, не то он уедет!

Мы поспешили все уладить и отправились с Володей (*Каянта*) в уже неизбежный физиокабинет. Там стояло двадцать

ванн, полных голубой горячей минеральной воды. Во всех кранах (в том числе в сортире) вода была горячая и газированная! Отопление санатория – от горячих источников. От Елизово это всего 60 км, но температура воздуха здесь –23 ˚С, то есть выше градусов на 30. Красотища неописуемая. Снег кругом, много собак, но они не мерзнут, так как нежатся на крышках колодцев, теплых от горячих паров.

Спали в предбаннике, около ванн. Утром отвратительный крикливый голос, да еще с хохляцким выговором, нас разбудил. Это было 6.30 утра, плюс похмелье. Плюс огромная баба с огромной жопой. Ну, да бог с ней…

…….

Всю дорогу, пока ехали, думал о доме, о друзьях… Думал о том, что за мной, как разматывающаяся леска с катушки, тянется любовь всех дорогих мне людей, и она не оставляет меня даже здесь, на краю света.

Эта мысль меня пронзила и заняла на всю нашу дорогу до Начиков.

В машине Каянта рассказывал о корячке беременной, которая начала рожать и от боли упала лицом в костер, у нее лопнули глаза, и она родила мальчика, будучи уже слепой. Мальчик вырос и стал летчиком, потом попал в отряд космонавтов и в одном из полетов разбился. Урну с прахом прислали матери. Она ничего не могла понять и все бегала, слепая, почти обезумевшая, с урной праха своего сына… Так она никогда его и не видела.

3. XI.72

Проснулся с больными боками от жесткой кушетки и с ужасающей головой…

Красотища сумасшедшая. Собаки лежат на всех крышках канализации. Снег падает огромными лепешками. Тихо. Температура –5 ˚С. Хорошо. Ничего особенного не произошло пока. Позавтракали, устроились, пообедали. Потом сходили на почту, отправили письма.

Поработал. Некоторое состояние разброда и внутренней неустроенности…

Вообще, место это удивительное. Самое снежное на Камчатке. Стало быть, заваливает его снегом под крыши, а возле горячих ключей видна земля с жухлой травой, пар клубится, и от этого с крыш ближних домов длиннющие сосульки свисают, вонзаясь в сугробы.

В столовой – официантка, с чувственным скуластым лицом и

изумительным голосом. Когда она произнесла первое слово, я вздрогнул и потом ждал с нетерпением, чтобы еще раз этот голос услышать. Что-то в нем волшебное, мелодичное, нежное… – трудно передать. Все, что она говорит, можно слушать без конца.

Вечером выступал перед отдыхающими. Ненавижу перед отдыхающими выступать. Сидят вялые и скучные, и нужно выкладываться. Клоуна им нужно…

Но потом принимали ванну. Вода минеральная бежит из крана, точней – прямо из-под земли. Бежит себе, никто ее не подогревает. Просто вода вулканического происхождения. Это изумительно. Открываешь кран, и какая-то Божья Вода откуда-то льется…

…….

Над раковиной в общем туалете чистил зубы.

– Вы знаете, Сергей Михалков когда-то, в юности, был мой любимый поэт! – сказал мне срущий отдыхающий, который вчера побывал на моем выступлении. – Я многие его стихи знаю наизусть. – И начал мне читать отцовские стихи.

4. XI.72

Утром слышал, как женщины делают зарядку в коридоре.

Потом очень интересную беседу имел с тов. Сакеевым. Это корреспондент «Камчатской правды», специалист по рыбе. Он рассказал о совершенно преступном истреблении рыбы в Тихом океане, в частности, в Охотском море.

О том, что уничтожаются целые виды рыб. Что рыбаки ловят много, но улов не успевают обрабатывать и потому выбрасывают тысячи центнеров рыбы обратно. По технологии они должны с перегородками и льдом доставлять 450 центнеров рыбы, а они привозят 600 центнеров, у них не принимают, и остальное выбрасывается в море. Кроме того, сортность рыбы определяется по 10 штукам на выбор. От этого зависит выручка рыбака. Вот попадет случайно одна из этих рыб, с чуть подранной чешуей, все – 10 процентов идет 3-м сортом. Все зависит от приемщика, а жаловаться некуда, ибо рыбаки нарушают технологию, везя 600 центнеров вместо 450. Бывает так, что рыбаки скидываются и платят приемщику 1500 рублей только за то, чтобы он принял столько, сколько есть, и по той категории, какая есть на самом деле. То есть они доплачивают собственные деньги, чтобы получить то, что заработали по праву. Потери чудовищные. Около плавбазы стоят в очередь траулеры, чтобы отдать улов, но рыба портится, проще ее выкинуть и наловить новую. А другим

плавбазам, скажем, Магаданской или Сахалинской, отдавать нельзя. Как так?! Почему?!.. А они другая область! Лучше выкинуть, но не дать им!..

И как это допущено, если государство-то одно?! Что же это такое?!.. Бывает так, что вынимают сеть, полную рыбьих останков, скелетов и голов – следы работы одного из траулеров, выбрасывающего улов, и, может быть, этого самого.

Короче, все, буквально все направленно на обоюдное усложнение отношений рыбаков и государства. Но улучшения быть не может. Чтобы все это хоть как-то улучшить, нужно отказаться от системы очковтирательства, лжи, отказаться от выдуманных, внешних принципов и символов. Отказаться от идолопоклонства, от партийного язычества. Это причина бед во всех отраслях жизни нашей страны.

Дальше весь день работал. Выводя на бумаге строчки репортажей для «Камчатского комсомольца», чувствую себя равнодушным сапожником.

Вечером опять купались в минеральных ваннах. Ощущение совершенно божественное. Вообще, приехать сюда работать над чем-то настоящим – сказка. Ванны, снег, охота…

чтобы он купил столько, сколько съест и по этой категории скоро съест на самом деле. Т.е. они должны дать собственные деньги, чтобы ~~купить~~ выкупить то, что заработали по праву потери чудовищные.

Около пивбара стоял в дверях трезвый, чтобы отдать долг. Не мог перейти, чтоб не выпить и напомнить новую. А другие пивбары, сколько последний нал сахалинской отдавал пивбар. Как же так?! Они же другая область! Лучше выпьют, но не дадут им. Государство-то одно! Что же это такое?! Вывод такой: что выпивает сейчас, поэтому остаток скелетов и голов следы работы одного из трезвых, выросшего долг, и может быть именно этого же самого.

Короче, буквально все направлено на обострение ухудшение отношений рабочих и государства. Но улучшения быть не может. Чтобы не было как-то улучшить, нужно отказаться от системы, основанной, или, отказаться от

выдуманных, ложных принципов, основой которых от идеологического аппарата. Это причина бед во всех отраслях жизни нашей страны.

Раньше, весь день работал, чувствуя себя молодым свободным выбора на будущее строить рассчитывал для "коммунизма коммунизма".

Везде были купаны в материальных благах. Будущее совершенно бесчеловечное. Вообще прекратил свою работать — скука, вялый, сон, апата.

Вечером с друзьями читали Есенина и Высоцкого в "Юности". Книга эта будет у нас и хранится среди самых ценных. Очередь за ней, как говорят, на всем Дальнем Востоке от сюда раньше где в 2-3-5 раз. Вернулись с ней мы будучи в командировке же с самим собой в 1973 году. В сейфе мы обнаружили стопку книг не раз сильно прочитанных ее в поездах, которые ту роль участвовали.

5.XI.72. Между и солнце, день чудесный. Не двигаясь, стараясь держать дорогу. День был довольно напряженный. Работал закончил сегодня поздно. Где-то в час дня обед. Пришел в столовую. Целую очередь с друзьями. Потом вернулся. Немного покурил в сквере и пошел в столовую. Конечно надо

Потом читали с Зорием «Социализм и капитализм в цифрах». Как ни странно, книга эта издана у нас и представляет собой уникальное явление. Оказывается, мы отстаем по всем отраслям народного хозяйства от стран Запада в 2–3–5 раз. Те единственные, с кем мы выдерживаем сравнение, это мы сами в 1913 году. А сейчас мы обгоняем Америку только по ржи, но зато сильно проигрываем ей в лошадях, которые эту рожь употребляют.

5. XI.72

«Мороз и солнце, день чудесный». Не завтракал, стараюсь держать форму. День был довольно насыщенный. Работал. Закончил статью. Потом главврач устроил обед, приехал Санталов. Целого поросенка зажарили. Пили водку… Потом пошли в гости к хозяину. Косыгин нарезался и все пел украинские песни. И приставал к жене главврача, похожей на жабу. Увели его домой с трудом.

Я принимал ночью ванну, один, а потом голый и чуть трезвый пересчитывал оставшиеся у меня деньги…

В туалете, уже в корпусе, два человека пили водку. (Я пришел туда чистить зубы и т. д.) Они были у меня на выступлении, привязались. Мне уже было все равно, и я махнул с ними полстакана… Кончилось тем, что один из них подарил мне тельняшку.

Лег спать.

6. XI.72

Господи, Господи, Слава тебе, Господи. Но по порядку…

День с утра был изумительный. Хотя встал затемно, так как поспорил с Зорием, что пьянка не помешает мне встать рано. Голова, честно говоря, болела. Сделал зарядку, от которой голова и вовсе кругом пошла.

Кончали статью для «Комсомолки»…

И вот опять… Опять не хватило дня. Эта женщина с изумительным голосом… Как она на меня смотрела!.. Женственная и нежная. Говорит: «Вы бы зашли ко мне на чай, я одна живу». Поговорили недолго. «Я, – говорит, – одна, не замужем. Был парень, но спирт его спалил. Я здесь работала, с

вербованными. Он ростом был с вас. А мне тогда уже было двадцать четыре года. Ну, полюбила его, женщиной стала, забеременела и все такое…»

Прекрасно она говорила и просто очень. А мне уж уезжать пора…

Там и еще одна женщина была. В лиловых брюках, с удивительной улыбкой. Зашла к нам, звала на санках кататься. Словом, не хватило одного дня.

Выехали. Дорога жуткая. Лед. Голый лед. Наш закомплексованный водитель гнал, как всегда. Сердце замирало. В результате нас понесло. Кинуло туда, сюда… – и перевернулись.

Бог спас всех нас. На такой скорости могло случиться нечто чудовищное… Стекло боковое вылетело. Раму погнуло.

Поставили машину на колеса, поехали дальше. Не знаю, что меня удержало, чтобы не набить этому супермену морду. Но я удержался. Выпил спирту, и все.

Заехали к одному камчадалу, который знал что-то про отряд Чубарова. Старик пьян был в лоскуты, толку от него не вышло никакого.

Затем Зорий делал шашлык из остатков райкомовской свиньи. Шашлык был изумителен. Пока делали его (прямо на шоссе), ни одной машины не видали.

…Выпили спирта. Уже темнело. Когда тронулись, по приемнику поймали музыку. Странно это было и приятно – вдруг среди этих снегов и сопок, где-то бог знает где, после того как перевернулись на льду, делали на морозе шашлык и спирт пили, – услышать хорошую музыку.

Рысь! Дорогу нам перебежала рысь! Я выскочил из машины с ружьем, едва не попав под колеса, но она уже ушла в тайгу.

Уже совсем поздно доехали до Милькова. Фонари, транспаранты – праздник. Устроились в интернате. Все в одной комнате. Дописываю строчку и иду пить чай.

Да! без стекла ехать было холодно – надел торбаза. Просто печки на ногах.

7. XI.72

Походил по интернату. Тут остались только те дети, которых родители не взяли на праздник домой. Маленькие, грязные, смешные дети бродят по интернату – большому и пустому…

Детей осталось мало, да покормить-то их нужно. Бабка-повариха им чего-то наварила, но работать ей, конечно, неохота –

праздник. Сидят за столом с ложками, галдят, жуют, хохочут. Большинство косоглазенькие – коряки и метисы-камчадалы.

> Выехали. Дорога жуткая. Лед. Голый лед. Наш закомплексованный водитель гнал, как всегда. Сердце замирало. В результате нас понесло. Кинуло туда, сюда…

Так вот, приехали в райком. Первый секретарь – женщина. Раиса Андреевна. Лицо порочно, склеротические жилки по щекам, курит «Беломор», видимо, пьет, но глаза хищные (должна любить мальчиков).

Нас пригласили на сцену, и началось это деревянно-картонное шествие. Выступления, лозунги… Потом девочки-школьницы долго высказывались о любимой партии, а лет им было всего-то по 9–10! Это было довольно странно, противоестественно и просто дурно.

Так трудящиеся демонстрировали свою солидарность и любовь к правительствам – своим, соседним и центральным.

Дальше – отправил телеграммы командиру, ребятам и другие более или менее «нужные» поздравления. Пришли обратно в интернат. И там опять по лестницам бегали немытые дети родителей, которым их не отдают. А как отдашь, если их папки да мамки – пьяницы-бичи?

Обедали. Потом ушел читать Достоевского, и как-то опять меня он придавил слегка. Дурной ходил после этого чтения…

Да, забыл про Косыгина смешную историю записать. Когда мы уже уезжали из Начиков, он с вечера еще не протрезвел и очки потерял. Нам ехать нужно, а у него очков нет! Так он и ушел из корпуса без них… А потом сзади раздается разбойничий свист. Стоит баба на дорожке и в два пальца свистит.

– Вовка! – кричит она. – Оптику забыл! – и, хохоча и скрипя валенками, бежит к нему с его очками в руках. Видно, он у нее и ночевал. Хулиган.

8. XI.72

Утро началось тоскливо. Работал. Потом сидели в штатуправлении. Потом поехали делать шашлык. Все это уже довольно грустно.

Пристреливал карабин и, если честно, стрелял плохо. Давило, что вечером нужно будет опять выступать.

Приехали назад. Погладился… Выступали. Как ни странно, выступление прошло хорошо. Потом поехали в гости к Алле,

завучу интерната. Косыгин там разошелся и рассказывал удивительные истории про свой народ. Истории пронзительные и трагичные. Во всех них звенит такой плач по народу своему, который и так дик, но жизнь его естественна, когда же к этой его жизни прикасается картонная рука государства, начинается трагедия… Смешной трогательный народ, которому хотят привить социалистическое идолопоклонство.

Умершего знатного табунщика, Героя Соц. Труда, похоронить решили по народному обычаю, то есть сжечь. Приехал партийный работник, говорил речь, но, по советскому раз… байству, дрова привезли сырые, да еще и организовано все было эдак – с отношением как к черножопым. Ну, сложили костер из этих дров, сверху положили мертвого этого героя и подожгли. А дрова-то сырые… И утром собака таскала по поселку кусок ноги этого бедного пастуха.

И много таких историй рассказывал Володя. Страшная картина за этим вставала. Жуткая.

Или вот: один старик, сказав своим детям, что в будущем году умрет, стал готовить себе сухие дрова. Готовил, готовил, а потом леспромхоз приехал, да и увез их.

Или еще: управлять табуном может только династия, фамилия. Стало быть, если есть табун, водит его только одна фамилия – все родственники. А им приказали внедрить *почин Гагановой*, то есть передовому бригадиру переходить в отстающую бригаду. И как такое здесь возможно? Это все равно что назначить человеку отца, или жену, или брата.

И вот старый пастух, Герой Соц. Труда, приехал в чужой табун. И захирел там совершенно, так как не принимают его вовсе. На кошме сидит в углу, никто его не слушается и не слушает, да он и не смеет говорить ничего. Он гость – и к нему с уважением, но уж в семейные дела не пускают.

Все это так похоже на то, что у нас. В сущности, все одинаково. Народы разные, обычаи разные, но причинно-следственные связи совершенно идентичны. Любое насилие, любая акция государства без учета привычек народа, обычаев, сущности его естества – все это приводит к трагедии либо карикатуре.

Каянта рассказывал, как мальчика-коряка выгнали из интерната за то, что он под подушкой держал камень, рыбу и оленьи ножки, из которых мозг сосал. Это его необходимость, а ему китайскую курицу дают в банках. А он ее не ест. Сидит, смотрит молча на всех и мечтает о рыбе и оленьих ножках.

Вообще, рассказы Каянты о своем народе пронзительны.

А потом пошел спор с нашим «комиссаром». Ох, какая же он

гнида! Был он с женой – тихая моль. Окончил пединститут, проработал год учителем и бросил. Вообще бездарен и ленив. Но жить-то хотца. А куда у нас бездарному человеку, да еще бездельнику и демагогу? В комсомол. На руководящую работу.

Теперь читает лекции об империализме. Равнодушный, циничный, бездарный – и еще хочет казаться убежденным и искренним. Я его так к стенке припер вместе со всей его партийной философией… Он мне в ответ пытался доказать, что все наши беды от «плохих людей». Именно так и сказал: «Плохие люди нам мешают жить, а хорошие помогают!» И это – руководитель.

> Смешной трогательный народ, которому хотят привить социалистическое идолопоклонство.

Теперь его мечта – поступить в ВПШ. К тому же он тихий завистник. Жена его теперь тоже бросает педагогику и переходит на комсомольскую работу. Мерзость какая! Тихие гниды, черви. Вялые, но убежденные трутни.

Пришли домой поздно – злые и веселые, по крайней мере мы с Косыгиным и Балаяном. Долго еще трепались. Косыгин вовсе разошелся и два часа читал мне свои дневники. Это хороший, трепетный мир, нежный и чистый. Но записан от чувственности торопливо, иногда не очень хорошо со вкусом.

Лег спать.

9. XI.72

Встал, сделал гимнастику.

Алла Васильевна. Завуч интерната. 25 лет. Экзальтация полная плюс комплекс провинциалки. Кажется, и не вполне нормальна. Во всем пытается доказать свою неслучайность в этом мире. Играет, хохочет, кричит. Самую простую мысль, банальную, пустую, высказывает с такой экзальтацией, хохотом, напором, что даже становится страшно.

Например, с криком и хохотом, буквально захлебываясь, может сообщить, что «Так хотела пить, что напилась компота, и теперь совершенно не хочется есть суп!!!» Болтает чушь без умолку. Пытается сообщить о себе самые разнообразные вещи, причем все одновременно: «Я вообще все время по телефону общаюсь! Ну, а как же? Времени-то нет: школа, интернат, вот родителям сейчас пойду дрова рубить, а как же? – я ведь спортом занималась, и первый секретарь райкома, она тоже занимается спортом, я ее знаю в лицо! Ну, а как же не знать? – сама мне

партбилет вручала!..» И так далее, и все без умолку, тараторя, хохоча и вскрикивая.

Есть у нее дочь, очень капризная девочка.

Муж погиб. Алла говорит об этом так, «между прочим», но дает в то же время понять, что говорит так не от равнодушия, а оттого, что не желает распускаться и показывать на людях свое горе. Но именно этого-то ей больше всего и хочется. Чтобы слушали ее и жалели. Вообще, баба, конечно, несчастная. Много таких в России есть и было. Дочку свою любит очень, воспитывать не умеет. Чистоту возводит в культ, хоть сама и неопрятна.

Вечером нас повели на встречу со стариком, которому 82 года. Для Камчатки это все равно что на материке 150. Ужасно грустная была встреча. Дед еле слышит и чуть видит. Зубов почти нет, но память хоть и путанная, но светлая. Старый, трогательный, нищий дед. Забытый всем миром. Комсомольцы обращаются с ним как с «социалистической собственностью». Дед в 1923 году вывозил из Мильково командира Зенкова. Пока это единственный старик, который что-то помнит и может быть нам полезен.

Так вот – дед. Зовут его Кошкарев Иов Пектович. На материке никогда не был. Паровоза никогда не видел. Был у него сын, в 1942 году он ушел на войну и не вернулся. Иов Пектович – дед одинокий, скромный и трепетный. С 1954 года он уже не охотился и не рыбачил, то есть практически потерял всякую возможность кормиться, ибо прежде жил только охотой и рыбалкой. Жена умерла. Никого на целом свете у него больше нет.

Привели старика к нам на встречу, на разговор. Вели по коридорам райкома. Ввели в кабинет. Хозяина кабинета не было, и старика посадили в кресло, за стол, под портрет Ленина. Стол с сукном зеленым. Как это ужасающе, страшно и пронзительно! Старый, забытый всеми дед под портретом Ленина на месте второго секретаря райкома, в его кресле.

С 1954 года он жил на пенсию в 20 рублей. Сестра его 78 лет получает 30 рублей, да есть еще одна сестра, совсем слепая, 68 лет – та без пенсии вовсе (каких-то документов у нее нет). Вот так они и жили втроем, на 50 рублей. Молчал дед и не ходил никуда – так и надо, мол. Вот уж Россия-то: или бунт черт-те с чего, или всю жизнь добровольное рабство.

Старик говорит, бывали дни, когда в доме и хлеба кусочка не было. Нашли Иова совсем недавно, пенсию прибавили до 60 рублей. И теперь дед говорит: «Нынче все хорошо». Купили ему костюм, а он верхнюю одежду называет «лопатишка». Хорошую одежду не носит, говорит, что бережет – в гроб ложиться. Хочу,

мол, лечь красивым.

Как же они живут, эти три полуслепых человека? Ухаживать за ними некому… И на все согласны. Что же это за нация – на все согласная?..

Дед глуховат, так что если не нужно, чтобы он знал, о чем при нем говорят, достаточно говорить как обычно, не повышая голоса. А он сидит и, как раненый селезень, головой в разные стороны вертит.

Если же циничным и самодовольным комсомольцам угодно поговорить с самим дедом, они покрикивают на него сквозь улыбки.

10. XI.72

Утром поехали к деду – снимать его. Он чай пил со старухами своими. Засуетился, задергался. Да, забыл сказать, «государство ему помогает», как он сам нам сообщил. Как коренному камчадалу, ему дано недавно право на отлов рыбы. И это он считает помощью! Ему ежегодно выдают бумажку, которой он вот уже с 1954 года не может воспользоваться, так как на рыбалку не ходит – сил нет. И ловить рыбу некому.

Сняли мы старика, поговорили. Он проводил нас до машины, пожал руки и говорит: «Спасибо, что как с человеком со мной обошлись». Я чуть не заплакал.

Потом должны были устроить шашлык для Софроновой – секретаря. Поехали в лес. Хороши контрасты.

Я сказал ей, что деду нужны сапоги. Обещала помочь. Вообще, все это не стоит того, чтобы описывать, вот разве что одна ее история: когда Софронова приехала сюда комсомолкой с длинными косами, устроилась секретаршей в райкоме. Машинисткой. Много было работы. Печатала целый день. А первый секретарь и председатель райисполкома все ею любовались и даже попросили ее, пока она работает, разрешить им расчесать ей волосы. Она разрешила. А косы у нее были до колен. Они начали расчесывать… Это же с ума сойти. Печатает машинистка. Ночь. Райком. Два начальника расчесывают ей волосы, и приемная полна девичьих волос. Кафка!

Поехали домой, но все же заехали к Алле Васильевне, которая, как я заметил, все время таращит глаза, чтобы они казались больше. Так вот, почему-то приехали к ней. Я был дурной и тяжелый. Все пили чай, только Косыгин несколько нарезался.

Потом мы вернулись, а Балаян пал. На летном поле под прожекторами лишил Аллу иллюзий. Утром представляю, что с ним будет. Я, честно говоря, таких баб боюсь, как огня.

11. XI.72

Так и есть. Балаян сидит, обхватив голову руками, и ждет прихода Аллы, как каторги. Это, конечно, начнутся многозначительные взгляды, томные недомолвки, вздохи и шепот на лестничной клетке.

За их отношениями наблюдаю с удовольствием. Балаян сам и хохочет, и страдает. Ох, и сволочи же мы!

Этот интернат меня допек. Мало того, что приходится все время заниматься какими-то дутыми цифрами и воспеванием советской власти, мало этого, так еще дети в коридорах сводят с ума.

Боже мой! Ну как же, как же возможно, чтобы из них выросли интересные или хотя бы приличные люди? Как они разговаривают друг с другом! Как они играют!.. Ведь никто ими не занимается. И точно так же, как на них рычат, вопят и орут воспитательницы, так и они орут, вопят и рычат друг на друга… Боже мой! Как же это возможно? Они все время варятся в собственном соку. Ни притока к ним, ни выплеска нет. Малограмотные няньки, полуграмотные дети. Какое уж тут образование! Какая уж тут смена…

Достали свежей рыбы. Балаян обещает кормить впредь ухой. Готовит пока он отлично.

Уху дочиста съели – изумительна. Потом Зорий, по общему нашему мужскому закону подлости, ушел к Алле…

Я сел на кровать и смотрел на фотографию Степана. (На этом фото моему сыну 6 лет.)

12. XI.72

Утром собрались, выехали из Милькова. До этого заходили в райком. Сафронова вручила нам второй приемник. Попрощались.

Наш «УАЗ» на вертолетной площадке. Ноябрь 1972 года

Улицы пустынны. Воскресенье. Поехали. Дорога здесь широкая, расширена для лесовозов. Кругом по обочинам выкорчеванные корни деревьев. Зрелище мрачноватое…

Едем и едем себе, потом «супермен» попросил меня его сменить. Ради чего, я понять не могу – то ли из-за того, что утром на него попер, то ли еще финт какой-то. Короче, дальше «УАЗ» повел я. Машина верткая… Попали в многокилометровый сожженный лесным пожаром участок. Страшное зрелище. Миллионы голых, торчащих в небо обгоревших палок.

Потом опять вел «супермен». Проехали Долиновку, Таежное… Остановились в Атласово. Поселок назван в честь казачьего атамана Атласова, приведшего на Камчатку своих людей. Поселок большой – около 1500 человек. Зона, зэки. Здесь содержатся особо тяжкие преступники, которым расстрел заменили этим лагерем. Лесоповал.

Вечером выступали. Принимали хорошо… Где же это я теперь нахожусь? Куда это меня занесло?

13. XI.72

Снится дом. Почти каждую ночь сны уносят меня на материк. К милым моим друзьям, Андрону, маме, отцу, Степану. Удивительно – расстояние и время стирают все лишнее. И если

там, вдали, общение бывало омрачено чем-то, но в своей сути имело что-то доброе – здесь только это доброе в памяти и остается.

Или снятся страшные, кошмарные сны. В основном они связаны с армией: то я опаздываю из увольнения, то мне кажется, что я уже демобилизован и веду себя как демобилизованный, но тут оказывается, что это ошибка, и нужно начинать служить сначала. То снится какое-то начальство. Вот советский все-таки я человек! Снится начальство, а я в этих снах – какое-то хихикающее, уничижающееся существо. Вот уж отвратительно. Просыпаюсь в поту и ужасном настроении.

Вчера приснился вовсе кафкианский сон. Приснился Брежнев, но в виде женщины. Все как у него – и лицо, и брови, но только он – женщина. В женском костюме, в юбке. И я никак не пойму, как его называть. То ли Леонида Ильинична, то ли еще как?!..

Сидим в Атласово, ждем вертолета. Внутренне мечусь – от количества задумок, которые нужно осуществить. И для денег, и для радости.

Поехали в лес к лесорубам…

Это мощно и интересно. Вот уж где поистине возможности нет сачковать, да и надобности нет! Сколько заработал, столько и получил. Авторитет позы, фразы… – здесь с этим некуда деться. Все, что ты можешь, – выкладывайся, и за это получишь.

11 бригад, в каждой по 4 человека, работают на лесосеке. Работа тяжелая, но они ее любят. Что-то есть в ней варварское, мужественное. Вообще, варварство у России в крови, оно приятно! Просто приятно свалить дерево, а когда за это еще получаешь 500–800, а то и до 2000 (!) рублей в месяц!..

дило.

Утром шлемся на стойбище в тайгу. Сверху видел этот музыкальный пейзаж. Красиво скорбно.

Сели. Катаем всего 20 минут. Тайгуна нет. Он ушел до сопки. По дыме чума. Мало. Катя сопки светло-синие снежные вечерние. Марево по небу и мороз два, градусов 25.

Стоит яранга (чума) без печурки с высокими торбозами и длинных кухлянках нас встретили, приветливо улыбаясь. Ужин свои глаза от стойбищного быта которой приспособлен к бывшему. Это все хорошо. Внутренний быт. Мы обменялись этим мозгом жили одни и те же, только "Буфовы" далеко на Советскую власть, а в чуме заставляет вступить фактура человека. Снежные, бесстрастные, вечерние. Казались твердые, как камень. Самая старшая бабушка Эмка смотрела на нас прищурив глаз ей было рукой. Сама она маленькая ей 89 лет. Подвижна, шумлива и гибка. Каждый шаг на ее долю жизни своего особой жизнью. Зовут ее Мария Арсентьевна Аруккаева. Она потом шила на кухонке нашей станции. Нарты" но сказала, что без пушки не ходит, и "промыла.

Всего в яранге 5 человек. Это они пасут табун в 2000 голов. Старик 55 лет. Говорит что у него да всю жизнь не было никакого фотоаппарата. Костер в яранге горит собаки спят у входа, нарты, на цепи висят на олень шкуры, грузы, дуги в шалашке для дыма, малицы, ежегодно меняют, косолапенький и маленький торбозах сидит на шкуре.

Бригадир молодой, но бедный. Отвечает и думает на вопрос: "Есть ли у них медицинская помощь? Сказал, что врачей они не видят, только знают, что в районе есть больница, но дело им в ноябре прислали мазь от комаров.

– Кино у вас бывает?

– Да. Вот туру смотрим, дым от костра. Они все понимают, эти ребята, но плохо –

Психология этих ребят не похожа ни на какую психологию работников других профессий. Они все зависят друг от друга. Комплексные бригады – взаимозаменяемость. И что удивительно: дай столько зарабатывать любым другим, так те просто умрут от пьянства. А тут – нет. Пьянок ни одной. За прогул выгоняют с работы, сразу. За нарушение техники безопасности лишают «тринадцатой зарплаты», 50 % льгот, заработка. Если стоишь в очереди на квартиру – лишают очереди.

Плохо работаешь, ребята сразу выгоняют из бригады. И все – ни в одну бригаду тебя больше не возьмут. Вот она – заинтересованность! То есть все в твоих руках. Все. Хочешь иметь – работай. Чем больше работаешь, тем больше имеешь. Удивительно для нашего-то государства.

На лесозаводе работают зэки, имеющие сроки от «восьми» и выше. Бегать не пытаются. Работают хорошо. На «книжки» откладывается по 25 %. Остальные деньги распределяются так: 25 % на питание; 25 % на обмундирование, а 25 % на содержание собственной охраны. Это удивительно: хозрасчетный лагерь, который платит себе же, своему персоналу, зарплату и содержит собственную охрану. И при всех этих расходах ежемесячно на «книжку» откладывается до 200 рублей. Это моя зарплата и. о. режиссера-постановщика на «Мосфильме» или две зарплаты врача.

На руки же зэки получают примерно 15 рублей в месяц. 5 р. на «табак», 5 р. за вырабатываемый план и 4 рубля, если не сделали тебе замечаний.

Моя «зарплата» на флоте – 3 р. 80 коп.

В лесу смотрел, как эти парни валят свои «хлысты», так называются стволы, валят один за другим, валят и валят… Вспомнились мысли Достоевского о том, что русскому человеку всегда необходим смысл в деле. Необходимо знать, что дело твое кому-то нужно. То есть нужно не какому-нибудь человеку конкретно (как раз это не важно), а нужно людям вообще, какому-то их делу, пусть только как частица этого большого дела… А вот если валит он эти «хлысты», валит, а все это почему-то остается бесполезно… Как в том эпизоде (кажется, «Записки из подполья»), когда одних каторжников заставили переносить бревна в одну сторону, а других – в обратную, и когда они об этом узнали, начали они помирать вдруг один за другим…

Конечно, Достоевский писал о труде бесплатном, которому необходим хоть какой-нибудь стимул. Этим-то платят, но важно и

то, что их душа пока спокойна…

Леспромхоз богат сказочно. Кормит его Япония. Древесина сплавляется плотами по реке до Усть-Камчатска, а оттуда в Японию. Древесина – лиственница. Дерево это дорого очень. Дерево-труженик. На отделку не годится, обрабатывается тяжело, вида не имеет, но по прочности уникально. На сваи японцы покупают в неограниченном количестве. Теперь *мулевой сплав* запрещен, то есть просто сплав леса без плотов. Официально 6 % сплавляемого леса давалось государством на утоп. За многие годы дно реки Камчатки просто выстлано этими топляками. Под Крапивной затонул катер, его хотели поднять, так водолаз, который пытался подцепить его, не мог сделать ни шага – мешали стволы деревьев, которыми усеяно дно. Река гибнет. Гибнет рыба. А ведь древесина эта составляет настоящий клад. Миллионы кубометров дерева лежат там. Японцы просят. За все платят золотом. К тому же, видимо, необходимо спасти реку – рыба уже не возвращается домой на нерест. Но никто об этом не думает, хотя рентабельность проекта очевидна: затраты необходимые на подъем топляка со дна с лихвой окупятся продажей этого леса Японии.

Лиственница на Камчатке

Кроме того, всю дорогу от Милькова до Атласова, по обе стороны нее, мы видели огромное количество изуродованных деревьев. Когда прокладывали трассу, лес корчевали, и вот он лежит теперь – гибнет. Мильково же задыхается от нехватки дров, возят их бог знает откуда – рубят березу стоячую, рубят на дрова! А тут лес лежит уже поваленный, погибший для промышленности, но годный для топки печей.

Рыба возвращается на нерест

Словом, СССР в действии. Причем отходы не учитываются. Как же тут должны воровать! И воруют, невозможно иначе. Воруют у государства и приписывают, ибо учета множеству отходов древесины не ведется. Это никому не нужно!

План есть. Лес есть. Все довольны. А необходимости считать все остальное – нет. Фантастическое государство. Потом, в один прекрасный день, когда вдруг запасы истощатся, начнут считать, смотреть, а после сажать и расстреливать, потому что выяснится – миллионы украдены, миллионы…

Нам просто так подарили свиную ногу, 100 патронов, 5 кг луку и т. д. и т. п. Сколько же нужно воровать, чтобы вот так запросто все это открыто подарить? Ведь не свои же деньги они за это заплатили. Значит, себе можно взять и побольше, и получше.

Неблагодарно так писать о людях, которые помогли, но они не виноваты. Это система заставляет их воровать. Ежедневно провоцирует, подталкивает, заставляет.

Балаян разделывает мясо. Ждем вертолета. Обещали завтра. Но что-то подозрительно задуло. Не засесть бы.

Да, совершенно забыл такой показательный пример. Вальщик Лукьянов, 28 лет, дважды награжденный знаменем «Камчатлеса», был премирован также два раза премией в 200 р. (в 1971 году и в этом), но ни разу эти суммы ему вручены не были! В свою очередь и он ни разу не обращался за этими деньгами ни к кому. То ли забывал, то ли ему было неловко, из-за высокого заработка. Но сам факт – 400 рублей, и вот так брошены. Трудно себе это

представить в наших (московских, ленинградских и т. д.) условиях, хотя бы в среде творческих работников.

Вечером заварили собранные в пути мороженые ягоды крыжовника и пили этот отвар, очень вкусно… Но Балаяна и меня пронесло.

В течение всего дня, в разное время, пронзительно вспоминал дом и вообще разное. А мир живет, воюет, трудится, танцует…

14. XI.72

…Готовимся перебросится в Эссо.

Володя вечером рассказал о шамане Федоре Бекереве. Бекерев был лучшим в этом краю шаманом, а все дети его стали кто председателем колхоза, кто председателем райисполкома и так далее. (Жена Федора, Аграфена, – шаманка еще более, чем сам Федор.) За день до смерти Бекерев убил лучшую свою собаку и целый день гулял по лесу, потом пришел и помер.

Камчатский оленевод со своими подопечными

И еще одну трогательную историю рассказал Володя. Оленям в тундре не хватает соли весной. И вот однажды, в начале весны, нужно было перегнать оленей через реку, но река уже вздулась – и олени никак не хотели в нее лезть. Полдня мучились молодые пастухи, но пришел старик, плюнул и стал их ругать. Он на лыжах перебрался на ту сторону. Снял штаны и крикнул: «Э-э-э-

й!» Все стадо на крик обернулось, стало смотреть на ту сторону. А старик начал ссать – и молодняк, увидев мочу и поняв, что там соль, кинулся в реку, и все стадо следом за ними бросилось на ломкий лед.

* * *

Пишу ночью, при свече, не получилось иначе… Но по порядку.

Ждали вертолета. Ждали долго. Зорий сказал, что тот, кто увидит его первым, заработает сто граммов спирта сверх нормы. Я старался и заработал. Прилетел наконец вертолет. Но до этого мы долго сидели в нашем «уазике» молча и ждали его. Это была хорошая кинематографическая пауза – стоит посреди летного поля машина. В ней – люди, все они молчат и напряженно вслушиваются в тишину – не слышно ли звуков мотора…

Прилетел, поднял вихрь снежной пыли и сел. Погрузились. Вещей масса. Но быстро все перетащили и наконец-то распрощались с нашим «суперменом», которого я возненавидел.

Итак, погрузились и полетели. Мне все время почему-то было страшно (хотя летал-то я много, но тем не менее). Долетели до Эссо. Это в горах…

Эвенки, мама и сын, в 70-е

Место сказочное. Просто сказочное. Кругом сопки. Горячая лужа, которую забетонировали, и она стала бассейном. Эвенкский район. Живут тут ламуты (т. е. эвенки), как их называет Каянта – «камчатские евреи». Район чуть ли не самый маленький – всего три села.

Разместились в гостинице, в одном из номеров которой живут шесть учительниц, закончивших в этом году Московский пединститут им. Ленина. Разместились с трудностями, впрочем, как и всегда.

Пошли в райком. Попутно узнали об одной смешной особенности сего места: райком находится на одной стороне реки Быстрая, райисполком на другой. И когда эта река разливается, связи между ними никакой, так что на это время в поселке естественным образом возникает «двоевластие», причем решения одного органа власти могут быть полностью противоположны решениям другого.

Вечером выступали, что-то очень мне было трудно (но – «раз на раз не приходится»!). Потом поужинали и легли спать.

15. XI.72

Утром полетели на вертолете в табун. Видел сверху этот изумительный ландшафт. Красиво, сказочно.

Сели (летели-то всего минут 20). Табуна не было. Он ушел за сопки.

Здесь была только пурга. Хотя солнце прорывалось сквозь ветреное снежное марево, но мело сильно, и мороз был градусов за 25.

Стоит яранга. Два ламута в высоких торбазах и замшевых кухлянках нас встречали, прикрывая узкие свои глаза от вертолетного ветра, который ненадолго примешался к Божьему.

…Первобытный строй! Тысячелетиями эти люди жили здесь, и абсолютно так же(!), разве что «Спидолу» дала им советская власть да в партию велит вступать. Фактура гениальная! Бескрайние снежные, обтертые ветрами барханы, твердые, как камень. Сумасшедшая бабушка, эвенка, смотрела на нас, от пурги прикрыв глаза рукой. Очень маленькая и, хотя ей 89 лет, изумительно пластична и гибка. Каждая мышца на ее лице живет своею особой жизнью. Зовут ее Мария Афанасьевна Адуканова. Она потом пыталась по просьбе нашей танцевать «Наргиле», но сказала, что «Без бутылки не то!», и бросила.

Всего в яранге живет 5 человек, это они пасут табун в 2000

голов. Старику всего-то 55 лет. Говорит, что у него за всю жизнь не было ни одного дня отпуска. Костер в яранге горит, собаки у входа, нарты, на цепи казан над огнем, шкуры, грязно, дыра в потолке для дыма, младенец, смешной мальчик, косоглазенький и в маленьких торбазах, сидит на шкуре.

С семьей оленеводов

Бригадир молод, но беззуб, остроумен и ироничен. На вопрос, есть ли у них медицинская помощь, сказал, что врачей они не видят, только знают, что в районе есть больница, зато им в ноябре прислали мазь от комаров.

– Кино у вас бывает?

– Да. Вот пургу смотрим, дым от костра.

Они все понимают, эти ребята, но положение-то их такое: никуда не деться. Их жизнь в тундре. Кто бы их ни грабил, им деваться некуда. Кто бы ни обманывал – выхода у них нет. Юрта, костер, собаки, пурга, олени, жизнь. Все остальное – пустое. У них нечего отнять и некуда их сослать. Оттого они улыбаются,

смеются, показывают в ноябре мазь от комаров, и бабушка просит выпить.

– Кино у вас бывает?
– Да. Вот пургу смотрим, дым от костра.

Улетал я от них в тоске и грусти, в жестокой тоске.

Прибыли в Эссо. Был звонок от первого секретаря обкома ВЛКСМ, который шумел – говорил, что мы поносим комсомол и вообще «подрываем все!». Это, конечно, жена нашего комиссара звон пустила по инстанциям. Не пропал тот вечер даром.

Уже часов в шесть поехали в совхоз «Анавгай». Это национальное село оленеводов. Мороз был приличный, дорога сложная, но ярко светила луна… Приехал с нами туда и завотделом пропаганды райкома, алкаш-эвен.

Над поселком дым стоит столбом от труб. Ветра нет. Только в морозном воздухе далеко-далеко разносятся песни Бюль-Бюль-оглы о Баку и других теплых странах. Смешно и пронзительно.

Выступали. В конце заставили петь «Я шагаю». В первом ряду очень серьезно сидели дети лет пяти-шести. Вообще все ламуты и их дети сидели, сплетя пальцы рук на животах… В этот день у них было перевыборное собрание в рабкоме, и по сему поводу новый председатель устроил пьянку, отчего в зале большая часть зрителей была в кусках. После выступления угостили и нас. Косыгин, естественно, нарезался и пел.

Приехали «домой». Свет в Эссо вырубается в 24 часа, так что уже было темно. Но все же я решил пойти в бассейн.

Вот с этого-то я и хотел начать писать сегодня! Это фантастика. Вот идешь по улице. Темно, хоть и не очень. Луна все-таки. Ну да, в руках у тебя полотенце, мочалка, мыло и шампунь, вроде бы все как положено, но не то чтобы в воду какую ступить, а просто руки из рукавиц вынуть страшно. Мороз! Снег хрустит. Иней на проводах. А над бассейном – пар! Но не хочется даже представить, что будешь сейчас раздеваться. От одной мысли становится жутко! Но все же…

Горячий бассейн в Эссо

Я разделся. Ноги примерзли мгновенно к бетонной плите. Все тело прожег холод. Я подбежал к воде и влез в нее. Боже мой! Боже мой, какая это сказка! Ключевая, горячая, мягкая вода под нависшими над ней тяжелыми от инея телеграфными проводами. Я мылся и плавал – и не верил, что я это я и что это вообще возможно.

Оттого, придя домой, не мог не записать все это. Когда собирал (уже одевшись) свои шмотки – мыло, мочалку, шампунь, – с трудом оторвал их от снега – за минуту примерзли.

Пришел домой, заледеневшую мочалку прицепил на гвоздь, и только когда уже сел писать, она оттаяла и шлепнулась на пол.

Еще из впечатлений, которые просто невозможно все подробно передать (особенно с моей эмоциональностью): видел дом, у которого чердак заколочен большими кусками коры. Это красиво. Хорошая фактура для какого-нибудь эпизода.

20. XI.72

Пропустил несколько дней, так как не было времени писать. Но по порядку. Утром поехали на забой, а до этого был еще занятный вечер. Меня пригласил к себе зоотехник – посмотреть его ленты кинолюбителя. Познакомились мы, когда летали в табун. Лицо его привлекло мое внимание сразу. Мужественное, красивое, суровое. Широкоплеч, молчалив. Я заговорил с ним.

Молчалив, но точен и лаконичен в ответах.

Вечером я был у него. Обалдел. Чего только у него нет! Просто сокровищница. Шкуры, национальные одежды, бубны. Красиво, удивительно. Потом показывал свои фотографии. Очень интересно. Вообще, снимать его нужно. Фактурен, похож на Тасиро Мифунэ. Сам шьет себе замшевые одежды и меховые шапки. Ну, конечно, «махнули». Разговорились…

Кораль с оленями

Интересный парень, что и говорить. Я от него ушел, но следующим вечером сам позвонил ему, чем-то привлек он меня. Мир у него интересный. Говорит: «Приходи». Пришел, а у него две эвенки. Сели, потрепались и так далее. Словом, в ночь эту я пал. На шкуре медведя.

Утром уехали на забой. Это жестокое зрелище. Должны забить в этот сезон всего 1500 оленей. На этот раз их было 250. Кораль – огороженный загон-лабиринт, в котором одно отделение от другого отделено черными занавесками. Жутко смотреть, как на ветру, под открытым небом среди снегов и сопок, развеваются черные занавески, между которыми, биясь рогами, мечутся олени. Потом партию штук в 5–7 «отбивают» и загоняют в малый отсек, и там из мелкашки стреляют в упор, в лоб. Олень падает на колени, и его тащат. Взвешивают, затаскивают головой на врытую в землю бочку и перерезают горло. Кровь хлещет в бочку, потом его заносят на этакий эшафот, сколоченный из досок, и «пластуют».

Шкуры в одну сторону, мозги в другую, языки в третью и т. д.

Забой оленей

Поели мяса оленьего. Подарили нам шкуры и рога. Я их не взял, куда мне к моим-то, да еще и оленьи. Ребята поехали домой, и я поехал тоже, но только для того, чтобы взять карабин и патроны. Меня пригласили в тайгу на охоту…

Вернулись в Анавгай. Тут я провел три дня, но пролетели они, как один. Это было изумительно. Странно: ехал-то сюда, а возвращался мыслями домой. От этих мыслей слабнут колени, и поет, поет где-то внутри. Сладки мысли и радостны. То Степана перед собой вижу, то отца с матерью, то ребят, то девок своих, дур-куриц!

Приехал к плотнику Коле (*пригласившему меня на охоту. – **Современный комментарий автора***). Лицо у него похоже на кукольную карикатуру на самого себя, сделанную у Образцова. Морщинистое, с оттопыренными ушами, и выражение на нем все время удивленное. Голова маленькая на тонкой шее. Остроумен и добр. Говорит, например, дочери: «Не балуйся, а то прибью гвоздем к стенке!» Та хохочет, аж на пол валится. Жена его – эвенка, фельдшер-акушер. Веселая, хорошая хозяйка. Держит мужика в руках. Она, например, на роды по вызову едет и его берет, воду греть и вообще дела делать. Он покорно поднимается и едет с ней, и днем и ночью. Дети у нее взрослые были, но не от Коли. Мужа ее первого зарезали спящего, из-за ревности. Еще там был очень здоровый парень. Наполовину грек, из Харькова. Зовут

его Виктор. Глаз умный, хитрый, губы тонкие, злые. Родители на материке, но отношения с ними странные. Кажется, сидел. В отношениях со мной сначала был ироничен и пренебрежителен.

А еще там были Тюлькины. Замечательные Тюлькины. Горьковские. Волжские. Веселые, смешные. Она – Рая – с удивительным русским лицом. Волосы соломенные, глаза голубые, а ресницы и брови белые. Володя, муж ее, – механик. Зубы кривые, хохотун и простак. Добр и открыт. Дочь их, Таня, на мать похожа. Ну, опять же выпили. Пошли волжские песни…

Утром ушли с Колей на охоту. Красотища неописуемая. Снег, сопки лиловые, солнце всходило, и речная вода (река тоже зовется Анавгаем) – холодная, быстрая и совершенно изумрудно-зеленая. Шли по тайге, пробирались через завалы. Тяжело – чапыга, кедры… А поскольку поговаривали, что в округе объявился медведь-шатун, кроме ружья я тащил и карабин. Измучился, но молчал. Понял, что торбаза – вещь гениальная. Легки, мягки, теплы.

> Старейший комсомолец с пафосом просил нас передать соседнему району дословно следующее: «Передайте им, что мы есть, что мы живем здесь!»

Ничего, кроме соболиных следов, не видели. Лайки бегали молча. В конце спугнули глухарку, которая пронеслась на «бреющем» полете у нас над головами. Стрелять не стали.

Пришли домой. Ах ты, Господи, что это за наслаждение – сесть на табуретку у печки после того, как пробежишь по тайге 20 верст, и вытянуть ноги! И посидеть так. Тело ломит, плечи болят, но благодать.

Сели обедать, ели оленьи сердца, пили спирт и разговаривали. Я должен был уезжать, но не вышло. Загудели. Пришли Тюлькины, потом Виктор, еще гости, и понеслось!.. Вечером пошли на танцы и плясали до упаду, так что на мне чуть торбаза не сгорели. А ироничный поначалу Виктор оказался и вовсе прекрасен. Возил меня на мотоцикле, да так, что я чуть от страху не помер…

Легли спать, а утром я сбегал, принес три бутылки, и завелись опять. Пошли на реку ловить гольцов и водку пили прямо на льду. Стреляли в цель из мелкашки. Я стрелял лучше всех, это чистая правда.

Вернулись в дом, варили застреленного «на рыбалке» зайца, и я опять бегал за «бескозырочкой». Девки наши совсем обалдели – и пили, и пели, и все подтягивались какие-то новые люди, и не было празднику конца. Я устал и прилег. Уснул… Но тут приехал Володя Косыгин за мной. «Я, – говорит, – по тебе соскучился,

поехали домой». Да какое там! Опять побежал. Володя выпил и моментально запел. И как ведь пел хорошо!..

Потом ко мне подошел Витя и говорит:

– Слушай, ты знаешь, к нам кто ни приедет – все шкуры просят, а ты – нет. Ты нас всех этим прям-таки купил. Вот тебе от меня сумка пыжиков, а Толька тебе вот, смотри, медвежью шкуру держит и барана дубленого, и тарбагана на шапку, и кухлянку. Мы тебя полюбили, и ты нас помни!

У меня слезы так сами и побежали. Но уж он пошел плясать и петь. А Рая горьковская поцеловала меня в губы и смеялась все.

У машины все столпились и шумели. Русские люди – неуемные!

Приехал домой пьяный и расстроенный…

Утром уезжать. У меня же, естественно, «головонька бо-бо, денежки тю-тю». Но ничего, начали собираться. В 8.00 нас ждали в райкоме партии.

Приехали. А там в кабинете секретаря сидит все бюро. При галстуках. Сама секретарь в черном костюме. Стали толкать деревянные речи. И трогательно все это было, и глупо ужасно.

Выступал старейший коммунист, всю жизнь проживший на Чукотке. Мало того, он еще оказался евреем. Верно Валентин Ежов сказал: «Уж если еврей сильный, так такой, что страшно, если глупый, то глупее не бывает, уж если северянин, то из всех северян северянин».

Потом выступил старейший комсомолец, который с пафосом просил нас передать соседнему району дословно следующее: «Передайте им, что мы есть, что мы живем здесь!» – и замолк. Просто по Андрею Платонову!

Подарили нам кукули (мешки спальные), термосы и рога оленьи для передачи в соседний регион.

Позавтракали, сели в вертолет и улетели в Козыревск. Ну и, естественно, забыли в Эссо все мои пленки, а также ботинки и кеды.

Из Козыревска нужно было лететь в Усть-Камчатск. Бортов нет. За вертолет платить нечем. Наконец через обком договорились. Над нами пролетал «Ли-2», его по рации вызвали, посадили, и он нас забрал.

Сели в Усть-Камчатске. Устроились. Балаян сварил подаренные нам оленьи языки. Это изумительно вкусно. Дрова мы с Женей (*один из секретарей обкома комсомола. –* ***Современный комментарий автора***) украли у соседей…

Очень трудно записывать в один присест впечатления нескольких дней. Чувствую, что многое теряется. Постараюсь

впредь быть в этом отношении более оперативным.

Когда я сидел у ребят в Анавгае, подумал, что для русского характера очень важно, и даже необходимо – то есть то, без чего русский человек жить не может, – это возвращение. Всегда – возвращение. Потому, когда я от них уезжал, сходил сначала к горячему озеру и бросил в воду монетки, чтобы сюда вернуться. На обратном пути от озера, правда, упал здорово.

И еще: зрелость человеческая – это способность не оценивать других раньше времени. Уметь подождать, присмотреться, почувствовать изгибы характера, его странности, причуды.

21. XI.72

Утро началось с ожидания вертолета на Командорские острова, а именно – на остров Беринга. Но была накладка, и мы никуда не вылетели. Потеряли только время. Вернулись, и я сел дописывать статью для «Камчатского комсомольца». О, Господи! Как же мне надоело воспевать этот идиотизм! Наверное, именно воспевая, начинаешь ненавидеть по-настоящему.

Да, вспомнил опять про этого старика, Иова Титовича. Ему очки нужны были очень. Он и поведал о своей нужде одной знакомой комсомолке: «Внучка, мне бы… очки, что ли, надо». Та отвечает: «А вам какие нужны, дедушка? В аптеке теперь стекла +6 и –5, вам какие?»

– Да какие есть. – Удивителен русский характер. «Какие есть…»

С Володей Косыгиным

И еще, забыл совершенно! Девушки из Анавгая мне частушки спели, которых я не знал, все замечательные:

1. На Ивановской платформе
Х… стоял в военной форме,
А п…да на каблучках
Подошла к нему в очках.
2. Я б тебя, да я б тебя
да за три копейки!
Обокрала ты меня!
Отдай на х… деньги!
3. Из-за леса выбегает
Жеребенок без узды.
Моя милка потеряла
Документы от п…ды.
4. Моя милка из окошка
Высунула голову.
«По…те хоть немножко,
Помираю с голоду».

– Внучка, мне бы… очки, что ли, надо.
– А вам какие нужны, дедушка?
– Да какие есть.

Просто записал, так как боюсь забыть.

Вечером опять работал над статьей и проклял все! Закончил. И сразу сел писать сценарий для Хабаровска.

Зорий тем же вечером упрекнул меня, что плохо пишу (имел в виду статью). Это правда. Язык у меня в этих виршах мертвый, казенный и безвкусный. Но меня критика Зория задела, хотя я понимаю, что все правда. Решил почитать ему кусочки из повести. Давно сам их в руки не брал, и потому самому было интересно. Прочел. Надо сказать, мне понравилось. Кажется, придумано ничего. Зорию нравится тоже. Но посмотрим…

Лег спать.

Зорий Балаян

22. XI.72

Утром работал. Потом опять поехали на аэродром. День

солнечный, но снова накладка. Вернулись. Зашли на почту. Мерзкие советские бабы почтовые. Крикливые хамки. Ненавижу таких баб. Всегда они с визгливыми голосами, ужасно едят – пальчик отогнет, а кусает от всего ломтя, да еще и в тарелку шиньоном залезет. Еще они нечистоплотны, склочны, да и… многое!.. И вдруг я подумал: а виноваты ли они – несчастные эти, темные, измученные великоросски? Когда им о себе позаботиться? Жизнь их тороплива и суетлива, но с места не двигается. Вообще, все мы, вся страна, похожи на огромный пробуксовывающий паровоз, которому мечтается, что он летит на всех парах. А машинист все видит, знает, но всем только врет, потому что сделать ничего не может.

Ну, да ладно. Отправили с почты свою телеграмму и приехали домой. Я сел работать за машинку.

Бывают далеко от дома в течение дня мгновения пронзительные и сладостные. Мгновения эти коротки. Когда в секунду перед тобой проносится какое-то воспоминание или ощущение, когда-либо испытанное. Все невыносимо ясно стоит перед глазами, и сердце щемит. И дело даже не в том, дорого тебе это было тогда или нет. Чаще – нет. Но унесшееся время замещается каким-то остатком своим, оттиском в памяти чувства, остается в каких-то спрессованных точках, и из них всплывает вдруг все, как мираж. И запахи, и лица, и ощущения все… Длится это совсем недолго. А потом летишь себе дальше и дальше в своем настоящем, погружаясь в будущее и стремясь невольно к прошлому.

Вот и теперь музыку какую-то поймал. Музу вспомнил (*Муза Инграми – молодая светская львица 70-х, одна из тех редких советских дам, которые имели возможность путешествовать по миру, покупать дефицитные товары в «Березке», впоследствии вышедшая замуж за итальянца. –* ***Современнный комментарий автора***), вспомнил и всех мудаков, что вместе с ней вертятся.

Между прочим: дневник я пока не перечитываю и потому наверняка во многом повторяюсь. Но тем лучше – значит, это что-то во мне постоянно, значит, истинно.

…Работал. Ребята ушли в кино. Вернулись. Смотрели «Укрощение огня». Плевались. Это хорошо… А я успел помыться, истопил титан. Душ здесь дает только кипяток, да еще и мощной струей – как из шланга. Поэтому мылся из ведра, как в детстве.

Пришел Балаян, устроил ужин. Вкусно, как всегда. А потом все испортилось. Заспорили о Сталине и о Хрущеве. Ах, Володя. Как он ничего не понимает? Или просто не хочет? Или темен? Сказал, что ему Сталин милее Никиты, хотя отец его расстрелян в 37-м. Наивно уж об этом спорить. Нужно дело делать.

Теперь спать лягу, уже поздно. Хочется еще что-нибудь написать, да боюсь удариться в вечные мои «страдания».

Получил телеграмму от отца с мамой. Как же я по ним скучаю! – и уже даже не верится, что где-то есть они, Москва и вообще все то, к чему привык.

Как я себя ненавижу иногда! Иногда за то, что не могу выразить то, что чувствую, иногда же за то, что не могу выразить то, что от меня хотят. Выразить! Техника это или талант?.. Сижу, доверяюсь вот этой бумаге. Выйдет ли что-нибудь из всех моих мыслей, из всей моей жизни?

Ну, вот и «застрадал». Ах ты, Господи!

23. XI.72

Утром сел работать. День ясный и очень морозный. После обеда прошлись. Зашли в универмаг. Я потом – снова за стол и просидел до вечера. В семь часов вечера – выступление. Пришли. Народу немного. Подошел какой-то человек, попросил записаться для областного радио. Записался, потом выступал. Все прошло как всегда. Без особых радостей.

Ужинали с секретарем райкома и председателем райисполкома. Скучно здесь им. Да и как будто все время боятся чего-то. Видно, жить им тут не сладко. Район рыбный и лесной, но проблема, что он у океана, – цунамиопасный район. Чуть что – эвакуация. Во время осеннего землетрясения в прошлом году началась паника. Народ кинулся бежать на материк. За 9 дней уехало 400 человек с семьями. Для такого и без того малонаселенного района такое количество уехавших считается большим.

Район рыбный и лесной, но проблема, что он у океана, – цунамиопасный район. Чуть что – эвакуация. Во время осеннего землетрясения в прошлом году началась паника.

Честно рассказали нам, что время от времени раздаются паникерские звонки в райком. Недавно, например, звонят: «Почему не эвакуируете? 17 минут прошло!» (А 17 минут – время, за которое нужно успеть эвакуировать население.) «А в чем дело?» – спрашивает секретарь. «Да как же?! Вон председатель рабкома на катер трудовые книжки понес, и всю ночь у него вездеход заведенный у дома стоял!»

Люди отсюда, в общем-то, бегут. Несколько лет назад в шторм оторвало вельбот. Унесло. Там был один только парень.

Случилось это под Новый год. У парня с собой были осветительные ракеты. Он начал их пускать, но в это время начался салют, и его ракеты потонули, влившись в общий праздник! Так его и унесло. Новый год провел в шторме, на этом вельботе. Еще была у него бочка соленой рыбы и чай в термосе. Ел рыбу, пил чай и песни пел. Нашли его через неделю. Вернулся и сразу женился.

Вот и все на сегодня.

24. XI.72

Проснулись. Холодно было ночью, и снилось что-то очень сложное, но во всех этих сложных снах были пронзительнейшие места… Степа снился. Много и по-разному. А в конце, уже под утро, приснилось, что умер А. А. Вишневский (*профессор, главный хирург Министерства обороны СССР, умер только через три года, в 1975 г., именно в ноябре.* – ***Современный комментарий автора***) Почему-то. А сегодня пятница.

Теперь должны лететь в Ключи. К самому высокому в мире действующему вулкану – Ключевскому. Чтобы попасть на вертолетную площадку, переправлялись на пароме.

Взлетели. Трудно описать этот пейзаж. Я все пытался определить его цвет… Это дымчато-лиловые сопки, с белыми замерзшими озерами, окаймленными кустарником, подернутым голубым инеем. И горы с изумительными тенями в ложбинах.

Сели в Ключах. Туман, поземка, – 25° мороза. Аэродром военный, а домик стоит – смешной и странный. Архитектура северная, дом двухэтажный, с лестницами внешними и надстроечками. Над домом этим хлопает и вьется разноцветный флаг, порванный по краям от ветра, а сам дом покрашен в шашечку черно-белую – весь как шахматная доска.

Самолет «Ан»-2 в 70-е

Вулкана не видно. Туман. Но оставаться было рискованно – могли засесть надолго. Полетели обратно на «Ан-2». Этажерка холодная, но прочная, как показалось. Сели в Усть-Камчатске…

Тут прервусь и, пока не забыл, запишу историю, рассказанную вчера Володей Косыгиным. Он выступал перед чукчами, а у них с коряками старая вражда, даже были войны!.. Выступает, значит, он уже расположил публику к себе, а там по ходу выступления и спрашивает: «Вы, – говорит, – корякское радио слушаете?..» А из зала отвечают: «А на хера нам корякское радио, у нас Канада близко!»

Да, так вот, сели мы и решили поужинать шашлыком. Был с нами секретарь райкома и зампред исполкома. Первый – запуганный, учитель в прошлом. Второй – свинья-фашист.

Учитель этот, видимо, всегда побаивается за свой желудок. Все его разговоры – про пищеварение, кишечник и говно.

«А шашлык этот есть можно? Не пронесет?» Потом все-таки есть начал, да все приговаривает: «Идет хорошо! Посмотрим, как будет выходить!» или «Эх, и подрищем!» и тому подобное. Словом, личность бледная такая, похожая на чуть живую моль.

Второй же – жестокая тварь, хотя глупая и пресмыкающаяся.

Пока шашлык ели, лица у них были, будто находятся они в стане противника, и никак не позволяет им большая воинская гордость показать, что кушанье им нравится.

Приехали домой (по пути отправил телеграмму Андрону). В комнате тепло – сразу спать хочется.

> Удивительный народ. Великий. Рабский. Живет себе спокойно в этом ужасе, считая все это единственно возможной жизнью. И не потому, что не знает жизни другой. Другая ему «ни к чему».

Включаю приемник по вечерам, а там мир шумит, переливается, шевелится, шелестит… Музыка и радости, и нерадости – все там вместе. И мы тут – в богатейшем, изумительном и засранном краю! И вся жизнь этих людей, так же как жизнь всех нас, убога и гнусна в своей убогости. И в то же время… чистота проникает сквозь все это. И как возможно все соединить?

Удивительный народ. Великий. Рабский. Живет себе спокойно в этом ужасе, считая все это единственно возможной жизнью. И не потому, что не знает жизни другой. Другая ему «ни к чему». А главное, если и попытаешься открыть ему глаза на все, так он сам же тебя и растерзает.

Живут люди, ругаются, плюются, но живут, и ничего другого будто и не нужно. Для них есть Кто-то, кто ими руководит, тот, кто «Начальник», и его дело решать все самому. Царь он, и все тут! И больше ничего не нужно!

Что же делать? Зажимай народ этот – терпит. Отпусти вожжи, тебя же и сомнут. Так что же?..

25. XI.72

Мне снился сон. Будто я ищу свою часть и не могу найти. Вот, наконец, нахожу ее. Но почему-то на территории ее – странный многоэтажный дом, и второй строится. И много, много каких-то девушек. Они участвуют в строительстве этого дома. И сейчас какой-то праздник там, весело все и очень приподнято. «Боже мой, – думаю, – что же это такое?..»

Меня встретили ребята и повели к командиру, а он… почему-то очень старый. И улыбается – весь стол его завален подарками и конфетами, и цветами. Увидел меня и заплакал, и обнимает, и подарки сует, насыпает в карманы конфеты… «Да что случилось?» – спрашиваю. «Как я рад, – говорит. – Вот у нас и еще один день рождения старшины 2-й статьи Мишланова!» Вошел Мишланов, командир его тоже задаривает, оба плачут…

Потом я вышел, а навстречу Алла Ларионова ведет свою дочь. И громко возмущается, что дочь в армию забрали, а условий не создали! Мол, девочке всего 16 лет! Глянул я на девочку, а она – хорошенькая-прехорошенькая. Вот, думаю, как славно, что тебя, миленькая, в армию забрали, вот попала бы ты еще в нашу роту!..

Тут я и проснулся от холода. Володя вчера опять сетовал на тот вред, который принесло оленеводам гагановское движение. Я уже об этом писал – о передовиках, которых загоняют в «отстающие табуны», а там свои семьи, и никого больше им даром не нужно. Вообще, хорошо бы написать сценарий о пастухах. Фактура изумительная. Здесь даже и такое может быть, что Герой Соц. Труда – сын шамана. И вот (по этому сценарию, допустим) этого героя отправляют в табун отстающий. А там – своя семья, на него все «забивают болт», естественно. И его миссия, казалось бы, проваливается. Но(!) – в него влюбляется дочь бригадира, того самого, который никак не смирится с тем, что ему со стороны учителя прислали. И так далее…

Работал, писал сценарий для Хабаровска и закончил его. Вечером выступление в кинотеатре. Неохота, но нужно.

25. XI.72

Утром сел я работать, но пришел какой-то человек в длинном тулупе и в шапке рваненькой. Человек довольно странный – с бородой и молодыми глазами. Спросил меня. Я, честно говоря, принял его за какого-нибудь фанатика или киномана. Хотел

говорить с ним в коридоре, но он дал понять, что у него разговор. Сели на кухне. Он мне сказал, что у него много материала для «Фитиля», и спросил, не могу ли я чем-либо помочь в этом плане? Я сказал, что не могу. Но в итоге мы разговорились. Он – «шабашник», то есть время от времени сюда приезжает работать. Что-то строить по подряду. Зарабатывает около 1500 рублей. Сам он москвич, радиофизик. Кончил МЭИ. Но говорит: «Мне нужно много денег, чтобы заниматься наукой. Чтобы меня никто уже не трогал. Чтобы быт меня не мучил. То есть нужно заработать где-то 50 тыс. рублей. И тогда уже все будет хорошо… У меня жена… Она кончила иняз. Сам знаешь, запросы-то у них большие. Вот я и езжу сюда уже три года подряд. Правда, трудно очень, и болею уже, вот зубы летят, как из пушки, и нога пухнет».

– А сколько тебе лет?

– Двадцать четыре. Да нет, денег-то я заработаю, вот только бы в Москву не ездить, уж очень трудно их не тратить. Я тут живу на 30 рублей в месяц. А там они как-то летят и летят.

– Да ты просто русский человек. У тебя никогда денег не будет, неужели не понимаешь?

Он удивился.

– Нет, – говорит, – скоплю.

– Да никогда.

Улыбается застенчиво, а глаза горят. Вспомнил я «Подростка» (*роман Ф. М. Достоевского. –* ***Современный комментарий автора***) с его «идеей». И подумал: «Вот этот парень ломается тут, рогом упирается, пашет по-черному, а там жена его сидит «из иняза» и получает от него каждый месяц полторы тысячи рублей. А кто она? И все ли он про нее знает?»

– Я все, за что берусь, довожу до точки, – говорит. – Вот в школе начал заниматься легкой атлетикой, но сломали меня. Стал чемпионом района, да мышцу порвал. Стал плавать – через год был мастером. Опять сломали. Потом корью заболел, чуть не умер. Врачи говорят: «Ты без белков не жилец». Я и правда на ходу шатался. А потом ребята говорят: «Поехали на Камчатку». Ну, думаю: «Или так, или никак». И уехал. Ничего – выжил.

Странный, интересный парень. Зовут его Юра Кокурин, даже его телефон записал: 273–34–30. Хотел бы с ним поговорить, когда он скопит эти деньги.

Вчера шел с выступления – горит мотоцикл. Толпа собралась. До чего же человек любопытен к чужой беде. Не участлив, а именно любопытен. Участие требует усилий, а любопытство ничего не требует. «Да, здорово, – думает человек, – эко его покорежило. Да, не повезло», – и пошел. Или стоит, глядит. Я такой же, к сожалению.

Весь день сегодня перепечатывали сценарий. Замучились.

Вечером разговаривали с Сашей Адабашьяном по телефону. У него там утро было. Я, видимо, его разбудил. Недаром всю ночь снилась собака, вот и с другом поговорил. Даже не верится, что где-то есть они все – и Москва, и ее людные улицы, и вообще все то, к чему я так привык и что люблю ужасно.

В 10.00 по нашему времени в «Календаре спорта» прозвучала страничка о нашем походе. Должен сказать, что часто чувствую себя жуликом. Настолько то, что говорю, разнится с тем, как думаю.

Уже поздно, ложусь спать. У нас тут ужасный мороз. Позвонил из города Юра Пшонкин, который делал про нас страничку… Хочу работать. Разговор с Сашей воспламенил меня вновь к фильму. Только не зажиматься! Освободиться, чтобы только был «мир» твой и героев.

Вот еще что подумал: «Костюм! Очень всегда помогает костюм в работе актерской». Но что лучше: сначала выяснить все с актером, дать ему возможность мять роль, мучить ее, доводить или сразу дать ему все внешнее и идти от этого?

Ну, да ладно. Только бы все было в порядке!

26. XI.72

Ох, до чего же иногда хочется разбить себе голову от ненависти, от бессилия. Ну что же это за государство? Картонные люди, похожие на тени. Все на одно лицо. Сидят в этой огромной чудовищной сети райкомов и обкомов, которые опутали страну. Похожие на тихих трутней или пауков.

Вся их жизнь – это сокрытие правды. Правды своей жизни, правды жизни своего народа. Ведь недаром же, недаром же настоящее событие, настоящая радость, и без всякой чужой помощи и «вздрючивания», охватывает людей, и они высыпают на улицы, и поют, и смеются. И как ужасно, фальшиво, унизительно веселье вынужденное, лживое, как и достижения, которыми на этом веселье бахвалятся. Как же все это больно!

Все думал о Сталине. Ненависть к нему порою достигает во мне каких-то идиотских размеров, хочется морду набить кому-нибудь. Что же он наделал? Уничтожил весь цвет, талант, надежду, разум интеллигенции, которая не могла бы, естественно, долго быть обманута этим адским человеком. Всю свободную мысль он подавил. Следовательно, уничтожил и талант. Талант без свободы – ничто, уродство. Он воспользовался тем злом, которое посеял Петр, разделив народ с

интеллигенцией. Сталин сыграл на этой страшной ошибке торопливого, бурного гения. «Враг народа». И народ принимал все это на веру – то, что где-то в городах раскрывают заговоры «тунеядцев» и «жуликов» из тех, «которые в очках да в шляпах, шибко грамотные».

А потом начали формироваться, вскармливаться вот эти-то чудовищные кадры, которые повсюду задушили мысль и жизнь. Они росли, как грибы, и для них не было ничего святого. Ничего, кроме собственного благополучия, кроме необходимости скрыть свою серость, бездарность и прорасти, вылезти туда, где теплее, где сытнее, лучше. И немного ведь нужно достоинств для этого. Нужно больше молчать, стараться не лезть с предложениями, которые могут вызвать множество хлопот, и чаще говорить людям «нет», чем «да», так как за это не отвечаешь. «Да» нужно защищать, каждое «да» влечет за собой работу и ответственность. Эта чудовищная, еще с царского времени, бюрократическая машина и теперь ничуть не изменилась, а только стала мощней и обросла демагогическими оправданиями и лжеидейными лозунгами.

Но народ, народ! Вот что более всего удивляет меня. Ужели действительно не может он без царя? Тридцать лет он с благоговением принимал тиранию. Добровольно рабствовал. Потом возненавидел «избавителя» (*имеется в виду Н. С. Хрущев. –* ***Современный комментарий автора***). Того, кто лишил его идолопоклонства, «советского язычества». С жалостью и восхищением вспоминает народ прошедшие времена. Когда все тряслись и одной кляузы было достаточно, чтобы стереть в порошок любого.

Теперь с воодушевлением врем о все лучше и лучше идущих делах. Как радио ни включишь – все молодцы кругом. Просто страна сплошных молодцов[1].

Сталин и Хрущев в 30-е гг.

> Начальник отдела перевозок узнал, что у нас оружие, и стал его осматривать, потом потребовал сдать патроны.

На аэродром нас провожал товарищ Таскин Т. П. Зав. общим отделом РК КПСС. Лицо у т. Таскина – полного подлеца. Тонкие губы стрелками разрезали поперек отвратительную угристую рожу, которая все время кажется покрытой салом. Когда он говорит, верхняя губа подпрыгивает и виден ровный ряд железных, подернутых матовым блеском зубов. Пальцы его похожи на сардельки. Говорит незаконченными, неопределенными фразами. Всего боится. Первое, что хочет сделать, это поскорее уехать от всех тех людей и дел, которые ему поручили. Из всего делает проблему неразрешимую, но если вопрос решается вдруг положительно (естественно, не при его участии), товарищ Таскин сразу, как бы между прочим, сообщает, что он вообще-то старался. Во время разговора в глаза не смотрит, и все время всезнающая отвратительная улыбка блуждает по мокрым ленточкам-губам… Он провожал нас на аэродром, и мы опаздывали, самолет должен был уйти, но задержался чудом и взял нас. Таскин же, прощаясь, с чувством жал руки и гордо говорил – мол, видите, как все хорошо получилось.

Прилетели в Елизово. Мне туда переслали из части письма. Через город проехали на Халактырку. Там повстречался еще один экземпляр советского животного. Начальник отдела перевозок. Это – законник. Он узнал, что у нас оружие, и стал его

осматривать, потом потребовал сдать патроны. Потом сообщил, что у нас слишком много груза и часть придется оставить. Причем говорил он все это с полуулыбкой, какая бывает у мастера спорта по шахматам, с которым о шахматах спорит профан, никогда их в глаза не видавший и выдающий себя за Ботвинника. Он спорил с нами, вынимая циркуляры, показывая параграфы, листая книги, в которых все было против нас. Я, честно говоря, был готов раскроить его голову телефонным аппаратом. Он словно не понимал, что мы летим не на два дня и не яблоки везем продавать, что наш груз жизненно необходим для трехмесячного перехода.

Никакие аргументы нам не помогли. В итоге оставили там кукули, которые ох как необходимы. Когда теперь их нам пришлют – бог знает.

Прилетели в Усть-Большерецк. Летели самолетом «Ан-2». Холод был адский. Читал письма, хотя пальцы просто-таки примерзали к страничкам. Но дочитал все. Ведь это так приятно – читать письма с материка.

Разместились в самом райкоме, в маленькой комнатушке, все вчетвером. Но вскоре в райкоме взорвался бак, и отопление вышло из строя. По полу текут ручьи, хотя на улице около –30 °С. Потолок крыт линолеумом и начал продавливаться от тяжести воды. Пришлось мне залезть Зорию на плечи и ножом пробивать в потолке дырки, чтобы вода вытекала, а не обвалила потолок.

> Он словно не понимал, что мы летим не на два дня и не яблоки везем продавать, что наш груз жизненно необходим для трехмесячного перехода.

Поели. Я пописал письма, и легли спать.

Да, из потерь: Косыгин утопил в сортире фонарик.

27. XI.72

С утра работал. С ненавистью пишу для «Камчатского комсомольца». Презираю себя и все равно продолжаю писать всю эту ложь и фальшь. Но я где-то перепутал числа, и, кажется, сегодня вовсе не 27, а 28 число.

Андрей Арсеньевич Тарковский

Анатолий Солоницын в роли гениального русского художника Андрея Рублева в кинокартине «Андрей Рублев»

Весь день писал безобразие. Вечером пошли смотреть «Рублева». Не знаю почему, но смотрел я эту ленту много раз, а пронзила она меня сегодня. Подавила. Много в ней прекрасного. Но особенно меня затронул покой. В ней есть удивительный профессиональный покой. Он чувствуется во всем. И в монтаже, и в композиции, и в фактуре. В ней особенно. И молоко, и пух летящий. Хотя, конечно, много идет от ума, а не от сердца.

Пришли в райком, где мы живем сейчас, и захотелось выпить, что мы и сделали… Потом я пошел на почту, дал телеграмму Тарковскому.

Хоть и пытался втиснуть мысль и чувство в самые скупые строчки, уверен, столь пространные сообщения отправлялись отсюда не часто. Может быть, никогда.

Вечером пошли смотреть «Руб лева». Не знаю почему, но смотрел я эту ленту много раз, а пронзила

она меня сегодня. В ней есть покой.

«Дорогой Андрей! Бог знает где, на краю света, смотрел на наволочке «Рублева». Не знаю почему, но после всех широких экранов, премьер и домов кино, именно здесь эта картина меня потрясла до самой сердцевины. Такая глубина, такой покой, такая всеобъемлющая сущностность, что не могу удержаться, чтобы не отправить тебе эту телеграмму. Обнимаю тебя. Твой Никита».

Ночью разговаривал с «Комсомолкой» – сквозь свисты и стоны эфира, звонки и крики, и сигналы космоса. Все-таки поговорили.

29. XI.72

Ровно месяц мы в походе. Утром поехали в Большерецкий совхоз. Директор – спокойный парень 32 лет. Первый человек, который занимается делом – и именно ему нечем хвастаться. Говорил, что совхоз тяжелый, что плана они не выполняют, что хвастаться тут нечем. Тяжело. Все нужно начинать сначала. Все с нуля. Обронил вскользь, что народ слишком долго обманывали старые директора. Кормили лозунгами и «завтраками», и вот теперь начинать все надо сызнова…

Потом пошли в школу. Там очень милый человек, старый камчадал, учитель труда, Владимир Викторович Степанов, рассказывал много и интересно. Говорит умно, толково, с юмором. Говорит, что рыбу погубили сами, особенно в сталинские времена. Сверху планы присылали. И, безропотно их выполняя, ловили рыбу, а вывозить-то было не на чем. Наловят миллионы центнеров, свалят, засолят, и тухнет она месяцами. Лосось выбран почти полностью.

Раньше, особенно в 1934 году, в реки входила рыба так, что от берега до берега «кишела» вода в несколько ярусов. В течение полутора месяцев и день и ночь шла рыба. Гибла от нехватки кислорода в реке. Можно было пойти за водой и в ведре с водой вместе захватить килограммов пять свежей рыбы. Сказочный был край, богатство адское, но хозяева и по сю пору равнодушны ко всему, так как государство грабит и их, и природу, а раз так, то и у них один выход – грабить!

Должен признать, к ужасу своему, что народ в массе своей тут вообще равнодушен ко многому. То ли социальное его положение предрасполагает к этому, то ли заработки, то ли невероятная удаленность от центра и временность жизни здесь, то ли еще что-то, но – равнодушен, индифферентен.

О рукопожатии: Бывает так, что, когда жмешь руку, неудачно зажимают твои пальцы, этак за кончики. Я лично этого ненавижу. Такое ощущение, что настроился помыться, разделся, включил воду, намок, а помыться не успел – вода кончилась. И вылезаешь, не помывшись, только мокрый… Ну, это к слову.

Вечером выступление.

Вообще, должен сказать, что перед глазами словно постепенно начинает вырисовываться этот полуостров в прошлом. Появляются ответы на вопрос – почему так тих он был и незаметен? У меня есть подозрение, что люди неплохо тут жили, во всяком случае, лучше, чем мужики в России-матушке.

Рыбы навалом, охота – любая, пушнины – сколь хочешь, леса – ради бога. Все есть. И гнуться ни на кого не нужно. Хочешь – ушел в лес, хочешь – вернулся. Так что тут надо бы еще разобраться.

Много заброшенных поселков. Да и повсюду стоят брошенные дома. Люди уезжают. Поселки закрывают из-за нерентабельности, даже дороги ко многим из них уже нет. И хотя в одном из них, к примеру, государство отгрохало огромный холодильник для рыбы, школу, ДК и т. д. – все сейчас брошено. Рыбу-то уничтожили. Ее нет, и в холодильнике хранить нечего. И для рабочих дела нет. Все брошено и стоит, обдуваемое снежными ветрами.

Но недалеко от одного такого поселка, как нам рассказали, до сих пор живет старик. Причем совершенно один. Жена от него давно сбежала… Всю жизнь он живет там. Сам печет хлеб. Света у него нет… Хотелось бы на него посмотреть! Должен быть у него какой-то особый подход к миру, иначе никак не возможно. Надеюсь, все-таки к нему поедем, если районное начальство отпустит, не побоится.

Вечером выступали. Прошло все хорошо. Потом первый секретарь райкома пригласил нас к себе в кабинет. Сидели у него. Он рассказывал о здешней промышленности, да опять-таки рассказ его съехал на то, что многие поселки закрыты и «мертвыми» стоят совершенно. Кичих, в котором есть и холодильник, и школа, хотели сделать зверофермой, но ведомственная бумажная волокита засосала, время ушло, и поселок стал такие приносить убытки, что пришлось его скорей закрыть.

После нашей беседы начальство устроило ужин. Выпили, разговорились. Меня опять занесло. Говорили о Солженицыне, о Сталине, и я сказал, что нельзя критиковать произведение, не дав его читать народу. Второй секретарь ответил мне, что в таком

случае нужно печатать и «Майн кампф». Возражение демагогическое… да я вовремя понял, что, споря дальше, только наделаю бед.

Уже здорово подвыпили. Причем мешали всякое говно. Пошли спать в тоскливом ожидании утренней головной боли и маеты.

30. XI.72

Утром поехали в Октябрьский совхоз. Оттуда должны были попробовать добраться до Опалы, того самого заброшенного села, рядом с которым живет дед-отшельник.

Солнце было утром. День ясный. Ехали на газике берегом Охотского моря. Свинцового цвета, оно было тихо, хотя слывет самым коварным морем на Земле. Барашки рождались где-то далеко в море и летели к берегу на волнах прибоя. Огромный пляж с черным песком и снег, сквозь который этот песок проглядывает. По всему побережью остатки японских рыбзаводов. Бочки, выброшенные штормами, бревна, ведра. «Красиво». Пограничник проверил у нас документы, и мы двинулись дальше. Машина то и дело буксовала, и ее приходилось буквально выносить на руках.

– Вы пили?

– Всю жизнь.

– А женщины?

– О-о. Пока работала «машина», стоило жить. Типэр я просто старий эврэй.

Добрались наконец до совхоза. Там же должен был ждать катер, но, как всегда, случилась накладка, которая все сломала.

В кабинете парторга сидело много народа. Мы вошли, и парторг этот, продолжая говорить, стал явно «работать на нас». Речь шла о самодеятельности, которой никто не хочет заниматься. Парторг объяснял, что эти артисты не народные, а «из народа». Тогда кто-то стал объяснять, что какой-то муж пообещал жену убить, если она хоть раз поедет на репетицию. Закончил все это идиотское совещание парторг чугунной фразой: «Народ нужно приучать к культуре!»

Ох, Господи!

Но катера так и не было. Может быть, все это даже продумано было заранее, так как слишком уж спокойно вел себя этот парторг.

Зато была встреча со странным человеком. Это еврей –

Соломон Хаймович. Он живет в этих местах с 1923 года, ему 84. Никого у него нет. И не было никогда ни жены, ни детей. Лысый, лопоухий, некрасивый еврей, плохо говорящий по-русски.

В 1904 году Соломон перебрался из Польши в Англию, работал там «в рибной прамишленности». Плавал, потом стал гладильщиком готового платья. Потом отправился в Америку искать отца, который служил где-то клерком. Потом Бельгия, потом Россия. Говорит: «Я много слышал и социалистов, и коммунистов, и монархистов. Они выступали в Лондоне. Все хорошо говорили. Все болели за свой народ. Потом началась Февральская революция, и я решил посмотреть, что же это такое? И приехал… В школе я никогда не учился ни в какой. Нужно было есть хлеб. И английский язык я учил уже в порту. Мне дали прозвище «Чарли». Так как я уехал из Польши, то говорил только по-польски и по-еврейски. Приехал в Англию – все нужно было забывать и учить английский. Потом переехал в Россию – и опять нужно было есть хлеб и все забывать и учить русский. Работал мастером засола, икорным мастером у хозяина». Видимо, он был очень богат. Работяга, умница, ироничен и остроумен.

На вопрос, любил ли он икру, ответил:

– Я бы и типэр не отказался бы.

Чудовищный был бабник! Более всего на свете любил баб. Последний раз с женщиной был в 76 лет. Потом приглашал к себе женщин, и за 50 рублей они раздевались и голые мыли ему пол, а он глядел.

На вопрос, сколько теперь здесь делают икры, он грустно улыбнулся.

– Ми делали с хозяином 900 тысяч тонн, типэр кабынат дэлаит 12 тысяч тонн. И это смэшно и грустно.

– А в чем же дело? – спросил я.

– Слушайте анэкдот. Пришел человек к парэкмахэру и попросил побрыть. Тот брээт, а пэну бросаэт на пол. «Что ви дэлаэтэ? – спрашивает его клээнт. – Зачем?» «Ви знаэте, – отвечает тот, – я все равно завтра уэзжаю». Тогда клээнт встал и пошел помочился в угол. «Эй, ви! – закричал цирулникь. – Ви что?!» «Я уезжаю сегодня», – ответил клээнт.

Так и здэс: все приэзжают на время. Никому ничего не дорого. За мою жизнь с 1934 года здесь сменилось 22 дирэктора.

Риби мало. У хозяина в штате было 7 человек, и ми делали дело, ми работали и трудились.

– Вы пили?

– Всю жизнь.

– Курили?

– Да.

– А женщины?

– О-о. Пока работала «машина», стоило жить. Типэр я просто старий эврэй.

И он расплылся в изумительной улыбке.

Уходя, он сказал, что в Москве хорошо, но когда приезжаешь – негде жить.

И еще:

– Ви знаэтэ, мнэ говорят, что я мэллионэр. Это смэшно. У мэня эсть денги, но до мэллиона долго.

Пошли на рыбзавод. Смотрели производство. Выступали прямо в цехе. Подарили нам ящик консервов.

Обратно ехали уже в темноте. Опять «носили на руках» «газик». Приехали, поужинали. Пошли в кино. «Вид на жительство». Культурно сделанная картина.

1. XII.72

Утром было много неприятных разговоров по телефону. И с Петропавловском, и с Хабаровском, и вообще. Потом плюнул на все, надел лыжи и ушел на охоту. Прошел через взлетное поле аэродрома, а потом все дальше и дальше – в тундру. Погода была изумительная. Солнце ярчайшее, и в синей дымке вулканы, и облака над ними…

Порой проваливался, падал, и жутковато было от того, что один и такие сумасшедшие перед тобой просторы. Но шел быстро, вспотел аж. Ни следов никаких, ни дичи. И, только уже уйдя далеко совсем, в очередной раз провалившись, поднял несколько белых куропаток. Стрельнул для острастки, да промахнулся (впрочем, ничего в этом удивительного нет).

Потом торопился назад. Ждала баня.

Давно не мылись, и баня, тем более русская, черная, мерещилась и снилась, и казалась счастьем. Баня эта личная. Хозяина ее зовут Полиграф Сазонов. Смешной юркий мужичок с бородой, удивительно похожий на отца Григория Мелихова из «Тихого Дона». Сам, кстати, казак. Приехал за нами на своей лошади, заложенной в розвальни. Собрались и поехали.

Банька маленькая, и повернуться невозможно. Топлена густо, хотя пар и сыроват. Пока шли к ней, хозяина звала все дочка, просила, чтобы он скорее шел, мол, случилось что-то. Хозяин отпер баньку и ушел за вениками. Вернулся, говорит: сын пьяный пришел, всех в доме гоняет.

– Сколько ему лет-то?

– Девятнадцать.

Разделись. Холодно в предбаннике, темно, одна свечка горит сквозь пар, который просачивается в щели из парилки. Но сознание того, что через несколько секунд войдешь в это сказочное тепло, пронзало. Наконец…

В самой баньке горела тусклая лампочка. Нам еще нужно было и постираться.

Вчетвером было тесно крайне, но все же поместились. Пол, однако, был холоден, и его срочно обдали горячей водой, от чего сразу пар стал мокрым и горячим.

Стирались, стукаясь мокрыми лбами и задами. А потом парились. Сказочно все это. Банька низкая, мне в рост стоять нельзя. Но все это было радостно и приятно. Потом мылись и опять хлестали себя вениками. От них сразу же в баньке запахло березой и мятой какой-то.

Потом выскакивали на снежок – и обратно на полок.

После мытья зашли к Полиграфу. Был у нас с собой спиртик, и приняты мы были гостями. В семье у него шесть человек детей: четыре девочки и два сына. Девочки очень одна на другую похожи и дурно воспитаны. Точнее, не воспитаны никак.

Жена Полиграфа – ительменка, Галина. После чьей-то свадьбы у нее подбит глаз. Зубов мало, да и те, что есть, – железные. Весела, смешлива и говорит чрезвычайно громко.

В избе нищета полнейшая. Но это та нищета, которая идет не от бедности, а от небрежения к внешним проявлениям жизни. Девочки (одной 11 лет, другой 9) стояли в соседней комнате и крутили на проигрывателе пластинки советских певцов. Одна была в цветастой шляпе. На вопросы не отвечали и все хохотали.

Выпили и супу поели. Полиграф «захорошел», да и Галина с подбитым глазом тоже. Сразу же достали семейные «фотки» и начали их демонстрировать. По характеру и манере поведения Полиграф ужасно похож на Эдика Володарского. Говорит, глаза горят, и все показывает.

Смотрим фотографии. И вот опять я подумал про «Ухова».

(*Ухов – один из героев романа «Трава забвения» Валентина Катаева. Когда его, бандита, ведут на расстрел, на известковой стене он царапает гвоздем по пути «УХОВ… УХОВ… УХОВ…», как бы оставляя свой след на Земле.* – ***Современный комментарий автора***)

Они показывали «фотки», попутно рассказывая какие-то обрывочные истории их возникновения. Оба хохотали, кричали и смотрели друг на друга, а девочки, которые уже подошли к столу, теперь тоже выискивали себя, тыкали пальцем и кричали: «Это я плачу!», «А это Лидка!»…

Ухов, Ухов, Ухов… Самоутверждение. Что бы ни делало

государство для обезличивания – невозможно это вовсе. Какой бы ни была та или иная жизнь, что бы она ни значила для других – для каждого она единственна, исполнена таинствами и непостижимой, неповторимой сказочностью. Смотрит человек на старую фотографию, и столько всплывает в нем такого, что и высказать нельзя. Вот оно – именно то, что и есть плоть и кровь искусства. Вот что должно интересовать художника! В глубь, в глубь характера, в глубь человеческой жизни, в недра ее…

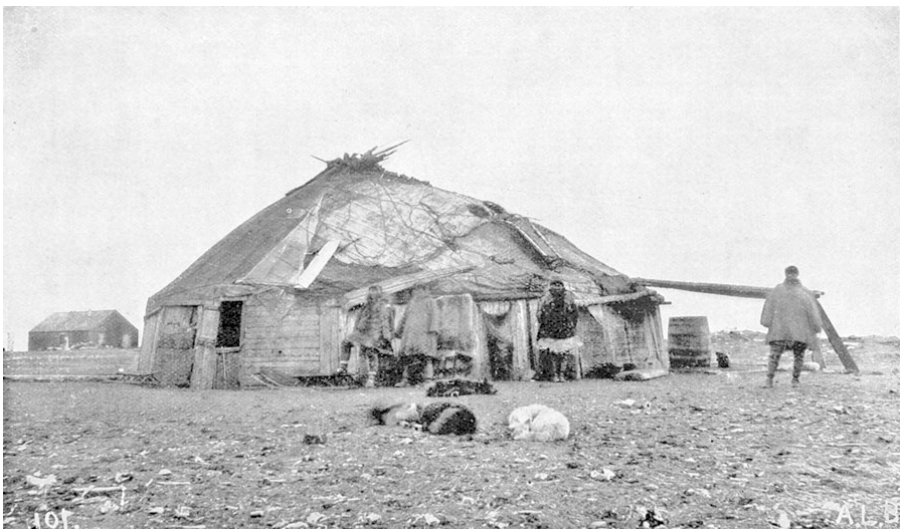
Пьяный уже совсем, Полиграф вез нас домой (в райком партии) на своей лошадке. Вез и шептал мне, что сын пьет и ничего нельзя с ним поделать.

– Он ведь больше всех в семье зарабатывает. 500–600 рублей. Вот и пьет… А потом всех гоняет по дому с топором.

Вечером пришел в райком секретарь – Томилин. Пришел в мороз в одном свитере. Скучно ему: жена в командировке, дочь учится. Сели мы «чаевать» и много выпили спирту. Говорили. Он мужик приятный. Косыгин опять «нарезался»… Легли спать.

2. XII.72

Утром пошли на охоту. Два парня, Петя и Витя, меня взяли с собой. Смешно. Приходится ходить на лыжах не в ботинках или валенках, а в болотных сапогах. Реки здесь не замерзают из-за множества ключей. И вот идешь по снегу на лыжах, потом, когда доходишь до реки, снимаешь лыжи, раскатываешь сапоги и дальше вброд – по ледяной реке. Страшно и приятно.



Жилище камчадала

День опять был изумительный, красоты такой никогда я не видел. Хоть и не было зверя, но следов масса, а это уже волнует охотничью душу. Ну и приключения были. Петя, хоть и мастер спорта по лыжам, умудрился все-таки одну лыжу сломать. И бежал 15 верст на обломке, но как бежал! Вот уж русский характер. Потом он же вдобавок еще провалился под лед. Но вылез молниеносно.

По рекам, в тех местах, где их схватило льдом, ходить жутковато. Лед «дышит» – и в проталинах булькает вода, и трещит он далеко впереди тебя и сзади.

Пили спирт на берегу, а потом и «Кубанскую». Почти темно уже было. На обратном пути прихватило мне палец на руке и три пальца на ногах. Испугался здорово. Тер снегом и махал для притока крови рукой так, что она чуть не оторвалась. А мороз все крепчал. Но ничего, добежали. Витя отдал мне свои рукавицы. Помогло это здорово, конечно.

Петя, хоть и мастер спорта по лыжам, умудрился все-таки одну лыжу сломать. И бежал 15 верст на обломке, но как бежал! Вот уж русский характер.

Домой пришел. Никого. Все в кино. Выпил с мороза маленько и пошел смотреть 2-ю серию «Рублева». Опять взволновала меня эта лента. Талантливо!..

Пришли ребята, начали мариновать мясо, а я сел за дневник.

* * *

Смешную фразу сказал Витя. Его хотели заставить работать на каком-то кране подъемном, а он все отказывался и так наконец сказал:

– Что вы, товарищи, мне нельзя. Я не могу. Какой там кран. На жену залезешь, и то голова кружится.

* * *

И еще вспомнил. Когда мы только приехали, наводнение в райкоме было (это когда бак взорвался). И прежде чем я на плечах у Зория начал ножом протыкать потолок, инструктор райкома делал это острием древка районного знамени.

3. XII.72

Утром проснулись от холода. Адская холодина была ночью. Я «дуба врезал» по-страшному. На этот день была назначена замечательная акция: Томилин вызвал Зория на соревнование по делению шашлыков.

Словом, страшный вышел «надирон». Семь человек выпили шесть бутылок спирта! Шашлык Балаяна был изумителен, впрочем, как и всегда. Томилин проиграл, сам это признал и уже ел только наш.

> Ой, мамочки! Что я говорил изумленному пьяному секретарю! И про власть, и про Максима Горького, и про всю нашу жизнь и нищету. Проснулся утром в ужасе.

А дома снова сели «продолжать», и нарезался я ужасно. Ой, мамочки! Что я говорил изумленному пьяному секретарю! О-о-о-о-о! И про власть, и про Максима Горького, и про всю нашу жизнь и нищету. Проснулся утром в ужасе.

Хотя вечером казалось – спать я пошел сразу, как только почувствовал, что пора. Значит, уже стало заносить. Так со мной бывает редко. Дурно и нехорошо…

Володя опять, как всегда, хулиганил. С нами был вчера начальник милиции. Приехал на милицейской «канарейке». Володя уже плохо мог говорить и ходить, и его хотели закрыть в эту канарейку. Но, как только он понял, что его хотят упрятать в милицейскую машину, бросился бежать. А когда его поймали, плакал и вырывался.

Когда же протрезвел, рассказал веселую историю про коряка и ительмена. Два старика – коряк и ительмен – в больнице. Друг друга не понимают, а по-русски оба не говорят. И вот говорят друг с другом каждый на своем языке и хохочут с утра до вечера. А потом сшили себе из больничных одеял кукули и спали в них.

4. XII.72

«Головонька бо-бо, денежки тю-тю». Плохо мне. С тоской вспоминаю, что я вечером наговорил. Должны были лететь в Соболево. Но сильный северный ветер, и все самолеты – на земле. Хотя и ясно, но страшно ветрено.

Порою застываешь на месте, вспоминая дом. Причем воспоминания отнюдь не стройны. Обрывочны, но удивительно ярки. То какой-нибудь пейзаж встанет перед глазами, то чье-то

лицо, то ощущение знакомое, волнующее. Гоню от себя все эти мысли, гоню, чтоб не мучили. О женщинах вообще и не думаю. Но, если и вспомнится вдруг кто, все кажутся такими замечательными, милыми…

Помучился же я похмельем. Потом пришел Томилин. Я-то думал, он все, что я наговорил, «намотал на ус». Но секретарь был мил, улыбчив, и, кажется, все обошлось. Вообще, парень он симпатичный, хотя и партийный до мозга кости. Но из тех, что делают дело. Работают, а не занимаются накоплением политического капитала. Этот – работяга. Делает он много для района, серьезно работает, хотя точка зрения его на жизнь совершенно советская. Молчалив, обаятелен и серьезен. Общаться с ним приятно. И еще что хорошо – чувствуется его рука во всем. И порядок в районе отличный. Люди его любят и уважают!

Пообедали в столовой. Вернулись – холод в райкоме страшный (видно, перехвалил я Томилина). Сел читать.

Дочитал ужаснейший роман писателя Мордовцева. Чудовищно сентиментальное говно.

Вечером было «падение» – прямо в райкоме, с дежурной по райкому. Довольно все было пошло. Подробности в устном пересказе.

6. XII.72

Сегодня день «Сталинской» конституции, которая с такой последовательностью и упорством укрепляет и развивает демократию в нашей стране.

Опять день ясный, но улететь не удалось. В Питере (*имеется в виду Петропавловск-на-Камчатке.* – ***Современный комментарий автора***) ветер 25 м/сек. Никто не летает. Сел работать. Вернее, не работать, а переписывать из «Летописи комсомольских дел» все, что написано там о районе. Работа невероятно противная, я бы даже сказал, унизительная.

Сделал! Пошли в кино. (Уже сильно начинаем отставать от нашего графика.) Смотрели «Зеленые цепочки». Грамотно сделанная картина.

Когда возвращались, увидел в голубоватом соцветии заката и снега маленький хуторок. Он расположен был на склоне, и что придавало ему особенную красоту – то, что смотрел я на него тоже со склона, который был выше того, на котором стоял хуторок. Был хуторок огорожен забором, и линия этого забора несколько ломана… Это для «станции» (*Имеется в виду станция для предстоящих съемок фильма «Свой среди чужих, чужой среди*

своих», объекты для которого я начинал обдумывать еще до службы на Камчатке. – ***Современный комментарий автора***).

Вечером произошло вновь «падение». Ох!.. Но и это не для бумаги.

Уже поздно ночью пришел Томилин. Привез из города пиво и яблоки. Видимо, он нас полюбил. Чувствуется, ему тесно здесь. Ему боя хочется, споров, дела настоящего, вот он к нам и привязался. Милый он мужик.

Вечером писал письмо Андрону. До этого от него получил телеграмму. Лег спать совсем уже поздно.

7. XII.72

Пуржит. Значит, опять не улетим никуда. Дописывал безобразный свой материал, который нужно отправлять в «Камчатский комсомолец». Все очень это унизительно.

Приехали артисты ансамбля «Джигиты ритма». Из Орджоникидзе. Узнаю братьев-артистов (в столовой встретились). Малограмотные снобы. В таких местах, как Усть-Большерецк, да и вообще Камчатка, они ведут себя надменно-снисходительно и глупо крайне. Мне все это знакомо. Они совершенно убеждены, что здесь, «черт-те где», живут нищие аборигены. Ох, как они недооценивают этот народ! Да и народ вообще. А везде люди живут. И везде у них жизнь – полная и особая, единственная.

Днем сел читать Бурсова «Личность Достоевского». И опять просто пронзило меня прикосновение к миру этого писателя, этого человека. Как он изумительно сказал о Гоголе, что кончился тот потому, что за гениальным смехом потерял идеал!.. Какая же он, Федор Михайлович, – мятущаяся, сумасшедше ортодоксальная личность. Да, немало в нем спорного, но все, во что он верит, все это горячо искренне. Потому он и к идейным противникам относился уважительно, если убеждения их были искренни. Издевался над насилием и узурпаторством, террором над мыслью, ее свободой.

Газета «Камчатский комсомолец» тех лет

Все через «Я». Только то, что для художника есть суть его жизни, какого-то этапа ее, суть его мыслей и чувств, – только об этом может он говорить, и это должно становиться предметом его искусства. Дело не в фабуле, а в позиции, в сути того, о чем художник говорит.

Вообще личность эта меня поражает – одновременно вдохновляет и цепенит. Столько чувствую я близкого, волнующего меня. А темперамент его, то есть чему невозможно подражать, захватывает меня и держит во власти, и корежит, и не отпускает.

Бурсов – молодец. Умница. Серьезный и смелый литератор.

> Бардак в нашей комнате был уже такой, что даже страшно было его трогать.

Вечером решили пойти на концерт этих самых «Джигитов ритма». Смешно, конечно, но приятно. Вообще, район этот полон сюрреалистических моментов. Начиная с пробивания потолка знаменем и кончая данным вечером. Да что далеко ходить: мы

решили поужинать перед концертом дома, сделать шашлык, но Володя, у которого был ключ от кабинета секретаря райкома комсомола, где находилось ведро с мясом, отправился куда-то гулять. Но есть хотелось, и я взялся залезть в этот кабинет через форточку. И залез! Странная была, видимо, сцена со стороны: в ночи из кабинета Первого секретаря райкома ВЛКСМ вылезает человек с ведром.

Потом были на концерте. Тоже все в том же духе. Народ ломится. Простодушный поселочек Усть-Большерецк. Артисты же всем своим видом претендуют на публику не менее квалифицированную, чем в «Олимпии».

Девочки из поселка – из-под платков и лисьих шапок торчат приклеенные длинные ресницы. И «Джигиты ритма» из Орджоникидзе – ансамбль, в котором все джигиты из евреев. Все это такое сюрреалистическое соединение масштабов! Вообще – страна сюра.

Видимо, только здесь, в наших просторах, при завуалированном, но фактическом неравенстве (это при внешней-то видимости равноправия) возможно уживание всего вместе. Причем всего того, что по всем законам уживаться не должно!

А эти девочки в залах РДК! Они ж по всей стране. В резиновых сапогах и в пуховых платочках, с приклеенными ресницами и с жаждой всего на свете! Все, что хочешь, будут слушать и смотреть, только давай. А потом обсуждение всего того, что увидали, а утром за лопату и – до синих кругов упираться.

Нет, «Джигиты» эти – ничего.

Кончился вечер вообще странно. До двух часов ночи в районном отделении милиции мы с начальником, голые по пояс, до потери сознания играли в пинг-понг на патроны. Полный сыр! Мат стоит, шарик стучит. Азарт, крики. Кто сидел в КПЗ – представляю, что они там думали.

Какой-то бред происходил и дома (то бишь в райкоме): Зорий ходил по коридорам комитета партии в голубых с начесом кальсонах с ведром в руках и что-то искал. Бардак в нашей комнате был уже такой, что даже страшно было его трогать. Мы уже должны бы жить, как те цыгане, которые между собой советуются: «Ну, что, этих детей вымоем или новых сделаем?»

И какой-то идиотский хохот стоял все это время. Притом юмор тоже сырный.

Лег спать и долго не мог уснуть, как-то разнервничался. Но уснул наконец.

8. XII.72

Встал. Погоды пока нет. Ждем. Может, будет. Но так ее и не было. Решили ехать машиной до города, а уж там самолетом до Тигиля.

Собрались. Все время мучает меня Достоевский (даже если давно отложил книгу, занялся чем-то бытовым). Как же он пронзает вечностью вопросов, которые ставит, общечеловечностью их! Это соотношение вечного с временным, личности с Вселенной, бесконечности с концом. Это соединение масштабов – миг жизни и триллионнолетие звезды. Это попытка вместить в себя окружающий мир. В муках, в борьбе, в сомнениях вырастить и выразить свой мир, соотнеся его с Вселенной. И, наконец, это Вера. Вера и неверие, отчаяние и надежда, день и ночь бесконечной души человеческой. Страдание и радость борьбы духа с плотью…

…Погрузились и поехали. Двигались, в общем, нормально, но уже при подъезде к городу началась пурга, которая усиливалась с каждой минутой, и вскоре белая стена снега, несомого ураганным ветром, встала перед нами.

Федор Михайлович Достоевский

Добрались с трудом до Елизово. Ну, естественно, никакого разговора о самолете и быть не могло. Пурга. Начальник Елизовского летного отряда по лицу – веселый гангстер. Хохотун огромного роста, с горбатым носом и очень коротко стриженной головой, только спереди зачесанный чубчик. Лет ему примерно 45.

Решили ехать в город тайно и там хоть по-человечески помыться у Зория на квартире. К тому времени пурга стала просто ужасной. Ехали со скоростью 30 км/час. Но даже на такой скорости чуть не попали в большую аварию. Спасло нас только то, что идущая навстречу большая машина была от нас на приличном расстоянии. Нас вынесло на другую сторону, но потом так же вернуло обратно, когда мимо пролетел уже автобус «Экспресс».

27 км мы ехали 1 час 40 минут. Но все же доехали. Дом, дом!.. Какой бы он ни был, это дом. Растопили ящиками камин,

титан. Зорий жарил мясо. И все это было блаженство сплошное. Теплый сортир, телефон (хоть и не работающий), чай, спирт… Голод, разжигаемый запахом шашлыка. А по телевизору Ю. Чулюкин на полном серьезе показывает многосерийную х… вину про прерии, про Америку и Аляску, про Хаджи Мурата, который стал ковбоем. И ведь главное-то, что сделано все это без тени иронии и юмора, да и бездарно все отменно. Но смотреть даже такое сквозь утоляемый голод, теплый сортир, спирт и шашлык вполне приятно. А потом мытье. Сказать по чести, растопить титан было очень трудно, так как пурга, что мела на улице, задувала все подлейшим образом. Только растопишь, а тут как задует – и весь дым сквозь щели тащит в комнату. Замучились, но все же растопили… Шампунь! Гимн шампуню!

Стали укладываться. На полу, на вытертых шкурах. Постелились. Володя (как всегда, после легкого подпития) рассказал, сам того не замечая, трогательную историю:

– Я молодой был и влюбился в артистку из театра. Напился. И думаю, как же мне ей понравиться? И придумал. Дождался, пока кончился спектакль и артисты стали выходить. И, чтоб привлечь ее внимание, упал в грязную яму. Как был, в плаще, костюме и в очках, упал в яму и лежу. А они прошли мимо. Я так расстроился, что не стал вставать и уснул в этой яме. Утром подобрала милиция и отправила в вытрезвитель, и штраф заставили платить, и на работу написали, и вообще много бед мне любовь эта принесла.

Замечательная история. И одна из самых связных у Володи. Вообще же, он, конечно, совершеннейший поэт! При этом чаще всего даже не заботится о понятности того, что хочет выразить и что его волнует. Просто из него сразу вылетает какой-то яркий образ. Корявый, незаконченный, обрывочный, но образ! И дела нет, поймут его или нет.

А еще, если название того или иного предмета ассоциируется у него с каким-нибудь рифмованным или просто сходным по звучанию словом, Володя зачастую вообще отбрасывает официальное название предмета и зовет его дальше только этим словом. Так, подогреватель теперь он именует проигрывателем, машинку – кишкой и так далее!..

9. XII.72.

Проснулись затемно. Нужно было ехать на аэродром, узнавать про возможность улететь. Спать же хотелось чудовищно. Но встали. Чайку попили. На улицу вышли.

Я никогда не видел, чтобы за одну ночь намело столько снега – по колено, а то и по пояс. Фонари горят. Суббота. Тепло. Тихо…

И школьники! Ну разве может этот человек с портфелем идти, как все люди? Ждите! Он ползет по грудь в снегу, проваливается, выбирает самые глубокие места. Мокрый весь, потный, портфель полон снега, двойки смыло, в школу опоздал давно, но нет сил удержаться от соблазна. Ломоносов!.. И девочки с щебетом и хихиканьем гарцуют по снежку на ученье.

* * *

Тот сценарий, что мы написали для хабаровчан, они уже хотят запустить, но чтобы снимал я. Все понятно: хотят меня связать по рукам и ногам. Естественно – если я буду его снимать, придется стараться, тут на кондачка не пройдет.

Теперь голова забита этим фильмом, нужно найти философскую мысль – о чем картина, для чего ее делать? Но и тут опять я связан армией.

Что делать? Пока думать.

* * *

Вышел материал Зория в «Камчатской правде», все выкинуто, что было написано хоть как-то критически. Оставлено только «Ура!». Это вообще общегосударственная трагедия – наша печать. Что же это такое?!

Ведь никто уже правды не знает, нигде не читает, кроме руководящих работников, которые как раз выверяют ее от корки до корки, дабы не пропустить чего-либо такого, за что потом в… бут. Что же это такое?! Выхолощенная, изуродованная печать, чьи усилия направлены только на то, чтобы скрыть правду. От кого?! Это называется – ссать себе в карман. А что ж делать, раз есть директива: «Нельзя подрывать авторитета. Ничьего авторитета, особенно начальника».

Ну, еще бы! А как же иначе? Конечно, нельзя подрывать авторитетов, так как они не зарабатываются, а даются вместе с креслом. И защищают его те, кто его, это кресло, этот авторитет, дал. Демократия наша изумительная! А искусство наше – чахлое, отвратительное. Соцреализм – это «воспевание начальников в доступной им форме».

Женя Миловский, который работал преподавателем в школе,

рассказывал, что им пришел приказ: на родительских собраниях при всех детей не ругать. То есть нельзя при всех родителях сказать одному из них, что его сын двоечник и мудила. Так как этот родитель может оказаться ответственным работником. Вот все вышли в коридор, а потом вызывай по-одному и говори все, что хочешь, только не при всех. Нет, я понимаю, может быть, это и хорошо. Если бы это шло от гуманности, от деликатности, от нежелания доставить человеку неприятность. Так ведь нет же! Все это от ханжества, подлости и добровольного рабства.

* * *

День сегодня изумительный. Солнце, капель и тепло удивительно. И от этого очень грустно. Приятно, когда весной, когда почти сойдет снег, видна жухлая прошлогодняя трава. И на осень похоже очень. Но радостно от того, что знаешь – все равно весна. Весна! И ничего уже тут не поделаешь. А вот осенью или зимой выдастся весенний денек, а грустно. Временна эта радость. Кончится все, и запуржит, заметет все, и бог знает когда этот день наступит уже по-настоящему.

Поехали в город на переговоры с обкомом комсомола. Но до этого обедали в ресторане в поселке Елизово. За соседним столом сидели молодые женщины. Потом к ним подошла высокая длинноногая девушка, видимо, их добрая знакомая. Но там для нее не было стула, и она подошла к нам попросить стул. Я же сказал, что не только «можно», но я помогу его донести. Пошлый жест. Хотя хороший повод для знакомства, но… как-то так получилось, что и в лицо ей едва посмотрел, а потом сидел с пылающими ушами. И глупо чувствовал себя ужасно, хотя поступок-то мой, если его рассмотреть с точки зрения джентльменской, был совершенно прост и естественен.

> Вышел материал Зория в «Камчатской правде», все выкинуто, что было написано хоть как-то критически. Оставлено только «Ура!».

В городе приехали в обком. Шумное картонное заведение – идет какой-то очередной семинар. Ходят молодчики с пылающим взором. «Штурмовики». Отвратительно.

Поговорили с Коробковым. Мехов нет до сих пор. Из Тигиля двигаться просто не в чем. Секретарь Овчинников (тот, кто всем этим должен заниматься) – эдакий прыщеватый, с сальными волосами, очкастый и закомплексованный человек. Смотрит в пол, темнит, мычит – ничего конкретного. Потом, уже

надравшись, говорил мне: «Я и не думал, а ты, оказывается, простой парень». Значит, и у него тоже ко мне подход утилитарный. Да, как же я не привыкну к этому. У всех! У всех и всегда ко мне будет такой подход – зависти, недоверия и отчужденности.

Заехал в часть за посылкой. Оказывается, соскучился по ребятам и вообще по всему армейскому идиотизму. Помдежем по части стоял Мыльников, а Мишланова не было – в увольнении. С Женькой мы обнялись, расцеловались, повел показывать мне новую казарму. Остальные все были в кино, и трогать их не стал, а хотелось увидеть.

Потом вернулся к Зорию, а там уже Косыгин и Овчинников. Словом, секретарь наш ухлестался в жопу. Спал между нами с Косыгиным на полу, бегал всю ночь травить и говорил почему-то по-английски.

Утром подъем в 6.00.

10. XII.72

Встали кое-как. Пришла машина. Поехали в аэропорт, съев по яичку. Опять глухо. Небо закрыто. Циклон. Ветер ураганный. Пришлось остаться в Елизово, в гостинице аэропорта.

Пошли давать телеграмму Пашатаеву в Хабару. Пообедали.

День разгулялся. Солнце слепящее. И тут то, что я увидел, возвращаясь из столовой, меня пронзило. Высоко, высоко в голубом небе летели два клина лебедей. Белые лебеди! Как это было замечательно! Лебеди в небе!.. Первый раз это видел. Сколько сразу навалилось ощущений, сколько чувств захватило меня – просто удивительно, и все совершенно необъяснимые, обрывочные и наивные.

Мы вышли на площадь около аэропорта. Множество народа ждало автобус. И тут я почувствовал на себе чей-то взгляд. На меня смотрела высокая девушка в ушанке, темных очках и хорошо сшитом пальто. Я прошел мимо, ужасно заинтригованный.

Зашли в здание аэропорта, походили там. Вновь вышли на улицу. Опять она стоит, смотрит, улыбается. И вдруг подошла.

– Извините, вы Никита Михалков?

– Я, – отвечаю холодно (мол, а в чем дело-то?).

– Ничего. Извините.

Отошла. И хорошенькая, надо сказать. Я еще покрутился. Думаю, как же теперь к ней подойти? А она уж и не смотрит. Я все же подошел к ней.

– Скажите, а почему вы со мной заговорили?

Она улыбнулась.

– Просто вы вчера мне стул помогли подставить, помните? Мне девочки сказали, кто вы. А я не поверила.

А я ее не узнал теперь в шапке и в очках. Действительно, та самая девушка, которой я поднес стул! Неисповедимы пути Господни. Она оказалась преподавателем музыки в Елизово по классу аккордеона. Ей 23 года. Училась во Фрунзе. Теперь здесь, сбежала от мужа, замужем была всего два месяца. Родители ее теперь в Брянске. Папа – летчик-испытатель в отставке. Родственники есть в Москве.

Мы договорились увидеться. Через 2 часа она обещала позвонить ко мне в гостиницу.

– Это возьмите. – Она протянула мне кулек.

– Что это?

– Пирожки.

Ребята уехали в город, а я остался. Вот как важно быть вежливым и вовремя подать даме стул. Удивительно. Я шел в гостиницу и все думал, что ничего не делается Богом просто так. Какой-то огромный потаенный смысл есть в переплетении дорог и судеб человеческих. И ничто не проходит даром.

Ждал я долго, и она позвонила. Мы встретились на улице. Я дал ей ключ от номера, а сам пошел в аэропорт, в ресторан. Купил там вина и какой-то ужаснейшей закуски.

Она была в номере. Люся Богомолова. В общении проста и естественна. И ужасно обаятельно чуть заикается. Пили вино, трепались, а на улице наступали изумительные лиловые сумерки.

Она сказала, что здесь рядом, в общежитии, живут ее товарищи, которые сейчас «гуляют». И можно к ним пойти. Взяли спирту, пошли. По дороге встретили Володю и его прихватили. Там и впрямь гуляли, и уже изрядно «нализамшись». Часть их даже уже и стоять не могла. То есть многие лежали.

…Гитара, песни и рассказы. Все мешали и все пили. Володя стихи читал, пел и «кнопочек» разглядывал во все глаза. А я смотрел на Люсю, пьянел и все думал, что ничего просто так не бывает.

…На автобусе ехали в поселок. Ночь, темно. Потом шли какое-то время пешком… Люся зашла к подруге – взять у нее ключ от комнаты. Я ни к кому заходить не хотел, остался на улице. Но подруга по имени Неля вышла в халатике и затащила меня к себе.

Яичница была и конфеты, и спирт опять…

Пошли наконец к Люсе. Признаться честно, что-то во мне шевельнулось гнусноватое – а не остаться ли у этой Нели, тем

более что она уже в халате. Ужас и кошмар. Но это, кроме всего прочего, было бы и предательством по отношению к «неисповедимости путей». Хотя, если бы я и остался, это тоже была бы неисповедимость.

Пришли наконец. Дом хороший, каменный, секции. Квартира на четвертом этаже, двухкомнатная, но во второй комнате живет соседка с сыном. Комнатка у Люси маленькая, чистая, девичья. Много таких комнаток я видел. В них всегда чисто, уютно…

> Никто не лишил ее невинности! А она-то была убеждена, что давно уже женщина, просто ненавидит мужчин и не представляет, что это за радость в постели. Я ей сообщил, что только теперь она стала женщиной.

Помню, ушел я в Москве из дому в морозную ночь, надоело все. И пошел к Светлане, что жила в переулочке, рядом с нашим домом. Щенок жил у нее, и диванчик стоял, и книжечки на полках. Всего понемногу, но все есть. Она сидела в кресле и вязала что-то, я сидел на диванчике – смотрел на нее. И мы ничего не говорили, молчали. Замечательно это было… Девушкины комнаты…

Вот я и здесь, у Люси Богомоловой. Дальше все было прекрасно и трогательно… И мы хохотали с ней шепотом… Странно. У нее до мужа был любовник, потом муж, от которого она сбежала в первую брачную ночь и навсегда (с тех пор она здесь, уже два месяца). Но никто не лишил ее невинности! А она-то была убеждена, что давно уже женщина, просто ненавидит мужчин и не представляет, что это за радость в постели. Я ей сообщил, что только теперь она стала женщиной. А она вдруг начала хохотать – и над собой, и над своими мужиками, да и надо мной. Воистину, все это было прекрасно.

Потом она плакала от чего-то. Это уже одна, отвернувшись к стенке. Плакала тихо и не для того, чтобы я это слышал.

11. XII.72

Будильник ударил по больной голове в 7 утра. Что я? Где я? Темно… Все вспомнил!.. Никакой тяжести от всего, что было, я не испытывал. Лежал и слушал, как по трансляции передавали отрывки из «Принцессы Турандот», причем вместо текста пьесы говорили рекламные тексты о почте.

> О, Господи! Как же кормит «общепит» великий советский народ! И, что самое удивительное, что всем

тем, кто заскакивает в эту столовую перехватить, совершенно безразлично, как их кормят.

Я и забыл было совсем про соседку, которая прошлепала вдруг по коридору, выйдя из комнаты своей, и теперь я мог уйти только после нее – то есть когда она уйдет на работу. Соседка шумно сходила в гальюн, видимо, не прикрыв за собой дверь. Потом проснулся ее сын, как я быстро узнал – Гена, которому нужно было идти в школу.

Я сидел, спустив ноги с раскладушки, и слушал, как соседка готовила завтрак, как они ели и как потом Гена не мог найти пионерский галстук и книжки. Мама его тем временем мыла посуду, сама одевалась…

А мне нужно было торопиться. В любую минуту могли «открыть» аэропорт, и самолеты, один за другим, станут подниматься в воздух. Но я просидел час, пока соседка с сыном не ушли. Люся волновалась за меня и переживала, и спрашивала: что мне будет?

Да что мне будет?.. Она была трогательна и нежна. И потом я ушел.

Темно было очень, но люди спешили уже на работу, волоча сначала в детские сады своих детей. Сел в автобус. Он быстро наполнялся работягами. Деловые, хмурые, озабоченные люди. Давно я не ездил в утренних автобусах.

Справа от меня сидели два человека, молодой и постарше. Молодой сказал:

– Весь трясуся. Вчера перебрал.

А второй мечтательно ответил:

– А я вот все думаю, почему в Чили каждый день каждому ребенку дают по литру молока, а у нас нет?

Это было как раз время приезда Альенде в Москву.

«Что этим людям нужно? – думал я. – Как для них работать? Что делать? Ведь именно для них нужно работать. Только для них. А как? Если их интересует и радует только то, что у меня вызывает гнев, протест, ненависть? А они именно на этом воспитаны и в это верят, ибо нету у них ничего другого. Даже информации никакой, кроме этого нахального вранья, нет».

Приехал в гостиницу. Тихо. Кроме Володи, которого, видимо, вчера здорово «укачало», никого.

Лег, поспал.

После этого пошли обедать. О, Господи! Как же кормит «общепит» великий советский народ! И, что самое удивительное, что всем тем, кто заскакивает в эту столовую перехватить, совершенно безразлично, как их кормят. Как готовят и как

подают. Скандал случится, только если нет хлеба, соли. Или если все очень уж холодное. А остальное посетителей волнует мало. Как будто общий принцип: «Сыт, и ладно». А уж чем накормили – вопрос десятый. И теперь выяснять это некогда. Да и всегда некогда.

Дальше дело развивалось так.

Весь день ждали погоды, но ее все «не давали», и вылет откладывался – сначала на час, потом на два… Наконец дали отбой на все время, до завтра. Зорий поехал с Женей в город, мы с Володей остались. Вообще, Володя несколько расцветает, когда остается без «папы». Как-то открываются сразу перед ним перспективы. Зория он любит, но ужасно его боится.

Я уже знал, что поеду в Елизово, да все откладывал этот момент. Люся была убеждена, что я улетел. Такая ситуация мне была странно приятна… А Володя все потирал руки, хихикал, и было ясно, что он напьется.

Некоторое время мы еще смаковали, каждый про себя, свою свободу, а потом оделись и пошли. На стоянке такси знакомый водитель сказал нам, что Зория много раз вызывали по радио. Я побежал в справку, и там мне сообщили, что для нас есть специальный борт, на котором мы можем лететь. Но ни Зория, ни Жени не было, и мы с Володей с чистой совестью поехали в Елизово.

Я не пошел сразу к Люсе. Для начала мы зашли с Володей в ресторан и поужинали, и только потом двинулись дальше. Около каких-то гаражей нас окликнули – это был Санталов. Тот самый гангстер – секретарь райкома. Разговорились, и он зазвал нас к себе… Но я все-таки должен был зайти сначала к Люсе!

Самый настоящий дождь в декабре, да еще на Камчатке! Это – гибель оленям. Ударит мороз, и весь олений корм останется подо льдом.

Володя увязался со мной… Ее не было дома. Дверь открыл тот самый школьник Гена «Хромосомов», который утром все не мог найти свой галстук. Потом я увидел и его маму – с ней я тоже был уже отчасти знаком по тем интимным звукам, что доносились этим утром из-за дверей Люсиной комнаты. Это была высокая и красивая молодая женщина. Я спросил Людмилу Николаевну Богомолову и просил передать, что заходили земляки. Я был совершенно уверен, что соседка опишет меня, и Люся поймет, кто заходил, а потому решил не называться. И мы отправились к Санталову.

Жена его красива, но, кажется, сука порядочная. Улыбчива, хозяйственна. Дочке год и 9 месяцев. Обаяние фантастическое. Человечек с голландской картины. И умница уже, и кокетка.

Сели за стол, выпили. Заспорили, разговорились. И опять о Солженицыне, о Сталине, об экономической нашей политике. Одним словом, все как всегда у меня с секретарями райкомов (хорошая фраза, если вдуматься). Но Санталов – умница. И не боится. У него есть профессия, он механизатор, и терять ему, в общем-то, нечего, оттого и приятен, и смел.

Так за разговором и не заметил я, как часы показали 2 часа ночи.

Я поднялся и сказал, что должен пойти в гости к одной девушке. Санталов завопил, что в это время никто уже никого в гости не ждет, но я все-таки стал одеваться. Тогда Санталов дал мне 25 минут и даже посоветовал для скорости не надевать сапоги, а бежать в тапочках – туда и обратно. Мол, все равно вернешься. Но я почему-то был уверен, что этот странный роман, начавшийся с поднесенного стула, не подведет.

…Было 15 минут третьего, когда я поднялся на 4 этаж. Я даже не успел позвонить, как дверь открылась. Люся меня ждала, и давно. Все сидела у входной двери.

Теперь она смеялась и говорила, что убеждена была, что я приду, что чуть не умерла, когда узнала, что мы с Володей приходили…

…Будильник зазвонил теперь уже без 20 минут семь. Я боялся, что опять стану свидетелем соседкиного туалета.

У Люси был заказан разговор с братом. Мы вышли на улицу. Темно было, и падал снег. У дома Санталова мы поцеловались и разошлись.

Санталов и Володя сидели за столом все так же, как я их оставил. Пили чай, спирт и трепались. Я к ним вновь присоединился, а через час Санталову нужно было идти в райком… Через час мы расстались.

Темными улицами шли мы с Володей на автостанцию, чтобы ехать в аэропорт. Снег падал, хрустел под ногами… И вдруг крепкий снежок, брошенный в Володю, попал ему в грудь. Это опять была Люся – она шла домой с переговорной… Люся была весела и смеялась, и рассказывала про брата. Володя шел рядом с нами – и я краем глаза видел, что он чему-то улыбается, словно рад был чему-то ужасно.

Автобус был пустой совсем, куда-то пропали вчерашние работяги или уже все уехали. Люся махала нам вслед рукой, а я просто на нее смотрел сквозь заднее стекло автобуса…

В гостинице выяснилось, что на Володю пришло три «телеги» из того общежития, куда я его взял с собой позавчера. Опять он что-то натворил.

Оказалось, все это писала жена шофера директора аэровокзала – конечно, сволочь страшная. Но вроде бы все обошлось, если не считать вконец испорченного настроения к похмельной и без того голове. Тоска зеленая.

12. XII.72

Поссорился с Зорием, который, видимо, не понимает, что принцип общения со мной должен все же несколько отличаться от принципа общения с мудаками, которым можно запудрить «на арапа» мозги и давить демагогическими догмами.

Но это не важно. Нужно было улетать.

Загрузили машину, доехали до самолета «Ли-2». Штурманом оказался один из парней, которые гуляли тогда в общежитии. Полетели. Ох, и тоскливо же мне было – страсть… Сели в Соболево. Вечером выступление. Уговорили летчиков остаться с нами, а завтра лететь в Тигиль. Согласились.

Устроились в гостинице. Номер люкс. Приняли отлично. Все хорошо, за исключением головной боли, да еще того, что очень уж странная в том люксе ванная комната. Дверь стеклянная. Ванна с одним вентилем на кране. Над раковиной умывальника кран тоже с одним вентилем, но над ним висит еще сосковый бачок. Унитаза нет, но есть писсуар, расположенный у самого окна – так, что, когда им пользуешься, возникает ощущение, что мочишься из окна прямо на улицу. Вообще, столь удивительной ванной комнаты я не видел еще никогда.

Весь день тоскливо мне было ужасно. Лег поспать… А вечером выступали. Знобило меня, и вообще самочувствие довольно х…вое.

Райком вечером устроил ужин в нашу честь. Володя, как обычно, вечером побунтовал, и легли спать.

13. XII.72

Утром чувствовал себя лучше. А на улице… дождь! Самый настоящий дождь в декабре, да еще на Камчатке! Это – гибель оленям. Ударит мороз, и весь олений корм останется подо льдом.

Лететь никуда нельзя, весь полуостров закрыт. Хотя и хриплю, все же уговорили меня выступить днем перед детьми в клубе.

До чего же ненавижу перед школьниками выступать! Вернее, не то, то есть не в этом дело… Просто, видимо, такое настроение,

и не совсем хорошо себя чувствую.

Выступил. Пришли домой. Сделал все же зарядку и сел работать. На улице сильный и теплейший ветер. Дождь не прекращается… Видимо, вечером пойдем в кино.

Смотрели фильм Метальникова (*это сценарист, режиссер – Сергей Микаэлян. –* ***Современное примечание автора***) «Расскажи мне о себе». Все-таки это другое поколение, но пронзительность есть. Картина достаточно искренняя и снята Микаэляном профессионально.

…Володя рассказал хорошую историю о том, что в тундре у пастухов-коряков есть поверье никогда не убивать волков. (Верней, раньше было такое поверье.) Но все же оберегать ночью стадо нужно. Так вот, пастухи, особенно старые, приучили себя во сне петь! Вот и поют всю ночь напролет, и сидя, и лежа, – перепевают все свои песни. Рассчитывая, что волк ходит вокруг стада, слышит песню пастуха и думает, что тот не спит.

Сегодня опять сел продолжать «Катушина» *(наброски незавершенного сценария. –* ***Современное примечание автора****)*. Вновь мир его окружил меня и мучает. Надо бы двигаться дальше. Но куда идти?.. Одно знаю – только проникновение, пронзительность и правда во всем – то, что может сделать Катушина живым человеком.

14. XII.72

Ночью был ураган. Ветер выл адски, и сквозь щели окна, у которого я спал, со свистом залетали снеговые вихри. Всю ночь «дуба врезал»!..

Утром ветер стих. Но все же сырость ужасная. Говорят, в Петропавловске и вовсе ад. Создан штаб. Люди на работу не ходят. По городу разрешено ездить только медицинским, милицейским машинам и спецавтобусам. Уже второй день нет электроэнергии. Кошмар.

Все утро думал про Катушина, читал Ф. М. Д.

Как сложно о своем герое в полный голос говорить! Что ни скажешь – все не до конца. Я еще подумал, что на самом деле все равны – и гений, и не гений. Равны в сущей жизни и в смерти. Мысль, кажется, не новая, но она меня порадовала, эдак гаденько. Вот гений – всю жизнь пытается приблизиться к истине, к решению главных вопросов, и приближается к ним, но все равно так и умирает с загадкой в душе, а не гений и не стремится приблизиться к какой-то отгадке, к постижению истины, и умирает, не задумываясь, в общем-то, об этом, а живя только

насущной жизнью. Это было уже – когда Толстой сравнивал мальчика Федю (кажется) с Гёте и приходил к выводу, что Федя счастливее и честнее Гёте.

* * *

Читал, читал Ф. М. Д., потом делал гимнастику, потом пошли в райком.

Всюду висят надписи: «Достойно встретим 50-летие образования СССР…» и т. д. Праздники, праздники!.. Зачем все это?! Неужели уже невозможно работать без допингов?!

Нет, невозможно. На то оно и идолопоклонство. Вздрючивают, вздрючивают народ, стращают, а он только вкалывает. За него обязательства дают, премии за него получают, а он пашет.

И нельзя этому строю иначе. Невозможно уже не сообщать по радио, что с каждым днем нам все лучше. И опять лучше. Уж, кажется, и некуда больше: 50 лет, и каждый день – все лучше и лучше.

«…В борьбу за достойную встречу Праздника 50-летия включился…» и т. д. И ничего живого, человеческого, чувственного, истинного – все ложь, суета и высокопарная демагогия коммунистических утопистов-язычников. Как же все это больно!

Сегодня мы с Зорием попросили милицию разрешить нам поговорить с человеком по фамилии Марков. Вчера ночью он застрелил свою мать. И вот мы к нему пришли.

Это маленького роста человек с глубоко посаженными боязливыми глазами. Говорит тихо, путаясь, но не от того, что лжет, а вообще от общего косноязычия и жуткого волнения.

Мать давно уже лежала в параличе. Ходила под себя и обузой была, конечно, большой. Пять лет назад один из братьев этого Евгения Маркова застрелил человека (из-за какой-то бабы). А сам Женька Марков жил с некой Катькой, которая здорово пила, как, впрочем, пил и сам Марков. Так вот, со слов Маркова так получается, что вечером он выпил, лег спать и ночью проснулся от того, что кто-то лез в окно. Перепугался он, выскочил в сени, схватил ружье и выстрелил… Это оказалась его мать. Но как она попала на улицу, Марков объяснить не мог – она ведь много лет уж не ходила.

Вероятно, все это вранье, но у меня этот человек вызвал жалость. Покорен и тих. Я спросил его, какое самое большое несчастье было у него в жизни. Он сказал:

– Когда жена моя первая меня бросила. – И так он об этом сказал, с такой болью, и видно было по глазам, как полетели далеко его воспоминания…

Там у него две дочери.

– Мы с ней хорошо жили, а потом появился один… И она к нему ушла.

– А зачем мать убил, нарочно?

– Я бы не убил, если б знал, что это мать… Хоть и трудно с ней было.

Жил он с этой Катькой, которая, видно, сказала ему: «Или я, или мать! Не могу я за ней больше ходить». Побоялся потерять он эту Катьку, уже по инерции – от того страха, который остался после предательства первой жены, и убил мать. (Конечно, это все предположения, тут я не слишком компетентен.)

А когда мы его спросили:

– Какое было самое большое твое в последние годы желание?

Он не понял – решил, что речь идет о последнем желании вообще, как перед казнью. Что с ним сделалось! Это невозможно сыграть, описать, повторить. Лицо изменилось, но не все сразу, а как-то отдельными участками затрепетало, задергалось, но тоже не резко, а словно ползла по нему изнутри какая-то тень. Длилось это считаные секунды.

– Как последнее? – чуть слышно спросил он.

– Последнее. В смысле самое большое желание твое за последнее время.

Придя в себя, он улыбнулся и ответил:

– Жить получше.

Удивительно он это сказал: «Жить получше». Я не берусь ни судить, ни оправдывать этого человека. Но я еще раз убедился, насколько истинность человеческого существа пронзительнее и ценнее любой имитации. Даже преступник, который заведомо лжет, играя со своею судьбой, истинен, но не в смысле правдивости своих «показаний», а в смысле своего ежеминутного существования. Это очень важно для актера. Только труд наблюдения – за людьми, за собой – дарит подобные находки!

15. XII.72

Снился какой-то замечательный, но сумбурный сон. Все в нем были. Радостный был это сон и приятный. Много раз просыпался я и даже говорил что-то. Даже, помню, засмеялся громко.

Проснулись. Ураган кончился, но лететь пока нельзя. Тигиль не принимает. Утром звонили секретарю, и тот не преминул

выразить нам свое неудовольствие, что без его ведома таскались в милицию, общались с преступником Марковым. Это ему сообщил местный прокурор – человек с отвратительнейшим в мире лицом. Глаза навыкате, нос острый, и до того тонкая верхняя губа, что когда он улыбается, и вовсе она исчезает, обнажая огромные, лезущие вперед зубы. Ужасное произвело это лицо впечатление. Оно и доложило.

Зашли к секретарю, объяснились. Мышиная возня все это, конечно.

Важнее другое. В столовой еще раз убедился в том, что женщины наши удивительно некрасивы. «Благосостояние общества определяется количеством свободного времени». Кажется, Маркс сказал. А какое уж тут благосостояние, когда у женщины даже времени нет о себе подумать. Что ест – всем все равно, где живет – все равно, во что одета – все равно. Все – все равно.

Вечером смотрели плохую югославскую картину «Западня для генерала».

16. XII.72

День был, прямо сказать, насыщенный. Началось с того, что дали погоду – можно лететь. Прибыли на аэродром. Там летчики очищают полосы от прибывших давно и здесь застрявших самолетов. Ведь два дня шел дождь, потом снег, а теперь все это заморозило.

Колеса самолета проваливаются чуть ли не по оси в снег, под которым вода. Летчики торопятся. Солнечно – подтает дорожка, и опять сиди. Мы вчетвером начали им помогать отогревать печками и чехлами фюзеляж, лопасти и винты.

Тут на посадку зашел «Ли-2» из города. Все летчики, сколько их было, вышли к полосе смотреть. Это был первый рейс после того, как полоса была закрыта.

Довольно страшно было на это смотреть. Шасси самолета коснулись земли и сразу провалились в снежную жижу, но самолет продрался… И тут же его оторвало от земли и понесло в сторону с полосы, но летчик удержался на ней, и все обошлось.

Я стоял рядом с нашими пилотами и глядел на них. Все были мрачнее тучи. Второй пилот тихо сказал командиру:

– Видали? Мы так же заруливать будем?

Командир тонко улыбнулся в ответ.

После такого диалога, честно говоря, настроения у меня не прибавилось. Готовили машину долго, наконец пассажиры

полезли в самолет.

Завелись и вырулили на полосу. Пока рулили, то и дело проваливались в снег, чуть не задевая крыльями полосу. Страшно было, наконец рванулись и помчались. Хвост таскался юзом из стороны в сторону. Самолет проваливался то одной, то другой стороной – так, что крылья махали. Я перекрестился, и тут мы взлетели. Пронесло.

Летим и летим, все вроде нормально. Прошло часа два. Я пошел к летчикам в кабину. Как раз начали снижаться. Молоко кругом сплошное…

По приборам видно, как теряем высоту. Уже всего 800 метров. Второй пилот посмотрел на меня и, видимо, увидев, что я не спокоен, улыбнулся.

– Сейчас вынырнем, – сказал он, – после шестисот.

Шасси самолета коснулись земли и сразу провалились в снежную жижу, но самолет продрался…

700 метров, 600, 500, 400, 300, а все молоко и молоко, не видно земли. Летчики зримо вспотели. Переговариваются по ларингам, а я ничего не слышу из-за грохота моторов.

Уже 200, 150, 100 метров! Нет земли, сплошная облачность и снег! Слышу, второй кричит командиру:

– Уходим, тут сопки под 150 метров, опасно!

И, задрав нос, наш «Ли-2» ушел на Палану…

Посадку просидел я с летчиками. Волнующее и странное это было зрелище.

Столица Корякии. Володя ушел к своей Фа, как он называет свою жену Фаину.

Разместились в гостинице. Пришел второй секретарь райкома партии Толстых Юрий Владимирович. Здоровый, белозубый сибиряк с обаятельной улыбкой. Разговорились, выпили спирту. Он после бани и где-то уж маленько «врезал». И теперь его «прихватило». Но мужик приятный. Стал зазывать нас в гости.

Жена его, как потом узнали мы, – тиран. Еврейка, держит своего русака в ежовых рукавицах. Но теперь она в командировке, и он «гуляет», спешит нагуляться.

Мы пошли в кино, пообещав ему, что позже зайдем обязательно. Смотрели чудовищную гадость Валерия Чахшу. И фильм мерзкий, и когда я его смотрел – ясно вспомнил лицо и повадку этого чванливого молдаванина.

Потом зашли к Толстых. И опять был «полный сыр». Опять Кафка.

У секретаря накрыт стол, помидорчики, огурчики, оленина и

так далее. Кубанская. Выпили бутылку, вторую. Причем все это без Володи, а то бы… я просто не знаю, что могло произойти!

Второй секретарь наш в какое-то мгновение отключился вовсе. Повело его. На попытку уложить его спать ответил ударом Жене «по шарам». Я заволок его в спальню, и два часа мы с ним боролись. Но как! Он же – сибирский мужик, и вот началось! Пока Зорий убирал со стола, мы скатились с ним вместе с кровати. Я придавил его в углу и так вынужден был держать минут тридцать. Хороша сцена в квартире второго секретаря райкома.

Короче, спать мы уложили его уже в обмороке. Ох, кошмар!

И пошли мы с Зорием… на танцы. (Женя ушел спать.)

Это фантастика! В соседнем с кинозалом помещении какой-то коряк в смокинге и с наивным умилительным лицом из театра кукол обучал группу бальным танцам. А жена его, огромная русская баба в очках со стеклами +9, сидела в шубе рядом и следила за ним. Он ее называет не иначе как Валентина Константиновна и боится как огня.

С Балаяном в музее Паланы

А потом начались просто танцы. Там мы встретили секретаря райкома комсомола. Коряк – Миша. Вернее, эвен. Хитрый, остроумный и толковый парень. Похож на казаха.

…Потом пошли спать.

17. XII.72

Опять нет погоды, и в Тигиль мы попасть никак не можем. Сидим.

Спали долго. Потом долго смеялись, вспоминая вчерашнюю историю. Толстых не позвонил, и дома никто у него не ответил. Может, уехал куда, но странно, что к нам не зашел.

Отправились в местный музей… А там мило очень и приятно. Маленький, уютный музейчик.

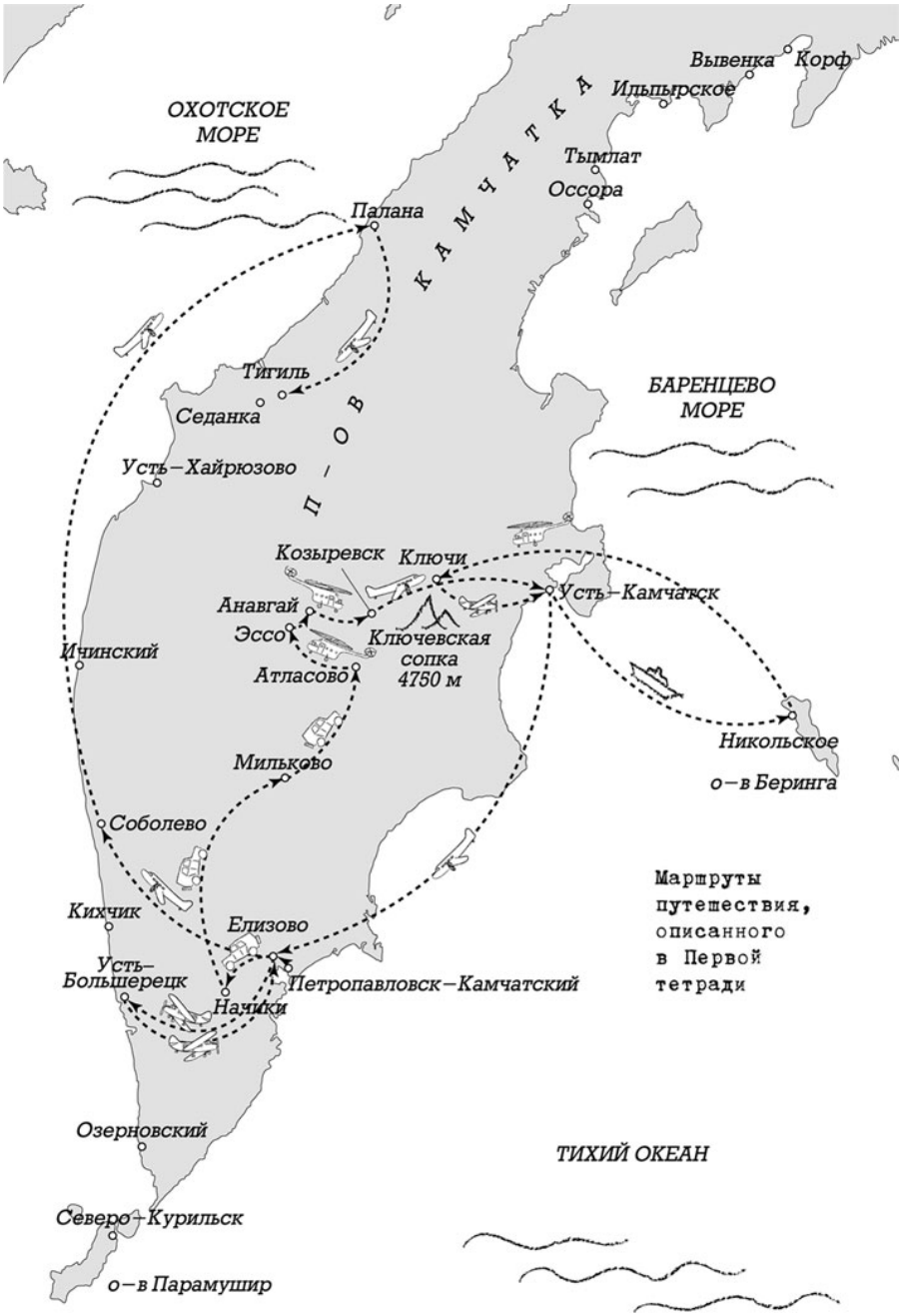
Ждем погоды. Тигиль пока закрыт. Пойдем, видимо, в кино на «Черный тюльпан». После ужина зашли в только что открытый в Палане тир. Ну, естественно, убийственное количество мальчишек и вообще «мелочи пузатой», и очень много девочек-корячек стреляет в этом тире.

«Черный тюльпан» – фильм Кристиана-Жака. Совершеннейшее порождение французского искусства. Холодно, расчетливо, технично, но совершенно бесстрастно. Техника актеров ювелирная, но все это напоминает фарфоровый паровоз, который и пыхтит почти по-настоящему, и гудит, и пар пускает, но все на месте. А самому ему кажется, что летит на всех парах вперед и вообще очень он важная машина.

Кончаю свою первую дневниковую тетрадь.

Пути-дороги первой тетради:

Петропавловск-на-Камчатке
Елизово
Начики
Мильково
Атласово
Эссо
Анавгай
Козыревск
Усть-Камчатск
Остров Беринга
Ключи
Усть-Камчатск
Елизово
Усть-Большерецк
Елизово
Соболево
Палана
Тигиль


ОХОТСКОЕ МОРЕ
П О В К А М Ч А Т К А
БАРЕНЦЕВО МОРЕ
ТИХИЙ ОКЕАН
Вывенка
Корф
Ильпырское
Тымлат
Оссора
Палана
Тигиль
Седанка
Усть–Хайрюзово
Козыревск
Ключи
Усть–Камчатск
Анавгай
Эссо
Ключевская сопка 4750 м
Атласово
Ичинский
Мильково
Никольское
о–в Беринга
Соболево
Кихчик
Елизово
Усть–Большерецк
Петропавловск–Камчатский
Начики
Озерновский
Северо–Курильск
о–в Парамушир
Маршруты путешествия, описанного в Первой тетради

Вторая тетрадь

18. XII.72

Начал новую тетрадь. Просто по поговорке: «С понедельника – новая жизнь». Сегодня понедельник, и я начинаю новую тетрадь.

…Сделал большую гимнастику. До пота, до усталости. Ждали открытия Тигиля – и наконец он открылся. Можно лететь. Собрались быстро и делово. Читал вечером Андрея Битова, хороший писатель. Несколько все же лабораторный.

Володя два дня провел дома с семьей и утром пришел несколько бледноватый. Общение с «половиной».

Поехали на аэродром. Все те же люди, которые с нами летают вот уже несколько дней, почти полторы-две недели. Вообще, это для Антониони. Несколько человек, скажем 9–10, летят на самолете куда-то. Они не знакомы и летят каждый по своим делам, но долететь до пункта назначения никак не могут. Вот погода не пустила, и пришлось сесть раньше и несколько дней жить вместе. Опять полетели, и опять мимо, на этот раз пришлось сесть дальше. И снова несколько дней вместе сидят, 9 человек и 5 летчиков. И между ними происходят – любовь, измены, страсти и так далее!.. Но главное – то, что это все происходит не в Италии, солнечной и белой, а в СССР, с обшарпанными сортирами и умывальниками с сосками.

Кстати, о сортире. Надо бы сделать удивительную коллекцию описаний сортиров всей Камчатки.

Короче, прилетели в Тигиль, разместились.

«Мороз и солнце…» Снег хрустит. Разместились. Пообедали. Пошли в кино на старую картину Арнштама «Друзья». Ох, и кино Лелик лудил. Ну, да бог с ними.

Пришли домой, буду читать.

19. XII.72

День прошел нормально, за исключением того, что морозище, хотя и солнечно.

Встречались со стариками. Милые, трогательные люди, так чутки и внимательны к тем, кто у них расспрашивает что-либо о прошлой жизни.

Купил Степану сапоги-кирзуху. Они хоть и смешные, да

ловкие. Пусть шлепает по Москве в кирзухе. Обедали. Потом готовились – вечером опять выступление.

Народу в клубе – битком. Выступали. Все прошло нормально, только вот все никак не проходит у меня чувство какой-то вины и никчемности, которое возникает порой и теперь, как раньше в прошлой моей жизни. От этого вновь неспокойно. Чужим себя чувствую всему – и здесь, и там, «на материке».

Вообще, опустошение сейчас какое-то. Видимо, идет оно и от того, что нужно снимать этот фильм о походе, а как зажечь в нем искру Божию, пока не знаю. Нужно думать, а неохота. Да деваться некуда, придется.

Почитаю…

Я разволновался. Вдруг подумал, что кино наше (большая часть фильмов, во всяком случае) никаких усилий, затрат нравственных не требует от зрителей. Заплатил 30 копеек и смотри себе. Оттого и титров никто не читает, что никогда не понадобится зрителю вспомнить, кто делал картину, вспомнить для того, чтоб поразмыслить над ней, сопоставить с другими произведениями кино, да и литературы, оценить мысль, стиль режиссера, о чем-то поспорить… Зачем им это? Посмотрел и забыл, и пусть горит все огнем. Леность мысли от бедноты нравственной, от желания лишь простого развлечения, не больше.

А идет все от чудовищного извращения социальных отношений между людьми, да вообще извращения всех отношений человеческих.

Болельщик, бросающий бутылку со 106 ряда на стадионе имени Ленина, знает, что сейчас там, внизу, кто-то хватается за разбитую голову, и все, рядом с тем пострадавшим сидящие, будут оглядываться и кричать, но так никто и не узнает, что это сделал ОН… ОН, то есть его «Я». Самовыражение социалистической личности!..

Дайте же ему возможность заработать, дайте надежду на жизнь лучшую! Но реальную надежду! Его пичкают лозунгами и обязательствами, его мучают выдуманными праздниками, а ему всего-то «жить хочется получше»!

Ему вера нужна и надежда!

20. XII.72

Утро опять было солнечным и морозным. Сел писать для «Камчатского комсомольца». Вообще, в отношении этих материалов я стал циничен крайне. Просто компилирую все подряд без всякого зазрения совести.

Потом сел за сценарий. Мне он пока не ясен. Вернее, не ясен сам образ фильма, а от этого противно все крайне.

Но все же работал. Вообще, имел сегодня снова неприятный разговор с Хабаровском. Что-то не нравится мне вся эта организация…

А суетиться все-таки тут нечего. Нужно делать свое дело, и делать его так, чтобы каждый эпизод интересен был сам по себе, вне зависимости от монтажа. Нужно снять все красиво и изящно, а главное – самому чтоб было интересно! Сохранить бы это ощущение, и наплевать на остальное. В конце концов, что я теряю? Ну, не заплатят денег, ну и бог с ними. Что ж тут делать?

Короче говоря, день прошел в сомнениях, работе и самое главное – в ожидании бани. Да, сегодня обещали баню с паром… И она была! Это было изумительно. Какая-то «биологическая сказка»! Что-то происходит с человеком в бане. Когда горячий пар обжигает все тело, ломает его, и блаженное чувство разливается по всем костям и мышцам, и какой-то тяжелый становишься, но блаженство полное… Постирались, это тоже приятно.

Потом пришли домой ужинать, но я почти не ужинал и не стал даже пить ничего. Это тоже приятно.

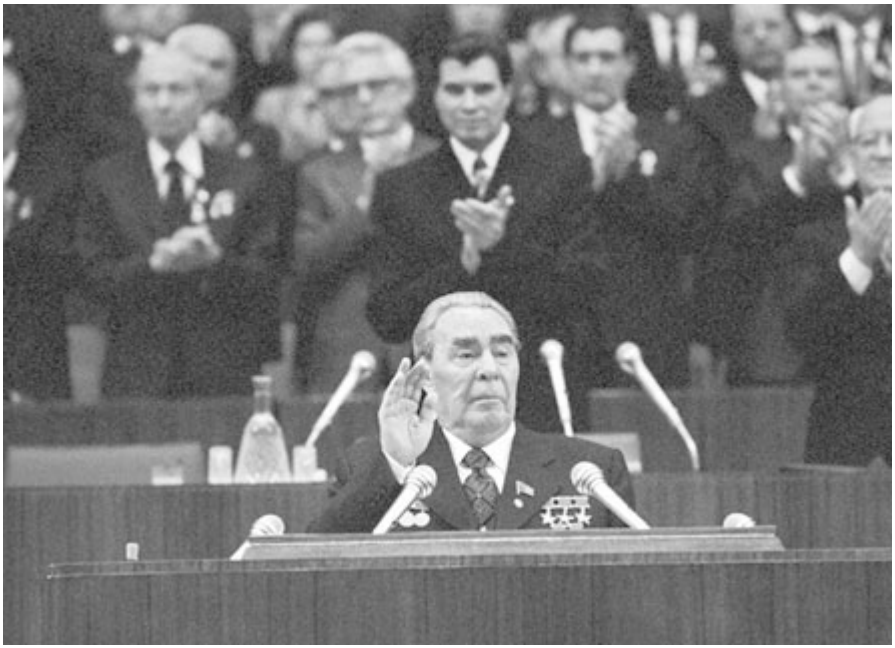
Думать, думать нужно о картине, и почитать нужно, конечно.

21, 22.XII.72

Два дня ничего не писал. Да ничего особенного и не происходило. Работали.

Весь день провел дома. Никуда не ходили и только вечером смотрели ужасную шнягу под названием «Путина».

По поводу несколько гриппозного состояния выпили спирту. Весь ужин из радиоприемника лилась речь Брежнева. Ни одной новой мысли, и все же утром она была названа глубоким исследованием международного положения, этапом и так далее. Просто «голый король» какой-то.



Леонид Ильич Брежнев на трибуне

Спали плохо, ибо в 3 ночи раздался телефонный звонок, который заливался потом непрерывно полтора часа. Но никто не хотел встать и его заткнуть, было лень. Хороша ситуация – четыре идиота лежат среди ночи с закрытыми глазами и делают вид, что спят, хотя не спит никто. И во всю глотку орет перемкнувший телефон.

Кончилось тем, что Зорий все-таки поднялся и сходил, чтобы поднять и снова шлепнуть трубку на рычажки, но по пути к телефону в темноте разбил графин (кажется, нечаянно, хотя кто знает).

Проснулись все тоже разбитые. Но гимнастику сделали.

Опять работал. Весь день никаких событий не было. Вечером к нам зашли первый секретарь райкома и предрайисполкома. Посидели, поговорили. К концу разговор стал почти уже непринужденным.

> Весь ужин из радиоприемника лилась речь Брежнева. Ни одной новой мысли, и все же утром она была названа глубоким исследованием международного положения. Просто «голый король» какой-то.

Первый секретарь – Орешкин – эдакое волжское чувырло, но мужик симпатичный и, что приятно, довольно начитанный. К тому же член Союза журналистов. Поговорили, и они ушли,

договорились завтра выехать вместе на природу.

Затем мы отправились в клуб, где шел местный, тигильский, КВН. Это странное зрелище. Телевизоров тут нет, так что игра идет «вслепую», то есть люди играют, совершенно не представляя себе, что это за игра. Ведущий задает вопрос, а тот, кто должен ответить остроумно и находчиво, отвечает на полном серьезе, так что смысл игры потерян начисто.

Еще, что странно, в одной из команд было много каких-то молодящихся, но явно не молодых мужичков. Один – с протезом вместо руки, другой – этакий заведомо-ершистый, «душа общества», ну, полный мудак!..

Потом были танцы, и я даже потанцевал. Да, да, потанцевал с двумя девушками из столовой. Но кроме нас никто так и не вышел танцевать – все сидели по стенкам, краснея. Что ж, завтра нам рано вставать, и мы пошли спать.

Признаюсь, что от съеденных слив несколько пронесло. А жаль, можно было еще потанцевать, это приятно.

23. XII.72

Вот и состоялся наш раут с секретарями райкомов. Утром они заехали за нами на трех машинах. Поехали на рыбалку и на шашлыки. Мороз был за –30°. Очень холодно. Очень!.. Приехали на реку. Они начали ловить, мы занялись костром.

Подробности описывать не буду. Напился я ужасно. Не ел ведь ничего. Помню, пили и ловили рыбу. Боролись между собой на снегу. Потом какие-то провалы. И вспышки: почему-то рыба стала ловиться вдруг со страшной силой, не успевали закидывать!.. Опять боролись, и опять пили и танцевали. Мороз, солнце, лед!..

После этого поехали к Косыгину – зампреду райисполкома (просто однофамилец Володи). Там чистили рыбу. Это совсем плохо помню. Володю, кажется, уже занесли… Потом на улице рычал на меня ужасно и лаял большой пес. Кончилось тем, что я залез к нему в будку и мы с ним целовались…

Ели уху и жареную рыбу, и бруснику в сахаре и пили водку. Я снова обрабатывал секретаря, а третьему, тому, что по идеологии, что-то такое сказал, что он домой убежал – то ли обиделся, то ли еще что?

А первому я, кажется, рассказывал все больше об искусстве, но в целом, конечно, кто ж знает, чем я его просветил. Ох, хоть бы Бог дал, чтоб все это нормально закончилось.

На реке я отморозил себе обе руки, и Зорий оттирал их мне

спиртом. Выручил!..

Пришли домой. Я сел на пол и уснул. В общем, кошмар.

Спал, естественно, плохо. Но какой-то пронзительный кадр снился мне несколько раз за ночь. Это было очень чувственно, просто прекрасно. Но, видимо, нужно сначала сказать об ощущении, которое возникло прежде, чем этот кадр приснился.

Мне приснилась Танечка. Она была беременна и сказала удивительную фразу – точно не помню, то ли по телефону, то ли еще как… Ах да! Она будто работает кассиршей в каком-то универмаге, и ее спрашивают, кажется, по телефону: мол, что же она бросила свою работу? А она заулыбалась так замечательно и сказала: «Не-е-ет, я теперь для этого тяжела».

Дальше было еще что-то… А я почему-то все пытался ей сказать, что не женюсь на ней… А кадр, о котором я говорил, который несколько раз снился, и, как только я видел его, сразу становилось пронзительно хорошо, такой.

…Будто бы огромный балкон, на котором множество столиков и стульев. Столики плетеные. И все пустые. Солнце светит, и сильный, теплый дует ветер, а в самом конце, далеко-далеко от меня, спиной ко мне сидит Танечка, и напротив нее Ира Печерникова, и они тихо о чем-то говорят, видимо, о беременности. Улыбаются тихо и нежно друг другу, и теплый ветер треплет их волосы. Изумительное ощущение у меня было – радость меня заполняла всего, тоже тихая. И сам день тихий, как осенью ранней бывает, когда солнце белое.

Вот и теперь этот кадр стоит перед глазами… О, Господи! Помоги мне выразить ту чувственную удивительную жизнь, которая переполняет меня. Помоги, Господи!..

Встал – «головонька бо-бо, денюжки тю-тю». Теперь нужно переболеть и работать. Работать. То и дело в голову вплывают мысли о самом важном своем, режиссерском, деле и вообще обо всем, что дорого. Гоню, гоню мысли эти прочь. С ними тяжело. И не знаешь, когда же день тот наступит, когда все это вновь встретит меня.

Смешно – Вовка, нарезамшись, подошел к Зорию и сказал: «Папочка, сделай так, чтобы я стихи почитал», на что Зорий, который озверел от нашего пьянства, в ответ заткнул ему рот пипифаксом.

Да, совершенно неожиданно сегодня выяснил, что у меня отморожено ухо. Оно стало огромно и в громадном волдыре.

Ели уху, пришел Орешкин. Чуть-чуть выпили, поговорили… Потом я сел работать, ребята поспали. Вечером пошли в кино.

Смотрели фильм моего однокурсника Васи Брескану. Удивительно вялая и беспомощная лента. Ученическое сцепление множества ничего не говорящих кадров. Смотреть все это было грустно.

Вернулись, еще поработал. Трудно, но приятно.

25. XII.72

Утром узнали, что операторы уже в пути и будут здесь завтра. Но завтра утром мы должны выехать на собаках в Седанку. Значит, будем ждать их там.

Весь день работал. Мучительно работать. Все будто заново, с самого начала. Трудно. Вымучиваю из себя все…

Вечером выступал в университете культуры… Стою на сцене, выступаю, а мысли по-прежнему вертятся вокруг будущего фильма.

А эти зрители в зале! Вялые, не любознательные. Уровень грустный. Потому и выступать трудно очень.

Пришел, записывал сценарий. Потом собирались. Завтра попытаемся добраться на собаках до Седанки.

26. XII.72

С утра за нами приехали на собаках каюры. Все «в дупель». Понять ни слова невозможно. Единственная фраза: «Ох, русские лю-юди! Великие лю-юди!..» Одного мы вообще найти не смогли.

Собирались долго. Каюры все говорили «великие лю-юди» и просили выпить. Погрузились, нашли брошенную четвертым нарту и ее забрали.

Камчатские каюры в пути

> С утра за нами приехали на собаках каюры. Все «в дупель». Единственная фраза: «Ох, русские лю-юди! Великие лю-юди!..» Одного мы вообще найти не смогли.

Поехали. Это удивительное ощущение, когда собачки бегут и длинная легкая нарта летит за ними птицей. Мой каюр, хоть не просыхал, все время просил водки. У меня водки не было.

Два раза перевернулись. Потом, через некоторое время, остановились отдохнуть, и неожиданно появилась бутылка. Каюры выпили ее мгновенно – прямо из горла, заели снегом, и в дороге все поотключались.

Мой всю дорогу пел, бормотал по-своему, и от него почему-то пахло яблоками. Наконец он отключился, и пришлось «каюрить» мне, хотя я этого никогда прежде не делал. На крутом спуске мы чуть не понеслись со свистом, чуть не передавили собак, но обошлось, кажется.

Ехали пять часов и добрались наконец. Деревня «в дупель» вся. Оказывается, привезли в магазин к Новому году выпивку. Все прохожие на улице шатаются – и мужики, и бабы… Вечером должны мы выступать. Пришли в клуб, а там пьяный зал. Причем пьяны все!..

Володя читает со сцены, а в зале – кто-то входит, кто-то выходит. Кто-то ругается, дети малые плачут. Пьяная женщина стала выходить – упала на пороге.

Потом выступал я. Как раз все вроде бы расселись, успокоились и смотрят тихо, удивительно… Потом был концерт

художественной самодеятельности. Вот это замечательно! Трогательно и талантливо.

Уже поздним вечером пошли спать. Холод был страшный. Всю ночь трясся.

27. XII.72

Утром наконец-то прилетели операторы. Наконец собрались мы все вместе и полетели в табун. (Деревня с утра уже «в порядке», пьяны все.)

Прилетели. До этого куплено было 15 бутылок водки. Юрта. Оленеводы. Четыре пастуха и две чумработницы. Старшему 53 года, младшему 19. Оленье стадо – 800 голов.

Снимать начали сразу. Снимаем, а ощущение ужасное. Говно снимаем. Чувствую. Мандраж страшный. Свет плохой. Но снимали.

Настроение поганое от всего этого. Пришли в чум, завернулись в пологи. С мороза глаза режет дым, костер в чуме горит. Забили оленя – и чумработницы сварили мясо. Похлебку ели, на шкурах сидели. Водку пили. Здесь на водку у всех нюх сумасшедший, чуть водкой запахло – все тут как тут.

Поели и посмотрели кино. Чудно все это! В полуметре от нас минус 30°, сидим в пологах, экран висит, смотрим «Песнь о Маншук», а потом «Секретную миссию» Ромма. Странно все это и удивительно. Если б еще настроение хорошее было, а то все как-то муторно.

Спать легли поздно. Забрались в кукули, но дышать трудно, угар большой. Уснул уже к утру, но все же. Встали, когда было совсем светло.

28. XII.72

Начали снимать. Все несколько определенней, но все же – самодеятельность. Конечно, поснимали разное, но все опять не то. Оператор перестраховывается от своей неталантливости. Он трусит, а я и сам боюсь, мне поддержка нужна.

Наконец он сказал, что снимать больше нельзя, будто бы «дырки» не хватает, а я чувствую нутром – можно снимать, можно! И красиво все будет, и тень эта нужна, и именно в этом «сыр» – то весь!.. Но спорить мне трудно, что я знаю про это изображение?

Все-таки снимали. Трудно! И опять один! Один! На студии

(даже Хабаровской) все то же ко мне отношение, а уж в Комитете и не говорю. Ох, как нужно не обосраться! Ох, сделать бы картину! Но такую, за которую не стыдно.

После работы пришли опять в чум. Злой я был ужасно. Даже не знаю и на что, но злой. Это-то и плохо, и обидно. Инфантильность.

Снимать нужно. Молча, сжав зубы, биться и делать дело. Работать и молчать, и просто уверенным быть в том, что ты прав, в том, что все идет как нужно, что не должно быть по-другому. Помоги, Господи!

29, 30.XII.72

Два дня не писал ничего. Снимали оленей, снимали пастухов. Потом пытались снять упряжки оленьи. Было плохо.

К вечеру прибыли на собаках в Седанку. Разгрузились. В табуне у нас было 15 бутылок водки, но такое количество было ртов, что все разлетелось моментально.

Приехали, сели обедать. Выпили. Зорий говорил по телефону с Тигилем – нам сообщили, что от Тяжельникова (первый секретарь ЦК комсомола) получена поздравительная телеграмма. Это важно.

Потом был разговор с оператором Геной Лысяковым и его группой. Поговорили резко, но полезно, кажется. Я ему сказал, что «работы не бей лежачего» не будет, что снимать нужно с первого дубля и наверняка. Словом – поговорили. Но и выпили потом изрядно. В результате оказался я у Нади Васиной, у которой и проснулся, но… этому предшествовало странное событие.

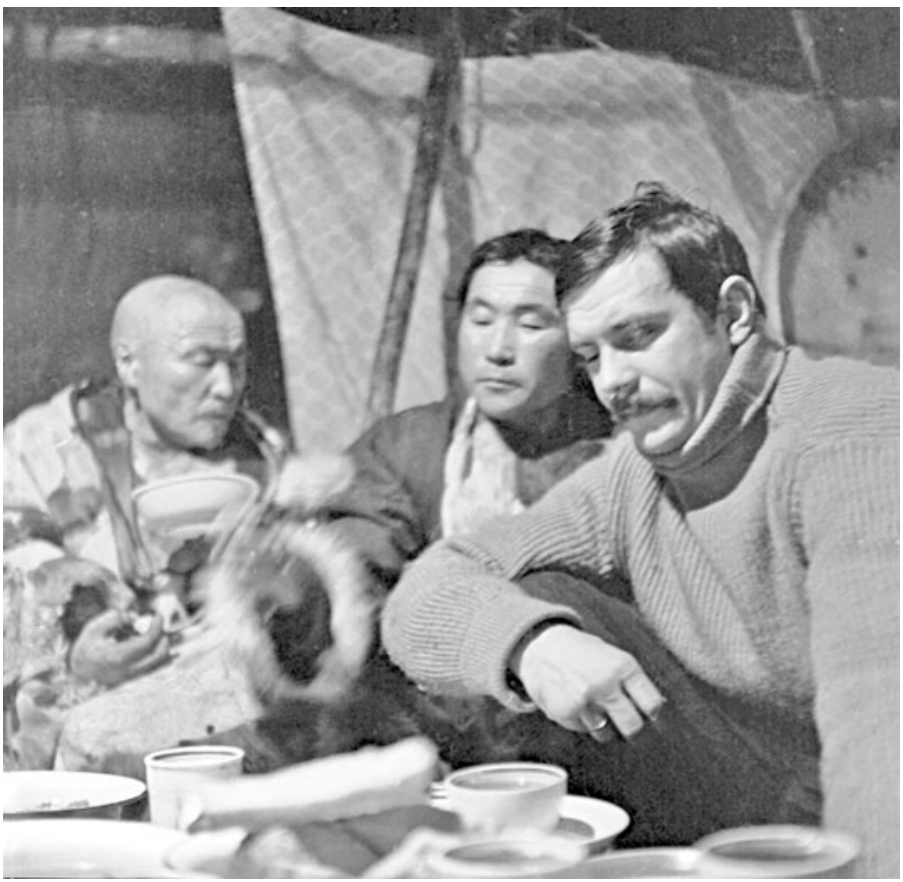
К нам пришла некая девушка «под неким градусом» и сказала, что есть тонкая кухлянка из летнего оленя у ее подруги Нади. Мы пошли посмотреть. Там тоже, естественно, выпили, и я решил почему-то у Нади остаться.

Но вот Наташа (так звали приведшую меня к Наде девушку) совершенно твердо намерена была оттуда увести меня с собой. Но она уже была «в порядке», а я чего-то все не уходил. Тогда Наташа что-то нехорошее сказала Наде, на что Надя со страшной силой врезала Наташе в глаз. Наташа рухнула, но тут же вскочила и бросилась бежать, но Надя успела ухватить ее за воротник – да так цепко, что в руках ее осталось полшубы. Ровно половина! А Наташа оказалась только в рукавах и в ночной рубашке, которая была прямо под шубой…

Я вышел за ней и сказал, что все это по меньшей мере

странно и я прошу ее вернуться и попить со мной и Надей чаю. Наташа послушалась меня и вернулась, но на пороге ее ждал еще один страшенный удар в челюсть. На этом все закончилось. Кошмар!

Утром за мной пришел Володя – сообщил, что за нами летит самолет. Я собрался, но тут началась пурга, и мы просидели весь день, прождали самолета, прояснения. Впрочем, за это время мы опохмелились слегка, отобедали и даже отправились в баню. В самый разгар мытья погас свет, и мы домывались в полной темноте.



В яранге

Вечером сидели, разговаривали. Я рассказывал Володе наметки сценария о коряках. Этот сценарий должен быть чуть-чуть приподнят, чуть «на котурнах» и через легенду. Там может быть хороший эпизод о человеке, который захотел убежать в тундру от самого себя. Все ему надоело, и сам он себе надоел. Побежал в тундру и бежал два дня. А потом заблудился и

вернулся только через десять дней к тем, от кого убежал.

– Что ж вы, даже про меня не вспоминали?!.. (И так далее.)

Уже совсем в ночи пришел какой-то юноша с гитарой – сел, на колено приладил гитару и… тут же уснул.

Вообще, Седанка – нечто сюрреалистическое. У магазина целый день сидят коряки на корточках и ждут любого, кто может им купить за их же деньги бутылку, так как им уже не продают в магазине ничего спиртного.

31. XII.72

Сегодня Новый год, и в магазине корякам продают спиртное.

Надо сказать, в новогодний праздник здесь положено всем жителям деревень (то есть буквально всем – включая грудных детей и глубоких стариков) по бутылке водки, бутылке пива, далее следуют бутылки вина белого и вина красного, коньяк и шампанское. Поэтому являются коряки к раздаче целыми семьями, и грудничков несут (им тоже полагается).

Давка адская. Они покупают бутылку, высасывают ее «из горла» и снова становятся в очередь.

За нами вышел ГТТ. Посмотрим, сможет ли он пробиться сквозь пургу и заносы.

……..

Пишу спустя два дня. Дни эти были полны неожиданностей и впечатлений.

Пока ждали ГТТ, в магазине приключилась еще одна сюрная история. Какой-то человек решил попытаться завладеть лишней бутылкой без очереди. Человек этот был уже «под газом» и в летах. Так вот, только он собрался пробиться сквозь очередь с вполне уместной здесь фразой «е…ть», но ничего у него не вышло, и фразу эту он не договорил. Она так и осталась незавершена, так как у старика этого вырвали вставную челюсть и выбросили в сугроб, где он и провел остаток старого года. Сначала пытаясь найти челюсть, а потом отдыхая от поисков.

Володя Косыгин ушел в гости и пропал. Пришел ГТТ, а Володи нет. Появился он только перед самым отъездом, влюбленный и бухой. Уже из ГТТ он прощался с полупьяными жителями Седанки (равно и с теми ее жителями, что уже были «в дупель»). Прощался он с ними, как А. Ф. Керенский, воздев руки: «Люди мои! До свидания!»

Володя проснулся ночью, с ужасом увидел наши застеленные кровати и вдруг понял, что Новый год он

потерял. Володя закричал: «Нас предали!» – и так зарыдал, что все, кто в доме спал, проснулись.

Наконец поехали! Пурга была ужасная. Пробивались 27 км четыре часа, но все же доехали. Было 7 часов вечера 31 декабря. Нужно было подумать о Новом годе.

Нам сказали, что в столовой готов ужин, и мы туда пошли. Уже все было накрыто, стояли вино и коньяк, который, как ни старались мы дотерпеть до полуночи, все же начали уничтожать. Володя сразу лихо загулял, и мы приняли решение поскорей допоить его и уложить спать, так как нас пригласили к себе в гости геологи, а с Каянтой идти было уже никуда невозможно…

Пришли домой, но до этого, еще в столовой, я сказал вполне пророческую фразу. Когда Володя поднял очередную рюмку и всем стало ясно, что она лишняя, я сказал ему: «Володя, до завтра». Впрочем, это предсказание было несколько неточным, нужно было сказать: «До послезавтра».

Придя домой, мы дали поэту еще коньяку, но он все никак не «ломался», а было уже 10 часов. Наконец мы поняли, что он «готов», и, уложив его, тихо ушли… Дальше было все странно. Оставив ребят в клубе, я отправился к геологам, дабы узнать, где они живут, и привести потом ребят. Пурга мела жуткая. Но мы дошли до места, и я сразу двинулся в обратный путь – за ребятами. Нужно было торопиться, ибо ходу до них было где-то полчаса.

Из клуба я шел уже с хорошенькой девушкой Надей, которая работала в столовой и похожа на Ольгу Бган… Наконец-то мы все у геологов. Быстро нарезались, встретили Новый год, потанцевали и вернулись в клуб. Геологи должны были, бедные, обалдеть от нашей наглости: пришли 11 человек, все выпили, съели, наговорили тостов и ушли. Кошмар!

Вернулись в клуб. Там уже народу – тьма. Все «в поряде», естественно. Я и сам уже чувствовал себя не очень уверенно. Отношения выясняли на каждом шагу… Дальше – все как в тумане. Снова – в гости, куда лезли в гору час по ужасной пурге. Там снова ждало много выпивки, и помню только, что какой-то паренек по имени Женя, когда-то служивший на флоте, поднял тост за тех, кто в море, и рухнул, сломав одновременно две гитары.

Да! – до этого с летчиками пили в котельной водку и заедали конфетами…

Корякские дети

Домой я попал около восьми утра. За это время случилось еще две истории: одна трогательная, другая страшная.

Володя проснулся ночью, с ужасом увидел наши застеленные кровати и вдруг понял, что Новый год он потерял. Володя закричал: «Нас предали!» – и так завыл и зарыдал, что все, кто в доме спал, проснулись. Как же он плакал, бедняга!..

Другая история такая. Десять детей из интерната в Усть-Хайрюзово решили добраться до дома в Белоголовой к Новому году. Это 30 км. Их обычно на машинах отправляют, но на этот раз – пурга. Дети же решили пойти сами, да в первый раз их вернули. Однако все-таки они сумели убежать – 4 мальчика и 6 девочек.

Все, кроме троих, погибли. Замело пургой, замерзли. Ужасно.

Первое число началось для меня где-то в 12 дня. Словом, «поехали». Поросенок, летчики и так далее. Часа в три зашел к подружке Наде в столовую…

Кроме Надежды, никого в столовой не было. Шипит что-то на

сковороде, солнце косыми лучами в окна, и мы с ней целуемся на кухне… Но потом пришел рабочий Саша (когда-то он сюда приехал из Одессы, вернее, его привезли на отсидку за грабеж, и он, отсидев, тут остался), и я послал его за водкой. Он сходил, и мы с ним чудно посидели в пустой столовой – ели приготовленную Надей яичницу, пили водку, он рассказывал то про Одессу, то про тюрьму, а Надя тихо смотрела на нас из окошка раздачи и слушала. Саше этому 47 лет, он сед и красив лицом.

Потом я назначил Наде свидание, ушел домой, лег спать и преспокойно свидание наше проспал.

2. I.73

Забыл написать, что Володя и первое число нового года умудрился где-то «потерять». Сегодня он тих и молчалив, да еще подавлен трагической гибелью детей. Все они коряки.

Озимов не разрешил снимать мне фильм после похода…

Хотели лететь, но погоды нет.

Пообедали. Головонька «бо-бо». К вечеру полегчало, да еще смотрели изумительную картину Барнета 1927 года «Девушка с коробкой». Как же это здорово! Трогательно и талантливо, умно и точно. Плакал я ужасно от удовольствия.

Кадр из фильма «Девушка с коробкой» (1927)

Зашел потом в гости к Колоскову Жене – тому самому, что раньше моряком служил, а вчера под стол рухнул. Потом работал.

3, 4, 5.I.73

Вот и нужно улетать из Тигиля. Мороз градусов 35. Холодно ужасно, но день яркий и солнечный.

Погрузились и приехали на аэродром. «Ан-2», на котором мы должны были лететь, никак не заводился. Уже все самолеты, что были в Тигиле, улетели. Остались только мы. Час от часу становилось все холоднее, и мы замерзли очень. Часа через три наш самолет все же завелся, но летчик, чистивший стекла кабины, одно стекло ногой раздавил! С горем пополам залепили фанерой и пластырем.

Когда самолет разогрелся и попытался сдвинуться с места, у него это не получилось. Лыжи примерзли к насту. Бортмеханик вытащил из самолета огромную кувалду и стал колотить по лыжам. Наконец с трудом машина стронулась.

Сели, вырулили на полосу, но развернуться не удалось. Второй пилот попросил нас выйти и держать правое крыло – для того, чтобы самолет развернулся влево. Я выскочил, и меня тут же снесло ветром. От винта мело чудовищно…

Мы уперлись в крыло. Командир дал газ, самолет рванулся, и нас повалило крылом… Такого холода я еще никогда не испытывал, пальцы онемели начисто. Опять уперлись и опять повалились. С огромным трудом все же удалось развернуться.

Опять забрались в самолет, уже ног и рук не чуя. Взлетели… Эта железная коробка не отапливается вовсе и отогреться не удалось. Единственное, что я сумел сделать, – растереть руки и засунуть их в конайты (штаны из меха).

Прилетели в Палану. Холодно там так же. У самолета устроили митинг с пионерами. О, Господи! Какой-то человек толкал речь «о великом походе». Я тогда подумал, что вся эта сеть, которая опутывает наше государство, состоит из таких вот людей, многие из которых… счастливы. Да, именно счастливы. Ведь у них есть вера. Вера в то, что «там, наверху» все решат, что там «поумнее нас», и эта вера помогает им жить с чистой совестью. А ведь это счастье.

Поехали в гостиницу, пообедали, потом зашли к Толстых, которого мы уже знали по прошлому мимолетному визиту. Честно говоря, мы много надежд возлагали на эту встречу. Все же пили вместе, да еще так, что чуть не удушили его в собственной постели.

Но все получилось наоборот. Толстых встретил нас суетливо, но холодно. Он постоянно был в окружении своих подчиненных, ни на секунду не оставался с нами без них. И странное дело: как только мы собирались начать разговор, в кабинете у него сразу оказывалась целая толпа людей.

Он нас боялся. Он боялся, что его незавидное на тот момент положение как-то будет нами использовано. Суетливое говно.

От винта мело чудовищно… Мы уперлись в крыло. Командир дал газ, самолет рванулся, и нас повалило крылом…

Вечером были в кино, смотрели ужасную херовину, да еще румынскую. А потом была баня, но… выяснилось, что пара нет. А мы-то готовились. Водочки взяли, крабов, томаты.

Был банный день для женщин, поэтому мы пришли в баню после закрытия – в 9.30. Сначала не хотели и идти, но нужно было постираться и вообще – настроились.

Пришли. Баня пустая, грязная и холодная, с прилипшими к полу мокрыми газетами… До чего же смешно выглядят голые

мужики, которые пьют в холодной бане водку и закусывают ее крабами.

Помылись, посидели и пошли спать.

Утром хотели снимать, но погода снова изменилась, пришел циклон. Стало сыро и снежно, и ветрено. Снимать нельзя. Да и неохота.

Вечером было наше выступление. А перед ним – ужасный «спектакль», с речью Толстых и опять с пионерами, с выступлением старожила, который говорил так долго, что стало страшно. Потом выступали мы… Вообще, я пришел к выводу, что любое художественное дело в нашей стране может быть возведено в ранг «государственной важности» и умерщвлено. При этом на него будут тратиться немалые деньги, а в его необходимости никто не посмеет усомниться. Ох, и земелька моя замечательная!

Потом пришли домой. Долго разговаривали.

Пришел Женя и рассказал смешную историю. Он был у какой-то женщины, у которой муж работает истопником, хотя закончил ГИТИС. Кроме него в той котельной работают еще два истопника, отапливают они и райком, и райисполком, и окружком. Так вот, второй окончил одесскую духовную семинарию, а третий – ВПШ. Идеолог у них – семинарист, окончивший ВПШ бегает за водкой, а кончивший ГИТИС – больше всех на эту водку налегает. Гениальная компания.

Сегодня утром поехали снимать. Погода ужасная. Снимали говно. Устали. Вечером выступление в какой-то школе, мать ее…

Надоело!

Выступали. Жалкое зрелище. Не школа, оказывается, а училище, где готовят пошивщиков меховых изделий и пастухов. В это училище принимают с любым количеством классов. Много ребят из детприемников, из колоний. Собрали их в сером, темном спортзале. Угрюмые лица – замкнутые люди. Было как-то не по себе. Но все же мы выступили.

Подумалось, что единственная возможность заставить людей жить вот так и считать это жизнью – полностью изолировать их от мира. Отсутствие информации абсолютно необходимо в борьбе со свободомыслием. А еще в этой борьбе неизбежна великая и беспрерывная ложь, которая льется из наших радиоприемников и со страниц многомиллионных тиражей газет, журналов… И праздники! Вечные праздники – допинги, без которых уже никто жить не может. Без них и этого вечного бодрого молодечества тонущего в говне мудака, который усиленно делает вид, что ковыряет в зубах после сытного обеда.

До чего же все это обидно. Но это – с одной стороны. А с другой – такое зло берет, такая ненависть ко всем идиотам и

негодяям, которые других идиотов и негодяев растят.

После выступления пришел домой. Легли спать.

6, 7, 8.I.73

День начался спокойно. Было морозно и солнечно. Пошли снимать в детский сад. Поснимали, потом обедали.

Прилетел из Питера директор фильма. Красавец и zero полное, в смысле работы. Сообщил то, что я уже и так знал, – что командование разрешило мне снимать, но только во время похода, не дольше. Студия подыскивает другого режиссера. Я не против. Ссориться с командованием сейчас – самое глупое, что может быть. Позвонил в часть. Мишланов на «губе» – «встретил Новый год». Бедняга. Вечером должны идти к Володе домой – в гости. Он давно и трогательно к этому готовился.

Вот мы и пришли к нему. Все трогательно и приятно. Володя – взволнованный и хозяйственный, его жена – большая русская женщина по имени Фая, дети – Лена, ей 14 лет, и Андрей, ему 9. Андрей рисует, Лена учится в музыкальной школе.

Стол ломился от яств. Володя с вечно расстегнутой ширинкой деловито все устраивал, и было это странным для наших глаз. Трезвый, серьезный хозяин, отец, муж. Чудно.

Дети Володи очень милые. Андрей – молчаливый мальчик с удивленными глазами и задумчивым лицом человека, у которого есть о чем подумать, у которого есть свой мир, интересный и большой. Лена же очень общительна и разговорчива, хотя не болтлива. Говорит толково, коротко, но что более всего меня поразило – то, что она хорошо играет на рояле. Казалось бы, я давно знаю этих детей, которые учатся в музыкальных школах, и, едва соберутся гости, начинают музицировать, а умиленные родители обводят всех масляными глазами. Но сейчас…

Лена играла «Лунную сонату», а потом Глинку – «Вариации на соловья» Алябьева. Володя сидел мрачный и слушал. И все это было удивительно приятно, так как Лена играла действительно хорошо. А начала она очень просто – подошла к роялю и сказала: «Хотите, я вам сыграю?»… Прекрасно это было. Потом Андрей показывал свои рисунки…

Видимо, со стороны можно было подумать, что вечер не удался. Не было шумных разговоров, смеха, трепотни, на вид было довольно даже скучно, но была наполненность какая-то удивительная. Все это чувствовал каждый. Я увидел на полке Чехова и, сняв один из томов, прочел «Скрипку Ротшильда». Хорошо прочел. Даже сам удивился. Все потом долго молчали.

Конечно же, затем все несколько «нарезались» (кроме Володи, он был трезв как стекло), начались неизбежные споры… Ушли мы домой часов в десять.

Мороз был адский: –33˚ с северным ветром. Самолет прилетел, и мотор его замерз моментально.

В гостинице меня поймал директор столовой, Володя. Затащил к себе. Там уже сидели: врач-бактериолог Женя, симпатичная женщина Нелли и жена Володи Нина, чудовищно наглая еврейка. Безвкусная, пошлая и шепелявая. Она все говорила о Москве и о том, как здесь «на кгаю света» ужасно, но что она «вопгеки всему» счастливая, так как знает, что они с Вовиком свое возьмут. На коленях у нее сидела такая же отвратительная, как и она сама, кошка. Нина ее гладила, а Вовик – красивый и стройный русский мудак по фамилии Федулов – все улыбался пьяно, и ему казалось, что жена его безмерно обаятельна. Она же отвешивала ему подзатыльники, щипала, дергала… Вот на такой Нине жениться, на Зархи (*дочь известного кинорежиссера А. Г. Зархи. –* ***Современный комментарий автора***) … пронеси, Господи!

Когда все было выпито, Володя вскрыл свою столовую и принес бутылку коньяку. Причем, когда он взламывал буфет, сработала сигнализация, вмиг приехала милиция, и его забрали. Правда, быстро выпустили… Все это было несколько странно, впрочем, кажется, мне одному.

Женя рассказал ужасную историю. Дело было в августе. В больницу прибежал человек и сообщил, что в 35 км отсюда, в табуне, корячка рожает двойню и истекает кровью. Тогда дежурил Женя, но он не был акушером. Побежали в полночь к акушеру. Вертолета нет, вернее, есть, но туман – ни зги не видно. Добираться нечем. И вот – два человека ночью по тундре бежали (!) 35 км. До места добежали они около 4 часов утра. Женщина умирала… Падающий с ног врач сделал все, что мог. И дети, и женщина были спасены.

Несколько месяцев растила женщина своих детей, которые у нее уже были не первыми. Всего, кажется, у нее было пятеро уже. Так вот, растила она своих близнецов, растила… а потом взяла и удушила их подушкой! С ума сойти!..

А каково было этому доктору?! Каково же ему-то? 35 км бежал он, чтобы спасти эту женщину и ее детей. А она сама их задушила.

……..

Утром нам сообщили, что за нами вылетел самолет, чтобы перевезти в Тиличики.

Мороз был адский: –33° с северным ветром. Самолет прилетел, и мотор его замерз моментально. Когда мы приехали в аэропорт, летчики матюгались страшно. Два часа мы мучились – толкали огромный «Ли-2» по летному полю к печкам, которые могли отогреть двигатель. Толкаем самолет, а щеки белеют у всех на ветру, только успеваем оттирать их, холодно ужасно… Наконец взлетели. Долго не могли согреться.

Самолет «Ли-2» на Камчатке

Сели в Оссоре заправиться. Зашли в столовую, пообедали. Темно уже было, в столовой пусто, но много сидело баб – поварих, буфетчиц. Когда мы вошли – толпа голодных мужиков, бабы эти начали громко разговаривать, хохотать и так далее. Как же им там скучно! Пока мы ели, они все смеялись и острили. Мы ушли, а я вернулся – забыл рукавицы там. Вернулся – тихо бабы сидят, молчат, тоска и одиночество.

Прилетели в Корф. Холод. Ветер. Засранный, грязный, Богом забытый, кошмарный поселок.

Никто не встретил. Аэропорт такой замызганный, что страшно смотреть. Устроились в гостинице, в которой пахло какой-то ужасной жареной рыбой. Я чувствовал себя простуженным. Принял аспирин, выпил чаю, лег спать.

Снился Степа. Тоскливо и грустно.

* * *

Я видел этот засранный поселок Корф и не верю больше в «завораживающую» камчатскую природу. Все это ерунда. Людей здесь держат деньги. Только деньги. Раз уж люди здесь живут. Да это и понятно. Порт, рыбокомбинат. Тут не до лирики – только работать. Вкалывать. До потери пульса упираться рогом…

Выходя из дома вечером, если видно звезды, нахожу Большую Медведицу и смотрю на нее долго. Даже не знаю, почему так. Может быть, потому, что и там, на материке, она же мне мерцала по ночам.

9. I.73

Итак, началось! Утром на аэродроме в Корфе было –26° с ветром, ужасно. Нос мне прихватило в течение 10 минут, пока грузились в самолет до Хаилино, где мы должны попасть на совещание оленеводов и еще успеть поснимать ярмарку. В «Ли-2» холод был тоже адский, но в Хаилино и вовсе оказалось –55° мороза. Это всего в 30 минутах лета!

Над селом пар стоит от холода. Густой туман. Пока шли через село, можно было околеть… Но ничего, в тепле оклемался чуть-чуть. Хожу, только замотав лицо шарфом.

Пообедали и отправились на совещание оленеводов. Зрелище замечательное. Оленеводы выступают, либо облокотившись на трибуну и подперев ладонью щеку, либо руки закинув за голову, – словом, от смущения и непосредственности они принимают самые невероятные позы, которые и представить прежде я не мог у человека, стоящего за трибуной с гербом. Говорят в основном на своем языке, обращаясь почему-то только к председателю, который, кстати, ничего не понимает, поскольку он – кореец! Остальное начальство – все русские. Эти тоже ничего не понимают. Переводчик потом все переводит, но изъясняется по-русски так, что и его понять довольно сложно.

Но скоро становится ясно одно: говорят оленеводы открыто, прямо и все, что необходимо. Ни одного лишнего слова, ни одного лозунга. А как их боится начальство! Как оно перед ними заискивает! Еще бы! Оленевод ведь что хочет может сказать. И ничего ему не сделаешь. Вот возьмет он и продаст в соседний район 1500 голов, а скажет, что отбились. А пойди проверь! У начальства здесь одна задача: не дать им напиться до совещания и выпроводить поскорей обратно. Все!

Если бы так же разговаривали с нами! Да куда там! Оленеводу терять нечего: кроме тундры ничего у него нет. А у нас-то есть. Оленевода уже никуда не сошлешь. Дальше – Аляска.

А нас есть куда – в оленеводы. Словом, удовольствие большое получил я от этого совещания.

Завтра, чувствую, адская будет съемка на морозе –50°. Как работать? Ума не приложу.

10. I.73

Это было ледовое побоище! На улице –55 °С. Ресницы примерзают одна к другой. Дышать трудно. Вокруг туман, вернее – пар… Первое, что мы снимали на ярмарке, – гонки оленей. (С утра выяснилось, что второй оператор, Валера, заболел – температура 38, киношное счастье.) Кассеты останавливаются из-за того, что ломается пленка на таком морозе. Время от времени ветерок разгонял пар, и тогда проглядывало солнце…

Все сумбур. Снимать можно три часа, потом темно. Снегу по пояс, бегали, высунув язык. У оператора руки примерзали к камере, и приходилось их оттирать. Совершенно белые пятна на ладонях. Словом, ледовое побоище.

…Коряки шарф носят на шее, перехватив его кусочком кожаного ремня под подбородком. Это красиво.

> Володя стал орать ужасно, что это его Корякия, что он «великие люди», что мы – русские свиньи, что он всех ебал…

Под конец я уже не помнил, что снято и что еще нужно снимать. Руки опухли, на усах выросли сосульки до подбородка. Опушка малахая совершенно седая. Просто «война»! Не знаю, что из всего этого получится. Все вслепую!

Подумалось о хорошей истории. Русский интеллигент молодой в чуме у пастухов-оленеводов. Как он их постепенно постигает, а они его. Там может быть и любовь большая…

Снимал мальчика корякского – Ванюшу. Смышленый, хорошенький мальчик. Сниматься долго не хотел. Я его спросил:

– Ты что любишь?

– Что хочу.

– А что хочешь?

– Ничего.

Потом все же мы с ним подружились. Стал он сниматься. На морозе –55 °С…

Идем мы с Ваней в магазин после съемки за конфетами. Спрашиваю:

– Далеко магазин?

– Нет. Чуть-чуть близко. Два метра.

Долго идем. Виден уже край деревни.

– Далеко еще? – спрашиваю.

– Нет. Чуть-чуть близко. Один метр.

И снова идем и идем…

Вечером Володя напился. Как всегда, мы уложили его, но спать он не хотел, все порывался встать. Дали ему еще, как в Новый год… Но все-таки потом пришлось связать… Уснул он наконец.

«Корякам начали продавать водку!» – и пока этот слух нас достиг, все они уже в дупель. Шляются по гостинице, дверями хлопают, орут, матюгаются. Я лег в постель, стал читать и все думал, до чего же хорошо читать в комнате, а там пусть себе орут мудаки. Но не тут-то было. Проснулся Володя. К тому времени его уже развязали. Он проспал часов пять, но совершенно не протрезвел.

И тут началось. Я сказал ему сдуру, что он так себя вел, что его пришлось связать. Как он взбеленился, Господи! Стал орать ужасно, что это его Корякия, что он «великие люди», что мы – русские свиньи, что он всех е…л и т. п. Потом швырял ботинки и чуть не въехал мне в лобешник. Кошмар! Время от времени он виновато улыбался, и тогда казалось, что он совершенно трезв, но тут же начиналось все сначала. Я не выдержал. Ну, действительно: день адской работы на морозе и пьяная рожа теперь, ночью. Так вот, я не выдержал и въехал Володе по зубам, но так – профилактически. Не сильно. С этого момента началось три часа ада. Я сидел на Володе, а он орал и вырывался. Я и рад был бы отпустить его, да он либо замерзнет на улице, либо наделает чего и огребет, да уж не так, по-настоящему. Словом, это был кошмар. В конце концов Зорий отвел его к ребятам, где Володя уснул наконец…

Утром «поэт всея Корякии» попер было на нас, но я ему сказал, что если он будет еще так себя вести, его выгонят из Союза писателей СССР. Бедный, опухший, трясущийся, он притих и… заплакал. Как же он плакал ужасно!

В тот день мы улетели в Тиличики. Да, забыл, еще в Корфе посмотрели «Искатели приключений». Смешно это и странно – здесь, на Камчатке, в жутком морозе, смотреть Делона и Вентуру на корабле, в теплых волнах Адриатики! Едят дыни, пьют молочко кокосовое, разгуливают в джинсах. Картина – говно полное, но все равно приятно.

Итак, прилетели мы в Тиличики, устроились… Зорий заболел. Наверное, заразился от Валеры – вовсе слег.

Пообедали. Побрился, постригся – и вечером выступал.

Впрочем, все это не важно. Важно, что тем же вечером мы посмотрели в кино «Ночи Кабирии»! Как это замечательно! Какой мир чудесный! Светлый и пронзительный. И как все это свободно, без натуги, легко и изящно! А как работает Мазина. Наполненно, и темперамент изумительный. Торпеда!.. И ни одного лишнего кадра.

Стиснув зубы, опять стал думать о своей картине. Как создать мир на экране?! Как на экран передать свой мир?!..

Ночью разговаривал с Пашей, с мамой. Долго потом не мог уснуть. Все ворочался, мучился чем-то. Лучше не думать ни о чем таком – тогда быстрее бежит время.

13. I.73

Утром погода испортилась. Снимать нельзя. Взяв ГТС, поехали в тундру – съесть мясо, которое вот уже десять дней возим с собой в ведре.

ГТС (гусеничный тягач средний) на Камчатке

Вернувшись, пошли в кинопрокат. Посмотрели двухсерийную ужасную херовину студии Дефа «Тени над Нотр Дам». Ужасно.

Рано пришли домой. Читал Бурсова.

Читаю его, читаю. Сколько мыслей удивительных в этой книге. Обязательно нужно найти «Философию общего дела» Федорова и Мережковского «Толстой и Достоевский».

14. I.73

С утра снимали. Вяло и не талантливо. Вернулись домой. Идет снег. Тепло. Пообедали. Я сел заканчивать статью для «Камчатского комсомольца»… Потом в прокате посмотрели венгерскую картину «Парни с площади». Очень мало было крупных планов. Это тенденциозно и раздражает. Все должно быть естественно в кинематографе.

Опять думал о мире, о манере преображения…

Прочел статью Толстых в «Комсомолке» и Андрона в «Искусстве кино». Заговорили о личности в искусстве. Об отношении художника к тому, что он изображает. Эх, хорошо бы, чтобы правдой все это было.

Прочел статью Ильенко (секретарь Союза кинематографистов СССР) об актере Миколайчуке… Почему так? Почему они все – герои своего народа? Отчего у нас нет героев таких? Или их не хочет народ? Или их не дают народу? Почему люди русские так ироничны? Или это от стыда идет? У нас будто бы нет открытого выражения чувства радости или любви. Это чувство либо вздрючено, накачано, либо нет его вообще! А чувства массы?.. – ненависть, бунт, либо желание «все и вся» поднять на смех, обидеть.

Идеал? Да какой там идеал, если к кинематографу, как и к любому искусству, народ относится, как к дармоедству и обману?

Ах ты, Господи! Что же делать-то?!

Буду читать Бурсова.

15. I.73

Мне что-то снилось, не припомню что, но проснулся я с чудесным ощущением… Казалось, скоро попаду домой.

Чем ближе к дембелю, тем трудней терпеть. Тем мучительнее все становится…

> Володя нам рассказывает:
>
> – …Я женщинам стихи читаю, пою им, танцую! Ребята сидят. А потом встают и уводят всех баб, которых я так долго охмурял! Предатели!..

Смотрели фильм Арипова «Тайна предков» – говно, но довольно культурно с точки зрения режиссуры. Или я уже совсем одичал?

Сегодня вспомнил смешную фразу Орешкина. Когда прощались на аэродроме, он сказал: «Мы вас любим, хотя и узнали». Этот афоризм был очень к месту.

Вчера вечером случилась смешная история. Вернулся Володя из гостей – чистый, трезвый, только ужасно расстроенный. Пошли они втроем к медичкам, Гена, Женя и он. И вот Володя нам рассказывает:

– …Я женщинам стихи читаю, пою им, танцую! Ребята сидят. А потом встают и уводят всех баб, которых я так долго охмурял! Главное, я знаю, что нравлюсь им я именно! Медички сами это говорят! А ребята берут – уводят и е…т их! Гады! Как это ужасно! Предатели!.. Ну, ничего. Вот я напьюсь и покажу им.

И ушел спать грустный.

Днем я решил позвонить в Москву Саше. Почему-то сначала решил, что телефон назвал ошибочный, и перезвонил, продиктовал другой и как раз ошибся. Попал к Фрумкину. Представляю, каково было его удивление! Услышать мой голос в 3 часа ночи, с Камчатки. Тем не менее, поговорили.

Все же потом я дозвонился до Саши. Как приятно слышать его голос и вообще узнавать от него разные новости.

От похода я несколько уже очумел, говоря честно. Как бы попасть в Москву, и поскорее?

……..

Мне кажется, мало кто любит Достоевского по-настоящему, то есть не извлекая для себя той или иной мгновенной выгоды. Думается даже, что такие, как Илья Глазунов, любят Достоевского лишь потому, что находят в этом гении оправдание своей беспринципности и мелкости, которые им видятся теперь особой глубиной, той противоречивой сложностью и неустроенностью, которая была в этом «опасном гении».

16. I.73

Утром проснулся рано. Долго лежал в каком-то полузабытьи, ворочался, и вообще было как-то не по себе. Плохо и тоскливо.

Пришел ГТС, и ребята уехали в Корф. Мы с Зорием остались ждать следующего рейса… Когда наш ГТС подошел, быстро погрузились и поехали.

Я все думал о картине. О том, как передать тот мир, который я вижу… А может быть, он просто мне мерещится?.. Все дело в

моей горячности и торопливости? В поверхностности моей великой?

А потом все думал, как удивительно важно и как трудно передать то самое – «красоту без пестроты». Ту сущую и настоящую жизнь человеческих отношений, облеченную в художественную форму. Причем не просто в «художественную форму» с точки зрения сюжетной коллизии, а в форму, отвечающую твоему миру, ту форму, в которой ты чувствуешь себя невероятно легко и свободно. Хочешь – направо, хочешь – налево, иди, куда хочешь! Когда возникает свобода единства всех живых частей твоей картины, и чувствовать такую свободу нужно всей кожей.

Но как этого добиться? Как к этому прийти?

Приехали в Корф. Остававшиеся здесь художники Юра и Боря «гудели по-черному». Спирт наш выпили дочиста.

Хочу домой! Надо бы уж!

Смотрел картину Самсона Самсонов «Арена». Это конец света! Темперамент адский, но направлен он куда-то… в полную жопу. Эти лошади, фашисты, Володина, все это… – с ума сойти!

Потом пили чай, и Володя рассказал, как он, напившись «в дупель», читал стихи лилипутам. Могу себе представить.

У Бурсова – интереснейшая мысль. Он утверждает, что Достоевский пришел к Тургеневу исповедаться в ужаснейшем грехе (растлении десятилетней девочки) только ради того, чтобы Тургенев, поверив, скомпрометировал свою философскую точку зрения. Достоевского раздражали принципы Тургенева, и он шел на все ради того, чтобы утвердиться в своей правоте. В себе самом.

17. I.73

Утром вылетели в Каменское. Не помню, говорил я или нет, но искать не буду, лучше скажу еще раз. В Тиличиках украли 41 тыс. рублей. Просто и чисто. Сперли и все.

Так вот, полетели мы в Каменское. Летели с час. Прилетели. Тоска зеленая. Вечером выступать. Лег отдохнуть…

Клуб полон народу. Нас приветствовали пионеры, читали стихи. И опять я подумал: «До чего же удивительна моя страна! Любое, даже самое нужное, дело могут обосрать и задушить, и в то же время самую явную авантюру и начетничество могут возвеличить и поднять на щит, и тратить бешеные деньги! И все это – и то удушение, и эта накачка – находит совершенно демагогическое объяснение».

Потом все было по старой, набившей оскомину схеме. А после – концерт самодеятельности. С ума сойти!

В каком же мы кошмаре живем! Мы можем сколько угодно клеймить буржуазное искусство, идеологию, мораль, но мы-то, мы! Что мы такое?

Бедные люди. Варящиеся в собственном говне. Зашоренные, замызганные. Но «у советских собственная гордость»!

Грустно все это. Смех сквозь слезы. Гоголь сплошной. Все – Гоголь.

И некому заступиться. Некому совершенно. Грузины отстаивают свое искусство, казахи отстаивают, а хохлы? Что же мы-то? Топчем друг друга, предаем. А что самое ужасное – народу своему мы не дороги вовсе. Зачем мы ему?.. Так что беречь нас некому, да и незачем.

18. I.73

Спал ужасно. Меня все более волнует картина. И чем ближе ДМБ, тем нестерпимее хочется, чтобы быстрей бежало время.

Каменское – удивительно засраное место. Салтыкова-Щедрина нет. Живет здесь тысяча человек. Все занимаются исключительно администрированием. Одни государственные учреждения. Собесы, райфо и т. д. Рутина адская. Ждем вездеходов, чтобы добраться до Манил.

Читаю Бурсова. Он меня будоражит и волнует. Что может быть выше истинности человеческих отношений? Что может быть сильнее человеческой натуры и таинственнее этого?

Подумал о Каянте. С пьянками его, национализмом, самовозвеличением, слезами, любовью к детям, своим и чужим, чтением стихов девушкам и невозможностью этих девушек употребить. А ведь все это и есть суть творчества и мук Достоевского. Странные, страшные повороты человеческой натуры, которые настолько индивидуальны, насколько и общи для человечества, и в этом-то соединении масштабов бесконечности личности и бесконечности Вселенной – суть гения художника.

19. I.73

День рождения мамы. Отправил телеграмму…

Поехали на вездеходах в табун – поснимать. Тундра вся выдута – снега нет почти совсем. Который раз беру с собою ружье,

а никакой живности так и не вижу. Да и всерьез охотиться нет времени. Устали, честно говоря.

В табуне видел две удивительные вещи. Первая: женщина носит в ухе не сережку, а к мочке у нее пришита пуговица, от которой тянется гирлянда бисера. Да это что! – маленький мальчик, всего три года, и полон рот зубов. Ходит в комбинезоне на голое тело. Грязен удивительно. Дали ему конфету, взял ее, засунул в рот, а потом сосал грудь матери – с конфетой за щекой. Затем потребовал грудь другой женщины, которая жила в том же в чуме, а уже буквально через несколько минут я видел его, с той же конфетой во рту, но с острейшим ножом в одной руке и куском мяса в другой. Он брал зубами это мясо и прямо у рта отрезал ломоть, лихо и быстро.

Все это меня поразило несколько.

Были в табуне часов пять. Потом поехали обратно.

20. I.73

Утром пришло две телеграммы из Хабаровска. Мандраж там ужасный. Они в полном говне! – Запустили картину. Для того чтобы свалить все на меня, принудили быть режиссером фильма. Но, чтобы привлечь военнослужащего как режиссера, нужно было для начала получить разрешение командования. Понимая это, я сказал, что соглашусь только в том случае, если разрешат военные. Хабаровчане же решили, что все будет крайне просто – отправили на Камчатку группу, а Озимову (член Военного Совета) послали глупейшее письмо, на которое он и ответил недавно отказом!

Теперь Пошатаев (директор хабаровской студии) в ужасе. Его не связывают со мной никакие официальные отношения. Группа снимает, а кто будет за что отвечать, неизвестно. Поход же продолжается. Из Хабаровска идут конвульсивные телеграммы: «Приостановить съемки!», «Снимать только по плану!», «Не снимать вообще!». Словом, там сплошной испуг. Снимать же продолжаем, и единственное, чему я могу порадоваться, так это тому, что ни в какие производственно-официальные отношения с этими мудаками не вступил. Вот такая радость.

Гена с Володей опять уехали в табун. Гена хочет снять о Володе сюжет.

Может быть, вечером будет наконец баня.

Мы похожи на ученых бобров. Хорошее зрелище: в бане, полной пара, находятся полностью одетые люди.

Они стирают.

Из Хабаровска идут конвульсивные телеграммы: «Приостановить съемки!», «Снимать только по плану!», «Не снимать вообще!».

Утром проснулся в 9 часов. В Москве – полночь. Подумал, что гости у мамы еще не разошлись. Сидят, шумят, вино пьют, а тут у нас – серое утро. Снег валит, запуржило. Да хоть тепло.

Поход наш, конечно, себя изжил. Уже полнейшее разложение. Кто мы и что – толком никто не понимает. Сплошная хлестаковщина. Кормят всех бесплатно. Уже начали к обеду подавать коньяк. Нас уже не четверо, присоединившиеся кинематографисты тоже идут под нашей маркой. Так что кормят теперь 9 человек. При этом потребности наши растут и растут.

Мы уже и сами начинаем забывать, ради чего идем, и порою смотрим друг на друга в недоумении. В газету я давно ничего не пишу. Отписываюсь раз в десять дней графоманской длиннющей статьей. Страниц этак в 12, на машинке. Пою, как акын, о том, что вижу, и совершенно не задумываюсь ни над формой, ни над содержанием. Даже страшно. Эти козлы все печатают! После телеграммы Тяжельникова можно вытереть жопу, запечатать использованную бумагу в конверт и отправить в газету. Напечатают!.. Ох, и страна. Где Салтыков-Щедрин?! Гоголь где?! Помогите!

Читаю Бурсова с остервенением.

Вечером была большая стирка и баня. Баня! Одно это слово меня повергает в восторг. Пар. Веник. Шайка. Все это позволяется себе только после того, как выстираешь гору белья. Но как это прекрасно.

Мы похожи на ученых бобров. Хорошее зрелище: в бане, полной пара, находятся полностью одетые люди. Они стирают. Одеты они потому, что и все, что надето на них, должно быть подвергнуто немедленной стирке. И вот когда все выстирано, выжато, можно заняться и собой. Тут начинается настоящий кайф. Пар и самая баня. Замечательно!

Когда выходили из бани, обнаружили, что за два часа температура упала градусов на 20. Снова начинаются морозы. Все испытания заново…

Говорил с отцом по телефону, а после написал ему письмо.

21. I.73

Сегодня день рождения Володи. Ему 40 лет, и на улице в его

честь – 40 °С. День солнечный!

В коридоре висят выстиранные нами вещи. Среди них мой водолазный свитер. Утром шел какой-то человек, зашел к нам в комнату.

– Вы, ребята, водолазы? – спросил он.

– Да! – дружно ответили мы.

– Я тоже был водолазом, – похвастался он. – В Калининграде. – Повернулся и ушел.

Мы не стали разубеждать его в том, что мы водолазы. Очень уж по нраву нам пришлась эта идея. За водолазов нас еще никто не принимал. Полный сыр!

Вспомнилась вчерашняя баня, и вообще подумалось о тех замечательных разговорах в предбаннике, которые обычно ведут мужики. Все распаренные, добродушные. И рассказывают они такие же распаренные, добродушные истории… И опять я подумал о том, что жизнь наша вся строится на каком-то удивительном замесе реальности и фантастики…

Вот только жаль: когда то, о чем долго мечтаешь, осуществляется, оно сразу же теряет свою ценность. Может быть, я несколько преувеличиваю, но доля правды в этом есть. Наша сущая жизнь, все счастье ее, заключаются в вечном ожидании, в мечте, в надежде. Вечная надежда. От этого и стремление вечное… Вера, Надежда, Любовь. Как до конца постичь таинственную силу, волшебство этих слов? Их сочетания. Может быть, только этому постижению можно посвятить всю свою жизнь – настолько это пронзительно.

Тут, в Манилах, есть спортзал. Вот уже третий день занимаемся гимнастикой. Отлично!

С нами занимается Мурад Баталов. Он из Паланы, хотя родом из Грозного. Чечен. Работает в КБО (кабинет бытового обслуживания). Ветеринар по образованию, но в КБО занимается выделкой шкур. Смешной парень. Может говорить полную чушь, но в каждое слово вкладывает столько энергии, напора, что поневоле слушаешь его, раскрыв рот. Когда Мурад входит в спортзал, сразу занимает собой все пространство.

Вечером будем праздновать три дня рождения. Володя и дочка Мурада «родились» сегодня, а Женя – 23-го, но решили праздновать объединенно – сегодня.

Удивительная мысль у Бурсова о Достоевском. О том, что он и его герои лишены раскаяния. По сути, это мысль о том, что человек есть тайна. И как бы он ни клял себя за прошлые ошибки и поступки, он благодарен им и благословляет их, так как если бы не они – не стал бы он тем, кем стал теперь. Удивительно эгоцентрическая мысль, но насколько она эгоцентрична,

настолько и верна. Мысль, достойная гения… Как это верно: человек есть все, и сложность и простота, и зло и добро – все вместе!

Праздновали день рождения Володи, Жени и дочери Мурада. Совершеннейший Чехов, только этакий советский и более безысходный.

Женя напился, поскольку узнал, что женщина, с которой он был здесь близок в апреле, сегодня родила от него девочку. Вот уж неисповедимы пути Господни! – случайно приехать в Манилы, чтобы узнать, что именно здесь, именно в этот день родилась твоя дочка. Горе-звукооператор. Смешной чеховский человек. Безумно влюблен в свою бывшую жену – Киру Самборскую, актрису. Влюблен болезненно. Год сидел в тюрьме за то, что ударил на стадионе милиционера в штатском. Пьющий. Отовсюду выгнали. Милый, скромный, застенчивый интеллигент в очках. Безумно скучает по Москве, вынужден работать на студии в Хабаровске. Если говорит, так только правду, удивительный характер. Русский тип совершенно. Мучающийся, безвольный, нежный и трогательный. Такие всегда страдают, на них выезжают подлецы.

Юра тоже постоянно вспоминает о Москве. Закрывает глаза и тихонько бормочет: «Иду по Арбату, поворачиваю в переулок, там слева «Ткани», справа театр Вахтангова…» и так далее. Юра и вовсе тихун, но бунт такого человека страшен. Жесток, бессмысленен, наивен.

На этом фоне – ветеринар Мурад. Рассказывал, как делал кесарево сечение корове… Фантастика все это. Володя со стихами, Женя с дочкой, Юра. Чудно все это и удивительно.

Я совсем почти не пил и с удовольствием теперь об этом думаю. Буду читать.

Пришел Боря, директор фильма. Очень красивый, обаятельный парень. Рассказал про Юру (в его же присутствии), как приехал тот на Дальний Восток работать – в шляпе и с авоськой, никаких больше вещей у него не было.

Еще рассказана была одна смешная, просто чаплинская ситуация. Два оператора-дальневосточника приехали в какое-то глухое место. Поймали двух блядей и повели в сарай. Один со своей кралей устроился внутри, а второй – снаружи, за овином. Тот, который внутри, даму приладил к столбу и сам только примостился, как рухнул столб. Дама упала, следом рухнул потолок, и мужчине пришлось, как Антею, потолок принять на руки. Дама юркнула в дверь. И вот стоит этот мудила со спущенными штанами – держит потолок.

– Гоша! – орет он товарищу.

Товарищ прибегает, и тогда тот, что держит потолок, просит

его поднять руки. И как только парень поднимает руки, тот выскакивает за дамой вдогонку, оставив друга держать крышу. Чистый гэг!

И еще ситуация: тот же оператор, сходя с парохода, упал с трапа, но в падении успел ухватиться за юбку какой-то встречающей дамы. Вместе с этой юбкой он и начал тонуть. Дама же оказалась на причале с цветами в руках и в трусах.

22. I.73

Сегодня по плану должен был закончиться поход. Но не тут-то было. У нас впереди еще сотни километров, аж до самого Магадана.

> Смотрел Тейлор и Бертона в «Укрощении строптивой». Господи, какая техника! Напор! Темперамент! Характеры! Ритм!

Володя пришел домой часа в три – соблазнял безуспешно какую-то даму. Юра всю ночь мыл посуду, Женя же не приходил домой вообще. Видимо, ему так понравилось, въезжая в село, принимать своего нового ребенка, что он решил сделать закладку еще на девять месяцев.

На улице –67°. Холод адский. Село окутано туманом.

Да, совсем забыл. Мне снилась сегодня тоска. Адская тоска. Не помню ее материального воплощения во сне, но помню, что проснулся с ясным ощущением, что именно она мне снилась.

Опять о Бурсове: очень он хорошо написал о героях Достоевского, что они страшно дорожат своей неуловимостью и изменчивостью, в то же время сохраняя внутреннее единство. Вообще, изменчивость, неуловимость человеческого характера страшно притягивает к себе. Все это – тайна.

Замечательно письмо Достоевского опекуну с жалобами на жизнь «под колоннадою Казанского собора». Хотя Достоевский вовсе в этот период не бедствовал. Он все сочинял – и себя тоже. Таким же лицедеем был Феллини. Это удивительно и прекрасно.

Володя рассказал смешную историю, как они с Коротковым и еще какие-то националы-интеллигенты ездили по Корякскому округу с выступлениями. Естественно, напивались адски. И вот в один из рейсов Володю, чрезмерно бухого, не взяли. Вертолет уже поднялся в воздух без него, и Володя сел на свой рюкзак и зарыдал… Вдруг вертолет вновь опустился, и все националы вылезли. Они объявили забастовку – сели рядом с Володей и сидят. Вертолет стоит, винтом вертит. Здесь же в растерянности –

начальник управления культуры обкома, а на земле – писатели. Причем один рыдает.

Вот уже несколько раз Бурсов напоминает о «космичности» Достоевского. Мне кажется, тут имеется в виду не столько глобальность охваченных писателем проблем, а вот именно то самое космическое соединение конечного с бесконечным в личности и Вселенной. Неоценимая важность любого события в жизни человека для развития его личности.

Существо творчества Достоевского есть самая суть его жизни, его личности. Неотъемлемость творчества от его (именно его!) жизни и взаимное влияние одного на другое.

Забыл сказать: а температурка-то нынче –50°, что значит привычка. Уж и внимания не обращаешь на такой мороз.

Смотрел Тейлор и Бертона в «Укрощении строптивой». Господи, какая техника! Напор! Темперамент! Характеры! Ритм! Стремительность всей сцены, всех состояний! Эксцентрика! При этом тонкость и изящество! Что значит – талант, личность и их свобода. Только не быть «тварью дрожащей». Только бы не быть ею.

Взлет вертолета в пургу

Как применить этот опыт к своей актерской работе?! К есаулу Брылову. Конечно, нет настоящего без любви. Но как эту любовь передать? Ведь не обязательно иметь в кадре мужчину и

женщину. Любовь важна и в отношении художника к тому, о чем говорит. Любовь – в своей сущности, в сути, в истоке, в начале. Любовь как точка опоры и отсчета. Это нужно попытаться… Нет, *необходимо добиться* ее в фильме, в отношениях между героями!

И еще: какая точность окружающего героев мира в «Укрощении»! Каждая второстепенная реакция становится первостепенной! Из этого и создается ткань картины. Как важно об этом думать. Как это важно.

А костюмы? Господи, до чего все точно и роскошно! До чего со вкусом сделано.

Как соединить в одном образе совсем разных людей?!..

Меня еще раз поразила точность и в то же время резкость и смелость реакций актеров в образах.

Ну, о драматургии и говорить не приходится.

И еще, еще, еще тысячу раз – характеры и характер взаимоотношений героев!!!

Ох, Бертон, Бертон! Этот смех, эти обнаженные, наглые зубы, эта поволока в глазах и предельная точность реакций.

У Бертона нет ни одного кадра, где он никакой. Ни одного кадра, где он безличен, или пуст, или нейтрален.

23. I.73

Спал ужасно. Всю ночь мучился Бертоном. Просыпался и снова проваливался в какой-то беспокойный морок… Я заметил, что и у Феллини в «Кабирии», и у Бертона в «Укрощении» схожи актерские манеры. Схожесть их заключается в эксцентрике и активности актера. Он «врезается», если так можно выразиться, в роль. Берет ее за рога, подчиняет своему темпераменту.

И еще: я подумал, что очень важно и хорошо, когда настроения, чувства, захватывающие персонажей фильма, передаются зрителям. Вот тогда-то и происходит настоящее внедрение. В том-то и суть настоящего искусства, его радость. Зритель не должен быть наблюдателем, он должен быть участником.

Ричард Бертон и Элизабет Тейлор в фильме «Укрощение строптивой» (1966)

К примеру, тот воздушный поцелуй, который посылает какая-то женщина Петруччо, когда он оборванцем появляется на собственной свадьбе. И вот он уже вызывает у зрителя то самое чувство, что и у этой сердобольной женщины, которую мы в фильме больше-то и не увидим! Это кадр длиною 20 см, но он настолько точен – и по месту, в котором стоит, и по заряду, который несет, что сразу делает зрителя активным, взволнованным участником происходящего!..

На улице –49° мороза.

Смотрели «Одиссею». Итальянская картина. Главную роль там играет актер-югослав (*Беким Фехмию.* – ***Современный комментарий автора***), которого раньше мы видели в «Скупщиках перьев». Ах, культура! Как нам ее не хватает! Как без нее трудно и слепо! А Гомер? Ну, что уж тут об «авторе идеи» говорить.

Впрочем, «по гамбургскому счету», слабая картина, хотя, с точки зрения общей культуры, все хорошо. Вернее, обычно для среднего европейского уровня. Но с нашим-то уровнем и сравнивать нечего. Какие костюмы. Фактура, отделка. Об этом тоже нужно думать. Как доказать нашим идиотам, что не прихоть это, а необходимость? Как преодолеть леность их мысли? Добиться того, чтобы все думали профессионально.

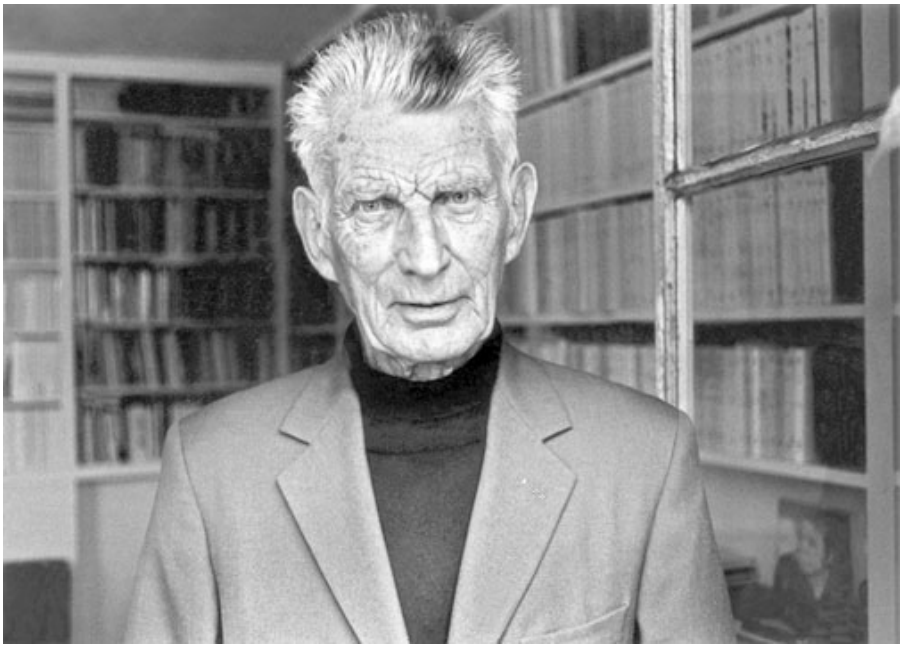
Кстати, относительно костюма: хорошая деталь – куртка, скажем, или свитер, зашитые грубыми нитками.

24. I.73

Потеплело. Ждем Валентина Чубарова (*сын легендарного героя, по маршруту похода которого частично строился и наш маршрут. –* ***Современный комментарий автора***). Поехали навстречу. Остановились, заприметив хорошие фоны для съемки нашего знакомства. Вылезли. Ребята-операторы достали камеры.

«ГТС хорошо, а олени лучше!»

Из пришедшего ГТСа вылез Чубаров. Оказался симпатичным толстым человеком. Но холод в тундре был чудовищный. Холод и ветер. Лысякову прихватило нос ужасно. Мне щеки и нос тоже. Съемка «встречи» продолжалась буквально несколько минут, буквально 2–3 – из-за холода. Запрыгнули в вездеходы и поехали обратно.



Ирландский писатель Сэмюэл Беккет

Пока ехали еще туда, я все думал про свою картину. Самые разные образы лезли и лезли в голову, прыгали друг через друга. Подумал о Ванюкине. Когда Шилов приходит к нему, он должен после удара так лететь, чтобы пробить дверь, ударившись плашмя с раскинутыми руками. Может быть, даже в двери должна дыра остаться в форме его туловища.

Занятную мысль выразил Сэмюэль Беккет: он пишет, что его не интересуют идеи, а только форма, в которой эти идеи выражены, что в философии он ничего не понимает и не читает философов. Он говорит, что задача художника – найти форму, в которой можно было бы выразить всю кашу, окружающую человека и называемую Бытием. Все это занятно, но совершенно исключает всякую Веру и Надежду, и Любовь, то есть именно то, что может объединить людей, что может заставить человека совершить добрый поступок.

Нет, конечно же, подобная точка зрения заслуживает внимание, тем более что это – точка зрения Беккета и как человека, и как мыслителя, и как писателя. Вообще, посягать на свободу личности создать свою концепцию миросозерцания есть зло. «Человек есть тайна», – сказал Достоевский. Это и Беккета касается. Но лично меня не волнует та «форма», о которой он столь бесстрастно говорит. Даже если мысли Беккета космичны, если они и есть суть нашего трагического бытия, видимо, *та форма*, в которой эти мысли подаются мне, не трогает меня

совершенно. А раз так, ни радости, ни протеста во мне не рождается. Я прохожу мимо, почтительно снимая шляпу (на всякий случай) перед тем, чего не понимаю.

* * *

Ужасно я не выдержанный человек. Ох, как же меня может что-либо раздражать! До скрипа зубов, до желания убить.

Например, Зорий! Это, доложу вам, тип! Вот уже три месяца мы с ним в походе. Неглупый, хитрый, даже хитрожопый, щедрый, способный на откровенность, но крайне безвкусный, самовлюбленный, категоричный, безапелляционный, упорный, добивающийся очень многого только одним упорством. Порою Зорий остроумен и приятен, но иногда просто невыносим. Самоуверенность его границ не знает…

Так вот: у него либо тик, либо привычка. Когда читает, трогает одной рукой волосы на затылке и при этом цокает языком о зубы, будто их чистит. Если об этом не думать – ничего, но стоит раз обратить на это внимание… – все! Уже ни о чем больше не думаешь. Ни читать, ни писать, ничего нельзя. Хочется только бросить в него утюгом или еще чем-нибудь.

Вместе с Чубаровым приехал главный редактор «Камчатского комсомольца» Паша Козлов, он же Пахом Тундрин (это его литературный псевдоним). Полный мудак, шутник-хохотун. Зорий метко его оценил: «Милый парень, часто болеющий триппером». Может, он и милый, но такой абсолютный мудак, что даже странно.

Приехал главный редактор «Камчатского комсомольца» Паша Козлов, он же Пахом Тундрин (это его литературный псевдоним). Зорий метко его оценил: «Милый парень, часто болеющий триппером».

Вечером выступали в ДК. Все прошло, как всегда, с той лишь разницей, что был уже с нами Чубаров. Он выступал хорошо – грамотно и толково. Рассказывал об отце, хорошо говорил. Особенно запомнилась одна история, трогательная на мой взгляд. Однажды в детстве Валя провинился, и отец решил его выпороть, да Валентин паренек был смышленый и быстро в соседней комнате засунул в штаны себе расшитую цветочками небольшую подушечку. Отец взял ремень, уложил сына и врезал первый раз. Ничего, сошло. Отец второй раз «протянул». Опять ничего. А на третий раз лопнули штаны, и из прорехи глянули пестрые цветочки подушки.

«Все!» – сказал отец. – «За находчивость больше пороть не буду». – Хорошая история.

Потом выступал Козлов и такую нес херовину, аж стало страшно.

25. I.73

Утром пришли каюры. Узнавали что и как. Когда едем и сколько нас. Поговорили. Я спросил, холодно ли будет ехать. «Холодно», – уверенно кивнули они. – «Очень холодно».

Торопливость. Торопливость. Ужасно она мешает. Все думаю о словах Достоевского, что «молчать – всегда красивее, чем говорить». Но ведь от того, как говоришь, зависит результат – добьешься, чего хочешь, или нет.

Сергей Бондарчук

Андрон Михалков-Кончаловский

Сергей Герасимов

Как бы выработать оптимальную систему отношений с номенклатурными работниками, от которых зависит твое творчество. Ведь умеют же «грамотно» с ними общаться Бондарь и Андрон! Или Герасимов. Умеют же они!.. А я – либо «тварь дрожащая», либо хам, либо суетливый мальчишка. От того и победы мои, если они и бывали, – чудовищными затратами давались, а радость от этих малых побед была столь великой, будто невероятного чего-то добился. Эх!..

Больше молчать нужно и дело делать.

* * *

Достоевский пишет из каторги, что о нем «гул пойдет», когда он вернется и снова начнет писать. Видимо, в нем созревало то новое, удивительное художественное мировоззрение и та философская система (хотя никакой системы он не признавал), которые легли в основу его творчества.

Но все-таки это писал человек, не сомневающийся в том, что люди смогут новые его сочинения прочесть. У него не было «комплекса полки». Его мучило творчество, сомнения творчества,

а не самоцензор, не страх, что накричат и «закроют».

* * *

Меня мучит любое порабощение личности. Любая попытка давления на меня рождает мучительную ненависть, которую мне ужасно трудно в себе задушить. Тогда я либо хамлю, либо затаиваюсь, но чтобы спокойно оценить обстановку и придумать, что делать, – на это ни терпения, ни ума у меня не хватает.

О Господи, помоги! Ну вот зачем я влезаю опять в эти споры, в ужасные выяснения отношений с такими мудаками, как Паша Козлов.

Зачем я стараюсь ему что-то доказать?

И что это за правила такие? Почему главный редактор молодежной газеты обязательно должен быть редким мудаком?! Ох, Господи! Что же заставляет меня кричать, суетиться, ненавидеть его именно за то, за что я должен быть ему по сути благодарен – что командирован от его газеты?

Сам же писал, что нужно молчать. Значит, нужно молчать! Молчать!

* * *

Цибульский в «Пепле и алмазе» – новый тип героя. Джеймс Дин – новый тип героя. Бельмондо – новый тип героя. И все они в творчестве – продолжение личности своей. То есть все они – личности. Не может быть героя, который должен стать носителем каких-либо идей, если он не личность. В то же время рождение этого нового героя, нового типа обусловлено той интонацией, которой автор, режиссер, хочет выразить свои мысли и чувства. Следовательно, режиссер тоже должен быть личностью.

Смотрел «Чайковского» – плохая некультурная картина. Плохо и это, и все вообще.

Антонина Шуранова и Иннокентий Смоктуновский в фильме «Чайковский» (1969)

Собираемся в поход до Верх-Парени. Это несколько дней пути на собаках по Пенжинской тундре. Говорят, самое жесткое по походам место на Камчатке. Судя по всему, этот наш переход действительно будет особенно тяжким. Да что делать. Шесть нарт. Нас пять человек. Много груза.

Ну что ж. Видимо, нужно пройти этот путь – по самому суровому месту из тех, где живут в мире люди. Говорят, есть еще одно только место, где-то на Чукотке, что сравнимо в это время года с ожидающей нас Пенжинской тундрой.

Помоги, Господи! Мороз-то около пятидесяти! Помоги, Господи!

26. I.73

Проснулись рано утром. Было еще темно. Начали собираться. А в это время по радио передавали, что Коле Бурляеву – 25 лет, что он счастлив и знаменит и сыграл главную роль в кинокартине «Игрок» по одноименному роману Федора Михайловича Достоевского.

О, знал бы ты, Коля, чем в это время занимается твой

однокурсник. А он натягивает на себя кухлянку, а потом камлейку. Это такая накидка с капюшоном от пурги и мороза. Делается она всегда из очень цветистой ткани – чтобы человека, потерявшегося в тундре, легче было найти.

Каюров все не было. Когда же все-таки явились двое, выяснилось – остальные «в ауте». Ну, это уже существенно. Решили было отложить выезд до завтра, но потом переиграли. Решено было все же выехать. «Времени нет».

Стали собираться. Мороз на улице за пятьдесят. До чего же это холодно! От одной мысли, что и день, и ночь придется нам пробыть в открытой тундре, становится страшно.

Наконец подъехали все каюры. Из шести – трое «в дупель». Но делать нечего.

> Теперь-то я понял, что значит – замерзнуть. Это когда ни волей, ни умом, ни хитростью не можешь, например, шевельнуть пальцем руки.

Из деревни выбирались около двух часов. Возле каждого дома они останавливались, объясняя это какой-либо надобностью, заходили в дом, а возвращались все более и более пьяные. Наконец все же тронулись.

Николай Бурляев в 70-е

День был солнечным удивительно, но и мороз отменный. Брови, ресницы, усы – все покрылось плотным слоем льда и густым инеем.

Мой каюр был бухой и уже два раза падал с нарты. То и дело он останавливался, ворчал, ругался и просил опохмелиться, а потом достал вдруг из мешка бутылку, выдул ее из горла и тут же вытравил под нарту.

Я молчал, никак не реагировал вообще ни на что. Это единственная правильная реакция, которая возможна в такой ситуации. Ни просьбы, ни угрозы, ни увещевания помочь тут не могут. Лучше молчать, что я и делал.

За день прошли 20 км. Это чудовищно мало, но день кончался, пришлось «ночевать», то есть постараться скорее добраться хотя бы до «домика», в котором возможен был теплый

ночлег.

> Мой каюр был бухой и уже два раза падал с нарты. Я молчал, никак не реагировал вообще ни на что. Это единственная правильная реакция, которая возможна в такой ситуации.

Теперь-то я понял, что значит – замерзнуть. Это когда ни волей, ни умом, ни хитростью не можешь, например, шевельнуть пальцем руки. Думаешь: «Господи! Ведь это так просто. Возьми и пошевели рукой! Ведь это же просто!» Но ткань твоего тела мертва. Мертва совершенно.

Видимо, люди замерзают насмерть не столько от холода, сколько от ужаса. Все как в бреду. Страшное внутреннее смятение, суетность. Торопливость и бессилие… И какая беспомощность! Видимо, это такое же неподдающееся контролю состояние, как голод или еще что-то такое же стихийное. Может быть, я попробую когда-нибудь описать подробней это состояние.

Приехали в «домик». Это действительно маленький домик в тундре. Внутри – полати. Хворост, печка, соль. Поужинали и легли спать. Было 8 часов вечера. Спалось тревожно, много чего передумалось. Храпели, кашляли и харкались каюры.

К утру стало стремительно холодать. Когда ночью выходил по нужде, снова смотрел на Большую Медведицу. Она кажется мне чем-то удивительно личным здесь. Видно, потому что и здесь, и там, дома, она одна и та же. Те же семь звезд ковшиком. Ужасно близки они мне. Те, кого люблю, там видят ту же Медведицу, только в другое время.

27. I.73

Каюры встали в 5 часов утра. Стали чаевать. На улице опять за пятьдесят. За сопкой будто фонарь горел. Удивительное зрелище. Это луна. Хотя было уже утро, но из-за этой сопки луна для нас еще и не взошла.

Быстро погрузились и выехали. В это ночное время тундра – фантастическое зрелище. Снега мало очень. Совсем почти нет. Его выдувает ветром и трамбует морозом.

Удивительно. Собачки несут нарту быстро, но сидеть на ней страшно. Темно, и ничего не видно. Только ветер свистит… А! вот и луна наконец-то взошла из-за сопки, но с другой стороны гряда сопок уже розовела солнечной полосой.

Потом начался затяжной подъем. Около 5 километров до перевала. Шли в гору по удивительно хрупкому, судя по звуку, но

твердому, как асфальт, насту. Помогая собачкам, толкали свои нарты. Взмокли до костей. Но вставало солнце – это было совершенно потрясающее зрелище. Потрясающее!

Собаки тянули тяжело, то и дело оглядываясь на каюров: помогают ли? Шли часа два… Дошли, расселись по нартам – начался спуск. Только ветер засвистел. До костей пронизал холод. И опять все лицо, малахай, ворот, все стало покрываться льдом. Снова онемели руки, просто отнялись…

Чтобы согреться, бежал километров 6 за нартой. Потом опять ехал… И так весь день.

Польская актриса Беата Тышкевич

Обложка журнала «Советский экран» (№ 8, 1967)

Забыл сказать. В домике, в котором мы ночевали, на полу в углу лежали книги. Одна из них – «Мертвые души» Гоголя. Володя, заметив, как я листаю страницы, подошел. «Сюда много книг привозят, только читать их некому». И рассказал историю, как ехал он по тундре и видит вдруг – заяц шевелится. Володя ружье вскинул, как ахнет. И бежит… А это оказалась огромная книжища «Басни Крылова». В тундре, в самом центре – шевелятся под ветерком «Басни Крылова».

«Чаевали» опять в тундре. И опять руки отмерзли. Но теперь уже как-то спокойнее было.

Приехали в заброшенное село. Там один только жилой старый дом. Заняли его. Нарубили дров, растопили печь,

устроились на ночь… В доме этом подобрал с пола яркий листок. Оказался из «Советского экрана», а на фотографии – Беата Тышкевич. Забрал с собой. Бог даст, увидимся – покажу ей, расскажу, где я нашел этот листок.

Палаточный городок на Дальнем Востоке

Когда ночью не спалось, все думал о том, что хорошо бы написать статью обо всем, что «наболело», про кино. И, пока лежал и думал, отличная статья в голове складывалась – умная, толковая, спокойная. Но потом решил, что нечего писать всякую херовину – никому это не нужно. Никто это не читает, а если и читают, так исправить никто ничего не может. А нужно дело делать.

Дело делать… Вот смотрел «Чайковского» и думал о том, что торопить, комкать работу нельзя. Спокойно и твердо делать свое дело, только не комкать. Никто потом этого не возместит.

И нечего стараться торопливо добиться чьего-то уважения. Из кожи для этого лезть. Нужно терпеть. Ждать. Ведь придет же наше время. И те из моих сверстников, что теперь относятся ко мне с уважением, тоже в свое время станут (должны стать!) людьми, от которых хоть что-то зависит в этом мире. Хочу верить. Хотя Бог его знает… Завтра должен быть большой переход.

Гениальная история! Вот уж воистину – образ доведенного до точки советского человека.

Палаточный городок строителей трубопровода. Жрать нечего. Водка разбавлена. Тоска и грязь. Живут люди, и все бы ничего,

если бы не опостылевшая пропаганда, которая льется и льется из транзистора. Жили бы эти люди и терпели бы все, но гадость эта в приемнике… Нет сил ее слушать, да еще и песни Пахмутовой про тайгу и туманы, и романтику. И вот сидят в палатке ребята, водку пьют. Дождь на улице. Приемник говорит о достижениях. Ребята сидят, молчат. Потом один из них медленно встает, снимает со стены ружье, так же медленно и спокойно его заряжает. Все смотрят на него совершенно равнодушно. И, как только после информации включили розовую песенку «Палаточный город», парень, аккуратно выцелив, засадил в приемник дуплетом весь заряд.

– Наконец утихомирил, – сказал тихо, опуская ружье. В стаканы разливали водку. Дождь не переставал.

28. I.73

Ночью холод был адский. Мне мой кукуль мал, оттого половина туловища была «на улице». Ужасный холод, леденящий. Тело и голова будто немели.

Проснулись от холода. Сел я в кровати и, опустив на пол ноги, почувствовал, что температура на полу градусов на 15 ниже, чем вообще в комнате.

Почаевали при свечах и тронулись. И опять восход застал нас уже в тундре. Как и вчера, мороз – за пятьдесят… Вот она, Пенжинская тундра, во всем своем величии, во всей красе. А краса и вправду изумительная. Конца и края нет этой сияющей тундре, синеватые сопки по горизонту…

Забегая вперед, скажу, что сегодняшний день был самым тяжелым из трех дней пенжинского перехода. Едва поднялось солнце, появился тихий ветерок. Но при таком морозе этот легкий ветер – истинный ужас. Он пронизывает насквозь. Дул он в лицо, и от этого совершенно отмер лоб. Сначала отмер, а потом начал адски болеть.

Сел я в кровати и, опустив на пол ноги, почувствовал, что температура на полу градусов на 15 ниже, чем вообще в комнате.

Ехать на нарте – это значит половину пути бежать рядом с ней. Тяжело это, особенно в гору. Снег – сыпучий, как песок, проваливаешься по колено, а то и глубже. Но нельзя от собак отставать. Никак нельзя, потом не догонишь.

Каюра моего зовут Сережа. Закончил три класса. Молчаливый, тихий человек. На все вопросы отвечает «нэть» или

«найвэрнэ».

– В Москве был?

– Нэть.

– А на материке?

– Нэть.

– Поедешь?

– Найвэрнэ.

– Это какое море слева, Охотское?

– Найвэрнэ.

Едем по берегу Охотского моря. От него поднимается темно-серо-синий густейший туман. Ползет солнце по кромке тумана.

Замечательны отношения каюра с собаками. Они совсем не однозначны, как может показаться с первого взгляда. Собаки – трудяги удивительные. Тянут, тянут, только худые задницы мелькают. Время от времени собачек меняют местами. Это делается для того, чтобы не перегружать одни и те же их мышцы.

Погоняет каюр собак звуком, похожим на «кха-кха», потом «тах-тах»; останавливают на отдых длинным, похожим по интонации на «ла-а-а-адно» – «хххха-а-а-а». В пути каюр то и дело говорит с собаками странным сдавленным голосом. Он говорит этим голосом короткие гортанные фразы. Собаки его удивительно внимательно слушают, то и дело они оглядываются: мол, как там, что?.. Когда собаки тащат нарту, все постромки должны быть натянуты натуго. Плохо будет тому, кто «сачкует». Каюр управляет собаками «остолом». Это такая палка, толщиной с человеческую руку, с металлическим острием на конце, с другой же стороны – ремень, которым привязывают остол к нарте. Так вот, остолом этим каюр лупит собак, которые сачкуют. Но как лупит – страшно смотреть! Или рукояткой ножа по морде даст, да так, что сразу юшку из носу пустит.

В пути

Закат солнца застал нас тоже в тундре. Едем и едем. Тяжело. Больше половины пути пешком, из этого больше половины – бегом. При таком морозе нелегко все это.

Есть среди нас каюр Витя. Закончил 10 классов, но ничего как-то из него не вышло. Говорит грамотно, зол, ироничен. Одинаково пренебрежителен и к своим, и к нам. К своим – оттого, что образованием он несравнимо выше них, а к нам пренебрежителен он потому, что мы чужаки и не понимаем многого из их корякской жизни. Вообще, между каюрами и нами существует некоторое отчуждение. Питаются они отдельной группкой. В домике сидят на корточках по углам. Тихо сидят, молчат.

Много раз за эти дни, сидя на нарте или колупаясь по снегу, смеялся про себя, размышляя о том, что и как происходит сегодня в Москве и вообще в этом «прекрасном и яростном мире». Вчера укладывались спать на полу в холодном, затерянном домике и по спидоле слушали «Голос Америки»: а там и музыка, и шумы мира, и новости… Как объять все это? Как вместить все это в себя? Куда поместить и себя в этом огромном мире, как найти место?

Проезжали мимо заброшенного поселка. Если и жив еще товарищ Молотов, вряд ли он знает, что где-то в пенжинском районе на Камчатке, в бескрайней и очень холодной тундре пятнадцать лет назад перестал существовать колхоз его имени. И что стоял он на берегу Охотского моря, и что теперь это –

ушедшие по окна в землю домишки, и что я проезжал мимо них на худых собаках этой зимой.

Наконец достигли табуна. Тут будем ночевать. Большая меховая палатка. Печка. Свечи. Тепло! Хорошо! Нужно отогреться, попить чаю и поспать.

29. I.73

Это Луна, нормальная Луна. Совершенно лунный пейзаж.

День начался для нас рано, в 5 утра. Быстро позавтракали, погрузились и поехали. Еще в темноте начался второй перевал. Тяжело в темноте идти в гору, проваливаясь в снег по колено. Проклясть можно все на свете. Но шли…

Поднялись. Отдохнули и пошли дальше… Снова рассвет застал нас в тундре. Хотя мороз и был за пятьдесят, но без ветра, и, кроме того, оклемались, видимо. Не так уже кажется холодно, как в первые дни. Вечером попросил одного из каюров поточить мне нож. Он точил его, а потом проверял – хорошо ли он наточен, проводя лезвием по своей голове. Она у него бритая, и надо лбом я еще раньше примечал какие-то полоски. А это следы постоянных проб остроты лезвия!

Что поразило меня в эти дни – скорость, с которой они разводят костер и делают чай. Только остановились, а уже костер горит, и чай кипит! Фантастика. Кроме того, удивительно быстро начинают есть. Мы только с нарт встали – а они уже в кружок стоят на коленях, едят рыбу сырую, оленину.

Переход был все-таки тяжелым. Остановились ночевать опять в избушке среди тундры. Почаевали. Нужно спать и утром ехать дальше. Теперь уже до Пареньи.

30. I.73

Скажу сразу: переход был адским. Самым тяжелым из всех переходов этих дней. Проснулись каюры, потом вскочил Володя. Начал петь, как всегда, и спать было уже невозможно. Было без 20 четыре. До чего же не хотелось вставать. Но делать нечего. Встали. Попили чаю и выехали.

Вот она – тундра. Самое жесткое место, в котором живут люди. Сквозь все, что на мне было надето, пробивал мороз. Температура воздуха достигла –59 ˚С. Первый раз в жизни меня мутило от холода.

Одна тундра – белая, пустынная… Выяснилось, что в темноте сбились с дороги. Начали пробиваться по целине.

Поднялся легкий встречный ветер. От него застыла маска, которой я закрывал лицо. Она моментально стала каменной. Я чувствовал, что обмораживаю лицо, но шевельнуться не было сил. Ветер пронизывал до костей. И это сквозь 2 свитера, меховую куртку, кухлянку и камлейку. Малахай был завязан до упора. Ресницы смерзлись. Лоб, брови, щеки – все смерзлось с мехом малахая в один ледяной панцирь.

Ужасно тяжелый переход. Время от времени я глядел в темное, глубокое небо, по которому были рассыпаны звезды. И опять видел Большую Медведицу, но думал теперь только о том, что мне ужасно холодно и дует ветер, и Бог знает, куда я попал и где я теперь нахожусь.

…А собачки тянут и тянут. Когда совсем окоченел, начался подъем. Пошел пешком. Начал потихоньку согреваться… Но идти трудно очень.

И опять рассвет застал нас в тундре. Последний час перед рассветом был самым жестоким – по холоду и промозглости.

Встало солнце. И я увидел эту знаменитую парейнскую тундру. Ни кустика, ни деревца. Одна тундра – белая, пустынная… Выяснилось, что в темноте сбились с дороги. Начали пробиваться по целине.

Добрались до берега Охотского моря. Торосы и трещины. А нам нужно было успеть пройти здесь до начала прилива. Тогда лед пузырится, вздувается, трескается. Нужно торопиться!

Примерно километров 5 пришлось бежать по этим торосам, то и дело рискуя провалиться в трещину, да еще толкать нарту. Собаки совсем выдохлись… Наконец остановились «чаевать».

Я уже есть не мог. Выпил только кружку чаю, встал и пошел вперед, так как впереди был большой, хоть и пологий подъем. Ехать на нарте все равно бы не удалось. Следом за мной двинулись Володя, Зорий…

Шли еще километра четыре, а может, и пять. То снег по колено, то просто голый лед.

Нарты нас догнали. Кончился подъем – и мы поехали… Наконец на горизонте показалось селение Парень. Но до него мы добирались еще четыре часа – под конец снег стал таким глубоким, что, толкая нарту, проваливались по пояс. Собак в колеях не было видно, до того эти колеи стали глубоки.

Парень – это граница с Чукоткой. Дальше Магаданская область.

Пока мне трудно описать все ощущения. Еще не отошел. Нос и щеки обморожены. Ног не чую. Лежу теперь в какой-то теплой халупе. Как хорошо! Топят для нас баньку. Может быть, вечером помоемся.

* * *

Смотрел я всю дорогу на собак и думал о том, что жизнь у них действительно «собачья». Кормят только вечером. Один раз в сутки. Целый день они в упряжке. Тянут и тянут эту тяжеленную нарту. Чуть замешкались – получай по хребту огромной палкой с кованым наконечником!.. И живут эти собаки ровно половину отведенной им собачьей жизни.

В камчатских кухлянках и камлейках (Зорий Балаян и Никита Михалков)

* * *

И еще я думал о том, что огромное, великое счастье – знать, что есть у тебя и другая, но твоя тоже жизнь. Ею живут там… Бог знает где. Но она есть. Сладко и мучительно думать о ней. Мысли сами к ней тянутся и, словно бабочки летом вокруг горящей

лампы на террасе, вьются вокруг воспоминаний и грез. И время тогда словно останавливается… Может быть, проходят секунды, может, минуты, и только потом, очнувшись, обнаруживаешь себя съежившимся на ползущей нарте, а кругом заледеневшая тундра, звезды в небе и каюры «тах-тахают».

* * *

Поверхностный, безапелляционный, хитрожопый, наглый, самовлюбленный, лицедействующий, упрямый и поразительно живучий человек – Зорий Балаян! Однако упорство его, изощренность, напор в достижении цели заслуживают уважения.

После того как он мне совершенно серьезно сказал, что никогда не врет, я понял, что он врет всегда.

Современный комментарий автора: Все-таки удивительная вещь – человеческое обаяние и харизма. Как ни раздражался я бывало, ни злился на Балаяна, на его презрение к каким-то важным для меня вещам, неумение дослушать до конца, навязывание своего мнения и так далее, так далее – о чем в моем дневнике сказано более, чем надо, но вот… проходит это минутное раздражение, и ты опять видишь перед собой милейшего, талантливого человека, с прекрасным юмором, с блистательной реакцией и с замечательным слогом, которым он неизменно излагал свои мысли и всевозможные захватывающие истории как в устной речи, так и на бумаге. И ловишь себя на мысли, что сидишь и слушаешь его часами, как завороженный, и куда девается все твое раздражение, претензии, обиды?.. Все-таки великая вещь – мужская харизма и обаяние таланта!

* * *

Все же я несколько устал. Сегодня первый день четвертого месяца нашего путешествия.

* * *

Была баня с замечательным сухим и горячим паром. Потом поужинали. Местный начальник Иван Сазонович – на лицо – подлец полный. Вдобавок пьяница и хитрожопый. Прибыл сюда с военной службы. Из Гродно. Явный «сундук». Я спросил его, в

каком он звании служил. Он замялся и ответил, что начал с солдата. На этом в ответе и ограничился.

* * *

Все вспоминаю наш последний переход. Даже не верится, что все это было. И тундра, и мороз адский, и небосвод звездный, и рассветы с закатами в белой пустыне.

Сегодня мне приснилось, что от Андрона пришли две телеграммы. Сейчас не могу вспомнить дословно, но мне всю ночь казалось, что я их именно дословно помню. А теперь только знаю, что в одной из них в нескольких фразах было сформулировано его художественное кредо, а во второй были хорошие слова для меня и, кажется, приглашение сниматься. Помню, я долго еще, когда проснулся, пытался припомнить, что же там было написано, и никак не мог.

Потом, уже в тундре, сидя на нарте, выдумывал Андрону письмо. Оно получалось очень проникновенным, и мне самому ужасно нравилось, но потом мороз из меня выбил все.

И еще я думал вообще о сне как таковом. Удивительная, гениальная выдумка природы – сон. Это особая наша жизнь. Сказочная и прекрасная. Она прекрасна всегда. Хороший сон вспоминаешь долго, с наслаждением, возвращаешься к нему снова и снова. Плохой же сон, страшный, хорош тем, что он все-таки кончается – и ты с колотящимся сердцем смотришь уже на окно, в котором брезжит рассвет, и радуешься, что все кончилось, что все – неправда, и начинается новый день!..

Оленеводов-коряков эти морские коряки презирают.
Считают пастушество низкой профессией.

31. I.73

Надо сказать, колотун был ночью страшный. И, как только утром встали, пошли к местному начальнику.

Да! Забыл записать, что еще в бане ребята заключили пари (практически изобрели новую азартную игру) – отныне не ругаться матом, а с того, кто выругался, – рупь!

Я отказался от этой затеи, мотивировав тем, что зарабатываю пока всего 3 р. 80 коп. в месяц. Таким образом, ругнуться за месяц я смогу всего на три рубля с копейками – а это мне не по карману и не по характеру. Ребята со мной согласились и тут же

назначили меня судьей и кассиром. К вечеру в кассе у меня было уже 11 рублей.

Так вот, проживает в Парени 106 человек. Село национальное, но засранное до предела! Сортир засран до потолка, в прямом смысле слова.

Здесь живут почти одни коряки. Занимаются добычей морского зверя: нерпа, белуха… Бьют нерпу палками.

Оленеводов-коряков эти морские коряки презирают. Считают пастушество низкой профессией.

Обслуживание этого, самого дальнего, камчатского села ужасающе. Почта приходит раз в два месяца. В кино крутят одну картину по пять раз. Дети в Парени никогда вообще не видели никаких фруктов и свежих овощей!..

Считается Парень отделением манильского колхоза. Хозяйство это планово-убыточное. То есть кормят они только сами себя. Колхоз вот уже несколько лет решает вопрос о переселении жителей Парени в Манилы, но заниматься им там совершенно нечем. Кроме того, никто из местных уезжать не собирается. Их отцы и деды жили здесь. Но так как вопрос о закрытии Парени все время открыт, то и обслуживают ее жителей как временных поселенцев, то есть никак не обслуживают. Принцип, видимо, такой – они нам не нужны, и мы им давать ничего не будем.

В шестидесяти же пяти километрах находится село Верхний Парень. Там тоже живут коряки, но это уже Магаданская область. И обслуживание там совсем иное! Магадан – золото, ему и доставка всех благ! Следовательно, отношение это («Раз они нам, то и мы им») – есть политика общегосударственная. А то, что там и тут живут те же люди, никого не волнует.

Магадан, кстати, давно просит передать ему Парень. Это пастбища, которые чукчам нужны. Жителям же Парени совершенно все равно, как будет писаться их адрес: Камчатская область или Магаданская. Главное, что все они останутся дома и их начнут обслуживать по-человечески. Но нет, куда там! Сразу выходит на арену «национальная гордость». Разве может корякское начальство отдать чукчам свое село?! Пусть лучше их люди сидят себе и дальше в говне, зато числятся в Корякском национальном округе. Какая все это низость! Мерзкая гордыня, не имеющая ничего общего с гордостью настоящей, человеческой. У них нет возможности помочь людям, зато имеется во всей красе племенной гонор. Нет и желания никому помогать, но есть казенные сводки и бумажная волокита. А вот о том, что из-за этого страдают люди (все равно какого роду-племени), никто из них и подумать не хочет.

Удивительно! Даже Володя с пеной у рта мне доказывал, что сама постановка вопроса о передаче Парени в соседнюю вотчину – попрание норм, выработанных в области национального вопроса и т. д. и т. п., словом, нес околесицу, не имеющую ничего общего с реальными интересами людей.

Хотя, если честно, мне все равно. О чем говорить, когда вся Россия, вся огромная наша страна, в одинаковом говне. Конечно, в отношении к человеческой личности и жизни нельзя делать национальных различий – личность единственна, жизнь одна. Но, с другой стороны, всех-то коряков около 8 тысяч человек. И все! Это оленеводы, ведущие первобытный образ жизни, едящие сырое мясо и сырую рыбу, каюры, охотники и рыбаки – ведущие точно такую же жизнь. Полудикие, темные, неграмотные люди, в общем-то, обреченные на вырождение.

В деревеньке этой все пьяные ходят с самого утра. Никто ничего не делает. Прибыль, причем колоссальную, село может давать и, видимо, дает, но одному председателю, так как контроля здесь нет, так же, как и обслуживания. Председатель может заниматься всем, чем хочет, а возможностей огромное количество. Нерпы – сколько пожелаешь. 8 тонн нерчьего жира, столь необходимого оленеводам, да и вообще народному хозяйству, попросту сгнивает. Невозможно вывезти все это никуда. (Естественно, в сравнении с миллиардными потерями, которые ежегодно несет государство, – это чепуха.)

Так вот, о председателе. Нерпа, икра, рыба, пушнина… – всего за бутылку он может иметь все, что захочет. Да жизнь у него просто фантастическая могла бы быть, если б только он задумался об этом.

* * *

Моя копилка регулярно пополняется. Володя лидирует. Когда начинаем о чем-либо спорить, в особенности если спор касается национального вопроса, он волнуется и сразу начинает материться.

Я предложил всем замечательный выход из положения: за полтинник я берусь ругаться вместо каждого. Хочет, к примеру, кто-то выругаться – платит мне пятьдесят копеек, и я за него ругаюсь. Хороший бизнес.

* * *

Забыл сказать: каюры собак называют только «собачки». Вообще всех зверей называют ласкательно – «лисичка», «олешек»…

* * *

После каждого заплаченного Володей рубля он падает на пол, схватившись за голову, и клянется, что больше не будет ругаться в жизни никогда! Но мы знаем, удержаться он не сможет.

Удивительно трогательно и смешно слышать теперь от него изъяснение какой-то волнующей его ситуации. Без мата ему говорить трудно, но он помнит, чем ненормативная лексика теперь грозит. Потому монолог его состоит из мычаний, странных жестов, мотаний головой, страдальческих гримас, рваных обрывков и совершенно собачьих глаз. Но все же в итоге его прорывает. Он ругается и… испуганно замолкает, выпучив глаза, но тут же заявляет, что это было не ругательство.

Потом все же платит, хохочет и клянется, что уж теперь-то от него ругательства мы больше не услышим.

После заплаченного им девятого рубля Володя заплакал. А потом положил на стол пятерку и, пять раз саданув себе по голове, сказал пять раз «ё… твою мать!» и успокоился.

Замечательная личность. Смешной, трогательный человек.

* * *

Хорошая для кино ситуация. Заброшенная, засранная, совершенно изолированная от цивилизации деревня. Нет связи по целым месяцам. И вот четыре человека входят в эту деревню и захватывают власть. Делают все, что хотят… В такой картине можно показать все раз… байство наших властей, наших му… ков. Хорошая возможность!

Это надо видеть: на ободранном курятнике вывешены все члены Политбюро! А мимо на четвереньках проползают пьяные коряки. Воровство, волокита, бесхозяйственность. А эти ребята висят себе на стенке, звездочками геройскими мерцают. И происходит это на самом краю русской земли, в самом прямом смысле этого слова.

Фантастический маразм.

Мороз –56 ˚С. Ветер. Солнце. Снег. Деревня с хулиганским названием – Парень. Коряки. Собаки, которые дежурят у сортира и ждут «клиента», чтобы сожрать потом свежее говно (я это видел

первый раз в жизни). А с самого почетного места спокойно и мудро глядят на это наши вожди.

Ну, как можно после всего этого взять газету «Правда», серьезно читать ее и обсуждать, и вообще относиться к чему-либо серьезно, а тем более с доверием и уважением! Ах ты, Господи!

1. II.73

Вот и февраль. Последний месяц зимы, по крайней мере по календарю. С утра ходили по делам. Потеплело, если можно так прокомментировать температуру –30 °С. Все же не –59 °С. Вообще, день прошел довольно спокойно. Никаких особенных волнений не было – давно все про Парень нам ясно, так что и не старались узнать что-то новое.

Завтра нам предстоит новый рекорд – длиной в 75 км, до Верхнего Парени. Это уже Чукотка. Переход намечается снова тяжелый. Пройти за один день на собаках 75 км по тундре, мягко сказать, сложно. Опять бежать за нартой! Что плохо, так это то, что река, по которой в основном придется нам передвигаться, замерзла не везде. Есть опасность нырнуть.

Копилка моя вовсе сегодня не пополнялась, так как сегодня почти никто не ругался. Все как-то помалкивали. Только Гена, что-то вдруг вспомнив, засадил матюгом.

Вообще, Гена совершенно опустился. Ходит исключительно в кальсонах и нижней рубахе. И не только дома, но и по поселку, и в магазин. Только накинет шубейку и бежит.

Если считать грубо, в походе мы уже пятый месяц. Время пролетело фантастически быстро. Посмотрим, что будет дальше.

2–3.II.73

Холодно ночью было очень. Встали рано. Должны были отправиться в путь на собаках…

Ах, Федор Михайлович, привет Вам большой! (Ситуация по накалу и столкновению человеческих характеров совершенно по Достоевскому.)

Дело вот в чем. Вообще-то и раньше такое проглядывало уже в наших отношениях. Зорий – узурпатор, органически не терпит никакого противления внутреннего по отношению к себе. Но и я ведь такой же. Так что мы с ним давно жили в незримой борьбе друг против друга. В игре с матом пока один Зорий оставался «чистым». А так как он человек внешний во всех проявлениях, то

наверняка перед «финишной чертой» хотел бы заплатить красиво, то есть не так, как все – случайно обмолвившись, а сознательно положить трешку или пятерку на стол и на всю сумму эффектно выругаться. Я же, разгадав его желание, не хотел предоставить ему этот шанс.

> Гена совершенно опустился. Ходит исключительно в кальсонах и нижней рубахе. И не только дома, но и по поселку, и в магазин.

Так вот, уже за полночь легли мы спать. Володи и Гены не было, Женя спал. И вот среди ночи приперся к нам пьяный коряк (он делал нам ножны для купленных нами у других сельчан знаменитых паренских ножей и пришел за платой). Мы хотели спать и, естественно, были недовольны, что он завалился к нам. Разозленный Зорий привстал с постели и, выругавшись, спросил кузнеца, почему его принесло так поздно. В эту секунду я, хоть и слышал, как Зорий ругается, не обратил на это внимания, так как ругался сам. Но интонация его и сама фраза так и запала мне в слух, и, едва кузнец ушел, я вспомнил вдруг о неучтенном ругательстве и сообщил Зорию, что с него рубль. Он тут же отказался, сказав, что не помнит такого и что, если с кого и рубль, то с меня, так как судья обязан сразу уличить виновника. Я возразил ему, что все это не важно. Мне нет смысла врать, и если уж сделали меня судьей, то должны верить.

В ответ Зорий, с присущей ему демагогической фигурностью, начал вещать о презумпции невиновности, о юриспруденции вообще, об институте судейства в частности, о нормах порядочности у разных культур и народов, и многих других занимательных вещах в том же духе. Вскользь же заметил, что вообще хотел в итоге положить пятерку и «выругаться на все!»…

Я понял, что не ошибся в догадке, – именно это желание его и есть главное! Все остальное не важно. И если он теперь заплатит рубль и против его имени поставят галочку, весь шик пропадет! Лопнет то внешнее, что для него крайне важно.

Мы долго спорили, и спор этот, в общем-то, уже не касался придуманной нами игры. Здесь пошла уже другая игра – «кто кого?». Если Зорий заплатит теперь рубль, да еще без свидетелей, – рухнет план этого эффектного жеста под занавес! Лопнет идея! И дело даже не в величии и уникальности ее, а в том, что она *его*! И он не может поступиться ею из-за кого-то, тем более из-за меня. Я увидел, что он опасается даже того, что я расскажу об этом казусе ребятам. Действительно, тогда уже не будет задуманного им эффекта. Я чувствовал, что он злится от бессилия, и оттого так криклив, но я только чувствовал от этого

какую-то нехорошую радость.

Когда мы встали утром, я решил подождать того момента, когда Зорий будет наиболее раздражающе на меня действовать. Чтобы тут и начать эту историю (чистый Федор Михайлович!).

……..

Прервал запись и только теперь продолжаю ее, хотя за это время произошли и куда более важные события.

Еще ночью я сказал ему, что представляю, какой жуткий крик поднимут ребята, и особенно Володя, проигравший уже 11 рублей. Зорий промолчал…

Я знал, что утром сам он не заговорит на эту тему и вообще будет крайне приветлив, дабы «не будить лиха». Так и случилось. Он никому не делал ни малейших замечаний и, как ни странно, вообще не раздражал. Однако я понимал, что раздражусь на него рано или поздно – на какую-нибудь его внешнюю выходку или чванливо-графоманский разговор с кем-либо, с привлечением в него больших имен… Но понимал я и то, что спустя некоторое время история эта перестанет быть актуальной для нас всех, не говоря уже о том, что судейская моя правота действительно утратит юридическую силу «за давностью времени». Поэтому, выждав момент, я «внезапно вспомнил» о вчерашней сцене.

Что тут началось! Какой вой! А как разозлился Зорий! Он залез в такую узкую бутылку и отмахивался из нее с такой силой, словно там был запущен реактор демагогических доводов. А я, хотя и понимал, что моя правота всем очевидна, хотя понимал и всю бессмысленность и несерьезность этой истории, ничего не мог с собой поделать! Иезуитствовал как только возможно.

* * *

Каюры должны были приехать за нами в шесть утра. Возглавить их должен был их же парторг. Это коряк, говорящий по любому поводу и без повода: «Так вот, товарищ! Мы всего добьемся! Все сделаем!» Но ничего они не добиваются и ничего не делают.

Он пришел к нам только в семь утра и сказал эту фразу. На вопрос «где остальные?» – ответил, что уже все едут, и гордо ушел (за ними, видимо).

Но наши надежды на то, что каюры вот-вот появятся, оказались тщетны. Дело в том, что если в день нашего выступления в клубе водку здесь не продавали, чтобы все зрители в зале были тверезые, то уже на другой день, то есть накануне нашего отъезда, с утра вся деревня (включая парторга, завхоза и

председателя товарищеского суда) была «в дупель». Часов этак с семи утра. Такое явление воспринимается здесь так же спокойно и естественно, как, например, у нас в России спокойно отнесутся к тому, если в получку по улице пройдет выпивший человек.

Так что деревня вся в «кусках». И каюры наши не составили исключения. А как же иначе? Если бухие все – старики, женщины, дети… – все!

> Очень страшная, маленького роста, горбатая и растрепанная старуха плашмя повалилась на кухне и опрокинула на себя таз с помоями.

Только где-то к 10 утра каюры начали съезжаться к нам, но в виде «самом необыкновенном». Мы стали укладываться, и тут началось уже что-то невообразимое!.. Ужели никогда ни у кого не будет счастливой возможности взять обычный «Ariflex» и «Kodak» и все это, как есть, заснять. Вся деревня пришла к нам! Но не провожать, а опохмелиться. Они несли стальные ножи, которыми славится Парень, малахаи, стоптанные туфли, сумочки… – все! Вообще, когда в национальном селе появляется русский, за выпивкой идут к нему, так как он обладает чудесной способностью ее покупать. Русскому всегда отпускают. Местным же – в определенные дни.

Так вот: дом наш наполнился людьми. Чудовищно! Куросава – мальчик. Гиньоль – вообще детский лепет.

Очень страшная, маленького роста, горбатая и растрепанная старуха, рыдая и хохоча одновременно, хватала меня за рукава и умоляла о чем-то на своем языке. Она была совершенно пьяна. Потом она плашмя повалилась на кухне и опрокинула на себя таз с помоями.

Хромой кузнец, которому мы заказывали ножны и который вчера заявил нам гордо и независимо, что вообще не пьет, прискакал с клюкой в совершенно невменяемом состоянии и потребовал стакана.

Посреди такого ужаса мы продолжали собираться, а людской пьяный водоворот вращался вокруг нас и жил своей непостижимой жизнью…

Пришла чрезвычайно опухшая «дама в мехах». Действительно, на ней была какая-то задрызганная, чуть лохматая доха, надетая непосредственно на ночную рубашку. На голове была ушанка, во рту папироса. Бессмысленно улыбаясь, дама слонялась по комнате. В руке, совершенно непонятно зачем, она держала цепочку с ошейником.

Тем временем на улице между каюрами началась драка. Дрались два старика. Они плевались, махали руками, падали на

запряженных собак, отчего начинали драться и собаки. Лай, крики, мат… Мы собираемся. Но от одной мысли, что с этими людьми придется ехать 70 км по тундре, становится дурно.

Ведь нам нужно было засветло приехать в Верхний Парень. В реальности этого плана уже закрадывались смутные сомнения, хотя еще вчера все в один голос нас уверяли, что дорога отличная и что если пустые каюры добираются туда за 4 часа, то, груженные, они доберутся за 8, как пить дать! «Это точно!» «И даже наверняка!»

> Драки у них удивительны. Они плюются, резкими движениями обеих рук пихают друг друга, впрочем, не причиняя противнику никакого вреда. Дрались и собаки…

Бабушка уже поднялась и теперь писала в углу, «в тамбуре». Делая это, она продолжала что-то говорить. «Дама в мехах» тем временем что-то мне пыталась объяснить. Она пускала клубы дыма, улыбалась, обнажая редчайшие темно-бурые зубы. Говорила же она о том (как я понял, прислушавшись), что ей всего-то 38 лет, и что день рождения у нее – 1-го мая, и что неплохо бы, если бы я ей прислал открыточку с душевным поздравлением.

В это время мой каюр, у которого не хватало двух собак, отвязал их от чужой упряжки, на что хозяин ее, совершенно чуть трезвый, ответил торопливым дуплетом из ружья. Промазал, бедняга. Было уже 11 часов.

Мы кое-как уложились. Было семь нарт. На одной из них ехала *мамушка* – жена завхоза. По степени трезвости она не составляла исключения… Когда я уже уселся на нарту, наконец уговорив бухого своего каюра, что пора нам ехать, «дама в мехах» бросилась ко мне, да упала и совершенно случайно влепилась лицом в собачье говно, только что произведенное одним из кобелей. Это немного ее успокоило – она так и осталась лежать на дороге.

Фантастика! Поехали!..

Но что это была за езда, Господи! Каюры останавливались чуть ли не каждые десять метров и затевали драку. А драки у них удивительны. Они плюются, резкими движениями обеих рук пихают друг друга, впрочем, не причиняя противнику никакого вреда.

Дрались и собаки… Прошло уже более двух часов, а проехали мы километра четыре-пять… Совершенно неожиданно мой каюр выхватил из-за пазухи поллитровку и всосался в горлышко.

Зорий пытался уговаривать их, убеждать, грозить, но все это

уже не имело никакого смысла. Нужно отметить, что коряки, ительмены, да и вообще все северные народности в пьяном виде совершенно одинаково бессмысленны. Что я имею в виду? Разные люди в пьяном виде и ведут себя по-разному – кто необыкновенно говорлив, кто поет, кто ругается, кто танцует, кто хохочет и так далее. Эти же совершенно индифферентно бессмысленны.

> Во время зимних переходов никогда и никого не ждут. Причины просты: нарты мигом примерзают к насту.

Тут, конечно, дело вообще в уровне развития нации. Посреди наших утренних сборов я вдруг вспомнил статью какого-то м… дака в «ЛГ», (Трахтенберга, кажется), который вносил предложение отменить в нашем достигшем небывалого прогресса обществе деньги, заменив их электронными ключами и так далее. Самое смешное, что статью эту Зорий читал вслух накануне. А за замерзшим окном была Парень – с членами Политбюро на сарае и с совершенно пьяными жителями. Господи, как мы живем? Одни ничего не видят от врожденной слепоты, другие ничего и видеть не хотят от подлости, а третьи, хоть и видят, нишкнут!

Так, перемежая езду с драками, уговорами, травлей на снег, мы медленно продвигались. Наши сомнения в том, что доберемся засветло до Верхнего Парени, только усиливались. Домиков же для ночлега на этой трассе не было.

На очередной остановке мой каюр перелез к мамушке с явным желанием ее трахнуть, хотя на вид ей лет за пятьдесят. Мамушка же совершенно неожиданно достала из-за пазухи бутылку, и они моментально ее «раздавили». Просто с необыкновенной быстротой. После этого каюр мой отключился начисто.

Нужно было возвращаться. С такими каюрами мы рисковали вообще никуда не доехать. Но Зорий был в своем репертуаре. Это графоманское его упорство тупой яростью отозвалось во мне. Создавать трудности для того, чтобы их преодолевать, полагаясь и рассчитывая только на энтузиазм! Я давно заметил: стремление ощутить себя (хотя бы в своих собственных глазах) героем, лидером, крайне способствует рождению таких демагогических лозунгов как «Только вперед!», «Будьте мужчинами!» и тому подобного.

Я попытался объяснить ему, что это крайне неудобно и унизительно – тащить на себе совершенно пьяных каюров. А самое главное – человек должен знать, ради чего он что-то делает (тем более с немалым риском). Тут этого, «ради чего», просто не было! В тундре, не зная дороги, с пьяными каюрами… – ну

полный же идиотизм!

И ясно, что Зорию все это требовалось лишь ради того, чтобы потом эффектно и увлекательно рассказывать об опасностях, подстерегавших нас в походе, о «лишениях и трудностях», мужественно им преодоленных. Я знал это наверняка, это меня и бесило… Есть такая категория людей, которые обожают символы. Причем символы псевдо. «Бумажник, который я пронес через всю Камчатку». «А это камень с могилы моего деда» и так далее. Все это удивительно внешне. Все это – для других.

Я объяснял Зорию, что, если мы сейчас продолжим путь, ночь застанет нас в тундре, а это –56, –59 ˚С и никакого домика. В ответ Зорий стал повторять выученные уже наизусть всеми сведения о хорошей дороге и о том, что каюры по ней добираются всего за 4 часа.

Я плюнул и не стал спорить.

Решили мамушку с моим «умершим» каюром отправить в обратный путь, на деревню. Я же двинусь дальше на его собаках сам.

Решили мамушку с моим «умершим» каюром отправить в обратный путь, на деревню. Я же двинусь дальше на его собаках сам.

Мамушка уехала, а мы тронулись дальше…

На чаевке был скандал: мы отнимали у каюров водку, а те ругались и плевались, сбрасывали с нарт наши вещи и грозились уехать без нас.

Зорий сначала кричал, потом уговаривал, а потом отдал им водку. Словом, суетился он, как мальчик, но опять-таки – ради чего?

«Почаевали». Мороз все усиливался. Хлеб уже рубили топором. Слава Богу, хоть не было ветра. Поехали дальше…

Неумолимо приближался вечер. Дорога же становилась все хуже и наконец пропала вовсе. Замело! Снег по жопу!.. С этого момента начались тридцать часов кошмара.

У меня было не 10–12 собак, а 8 всего. Большую часть приходилось бежать по глубочайшему снегу, толкая нарту. Я все больше отставал… И вот, даже на перевале холма, уже не увидел своих на горизонте. Было еще светло. Но нехороший холодок (теперь и изнутри) тронул сердце.

Тут надо сказать о суровых правилах тундры, ее непреложных законах. Во время зимних переходов никогда и никого не ждут. Причины просты: нарты мигом примерзают к насту. В зимней тундре главное – это собаки. Остановятся, замерзнут, уснут – их уже не поднять. Они должны бежать и бежать. Иначе смерть.

Причем и у самих собак есть свои правила. Если собака насрет под полозья, ее загрызут насмерть свои же. Потому что экскременты сразу замерзают под полозом. Если собака захотела по нужде, она просто ослабляет постромок, ее соседки чувствуют и видят, что она не тащит, и останавливаются. Собака отходит в сторонку, справляет нужду, и побежали дальше.

Поэтому рассчитывать на скорую помощь ушедших вперед, либо на то, что они остановятся до очередной «чаевки», чтобы дождаться меня, не приходилось.

К счастью, вскоре вдали показалась двигавшаяся нам навстречу охотничья нарта. Коряк-охотник на крупной собачьей упряжке возвращался домой – в ту деревню, откуда мы выехали.

Когда он поравнялся со мной, я его остановил и попросил дать мне хотя бы двух своих собак.

Он отвечает: «Не дам!» Я говорю: «Дай хоть одну собаку! Мне надо догнать своих!» Он говорит: «Не дам!»

У меня с собой был карабин СКС, давно замерзший, так что годился разве только на то, чтобы колоть оледеневшие буханки. Но я навел на охотника это оружие (он же не знал, что это ничем ему не угрожало). Он очень недобро глянул на меня и говорит: «Бери».

А я-то не знаю, как собак привязывать! Говорю ему: «Привяжи!» Указываю карабином.

Он привязал к моей нарте двух своих собак…

Но едва он уселся на свое прежнее место и покопался там под пологом, я ясно увидел наведенную на меня двустволку…

Прикрикнув на собак, он уезжал ко мне лицом, наведя на меня охотничье оружие, а я стоял и наблюдал, как он удаляется, держа его на прицеле. Так мы и расстались. Как в вестерне.

И началось самое главное. Собаки-то меня не знают, все они уже легли. Я начал их подымать – просто умолял подняться!.. Потом начал *войтовать* (видел, как это делается – когда переворачивается нарта и полозья освобождаются от намерзшего снега). Короче говоря, часа полтора я постигал курс молодого каюра… Наконец мне удалось поднять собак.

Мы побежали. Еще одна важная деталь: во время езды на собачьей упряжке ты бежишь, потом садишься на нарту, снова бежишь, снова садишься, – чтоб собаки не уставали. Когда бежишь рядом, держишься за вертикальный так называемый *баран*. Опять сел, опять побежал…

Спустилась ночь. Опять над головой загорелась Большая Медведица.

И вскоре я на горизонте – на краю белой тундры и звездного неба – увидел несколько ползущих темных точек. Свои!..

Часам к девяти вечера я их нагнал!

А уже к десяти у всех собаки выбились из сил. Остановились и тут же легли. Ни кустика, ни деревца кругом. Пустая, мерзлая, страшная тундра.

Даже костра развести мы не смогли. От холода у Жени и Володи лопнули стекла очков. Каюры раскопали снег и зарылись в него. Нахлобучили поглуше малахаи, сунули руки в рукава и уснули все, уткнувшись в снег, как куропатки. Они уже несколько протрезвели, но было им худо, конечно.

> И началось самое главное. Собаки-то меня не знают, все они уже легли. Я начал их подымать – просто умолял подняться!..

Этот отдых мог быть не более трех часов. Дело вот в чем: кормить собак сейчас нельзя, так как после кормежки они должны полежать часов шесть. Если же их не кормить, то лежать им можно не больше трех часов. Иначе мерзнут и теряют форму.

А я решил вовсе не спать. Мне мой кукуль был мал – я очень боялся промерзнуть, уснув наполовину высунутым из своего кукуля, и не набрать потом тепла для дальнейшего пути. Сидеть тоже нельзя – окоченеешь. Только двигаться!

Мороз был страшный. Ночь, тундра. Костра нет. Все уснули… А я протоптал дорожку и ходил по ней туда и обратно – все три часа. Чего только не передумалось! Если останавливался, тут же засыпал. И когда закрывались глаза, ресницы сразу смерзались. Время тянулось мучительно.

Я вспоминал дом. Какие-то детские ощущения стали вдруг возвращаться ко мне. Вспомнил почему-то подмосковную платформу в жаркий будний день. Как метет ее теплый ветерок. Пыль тоненькими столбиками вьется над дощатым перроном, а в щели видны солнечные полосы на темной земле, усеянной железнодорожным мусором. Медленно по платформе тащится обертка от конфеты «Каракум». Горячие скамейки. Мальчик в трусишках и майке с исцарапанными коленками сосет леденец и глядит на удивительно облезшего пса, спящего у скамейки. Пес спит на боку и вздрагивает. Ему снится что-то важное, волнительное. Постанывает во сне, скулит, а потом вдруг быстро перебирает ногами, будто мчится куда-то…

Где-то теперь это платформа?

Я снова заставлял себя проснуться, ходил взад-вперед по тропинке и в какой-то момент, посмотрев в темноту, увидел… глаза. Точней, несколько пар мерцающих роскошно глаз. Я понял, что это волки.

И только тут я в полной мере оценил невероятное раз… байство, которое царило в нашем обществе. Не только в гражданском, но и в военном. Дело в том, что СКС, который выдали мне для охраны экспедиции, выдан был мне с летней смазкой. Именно так! У меня – новенький самозарядный карабин и огромный цинк с патронами. И то и другое совершенно бессмысленно. Стрелять нет возможности, так как СКС – в летней смазке. Единственное применение для карабина находилось, когда мы доставали хлеб во время привалов. Это было самое большое развлечение – ударить прикладом по буханке: она рассыпалась, как хрустальная.

Единственное, что имелось у меня из действующего оружия, это ракетница за поясом (поэтому она всегда была теплая) и несколько ракет в кармане.

И вот я, чтобы напугать волков и вообще осветить окрестное пространство, и понять, сколько же нас окружает зверей и насколько серьезны их намерения, я выстрелил в направлении мерцающих глаз, и ракета, рассыпаясь искрами, запрыгала по насту. Я увидел волков шесть или семь, когда они отскакивали в сторону. Это были полярные волки – неописуемо красивые! В белой шерсти, с очень мощной грудью. Очень собранные – не вытянутые, как европейские волки, а клубок мышц!

От холода у Жени и Володи лопнули стекла очков. Каюры раскопали снег и зарылись в него.

Все проснулись и повскакивали, конечно. Впрочем, каюры очень спокойно отнеслись к событию. Сказав, что волки собак не тронут, а если развести костер, вообще не подойдут, опять ткнулись в снег – досыпать.

Но уже никто из нас уже спать не мог. Каким-то чудом развели костер (уже не припомнить и из чего). И сидели у огня, пили чай, разговаривали и время от времени постреливали в разные стороны из ракетницы, что никак уже не беспокоило наших каюров, которые продолжали во сне мирно трезветь в естественном вытрезвителе паренской тундры.

Через три часа тронулись. Это был самый тяжелый переход. В темноте мы продолжали двигаться по глубокому и сыпучему, как речной песок, снегу. Теперь я знаю, что такое падать от усталости. Я падал от усталости. Во время отдыхов на нарте отключался, и мне тут же начинало что-то видеться…

Жутко хотелось есть. Все чаевки были на таком морозе, что ничего съесть не было возможности. Все замерзло намертво.

Примерно в 2 часа начался встречный ветерок, и от него совершенно отнялось лицо. Я просто перестал его чувствовать. Пришлось отвернуться, сесть спиной к дороге. В это время я ехал последним – собаки тащили потихоньку по уже пробитой колее. Глаза мои сами закрылись…

Мне приснилось песочное пирожное, «корзиночка»… И снова летние горячие доски перрона станции Перхушково, на которой мы всегда сходили, когда добирались на электричке на дачу.

И здесь каким-то *уже отдаленным* сознанием, словно находящимся уже вне меня, я вспомнил, что именно сладкое видится в снах замерзающим людям. Неимоверным усилием воли я себя заставил проснуться.

Попытался разлепить смерзшиеся ресницы и… не смог. Наконец мне с трудом удалось это сделать.

Была звездная ночь – и собаки лежали. Все!

Рук не чувствую. И никого кругом. Все, думаю, конец! А понять – обморожен или нет, я не могу. Здесь критериев нет.

Помоги, Господи!

Над собой я видел колоссальное, ярчайшее созвездие Большой Медведицы. Опять я представил себе, что эта Медведица сейчас, вот именно сейчас, висит и над теми, кто в Ялте, и над моей Николиной Горой, только там созвездия не видно, потому что сейчас *там у нас* день.

Я зачем-то представил, как забрасываю домой спиннинг через эту Большую Медведицу, и, словно за рычаг, зацепившись на эти дрожащие звезды и крутя катушку спиннинга, начинаю выматывать, вытягивать себя из полумертвого этого состояния.

Сначала и пошевелиться было невозможно. Засыпая, я был мокрый, и теперь весь застыл. Я словно находился в панцире, в ледяных латах – буквально.

Тогда я попробовал помочь себе просто дыханием, начал им по чуть-чуть подымать и опускать грудную клетку, начал двигать прессом, чтобы хоть как-то отогреть, расшевелить все заскорузлое, примерзшее к телу белье.

> Это были полярные волки – неописуемо красивые! В белой шерсти, с очень мощной грудью. Очень собранные – не вытянутые, как европейские волки, а клубок мышц!

Заледеневшая ткань сначала вообще не поддавалась моим микродвижениям, но… вот мало-помалу стала поддаваться, я сумел пошевелить пальцами, а потом и разогнуть руки…

Попробовал подняться – не получается! Но еще, еще попытка… – и вот я уже потихоньку поднимаюсь, поднимаюсь… И тут я вдруг понял, что если сейчас я встану на ноги, то сразу упаду, потому что у меня не гнутся колени!

Начал двигать ногами и так постепенно, наверное, в течение минут сорока или часа, я отогрелся и даже вспотел!

Вторая задача была – поднять собак.

Надо сказать, собаки, оставшись в открытом пространстве зимой, выкручивают под собой лунки хвостами в снегу и укладываются. Вот и мои теперь в этих лунках, мертвые уже совершенно, лежат… Надо поднять вожака. Я поднимаю буквально руками его, он ложится, я поднимаю – он ложится…

Собаки обычно кусаются, если подходит чужой человек. Но эти уже такие промерзшие, уставшие были, что даже не кусались. Я их уговаривал, целовал, дышал на них, объяснял им что-то. Дыханием им веки оттаивал… Они стали просыпаться потихоньку, отряхиваться.

Я поднял нарты, стал войтовать – за время стоянки к

полозьям примерз намертво наст. Потом положил, начал подталкивать санки – с тем чтобы собаки *приняли*. Они приняли. Вот мы и пошли, пошли, пошли… Сначала медленно, потом быстрее, дальше, дальше, дальше…

Голова поначалу работала четко, но потом от монотонности этого бега, хоть и был он тяжелым, все стало опять притупляться. Бегу ведь – а глаза слипаются! «Вот, – думаю, – упаду сейчас, и все. Собаки убегут, и конец. Если усну, уже не встану».

Путешествие на нартах по тундре

Сел на нарту. Собаки – умницы. Тянут. Хотя в дороге они – уже почти сутки. Руки все же отогрелись. Но шарф, которым обвязано лицо, превратился в ледяной панцирь. Усы к нему примерзли, носу больно, а снять этот шарф сил нет. Верней, страшно себе даже представить, как это теперь возможно – снять рукавицы, малахай, отодрать шарф, достать другой и все снова надеть. На этом ветру да при температуре –59 °С. Руки и лицо прихватит моментально.

> Сначала и пошевелиться было невозможно. Засыпая, я был мокрый, и теперь весь застыл. Я словно находился в панцире, в ледяных латах – буквально.

Но пришлось все это проделать. Снова руки отнялись – будто картонные. Страшновато стало. Опять побежал… Устал. Но «устал» – это уже не то слово. А просто стал словно пьяный…

Опять упал на нарту, и опять – какие-то странные, упоительные видения: Гагра, пляж, закат, Андрон… Теннисный турнир в Москве… Потом мне показалось, что я закрыл лицо от ветра рукой в оленьей рукавице, а на рукавице той, как на экране телевизионном, светится изображение. Передают футбольный матч: СССР – Бразилия…

Я не помню, сколько прошло времени, когда увидел вдалеке перед собой одну из наших нарт. Догнали собачки! Догнали родные!..

Мы шли всю ночь. То есть весь день и всю ночь. И опять рассвет застал нас в тундре. И опять удивительная была красота. И странное дело: с восходом солнца я словно обрел второе дыхание. Но какое!..

А ведь я ни минуты не спал. Все, что называл я сном, – не сон вовсе, а какой-то обморок. Шел, падая с ног, больше суток… Но настал момент, когда я вдруг почувствовал огромный прилив сил. Почувствовал в себе какую-то победу! Может быть, это было осознание того, что, как бы ночью мне ни было трудно, я не терялся, а заставлял себя соскакивать с нарты и бежать, утопая в тяжелом снегу, и, хоть страшно хотелось спать, на привале заставил себя топать по дорожке три часа кряду, чтобы сохранить тепло, не потерять самоконтроль. И если все это происходило жуткой ночью, так уж теперь-то я с восходом солнца!..

Во всяком случае, я чувствовал второе дыхание. Каждый подъем, который и вчера, и ночью был для меня сущей каторгой – теперь я встречал с радостью. Я бежал в горку, высоко поднимая ноги, хоть это самое тяжелое. Я не держался за нарту, я ее толкал, тянул – и собачки бежали веселее, с благодарностью оглядываясь на меня.

Я продолжал внутренне быть несогласным с Зорием, зная, что на любое мое осуждение, при благополучном исходе, он ответит презрением и словами о великой пользе трудностей для творчества (что тоже будет демагогией, ибо любая человеческая ситуация для художника – благо). Но я ничего уже не отвечал ему мысленно, и вслух тоже потом не сказал. Нужно было делать дело, уж коли теперь это необходимо и дано в условии задачи.

Во мне появился покой. Я подумал о том, что в Зории меня раздражает то, что, в сущности, является и чертами моего характера: узурпаторство, самодурство, капризность и «внешность» во многом. Подумал о том, что мне тоже будет приятно бахвалиться этим походом… Но в то же время что-то родилось и новое, и именно мое, как будто глубоко внутри, – то, что должно будет помочь напоминанием об этих минутах в иные минуты, может быть, и более тяжелые.

Меня сняли с нарты, занесли в тепло, раздели и сильно растерли спиртом и медвежьим жиром.

Над горизонтом уже подымался край солнца. А при такой температуре край солнца когда поднимается, явление это рождает не ветер, нет, это такое… Как будто воздух, скованный этим инопланетным морозом (–60 °С), просто чуть качнулся – потому что где-то там согрелось. И вот этой – вроде бы слабой, но страшной – волной так тебя обдает, что начинает тошнить. Вот-вот, кажется, и рвотный рефлекс уже нельзя будет сдержать… Но ты бежишь.

И вот этот длинный подъем. Нескончаемо длинный. Но солнце все выше… И я – счастливый! Я понимаю, что точно уже победил!!!

Вот уже гребень. Из-за него я вижу дымки труб! И такой же длинный и пологий спуск.

И, выйдя на гребень, я, счастливый, плюхаюсь на нарту… И эта нарта мигом разгоняется по склону (она же тяжелая) и начинает давить моих собак! Там только вой: раз – хлестнула кровища! Хлоп – оторвалась одна!.. Собаки даже не успевают отскакивать, за нартами катятся на постромках…

«Вот, – думаю, – упаду сейчас, и все. Собаки убегут, и конец. Если усну, уже не встану».

А я ничего уже не в силах сделать. За то мгновение, что мы летим вниз, я примерз к нарте от ледяного ветра и не могу соскочить! Как я ухватился за что-то, когда на нарты там на гребне сел, таким вот замороженным кулем и ткнулся – полозьями саней – прямо в дом.

Рядом там уже стояли и другие нарты – тех моих ребят, которые пришли раньше. И кто-то, выйдя по малой нужде, нашел меня – валявшимся в ледяном коконе возле этого дома. Сам я встать уже точно не мог, у меня просто не было сил.

Меня сняли с нарты, занесли в тепло, раздели и сильно растерли спиртом и медвежьим жиром. Дали мне выпить, и я тут же уснул – на полу в сельсовете.

Помню, разбудило меня не что иное, как до боли знакомое стрекотание старого кинопроектора. В том доме на белой одеяльной наволочке показывали фильм «Привидение в замке Шпессарт». Я спросил у ребят: «Уже вечер?» «Да, уже вечер, – был ответ. – Только уже второго дня». Оказывается, я проспал почти двое суток.

В одно из ночных видений придумался вдруг старичок для картины, что на вагоне сидит. Он должен быть очень смешной и

пьяненький. И еще подумалось о персонаже с длинными-предлинными рукавами. Такими же, как в системе перетянутой кухлянки, в которой оленеводы держат все то, что носят обычно в кармане. А у них карманов нет. Они просто винтообразным движением достают руку из рукава – и она оказывается за пазухой: кладет туда что надо или забирает.

Хорошая краска и костюм для Кадыркула (*будущий Каюм в картине «Свой среди чужих, чужой среди своих. – **Современный комментарий автора***). Этакий странный человек, который держит руки за пазухой, а рукава болтаются, но в любую секунду руки в них могут появиться.

Это уже Чукотка.

4. II.73

В том доме, где мы спали, холод был уникальный. Проснулись. Ждем вертолета. Хоть и солнечно, но задувает сильная поземка. И мороз, как полагается, знатный.

Снабжение в этом районе Магаданской области отличное. Практически есть все. Сидим в сельсовете. Я привел оружие в порядок. Пока все нормально.

* * *

Нобиле пишет об Арктике: «Это чувство абсолютной духовной свободы, это отсутствие заботы о вещах материального свойства, не обязательных для бытия, эта вдруг постигаемая ничтожность тех идей, принципов и чувств, которые кажутся существенными в цивилизованном мире…»

«Человеческие законы уступают здесь место законам природы, а необъятное одиночество дает каждому возможность стать хозяином своего «Я».

Стать хозяином «Я»! Удивительная мысль, хотя и старая. Видимо, для русского человека это утверждение своего «Я» заключается в соотношении себя с Вселенной. Конечности с бесконечностью…

И опять – соединение масштабов.

* * *

5–6.II.73

Пришел вертолет. Полетели в Гижигу. Там встретились с киношниками. (Записываю все коротко, ибо ничего особенного не происходило.) Торжественное возложение венков. Потом вечером – выступление, после – банкет, то бишь пьянка.

С Зорием отношения удивительно холодны. Вызывает он во мне идиосинкразию. Обидчив он, оказывается, удивительно. Но смешно, если вдуматься, – чего ему на меня обижаться? Ведь вроде бы все у него нормально. Своего добился.

Н. В. Гоголь

М. Е. Салтыков-Щедрин

Если считает меня малодушным, то чего же обижаться? – наоборот, есть возможность подчеркнуть моим фоном собственную мужественность! Ан, нет, – надут и молчалив. Удивительно. Этот человек не допускает и возможности, что может быть не прав. То есть это исключено!

И еще – он чувствует, удивительно остро чувствует, что я вижу все движения его души, все его комплексы… А ведь слабые его места должны быть безупречно скрыты.

Полетели в Эвенск. Там встречали пионеры с горнами и барабанами. Господи! Где Гоголь и Салтыков? Ведь стыдно.

Пройденные пункты:

Тигиль
Седанка

Оссоре
Корф
Хаилино
Тиличики
Каменское
Манилы
Парень
Верхний Парень
Гижига
Эвенск

Третья тетрадь

Набросок киноэпизода.

Ночное время. Физкультурный диспансер. Длинные коридоры. Человек в плаще идет, поворачивая выключатели. За ним медленно зажигается по всем коридорам свет. Откинул полы занавески – там кушетка с огромным колпаком, блистающим над ней.

Любовь в физкультурном зале, в физдиспансере.

* * *

– Я ее, Ольку, как родила, так мужа любить перестала. Так ее полюбила.

* * *

Короткометражка: магазин музыкальных инструментов. Как разные люди себе выбирают гармонь.

* * *

Идея фильма такая:

Помпезность и нищета проводов (*в армию*). Митинги, ложь, фальшь. А потом истинность жизни разрушает все это нагромождение выдуманных символов и ханжеских обрядов, которые никому не нужны.

* * *

Хорошая ситуация:

Старый коряк. Влюблен в свою жену. Она русская, молодая. Он работает проводником с собаками на нартах. Водит геологов, туристов и других. Жену дома боится оставить, ревнует, и поэтому возит ее с собой повсюду. Вот ведет он группу – и жена при нем на нартах.

Хорошая ситуация для драматической любви его жены к русскому парню. Можно привязать к чубаровскому походу.

* * *

Корякский шаман

Коряки подкидывали на каком-то празднике завторга на оленьей шкуре. (Перед этим он не дал им спирта.) Подкидывали его до потери сознания.

* * *

Секретарь райкома в ботинках с развязанными шнурками. Ботинки жмут, и ему неудобно. Весь рабочий день он проводит в носках, под столом их не видно.

* * *

Каянта стихи читал в милиции. Поздняя ночь, милиция полна бичей, пьяной шпаны и тому подобного. А он читает себе стихи, и все слушают.

А в дверь ломятся просители, их не пускают.

* * *

История чубаровцев. Любовь жены коряка к комиссару. Коряк ревнует, мучается. Может быть, он начинает сомневаться в Советах. (Нужно брать историю одного из отрядов.)

Наутро бойцы не обнаружили собак и нарт. Коряк из ревности и в отместку все увез и жену забрал силой. Дошли до поселка – там праздник, шаманство. Комиссар силой хочет остановить все, но командир запрещает. Этого делать нельзя, нельзя силой заставить народ бросить одну веру и принять другую. Кроме того, злить и восстанавливать народ против себя неразумно, нужны собаки.

Коряк, который учит собак, – сын шамана. Народ восстановлен уже против красных, так как старик рассказал, что красные завораживают жен. Издевательства, которые приходится вынести командиру, чтобы доказать, что красные хотят всем добра.

Финал. В миллионах соболиных шкурок и других ценных мехах ободранные красноармейцы фотографируются. С ними – фотограф с большим старым аппаратом и вспышкой. Его все время за эту громоздкую поклажу ругают. (Но у аборигенов его фотохозяйство где-то должно очень пригодиться.)

Горячая лужа должна быть обязательно использована в фильме. Зима, мороз, холодина и… горячая вода в озере.

* * *

6. II.73

Пошли в баню. До этого момента произошла душераздирающая сцена. Ругались Зорий и Гена. Как они орали!.. Зорий под конец сказал: «Ты ноль! А корчишь из себя единицу! Ты бесталанный человек! А корчишь из себя талант!» Гена промолчал. И тогда Зорий повторил это еще раз.

Базарная была сцена. Ужасно глупо.

Потом ходили в баню. Был там и Паша Козлов – главный редактор того желтого листка, в котором я сотрудничаю. Тот самый Паша Козлов, «милый парень, часто болеющий триппером». Хорошо Паша хочет жить. Мягок, глуп, суетлив и безвкусен. Намылился Паша (кстати, он же Пахом Тундрин) и начал мне жаловаться. Мыло в глаза ему лезет. Жопа толстая. А он знай говорит, что сам в душе москвич, что ему уже 36 лет и так далее, что все учат и давят. Вот уж порождение эпохи… Хотя такие люди есть всегда и везде.

Помылись знатно. Дома сел работать. Вечером – выступление в интернате, даже целых три.

Еще раз пожалел, что не Гоголь я, не Салтыков-Щедрин. Это было ужасно. Причем тут невозможно говорить о неискренности. Все, что они делают – и внесение знамени, и крикливые горны, и речи, и песни, – все это от чистого сердца. Хотя вообще у них то ли размыт, то ли утерян сам смысл понятия «чистого сердца». Они просто уже не могут жить по-другому.

Ох, Господи! Опять я был совершенно всем этим подавлен.

Клуб следопытов «Факел». Заседания Совета дружины… Чему этих детей учат? С раннего детства на устах у них слова: «эпоха», «партия», «от всего сердца», «пламенный привет», «заверяем», «пронесем в своих сердцах через всю жизнь». До чего же мертвые слова! Разве может девочка одиннадцати лет произнести их осмысленно?

Потом комсомольцы пели песню, а президиум почему-то встал. Потом пионеры пели «Взвейтесь кострами», и президиум опять, грохоча стульями, грузно поднялся. Идиотизм какой-то. Каждый раз гимн, что ли, поют?

Чубаров несколько обалдел от всей этой пионерии. Он вообще не ждал, видно, такого приема. И каждый вечер на

банкетах хлещет водку. Даже кто его отец, настоящий Чубаров, тут знают далеко не все, но почему-то нашему походу придается такое огромное значение, что, право, неудобно.

Сидим в президиуме, пионеры отдают нам рапорты, в чем-то клянутся, потом хором что-то скандируют. До чего же мне жаль этих ребят! Как их калечат! Им бегать нужно, мяч гонять, играть, носиться, а они заседают. Первоклашкам говорят: «Вы, ребята, – будущие строители коммунистического будущего».

Одна девочка начала свое выступление словами: «Как сказал Леонид Ильич Брежнев в своем незабываемом выступлении на торжестве в честь…» – и так далее – девочке этой лет 12. Ну куда это годится?!

Потом было чаепитие в интернате. Самое страшное, что и взрослые, эти напыщенные индюки, насквозь уже картонны – так, что страшно смотреть. Но лицемерие их – уже не лицемерие, поскольку является нормой, естественным состоянием советского служащего.

Да! Забыл сказать. Это совсем удивительно: у Чубарова партбилет вшит в тельняшку. И это на пятьдесят шестой годовщине советской власти!

Вообще все, что я увидел, настолько лишено гармонии, настолько уродливо и странно, что просто диво. Развал в хозяйстве пытаются восполнить фразами, воровство – митингами, бескультурье, темноту, нравственное уродство и пьянство – пустомельным самовосхвалением и ложью. Да неужели же нет трезвых людей?

Да, была еще там «первая пионерка». Молодящаяся бабушка лет шестидесяти, с буклями, ярко-красными губами и в пионерском галстуке. Отлично!

7. II.73

Вот уже третья тетрадка начата, а поход все не кончается. Устали все друг от друга! Я уже начинаю трястись от желания скорей попасть домой. Неужели не получится? Это было бы ужасно.

Думая о своем характере, иногда с ума схожу от раздражения на себя самого. Ничего не могу скрыть! Дело в том, что для меня радость не в радость, если она не разделена с кем-то. Да и если не разделено все вообще.

Однажды был случай, когда я не мог поделиться ни с кем одной большой печалью. До чего же было тяжело! Лежал целыми днями головой в подушку… Вообще-то это идиотская привычка –

тащить все наружу. Гнев и раздражение, радость и восторг.

Если Бог даст вернуться в Москву, надо бы «на цыпочках» приехать. Не растерять бы все. Не засуетиться. А вот приехать и тихо-тихо, собранно и осторожно начать работать, думать.

Видимо, лишь гений может наполниться идеей настолько, чтобы совершенно пожертвовать своим внешним «Я», уединиться и закупориться наглухо от внешнего мира для достижения этой идеи. Гений либо плохой человек.

Опять говорю себе: «Нужно молчать!»

Поехали возлагать венки на могилу чубаровцев…

После райкомовцы устроили пьянку. «Под нас» они напиваются сами за казенный счет со страшной силой.

Солдаты, которые давали салют у могилы, были пьяны так же, как их командир. С оружием обращаться не умеют. Чуть было все это не кончилось трагедией. Один из этих м…ков стал ковыряться в затворе и дал очередь прямо над головами…

После райкомовцы устроили пьянку. Вообще, наш приезд для них – огромная радость. «Под нас» они напиваются сами за казенный счет со страшной силой.

Ко мне был приставлен кто-то из них, все пытался меня напоить. Я не пил, он же нарезался в куски. А солдаты потом своего майора в вертолет просто забросили (в буквальном смысле слова).

Вернувшись, поработал и пошел в спортзал. Позанимался.

Уже ночью пришел совершенно пьяный Чубаров, павший с секретарем райкома по пропаганде. Потный, с круглыми глазами. Разделся и чуть не упал от ужаса. Партбилета под тельняшкой не было! Оставил в постели у секретаря райкома. Конец света!

Хороша у него командировочка по местам отцовских боев.

8. II.73

С утра ветер страшный. Меняется погода. Пока не утихает сильнейшая поземка.

Как ватный весь, пошел в спортзал. Три часа провел там. Вообще весь день прошел как-то довольно спокойно. Написал письмо Андрону. Готовлюсь к выступлению.

Вообще, поход наш совершенно извратился. Чубарова поят до изумления. Ходит с безумными глазами. Прямо с утра, часов в 9, тихонько вошел к нам инструктор райкома и поставил на стол бутылку водки. И также тихо вышел. Это-о-о Гоголь.

Вечером выступали. Все нормально. Потом райком устроил

нам еще один банкет. Володя нарезался, и с ним произошла трогательная история. Он уронил в унитаз очки и, решив, что достать все равно не удастся, на них насрал и спустил воду.

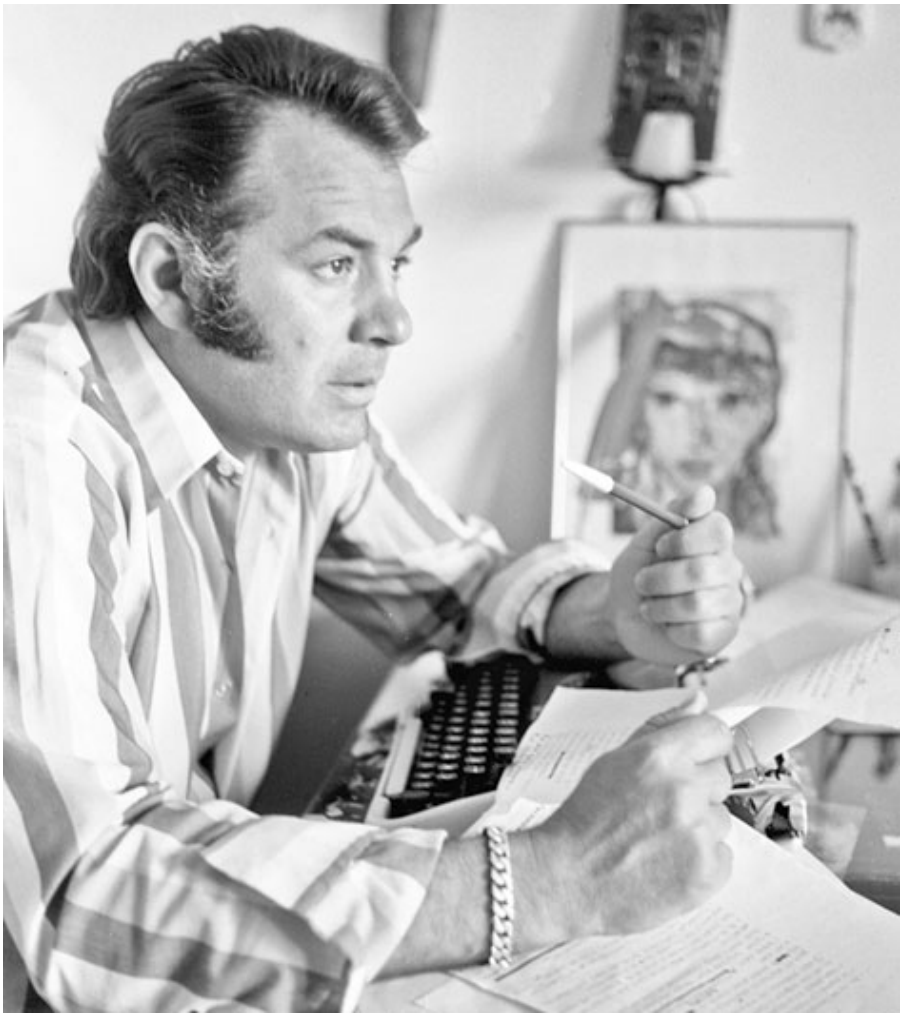
На банкете я снова почти не сидел. Ушел, лег спать.

9. II.73

Утром узнал о дальнейших проказах Володи – о том, как он ночью хотел помочиться и по привычке вместо теплого туалета ломился на улицу, в запертую дверь.

Пришел председатель исполкома, рассказывал о районе, о себе. Этому человеку мне хотелось дать по рогам со страшной силой. Хотя ничего плохого он мне не сделал, но отвратителен патологически. Все, что ни говорил, от начала и до конца было фальшью. Не ложью, а фальшью. Все должно было подчеркнуть, что он – скромный труженик, слуга партии и так далее. Передать это невозможно, да и не нужно.

Метет на улице по-страшному. Никуда мы, конечно, сегодня не улетели. «Погоды нет». Вечером ходили в кино. Смотрели фильм Эмиля Лотяну «Это мгновение». Молдавские страдания по поводу Испании. Но Чуря – оператор хороший. Очень хороший, грамотный.



Режиссер Эмиль Лотяну

Вообще начинается какое-то смурное состояние. Тоска зеленая. Что будет дальше?

10. II.73

Метель не утихает. Дует и дует вовсю… Думал о фильме. Очень волнует меня глубина взаимоотношений. Боюсь нетерпения своего и подсознательного этого проклятого «не хуже других». Как заставить себя все время думать лишь о том, чтобы выразить **только то**, что тебе хочется, и **только так**, как тебе хочется?! Как научиться уважать *свою позицию* и *свои ощущения*? Имею в виду не гонор и не самолюбие, а уважение к собственной творческой индивидуальности.

* * *

Общий план – удивительно опасная вещь. Он может по-настоящему сыграть только тогда, когда создан правдивый мир в кадре. Когда в нем есть жизнь и характеры.

Вспомнил «If» Линдсея Андерсона, сцену порки. Насколько интересно смотреть эту сцену! Статика, общий план, ходят какие-то люди, общаются… Но ситуация, мир, характеры! – все это увлекает поразительно. Никакое укрупнение не может быть сильнее этого общего плана.

* * *

Дальше все пошло довольно интересно. Хотя в этом и явное подтверждение, что поход разваливается и разлагается. Дело в том, что Зорий и Гена страшно, смертельно поссорились. И Гена тихо, но упорно настраивает всех против Зория. И это определенно имеет успех, так как Зорий – человек, действующий на многих раздражающе. Таким манером и Чубаров, и Козлов помалу охладели к Зорию.

Вообще, Чубаров – этакий одесский бич, не более того. Добряк, туповатый шутник, любит анекдоты, выпивоха – словом, ничего уникального.

У Зория сегодня день рождения. Я об этом помнил, но сделал вид, что забыл. Мне просто не хотелось лицемерить. Я его просек – и он мне ясен, как, впрочем, и Гена Лысяков, да и все они вообще. При этом у меня со всеми отношения хорошие (в моем положении совершенно ни к чему их обострять). Но проникновения уже никакого быть не может. Я «закупорен» для них всех. И напряжение в отношениях Зория и Гены, да и вообще весь этот расклад меня устраивают. Верней, ласкают самолюбие, и я злорадствую. Живу по принципу: «Умное теля двух маток сосет». Может быть, это и плохо, но отстаивать свои принципы перед беспринципными людьми считаю идиотизмом.

Так вот, вечером перед ужином я вдруг «вспомнил», что у Зория день рождения. Поздравил его. Собрались мы на ужин. Зорий пригласил Козлова и Чубарова. Но те отказались, мотивировав это тем, что раньше он не приглашал, а теперь вот другие дела… – словом, чушь какая-то.

В ресторане шла чья-то свадьба. Ну, посидели мы, выпили. Словом, все это было мало интересно. Но Зорий напился. Напился сильно. Это с ним бывает редко.

Пришли мы домой. Зорий принес с собой две бутылки

коньяку, шампанское, разбудил Козлова и Чубарова и дал им выпить. Точнее, влил в них. Выпил сам… Потом все было так, как разве что у Кафки может быть.

Зорий облил спину Козлова спиртом и поджег. «Козел» загорелся, как стог сухого сена. Кошмар! Все тушили Козлова… После этого Зорий, уже никакой, заспорил с Чубаровым о Сталине и в пылу этого спора назвал «сына героя» ублюдком. Ну, тут такое пошло – сил рассказывать нет!

Утром Чубаров всем сообщил, что он улетает, потому что он никогда не был ублюдком и что он всю ночь не спал (хотя его мощный храп трижды будил меня под утро). Потом Чубаров долго плакал – до тех пор, пока я не сбегал за бутылкой. После этого сын легендарного командира «врезал» и немного успокоился. Впрочем, ненадолго, вскоре открылись новые обиды.

> «Молчать всегда красивее, чем говорить».
> Ф. М. Достоевский.

Я убежден, что вообще это у него психологический шок. Электрик из Одессы вдруг начинает ежедневно слышать, что он не только «сын героя», но и сам чуть ли не легенда. Пионеры, горны, барабаны, салюты из автоматов Калашникова – словом, черт знает что. Ему дарят подарки, водят в гости, поднимают тосты за него, поят. Раскрыв рот, слушают все, что бы он ни ляпнул. Ну да – еще, конечно же, двадцатидневное пьянство. И даже широкая душа одессита не вынесла такого восторга. Валентин «сломался».

> Зорий облил спину Козлова спиртом и поджег. «Козел» загорелся, как стог сухого сена. Кошмар!

Смотрю я на это все, уже никак не реагируя. Все! Идея себя изжила. С меня лично хватит! Теперь бы все это свернуть спокойно.

Я знаю, почему три месяца шли мы относительно спокойно. Разгадка в том, что ко всему этому делу отношение было у нас одинаковым – ироничным. Как только один из нескольких начинает относиться к делу более серьезно, чем оно заслуживает, – отношения кончаются.

* * *

Я подумал о необходимости расчета в работе. Именно профессионального расчета. О том, что необходимо изначально

представлять себе всю сцену в целом. И просчитывать ее воздействие на зрителя. Зрителя нужно «дожимать». Рассчитывать соотношения крупностей и длины кадров – именно это заставляет человека волноваться. Разумеется, необходимо, чтобы и весь мир фильма, и характер взаимоотношений были для зрителя волнующими.

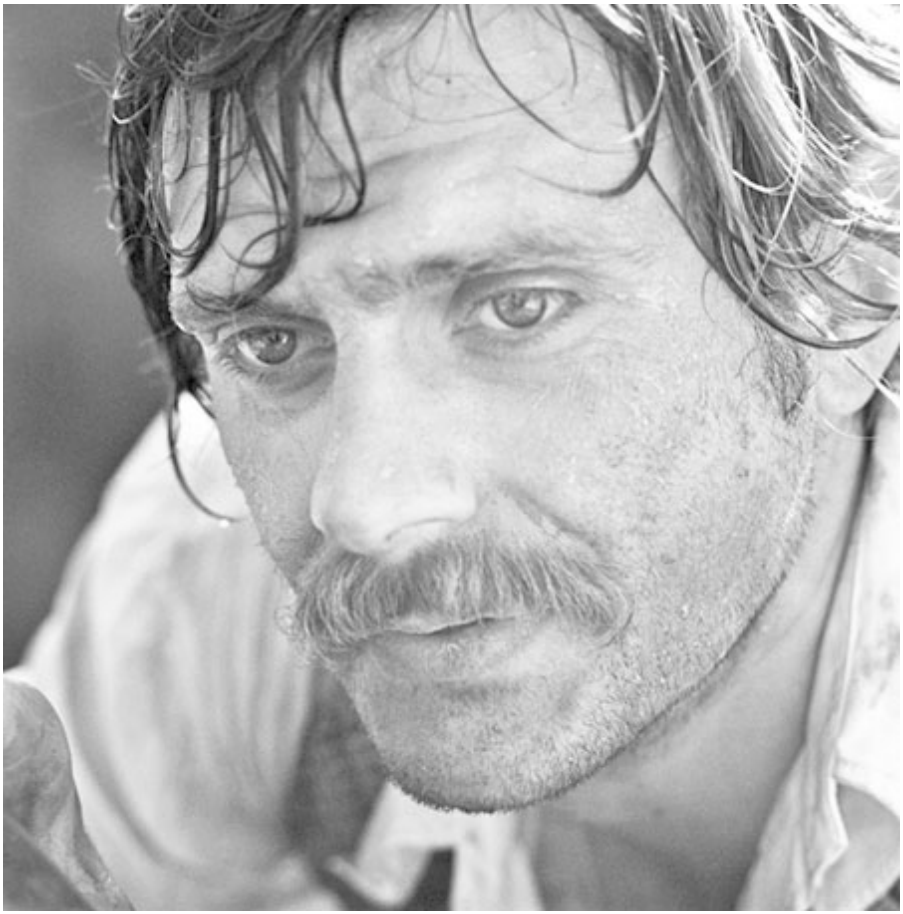
* * *

Смотрели польскую ленту «Кудесник за рулем». Красивая, даже изящная, жизнь. Я почему-то заволновался. На экране была та, *другая*, жизнь, от которой я теперь далек, но к которой ревнив. Прелестные женщины, комфортные ландшафты…

Мне кажется, что все это идет мимо меня, что я никому не нужен. От этого хочется лезть из кожи вон, чтобы тебя заметили, хочется суетливо выговорить все, что кажется тебе талантливым и интересным и именно тобой рождено…

А потом я удивительно успокоился. Нужно делать свое дело. Делать дело! А уж там посмотрим. Если это волнует других, заставляет их плакать и смеяться вместе с тобой – все будет. Все будет в порядке.

«Молчать всегда красивее, чем говорить». Ф. М. Достоевский.



Никита Михалков в роли есаула Брылова в фильме «Свой среди чужих» (1974)

Человек, говорящий, только когда в этом есть необходимость. Может быть, в этом образ Брылова?

13. II.73

Прошло три дня. Просто не было времени писать. Прилетели в Магадан, он же – «Сталинград». Ужасающий город, на костях построенный. Встретили нас отвратительно. Никто и ничего ни про кого не знает. Разместили в общежитии… Но все это ерунда! Главное, теплый сортир! Машины бегают. А власть как и везде. Даже поражает эта однородность стиля, и внешнего и внутреннего.

У меня же удивительно спокойное состояние. Это, видимо, идет от осознания того, что ты – хозяин положения. Может, это и нескромно, но ведь так и есть на самом деле, поэтому скажу: пока

я для них просто какой-то матрос, но я-то знаю, как они начинают вертеться после выступления моего, после показа отрывков из фильмов. Оттого и не тороплю никого. Это даже приятно. Сидишь скромненько. Ощущение, видимо, такое, как у человека, которого считают нищим, а он наследство получил и помалкивает.

Из обкома пошли в кино. Смотрели английскую картину с Йорк. Картина слабая, но английская актерская школа изумительна. Пластика, наполненность, сдержанность. Вообще, после каждого понравившегося мне произведения хочется сделать так же, но потом вновь возвращаюсь к своим ощущениям, мыслям. Хорошо ли это? А может, все от лености, а не от убежденности?

Порой что-то очень болезненное щемит душу. Особенно если что-то увидел талантливое и вдруг понял, что сам до этого бы не дошел. Особенно если за этим – если копнуть в ту же сторону – бездонная глубина. От этого ощущения больно, смятенно, бессильно.

* * *

Испытываю удовлетворение от вида некрасивой женщины. Не нужно суетиться и что-то «предпринимать», а что – неизвестно. Тогда и спокойней, и легче. А вот хорошенькую встретишь – сразу какое-то волнение и азарт. И вообще, гадкое желание сказать, что ты – киноартист. Черт бы побрал это желание!

* * *

Вообще, должен сказать, что такие вот холодные встречи, такое вот казенно-подозрительное отношение мне более близки, нежели чудовищная, дутая советская помпезность, с пионерами, трубами, барабанами, идиотами-учителями и пионервожатыми, с ветеранами и графоманами на пенсии.

* * *

Ужинали в местном ВТО. То же, что и у нас: бляди, пижоны, артисты. Две румяные толстушки сидели молча, ели мясо, пили пиво. Все время смотрели в тарелки. Испуганные девчушки какие-то. Я смотрел на них и думал о том, как создать образ эпохи, времени? – Соотношением типов, характеров, в том числе

характеров взаимоотношений. Из этого складывается мир художника. И отношение художника к тому времени и к тому обществу, о котором он говорит.

14. II.73

Ну вот и прорвало начальство. Узнали! Ха-ха, началось! Да как! Это ж надо, оркестр пригласили! Корякские музыканты!..

Мы поехали в Олу. Это совершенно сказочное место! И дорога в Олу умопомрачительная – красы необычайной. Солнце было сумасшедшее. Сверкает залив подо льдом. Сопки снежные и дали неоглядные!..

И вот пришла мне удивительная мысль. Как озарение она была. Этот край был долго, да и остается, краем сосланных. Тем самым местом, которым лечили «отступников». Лечение жестоким климатом, неволей, изоляцией. С этой точки зрения – вполне подходящее место. Но никакое государство, никакая власть не может справиться с Природой и свободным ее восприятием личностью. Наверное, в этом и свобода человека самая великая. Свобода соприкосновения первозданного Божьего мира с миром твоим. И нет тут никаких преград. Открой глаза – взгляни в эту живую сказку, прикоснись с ней и подумай о том, что это ни от кого не зависит. Солнце будет вставать вне зависимости от государственных жуликов. И почувствуй силу. Силу от сознания близости с этим прекрасным, вечным, независимым. Видимо, это и есть высшая свобода узника. Нравственная.

> Никакое государство, никакая власть не может справиться с Природой и свободным ее восприятием личностью. Наверное, в этом и свобода человека самая великая. Свобода соприкосновения первозданного Божьего мира с миром твоим.

Выступали в Ольском сельхозучилище. Шикарное здание со спортзалом и тиром в подвале. Масса девушек. Хороши и стройны, а может, это говорит во мне усталость ожидания.

Смотрю в зал. Там сидит хорошенькая девочка. Смотрю я на нее, смотрю… Но улыбнулась она, и все кончилось, вся радость. Нехорошая улыбка у девочки. И не думал я, что столько это значит.

* * *

Хорошая история для характера. Командир подводной лодки, которую американцы «засекли», понял, что нет больше возможности скрываться. Их и так гоняют трое суток. В аккумуляторах уже одна вода. Дал приказ всплывать. Всплыли. Выбросили флаг. Со всех эсминцев и авианосца начали снимать лодку. Вышел усталый командир, обросший. И стал с мостика ссать вниз, в океанскую воду. Потом стряхнул х…, спустился в лодку и… погрузился.

* * *

15, 16, 17.II.73

Прошло три дня. Поход окончен. Приехали в Петропавловск. За это время совершенно не было возможности присесть и что-то записать. Была встреча с моряками, там я наконец избавился от вымпелов и гильзы. Все кончилось.

Встреча эта была одной из самых тоскливых и скучных. Моряки эти мне преподнесли макет подводной лодки для передачи ее командованию Камчатской флотилии.

Вечером был в гостях у первого секретаря обкома комсомола Андрея Середина. Этакий попрыгунчик из молодых. Выпить любит, баб любит. Ему тридцать, и он уже «готов» – совершенно сформировавшаяся для руководящей советской работы личность. Машина казенная, общие слова, лозунги и все остальное, то есть все остальные блага от Советов. Андрей похож на пойнтера. Суетлив и весел. Был с ним и еще один работник обкома. Раньше этот работник был начальником Андрея, а теперь все поменялось, то есть Андрей стал первым, а тот на своем месте так и остался.

Ну, этот – совсем другого склада человек. Осторожный тихун. Готов на что угодно. Подсидит, думаю, Андрея. Ох, как я узнал эту систему комсомольских вожаков! Как ясна она мне и отвратительна!

Потом пошли в гости к одной даме, которую бросил муж (кстати, бывший работник обкома). Смазливая, все время что-то играющая дама. Изображает независимость и равнодушие. Не смеется, в отличие от своей подружки – некрасивой похотливой женщины. Эта смотрела на меня влюбленными глазами и все время смеялась. Я же готовил яичницу с сыром. Ели ее, водку пили. По обыкновению, выпив, я стал наталкивать х…в Андрею за всю советскую власть. Он глупо кивал головой и улыбался.

Потом Андрей забрал хохотушку и ушел. Незадолго до этого она взяла меня за руки и очень проникновенно сказала: «Эх,

сбросить бы мне лет десять, как бы вы меня полюбили!»

Они ушли. Я остался. И пал. Татьяна все время говорила что-то. Плакала. Но все это было делано и мало интересно. Утром, в восемь, у нас самолет. Спал совсем мало, часа два. Утром за мной заехала машина Андрея.

Прибыл на аэродром… Выяснилось, что у нас пропал один мешок. Ужасно обидно. В нем были торбаза для Степы, кухлянка Зория и еще много всяких шмоток. Видимо, киношники, которые должны были забрать мешок, были пьяны или их просто-напросто надули.

Плохо себя чувствовал – не спал ведь совсем, да с похмелья. Ребята рассказали, что Володя вчера взбунтовался, узнав, что меня нет. Обиделся, заревновал. Кидался ботинками и много чем еще.

(Совсем забыл записать одну деталь, удивительно дополняющую образ Паши Козлова: когда он говорит, в такт словам делает какое-то птичье, точнее, гусиное движение головой.)

Наконец полетели. Два часа полета, и мы в Питере (*Так мы называли Петропавловск-Камчатский. –* ***Современный комментарий автора***). Кончено.

Нас никто не встречал. Оказывается, не предупредили обком. Ходил по аэропорту, и все было как-то странно. Странно от ощущения обычности. Я устал, был зол, неважно себя чувствовал, но радости от того, что вернулся, не испытал. А куда я, собственно, вернулся? Уже саднило беспокойство, что отвык от армейской жизни и трудно будет войти в форму, не сорваться. Как никогда, срываться мне сейчас нельзя. Нужно взять себя в руки и спокойно, скрупулезно и направленно все завершить. Ох, теперь самое трудное.

Весь день носились по городу. Никто ничего понять не может, то есть постичь отношение начальства к нам – обкома партии и прочих инстанций. Говорят, проползали какие-то слухи – кто-то что-то, мол, где-то сказал. Так что пока с нами трудно определиться. Как никогда необходима телеграмма Тяжельникова.

Звонил отцу, договорился с ним об этой телеграмме. А до того говорил с мамой. Разволновался сильно. Вообще, нервы на пределе. Только бы все это хорошо закончилось. Устал.

Переночевал у Зория. Утром мы были в обкоме комсомола. Там шло бюро, присутствовал какой-то инструктор из ЦК по фамилии Орел (Господи, как же надоели эти совершенно одинаковые рожи – аккуратно-безликие). Мы рассказывали о походе.

Я уже совершенно убедился, что Чубаров – мудак полный. Понимаю, что главный капкан для Валентина в том, что он уже не в состоянии определить своего положения. Если бы ему сейчас дали бы орден Ленина за то, что он сын Чубарова, Валек ничуть не удивился бы. То и дело он сам заговаривает об отце, причем совершенно автоматически. Вообще, все это ужасно. Безмозглое идолопоклонство.

Вечером решили провести операцию «Секретарь», имелись в виду Коробков (второй секретарь обкома) и этот Орел. Они пришли к Зорию часов в восемь. Сели есть шашлык. Были Володя Косыгин, Чубаров, Овчинников. (Володя откланялся потом, как и было задумано). Выпили 11 бутылок водки.

И до чего же все это было отвратительно! Натянутое начало, когда говорились формальные тосты (кто-то ухитрился и в них упомянуть о речи Брежнева), сменилось бессмысленными шумливыми спорами. По мере того как комсомольцы напивались, разговор принимал все более развязные формы. Чубаров то и дело вклинивался в разговор: «Я все-таки позволю себе вас перебить…» Перебивал и тут же городил такую ахинею, что и видавшим виды комсомольцам становилось страшно.

«Господи, – думал я, – до чего все это ужасно. До чего же бедны эти люди, которые вынуждены жалкую борьбу за собственное положение выдавать за большую, необходимую другим работу. А эти пафосные фразы, что, как сверкающие пузыри мыльные, летают и лопаются – бесшумно, легко».

Я хоть и устал, но не пьянел почему-то. Эти же набрались катастрофически. Орел ушел, а Коробков остался ночевать у Зория. Я спал на полу, они же вдвоем – на кровати. И ночью совершенно пьяный Коробков начал к Зорию приставать! И это не было шуткой! Во всяком случае, если верить тому, как Зорий закричал.

Уже полный сыр! Секретарь обкома комсомола – педрила!

Утром встали. Мне нужно было ехать в часть. Солнечный выдался день… И я поехал. Было грустно. Очень грустно. За эти три с половиной месяца отвык я от службы.

Дежурил Шестаков – мудила. Все как и прежде, только сугробы огромные. Медвежонок сдох в призыв. По приказу командира меня определили в «изолятор», так как я сказал, что мне еще очень много нужно обрабатывать материалов. Изолятором стал тот же кубрик, в котором жил я раньше. Теперь тут стояло несколько кроватей.

Главный капкан для Валентина в том, что он уже не в состоянии определить своего положения. Если бы ему

сейчас дали бы орден Ленина за то, что он сын Чубарова, Валек ничуть не удивился бы.

Пока не могу окинуть взглядом всего того, что со мной произошло за эти три с половиной месяца. Вроде бы и долго все это тянулось, а в то же время – будто один день всего.

……..

Пропустил полстраницы – хочу еще немного пописать отдельные мысли. Вот уж больше недели мы здесь, в Петропавловске-Камчатском. По-прежнему идет волокита с отпуском. Никто ничего толком не знает. Все всего боятся и так далее.

Вообще вся, без преувеличения вся наша жизнь напоминает подполье. Сплошное подполье. А на поверхности – огромное картонное здание. Совсем пустое. Ни души в нем. Внизу же идет адская борьба. С мерзостью, прелюбодеянием, ложью, предательством, страстями.

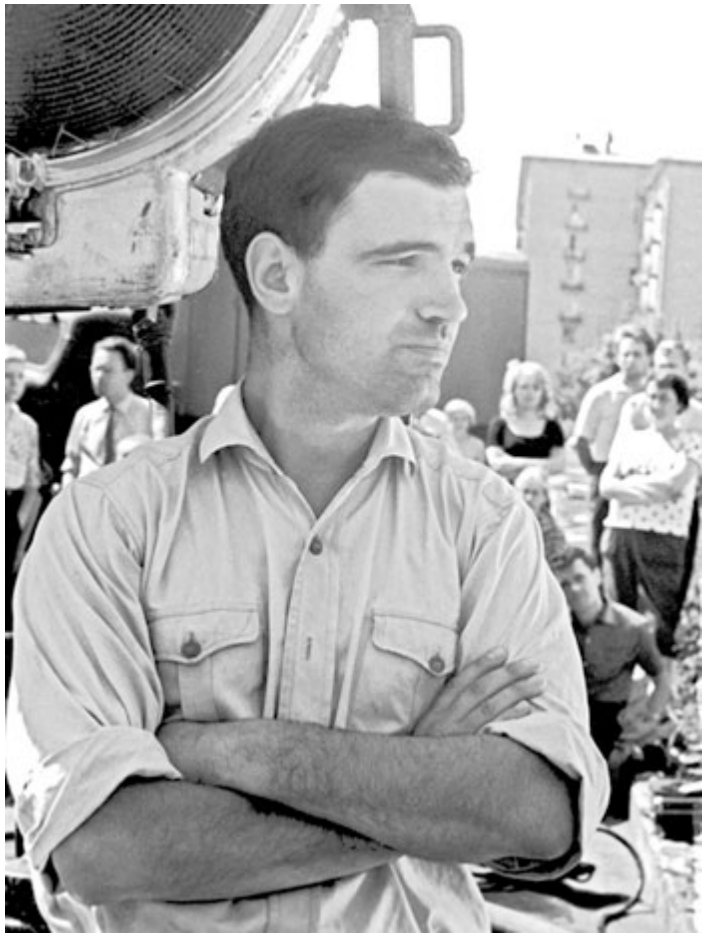
Мне очень нужно в Москву…

О Геннадии Шпаликове

(*Это мое выступление в одном из камчатских сел, предваряющее показ кинокартины «Я шагаю по Москве». Незадолго до этого я получил письмо от Гены Шпаликова, очень трогательное, написанное на обратной стороне телеграфного бланка. По тому, как размашисто бегало его перо по дешевой бумаге, оставляя порезы и кляксы, я понял, что Гена был чем-то взволнован или расстроен. Поэтому, предваряя картину, мне захотелось рассказать зрителям именно про Гену. –* ***Современный комментарий автора.***)

С благодарностью пользуюсь случаем, представленным мне редакцией газеты «Камчатский комсомолец», чтобы сказать несколько слов о Геннадии Шпаликове – близком моем друге, талантливейшем человеке.

Шпаликов – прекрасный кинодраматург со своим неповторимым авторским миром, полным тонкого юмора и неповторимого изящества. В то же время во всех своих сценариях Шпаликов всегда художник-гражданин.



Поэт, сценарист, режиссер Геннадий Шпаликов

Я не буду перечислять всех фильмов, снятых по сценариям Г. Шпаликова, – их у него много. Назову только один, в котором мне посчастливилось сниматься. Он обошел многие экраны мира. Но фильм скажет сам за себя. Называется он «Я шагаю по Москве».

Только мне бы хотелось сейчас рассказать немного о Геннадии Шпаликове как о поэте. А поэт он, на мой взгляд, замечательный, хоть и не печатает своих стихов нигде. Пишет, кладет их в стол и все отмахивается. Стихи Гены – это его мир. Грустный, насмешливый, трогательный и чистый.

Жизнь сложна, трудна, иной раз несправедлива к тебе, но прекрасна. Прекрасна и пронзительна, если ты идешь по ней с открытым и нежным сердцем. Вот мысль, которая читается во всем творчестве Шпаликова. И в его стихах, и в его фильмах.

Друзей теряют только раз,

А потерявши не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит…[2]

Посредственность

Террорист. Посредственность. Хочет одного лишь самоутверждения. (Опять «Ухов»!) Становится эсером, но не из принципов, а так, ради славы.

«Я памятник воздвиг себе…» Славы ищет. Чтоб «каждый булочник» узнал про этого Ухова.

Несчастная любовь. Жена уродлива. Стесняется ее. Врет всем, что холост.

– Кто совершит покушение?

– На кого?

– На Великого князя.

Все молчат.

– Я. Когда?

Он сказал «А», нужно было говорить «Б». Подготовка. Бомба. Селитра и т. д. Завтра все газеты расскажут о «безумном, отважном герое». Заголовки примерно такие: «Самопожертвование за отчизну», «Мужество одиночки». И все узнают, кто такой Ухов!

Покушение. Бомба брошена. Карета в клочья. Сам изранен.

Но счастлив! Свершилось! Кто там убит и что случилось – не важно. Свершилось!

Толпа. Он никуда не бежит. Пусть берут! Только скорей бы!

Но в толпе шепот.

– А что князь-то? Жив?

– Жив, слава Богу!

Тут он бросается через толпу, но его растерзали.

А в утренних газетах было сообщено, что «неизвестным было совершено покушение на Великого князя. К счастью, Великий князь был только легко ранен. Неизвестного же растерзала разъяренная толпа».

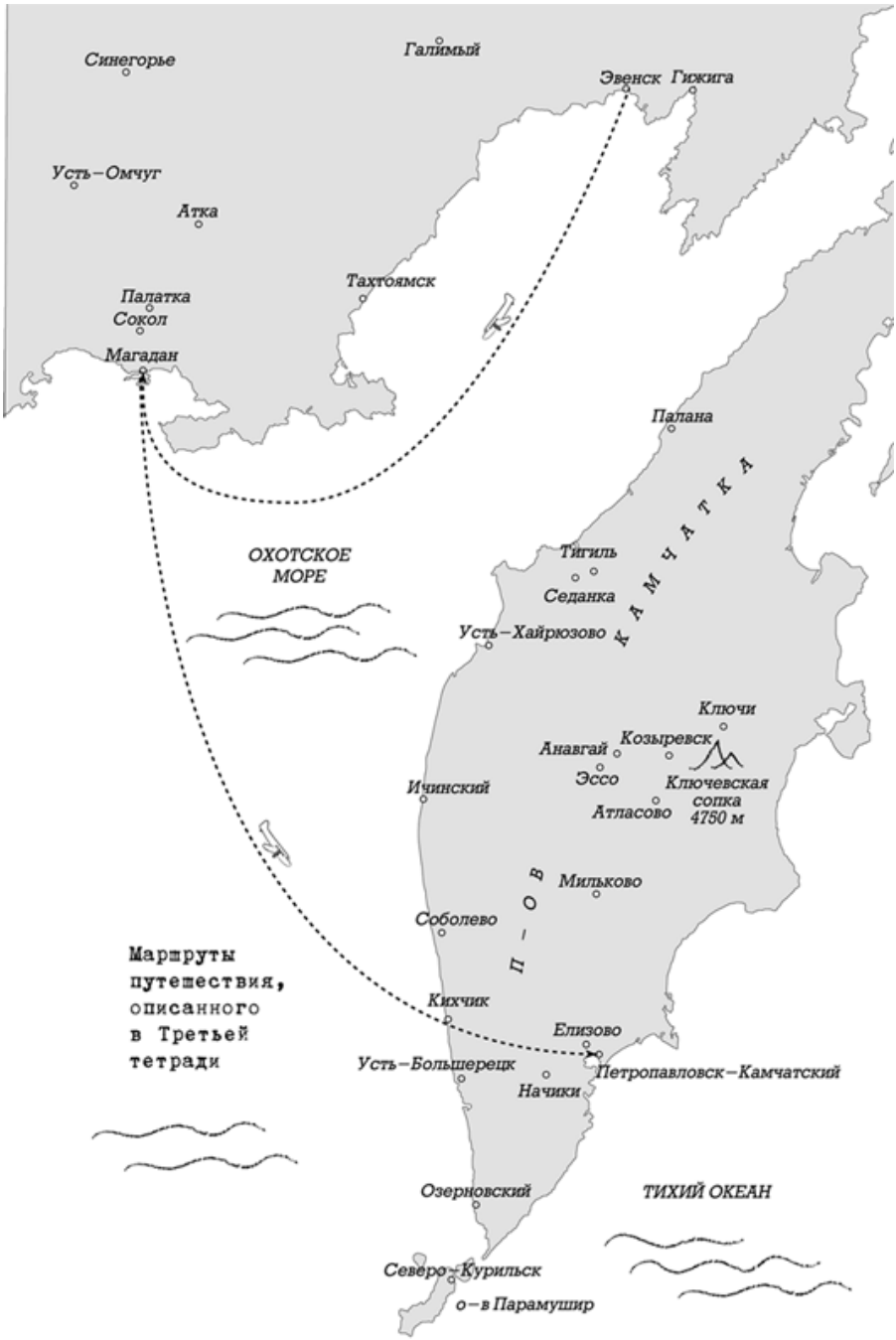
Финальные пункты похода:

Эвенск
Магадан
Петропавловск-на-Камчатке

1972–1973. Зарисовки на полях «Повелители мира». Наброски сценария кинокартины

Все же мальчишки!..

Призыв. Эшелон, трудновоспитуемые. С ними каплей. Или не трудновоспитуемые, а просто совсем молодые. Едут или плывут на место. Что-то происходит, из чего понимаем, что компания не из легких.



Дальше авария или катастрофа, каплей гибнет. И либо на этом судне они без начальства оказываются, либо их выбрасывает на остров. Дальше начинается их жизнь. Выбор командира. Пистолет остался от каплея. Может быть, один из них – паренек,

отсидевший в колонии. (Вариант названия картины – *«Повелители мира».*)

Самое главное – характеры. Развитие их. Одновременно – приключения. Может быть, что-то происходит параллельно. Их могут принять за дезертиров…

Остров или небольшое судно, совершенно изуродованное штормом. И ребята сами его чинят. Сами учатся всему по пути, сами проходят на судне необходимый маршрут.

Отправка призывников

Начало на ГСП (*Городской сборный пункт.* – ***Современный комментарий автора***). Каплей или лейтенант. Его в наказание (прямо с «губы», где он сидел за какое-то лихачество) отправили за пополнением. Это наказание, потому что он – боевой офицер и корабль его уходит в большой важный поход. Каплей умоляет не отправлять его за «молодняком», но все тщетно. Приходится ему, проклиная все на свете, ехать за этим проклятым пополнением в жаркую Москву.

> Федор Михайлович берет чьи-то очень простые отношения и путем какого-то накаливания и фантастического синтеза доводит их до удивительно страстных и мощных проявлений характеров. И вот они уже, как магма, плавятся, заливая собой все, что происходит вокруг!

Новобранцев этих он должен ненавидеть смертельно за все – и за то, что из-за них он не пошел в поход, и вообще терпеть не может балованных «мамкиных сынков», и так далее.

Фрагмент диалога каплея с новобранцем:

– А вы откуда, моряк?

– С Клязьмы.

А еще нужна *запретная любовь*. Как у Чехова и у Достоевского.

Хорошо бы так. Он любит жену брата или друга, и давно. Это еще одна причина, почему он не хотел ехать в этот город. Тут должен быть красивый клубок.

Федор Михайлович берет чьи-то очень простые отношения и путем какого-то накаливания и фантастического синтеза доводит их до удивительно страстных и мощных проявлений характеров. И вот они уже, как магма, плавятся, заливая собой все, что происходит вокруг!

Каплей – боевой офицер, но крайний человек, не любящий юных «сосунков», не верящий в них. И вот он попадает в тяжелейшие условия вместе с новобранцами и вдруг находит в них все то, чего ему недоставало в жизни.

Должно быть пронзительно.

Допустим, ему 30 лет. Кичится военным детством и не верит в современную молодежь, считает ее пустой, бесхребетной, беспринципной и избалованной, да попросту глупой.

…И не заметил, как они возмужали. Не приглядывался к ним, не следил за тем, как они учились и боролись с трудностями, набирались опыта, росли.

Как в «Благословите детей и животных», должна быть показана история каждого из тех, кто попал в эту группу призывников.

Вообще бы побольше хроники в такую «фантастическую» историю.

И возвращение. Оборванные, худые, кто-то раненый, стоят на палубе, плачут. Флаг самодельный. А их встречают – весь город на пирсе…

Начало на ГСП:

Отец одного из них, с чемоданом еды, с его пижамой, бельем

и т. д., умоляет кого-то из офицеров, чуть ли не деньги сует. Говорит, что ребенок болезненный, но очень умный – только одного балла не хватило до поступления в институт. Тот офицер пытается отмахнуться, не получается…

Каким-то образом доходит этот отец и до нашего каплея. Тот в шуме-гаме только кивает отцу головой, все обещает. Отец успокаивается, уходит в слезах.

Каплей жратву пускает по кругу, пижаму рвет на тряпки.

Кого-то провожает большая компания с гитарами, а кто-то – совсем один. Молчун. Самостоятельный.

Это может быть история и о том, как ребята растапливают зачерствевшее сердце каплея от неудачной любви, от суровости жизни, тяжелых походов.

Пронзительность его истории… Запретная любовь? Тайна?

Призывники на ГСП, в ожидании службы…

Эпизод из воспоминаний каплея:

Узнал про сервиз, подаренный любимой соперником. Купил еще лучше. Пришел. Разбил вдребезги тот, ненавистный, сервис и признался в любви.

– Я жить без тебя не могу.

И внес из-за дверей новый сервиз.

Начало у командующего. Что было до этого? В чем вина каплея, за которую его накажут?…

Допустим, капитана не было, и по своей воле каплей снял корабль с якоря. Случилась авария, но если бы он этого не сделал, могло быть намного хуже. К тому же авария случилась не по его вине.

Сначала попал на губу. Отсидел. Вышел. Наказали дальше: вместо большого похода отправляют в Москву за пополнением.

Умоляет командующего. Тот ни в какую – безжалостно лишает похода. Каплей выходит из кабинета, но потом в отчаянии возвращается и встает перед командующим на колени, прямо на ковре. Тот зеленеет от гнева:

– После выполнения приказа – 15 суток гауптвахты за юродство!

– Есть 15 суток!

В финале, когда каплей после всех злоключений возвращается с ребятами, командующий награждает его, поздравляет и… отсылает на губу.

Наказан же каплей за то, что, спасая корабль во время внезапно начавшегося шторма, взял на себя командование, хотя юридически не имел на это права (до экзамена оставался месяц). Корабль необходимо было отвести от бетонной стенки, вывести его в океан через узкое «горло» бухты.

Каплей все сделал правильно, за исключением того, что во время маневрирования в этом «горле» по неопытности допустил ошибку, и произошло небольшое столкновение. Оно не принесло особенных убытков, слегка помялись борта. Но кто уж тут будет разбираться! Хотя лично каплей и не был виноват в том столкновении, юридически ясно одно – права на вождение корабля у него нет. За это и наказан – лишен большого похода, отправлен в Москву на ГСП за пополнением. А там складывается так ситуация: эшелон уходит с пополнением, каплею же дают приказ остаться, добрать 6 человек и с ними уже возвращаться самолетом…

И вот всемером они должны переходить пролив на каком-то суденышке типа баржи, груженной какой-нибудь х…виной типа цемента или еще чего. В связи с этим возможно еще одно усложнение, выгодное для сценария: цемент нужно с судна убрать, так как его размочит и на барже образуется многотонный блок огромной тяжести.

Подробнее первая сцена на ГСП:

Папаша, провожающий сына, в полном ужасе:

– Он дальше Можайска и не бывал никогда, а тут Камчатка!

– А мы его там только переоденем и обратно, – каплею жарко, он зол и насмешлив. – Вы ему пока компоту наварите… Гюйс можете домашний сшить, почистить тапочки…

– Правда?!

– Да!

Каплей отошел, обернулся, вернулся и взял папашу за плечи. Жалко ему стало старика.

– Все будет в порядке, папаша. Честное слово.

Старик заплакал.

Или финал этой сцены немного иначе:

Каплей идет к призывникам, и там мальчишка – сын этого добродушного старика, такой худой, в очках, тихий, с хорошими глазами. Он видел в окно, как отец объясняется с каплеем, или даже слышал разговор.

– Зря вы, товарищ капитан-лейтенант, над отцом насмехались…

– Что?! Ты бы лучше помалкивал. Стыдно до таких лет дожить и чтобы за тобой еще вот так папаша бегал.

– Он ведь и правда теперь компот варить будет. И он не знает, что такое гюйс, а спросить побоялся… – все так же задумчиво говорит парень, глядя в окно на отца.

– У меня папаши вообще не было! Да и мамаши… Понял?!

– Что же теперь всем остальным делать, у которых они есть?..

Каплей не знает, что ответить, и говорит от бессилия:

– Ну ничего, из тебя на флоте человека сделают.

Он отходит в сторону и тоже видит теперь – из другого окна – стоящего внизу старика. Каплею становится вдруг его нестерпимо жалко.

Он идет к нему и говорит:

– Ты, отец, не беспокойся… все будет в порядке… Честное слово.

Наверное, все же придется давать воспоминания каждого из этих ребят. Скажем, какое-то последнее событие, что случилось в его жизни перед уходом в армию.

У одного отца нет. Только мать. Ухаживает за ней какой-то человек. Тихий, скромный, деликатный. Бывший фронтовик. Даже может потом оказаться, что он – Герой Советского Союза. Все

медали вдруг надел в день проводов.

Как проявлялись характеры в подобных картинах? Важна атмосфера!

Образ картины? Не вестерн же? Или вестерн?

Как участвует страна в этой истории?

Сколько ребят? Характеры? Формула фильма?

Может быть, так:

Каплей ушел из дома оттого, что мать его вышла замуж после смерти отца, и так как характер у каплея крайний, то он навсегда порвал все нити с домом, с матерью, со всей семьей. Это может хорошо связаться с семейной историей того паренька, у которого отчим.

Допустим, разбирая личные дела, каплей в одном из них видит свой адрес, только у призывника фамилия другая. Короче, каплей понимает, что это его младший брат, по матери родной, а фамилия – ее второго мужа.

Хорошо бы не раскрывать этого до конца почти! Отличная скрытая пружина для развития сюжетной стороны.

Момент бессилия, когда он понимает, что ничего уже не может сделать, опираясь только на привычные для него методы воспитания.

Когда у ребят возникнет к нему уважение и доверие?

> На смену озорству и балагурству приходит отчаяние. Какие уж тут шутки, когда нечего есть и пить. Тогда и начинают проявляться характеры.

Вывел их с утра на зарядку. «Разучим первый комплекс упражнений». Сам же эти упражнения не знает. Выдумывает на ходу.

Принятие присяги на терпящем бедствие судне!

Тропики. Жара. Голодные. Обросшие. Рация не работает…

Может быть, он понимает, что единственная возможность спастись – это занять все их время.

Допустим, сначала они принимают это происшествие за приятную и веселую игру. Никто и не предполагал, что армия для них начнется так весело и романтично! Но постепенно они осознают всю трагичность своего положения. На смену озорству и балагурству приходит отчаяние. Какие уж тут шутки, когда

нечего есть и пить. Тогда и начинают проявляться характеры.

Мимо может пройти американский корабль, предложить помощь, но каплей откажется от нее.

История с консервами или еще с какой жратвой… Кто-то украл и спрятал банку. Подумали на кого-то и начали бить. Каплей остановил – сказал, что сунул туда банку он сам, случайно.

Все успокоились. Но потом, через какое-то время, когда все были еще более измучены, кто-то пустил недовольство, что, мол, каплей-то – хапуга и у себя в кубрике жрет втихаря все, что отобрал. И банку ту он не случайно взял, а просто спер. Поднялся ропот, но тогда один из них вдруг начал защищать каплея. Все возмутились, стали спорить, и тогда парень признался, что это он украл…

Или так: недовольство все росло и росло, и решили наконец «вывести каплея на чистую воду». Пошли к нему… Но он-то знает, что банку не трогал. Значит, тот, кто ее украл, тоже знает, что каплей осознает всю ситуацию (может быть, только не разгадал еще – кто украл, а может быть, и это знает, но молчит). И тем не менее вор идет на этот бунт вместе со всеми, идет!

Это может быть тот самый младший брат, который узнал брата в каплее, как и тот узнал его. Но оба молчат.

> Каждый характер должен быть определенен! Ничего – вообще.

Для младшего каплей с детства был одновременно врагом и звездой. Младший чувствовал в нем силу, характер, мужество, носил в кармане вырезку из газеты с фотографией брата, но не мог простить ему обиды матери, ее слез и горя по потерянному сыну.

Может быть, поэтому и происходит на судне история с банкой?! То есть младший все время хочет заставить старшего применить насилие, хочет вычеркнуть его из своего сердца!.. Но старший умен, проницателен, мужественен.

Потом может быть объяснение братьев.

Дзен! Сила юности и беззащитности перед мужественностью, взрослостью, опытом. Чистота и искренность против рацио и человеческих шор.

Это борьба, в которой мужская суровость, знание того, что «человек человеку – волк», побеждается открытостью и чистотой, любовью, светом. Причем не побеждается в смысле

«сокрушается», напротив: эти трепетные силы юности отогревают мужественное сердце, наполняют его любовью.

Зов крови, то необъяснимое влечение сына к отцу, которого он никогда не видел, или одного брата к другому.

Готовя бунт, младший врет всем – мол, каплей консервы жрет, вино у него, баба, сам видел. Слушая, один из ребят от обиды заплакал. «Есть хочу, вина, бабу, домой хочу!..»

Мальчик, который не раздевается на пляже из-за того, что обожжен сильно. Страшные шрамы по всему телу.

Каждый характер должен быть определенен! Ничего – вообще.

А здесь и истоки характеров очень нужны. Отчего подросток стал таким? Что-то важное должны мы узнать о его жизни, предшествовавшей тому моменту, как мы впервые увидели его на экране.

История братьев. Отец каплея погиб в катастрофе. Мать скоро вышла замуж. Сыну (будущему каплею) было тогда лет 10, отца он обожал. Как только мать вышла замуж, мальчик сбежал и поклялся больше никогда в их дом не приходить. Мать страшно страдала, мучился и муж ее новый – хороший человек, фронтовик. Уходил от нее только ради того, чтобы сын вернулся. В общем, трагедия.

Но мальчишка был непоколебим, и его отчим вернулся к матери – к тому времени у них родился ребенок, и нужно было его воспитывать.

Будущий каплей, после того как сбежал, поступил в нахимовское или мореходку. Один раз приезжал в свой город, но в дом не зашел, только постоял рядом и видел трехлетнего мальчика, который играл в песочнице, и мать – та смотрела на малыша и улыбалась. Он тогда долго плакал, уткнувшись лицом в водосточную трубу, и поклялся больше никогда не видеть их.

Младший брат подрастал и, с одной стороны, заочно ненавидел старшего брата за презрение к себе, о котором догадывался, а с другой стороны, сам того не замечая, влюблялся в него. Комната его была заставлена макетами яхт и шхун, сделанными руками старшего. А однажды мать принесла газету, в которой была фотография ее старшего сына, молодого морского офицера, отличившегося на больших учениях. Вырезку эту младший брат спрятал у себя. Но до конца простить старшего так

и не мог.

Аналогия из русской классики. В «Подростке» Достоевского показаны удивительные метания между необъяснимой любовью к Версилову и совершенно объяснимой обидой на него. Рациональное желание унизить его и бессознательная эмоциональная необходимость защитить от тех, кто его унижает.

Как характером каплея, так и ревнивым его патриотизмом объясняется (и безоговорочно оправдывается) тот факт, что он отказывается принять помощь американцев. При этом говорит он с ними на чистом английском языке. (Или, возможно, кто-то из ребят закончил английскую спецшколу и выступает переводчиком.)

Армейские и флотские выражения

«Свободен, как мышь в амбаре»

«Шары по чайнику» – аналог выражения «Болт на все забил»

«Молотит под шланга» – отлынивает от работы

«До… ться и до столба можно!»

«Шибко» – определение меры и степени всего: «шибко умный», «шибко голова», «шибко надо»…

«Скучно будет – денег пошлешь»

«Приборз…»

«Шматец», «децел» – немного

«Пять баллов» – отлично

«Губари» – сидящие на губе матросы

«Построят, скажут»

«Хорэ» – то есть «хорош», хватит

«Примерил х…й к носу»

«Шара» – халтура

«Кожа» – проститутка

«Гоминдановцы» – патруль, комендатура

«Годки» – прослужившие год

«Кусок» – прапорщик

«Сундук» – мичман

Шутливые армейские диалоги

– Порубать бы.
– Да вчера же ели…

– У меня столько баб было, сколько вы с ним картошки не съели.

– Ты такой зеленый – сядь в траву, тебя не видно будет.
– Салабон. Жизни не знаешь.

С горечью:
– Одна радость в жизни – вытереть жопу мягкой салфеткой и обоссать хозяйство Шестакова.

Мичман Ткаченко. Начальник «губы». Матросы-губари ему жалуются:
– Товарищ мичман, холодно…
– Да я уж вам двойные решетки вставил, а вам все холодно.

Мичман Криворучко:
– Ты тупой, как пучок залуп, обтянутых брезентом!

Мичман выстраивает «губарей».
– Художники есть?
Все хором
– Есть!
– Шаг вперед!

– Порубать бы.
– Да вчера же ели…

Строй делает шаг вперед.
– Ну что, айвазовские! Возьмите по карандашику, – указывая на чугунные ломы, сваленные рядом. – И нарисуйте-ка мне здесь аккуратненькую ямку в вечной мерзлоте!

Вариант, если матросы выстраиваются на корабле:
– Художники есть?
– Есть.
Мичман кивает на швабру:
– Вот тебе кисть, ведро и иди рисуй мне палубу.

– Товарищ мичман, вы совсем нас овсом закормили! Мы так скоро ржать, как лошади, начнем.

– Да? Странно… Я вот с утра уточку съел – и ничего, не крякаю, – ковыряя длинным ногтем в зубах.

Жалоба вечно голодного новобранца:

– До камбуза вроде ничего. А как пообедал, так сразу есть хочется.

Построение на палубе

– Мне еще долго: де-е-е-ень, но-о-о-очь, де-е-е-е-ень, но-о-о-очь… А тебе быстро – зима, лето, зима, лето, и все.

Зарисовки из армейской жизни

(Эти наблюдения так же, как предыдущие дневниковые записи, перемежаются историями совершенно штатскими, в том числе и киноидеями, но я оставляю их в этом разделе, так как записаны они были именно тогда – рядом с армейскими случаями в 1973 году. – Современный комментарий автора.)

Лекция капитана по поводу атома. Изотопы, радиация…

Мальчики сидят с пятью классами образования – с Алтая, с Донбасса и т. д. Скукота ох…ная. Через каждые три минуты капитан говорит:

– Кто спит – разбудить! Вы, вы разбудите товарища.

В пулеметном взводе усатые «годки» достали басму и накрасили себе усы. На разводе получился взвод армян-чистильщиков.

Если не отдал вовремя «честь» старшему – целый день заставляли ходить строевым мимо столба и отдавать ему «честь».

Примечательный товарищ! Вместо «Недоросль» говорит «Водоросль», а вместо «Ревизор» сказал:

– Как эта пьеса-то – «Бригадир» или «Дирижер»?

Салагу поставили вахтенным дневальным. Утром, когда появился офицер, от волнения он вместо «Смирно!» заорал что было сил «Караул!».

В день рождения – «свободный день». Делай что хочешь. Хочешь – ешь, хочешь – гуляй по территории.

Хорошо бы в картине показать жизнь всех остальных – как бы извне – глазами парня, у которого день рождения, и он слоняется повсюду, кому-то помогает, с кем-то конфликтует и совершенно вне привычных уставных задач, а именно своим свободным действием или бездействием объединяет все армейское пространство!

Старший матрос Тихоокеанского флота Никита Михалков (1972)

Огромный плац. По нему маршируют новобранцы. Шагают и шагают. Старшина орет: «Стой!», «Кру-гом!», «Шаго-ом марш!», «Левое плечо вперед!», «Равнение направо!»… Муштруют их что есть силы. А за забором дом какой-то. Белье висит, рядом качели.

На качелях – две девочки. И качели в определенном положении скрипят пронзительно, визгливо – похоже на крик какой-то большой хищной птицы.

У старшины день рождения. Отчаянная, веселая тоска. С самого утра ничего не делает. И нет ему ни до кого дела, и до него дела нет никому.

Тепло на улице. Солнышко. Но старшину за прошлую пьянку лишили увольнения на полгода. Так что не выйти ему за ворота.

У всех занятия. На плацу муштруют молодых. А он сидит в баталерке на матрацах – босой, ловко играет на гармошке. И улыбается сам себе, отчаянно и весело.

Первое мая. Грязно, дождь прошел. Две грузовые машины едут навстречу друг другу. Кузовы полны народу.

Пытались разъехаться – и вот одна машина завязла. Остановилась и вторая. Слово за слово. Советы сыплются. Раздражение растет. Короче, кто-то кому-то кричит: «Да ты му… ак!..» А другой обиделся за друга и, ни слова не говоря, соскакивает с машины и обидчику в зубы! Ну, и пошло мордобитие. Все в грязи перемазались, морды – в крови. А уж и позабыли что из-за чего.

Кончили наконец. Ничего никто понять не может, да и не желает уже разбираться никто. Навалились – общими усилиями вытолкнули ту машину. Расселись и поехали все в одну сторону – пить мировую!

Два нарядчика в гальюне «пашут по-черному». Гальюн вымыли. Пришел старшина 1-й статьи. «Вымыли?» – «Так точно». Старшина снимает с одного из них белую беску (*то есть бескозырку. – **Современный комментарий автора***) и запускает ее плашмя по полу. На беске остается чуть заметная серая полоса. «А говоришь, вымыли!»

Ах, как пахнут женщины в провинциальном автобусе!

Пили вино украдкой «из горла». Сидели у ручья. Ручей сам по себе чистый, но берега отвратительны. Банки, отбросы, бумага. День пасмурный, промозглый, хоть и летний. Но пьем, и… хорошо.

Хотя и вино противное, и пьем из горлышка – по шее нет-нет да сбежит струйка липкой жидкости.

Метрах в семи от нас, кажется, труп большой собаки. Ну, да мало ли… Пьем, разговариваем. Но собака притягивает к себе

взгляд. Присмотрелся – да нет, кажется, не труп это, а выброшенное чучело волка. Опилки из него торчат. Ну, конечно, это не собака! Слишком велика, и потом – оскал искусственный. А эти опилки? – серые, грязные.

Дальше пьем, разговариваем, как-то даже легче стало – все-таки чучело, опилки.

Спустя некоторое время, когда уж выпили все, – подошел поближе…

И вовсе это не чучело. Труп большой собаки. И опилки вовсе не опилки, а чудовищное, ужасающее количество копошащихся, шевелящихся, отвратительнейших насекомых – каких-то коротких толстеньких бледно-серых червячков. Их, наверно, миллиард! И так сосредоточенно, упорно копошатся и шевелятся, будто и нет ничего, кроме них, и мне кажется уже, что и там дальше, на многие метры под землю, тоже – только одни они.

Я кинул банку в ручей, и вода подхватила ее, понесла, перекатывая с боку на бок.

Странная, хотя и совершенно обычная история.

* * *

К оленеводам, в связи с праздником Великого Октября, приехала актерская бригада из областного театра. Прилетели вертолетом. Все артисты уже в костюмах и гриме. Пьеса «Человек с ружьем».

Само собой разумеется, ради выступления в одной бригаде никто на вертолете бы не полетел, поэтому гастроли были спешными и насыщенными: примерно 3–4 бригады «обслуживали» за один световой день, перелетая с одного места на другое.

Естественно, после каждого выступления хлебосольные оленеводы угощали артистов, братались с ними, фотографировались и провожали в путь. Надо понимать, что к третьему выступлению все уже были сильно навеселе (надеюсь, кроме вертолетчиков), поэтому в последней бригаде выступали уже некие «остатки» актерской труппы…

Сцена из спектакля «Человек с ружьем»

И вот день уже склоняется к вечеру, начинается пурга. Звуковую аппаратуру устанавливать уже нет времени, поэтому, перекрикивая шум двигателя, который вертолетчик не рискует на морозе выключать, актеры буквально вопят друг на друга. Прямо скажем, зрелище чудовищное: сидят полукругом в нарядных кухлянках коряки, недалеко – кораль с оленями, работающий на холостых оборотах вертолет, а между вертолетом и оленеводами – чуть держащийся на ногах Ленин, в кирпично-красном монтюре и с полуотклеившейся бороденкой, из которой торчит прилипший кусочек квашеной капусты, которой закусывали холодный спирт, нахлобучивший кепку по самые уши и в накинутом на черное пальтишко, неведомо откуда взявшемся ковре! И собственно «человек с ружьем», солдат Иван Шадрин, который, чуть пошатываясь, опирается на свое знаменитое ружье. Причем оба артиста практически одновременно говорят свой текст, которого никто не слышит. Оленеводы тем не менее восторженно глядят на Ильича в ковре и пытаются угадывать, о чем он говорит.

Наконец спектакль – на финишной прямой. Актеры доигрывают будто впопыхах, без пауз, выбрасывая фразы и целые куски сцен, поскольку погода начинает портиться с каждой минутой. Вертолетчик уже делает актерам страшные глаза, показывает то на свои наручные часы, то на небо, которое стремительно заволакивается лиловыми тучами…

В общем, скомкали все выступление. Поклонились ничего не

понявшим в пьесе оленеводам. Из вежливости те похлопали.

В дверном проеме вертолета один из летчиков уже машет руками и кричит, что, если они сейчас не взлетят, могут застрять на неделю! Пурга идет!

Не успевший поклониться Ильич кидается к вертолету, путаясь в пальто и ковре. Шадрин тоже, опираясь на ружье, изо всех сил ковыляет к винтокрылой машине… Но когда Ленин, уже поднявшись по железной лесенке, почти скрылся уже в вертолете, кто-то из оленеводов истошным голосом ему закричал:

– Товарищ Ленин! Товарищ Ленин!

Ленин обернулся. Оленевод и еще несколько человек побежали к вертолету и, не достигнув всего несколько метров, чтобы не быть сдутыми работой винта, закричали:

– Товарищ Ленин, а пить можно?!

Ленин не понял, переспросил. Оленеводы, перекрывая своим криком шум двигателя, повторили свой вопрос:

– Пить можно?!!!

И Ленин, уже наполовину залезший в вертолет, высунулся и что есть мочи прокричал в ответ:

– Можно, можно!!!

Эта фраза, понятая всеми от мала до велика, была встречена невероятным громом аплодисментов.

Дверь за Лениным захлопнулась, вертолет набрал обороты, взмыл в воздух и мгновенно исчез в закрутившейся пурге.

А у бригады чуть ли не на месяц наступили каникулы. На вопрос руководителя района, приехавшего выяснить – почему бригада не работает, а беспробудно пьет, оленеводы ему честно ответили:

– Приезжал Ленин. Ленин разрешил.

* * *

…В этом отсеке все «секретно». На случай катастрофы сбоку висит топор. Им нужно разбить всю аппаратуру.

* * *

Жены офицеров в гарнизоне имеют возможность *служить, как матросы*, то есть они могут носить форму, нести вахту.

И вот те жены, которым делать больше нечего (работы нет для них по специальности), принимают присягу. Маршируют. Оркестр им играет. И от торжественности этого момента бабы

ревут белугами, а одна даже упала в обморок.

Можно представить себе этих сисястых жен поднятыми по тревоге. Одевающимися впопыхах и бегущими на построение.

Куприн! Просто Куприн!

* * *

Офицеры цыганочку танцуют. Гитара. Соленые шутки. Здоровенный майор в штатском. Этакий квадрат с гитарой, но чисто поет.

«Жора, подержи мой макинтош. – Потом к жене поворачивается, зовет ее: – Рыба, пойди».

Может быть хорошая киноистория:

Очень способная певица, самородок. Может быть, фанатка джаза – и виртуозно его исполняет. Но совершеннейшее чудовище в жизни. Взбалмошная хулиганка. Может сделать все, что в голову взбредет, рубит правду-матку всем в глаза. Никакого управления. Авторитетов никаких. Да еще к тому же некрасива, зла и одинока.

На конкурсе из-за характера срезается начисто. Провал полный. Но какой-то человек видит сквозь все то, что связано с ее характером, большой талант. Хочет ей помочь. И даже начинает это делать, но встречает жуткое сопротивление с ее стороны. И вот, все больше ненавидя ее, он в то же время понимает с ужасом, что напрочь в нее влюбился.

Наконец он спускает все, что у него есть. Теперь он совершенно нищ… И тут вдруг она понимает, что никакой корысти у него по отношению к ней не было. Что он бессилен перед ней и своей к ней любовью, нищ и несчастен.

В ней через жалость просыпается любовь к нему, постепенно она начинает проникаться к нему нежностью. Начинает его слушаться и в творчестве и шаг за шагом, медленно идет к своей победе. Любовь постепенно размораживает ее душу… В результате – полный триумф, счастье.

* * *

История мальчика и девочки. Он – шофер на почте, а она – охранник там же. Синие чулки «в рубчик», шинель длинная, берет и большая кобура на животе.

Хорошая может быть история.

* * *

Ночью гуляют двое, девушка и морячок. У нее на голове его беска.

* * *

КП. Матрос и каплей. Каплей наслаждается, упивается своими наставлениями в этаком дружески-отеческом тоне. Матрос изнывает от этих наставлений. Он вяло соглашается и постепенно отступает к двери. Каплей за ним. Так они выходят на улицу.

Вдруг звонит телефон. Каплей кидается внутрь. Пользуясь случаем, матрос спешит прочь, но… каплей уже опять на пороге и продолжает говорить. Только расстояние уже между ними – большой, залитый солнцем плац. Унылый матрос и идиот каплей.

Классная мизансцена!

* * *

Убили медведицу, у которой был медвежонок. Его поселили в часть. Жил он в каптерке, совсем маленький. По прозвищу Пистон. С ним игрались. Приучили его бегать утром по плацу во время утренней зарядки. Научили даже маршировать. Камбуз был внизу – и медвежонок лихо спускался на заднице прямо к миске, которая его всегда ждала. Так он и жил в нашей части…

Однажды ночью я проснулся от каких-то… странных звуков, похожих на стоны, и перемежающихся непечатными словами. Я прислушался. Звуки повторились…

Я надел на босу ногу сапоги, вышел из кубрика и отправился в том направлении, откуда, как мне показалось, эти звуки доносились… Наконец догадавшись заглянуть в каптерку, я остолбенел…

Медвежонок был еще сосунок, без зубов, потому большой опасности для мужского достоинства старшины не представлял и, приняв то, что выдал ему старшина, за мамкину сиську, вовсю «делал свое дело», что, судя по всему, доставляло старшине неслыханное удовольствие. Но так как медвежонок все-таки не очень мог рассчитать свои усилия и порой чрезмерно увлекался, и это доставляло старшине помимо удовольствия еще и дикую боль, отчего он и стонал, и ругался матом.

Главная же опасность во всей этой ситуации грозила мне,

потому что, если бы старшина заметил меня и осознал, что его тайные игры разоблачены, я стал бы его врагом номер один. Но увлеченный своим диким занятием моряк утратил всякую бдительность, я тихо прикрыл дверь и, чуть не падая от сдавленного хохота и ужаса, отправился в кубрик.

С тех пор после отбоя я уже невольно прислушивался к тому, что происходит в каптерке, и практически каждую ночь улавливал доносящиеся оттуда разноголосые стоны. Видимо, медвежонок стал прерогативой исключительно младшего командного состава.

Через некоторое время его откормили «протеином» так, что он не мог ходить и, съехав на заднице к своей миске, наверх уже подняться не мог. Его тащили на руках.

Судьба его была печальной. Спустя несколько месяцев от ожирения он помер. Жуткая история!

* * *

Замечательно для истории о школьниках (по духу близко к фильму «Если»). Старшеклассники продавали нам, мелюзге, аспирин, выдавая его за конский возбудитель. «Кинь ей в чай и жди – она сама захочет и все сделает». Все денежки, что на завтраки давали, туда уходили.

Вот, трясясь, как осиновый лист, подсунешь ей в чай и ждешь. От страха и желания дрожишь весь. А она сидит себе скучает, говорить-то не о чем (да и страшно), и потеет только, потеет…

* * *

Война. Окопы. Женщина перебегает под огнем. С воем подлетающий снаряд заставляет ее скатиться в воронку. Обстрел страшный. Муж ее в окопе с солдатами – в двадцати метрах. Они не виделись пять лет. Вылезти нет никакой возможности. Диалог их в этом положении.

* * *

Пионерский лагерь. Детский праздник строя и песни.

Поразительное чинопочитание с раннего детства. Все, все у нас военизировано. Ну, еще бы! Это же едва ли не единственная возможность как-то держать людей в узде – с раннего детства

вводить уставную дисциплину. Это уже как неизбежная прививка, обязательный укол, наркоз.

Советские пионеры на марше

Господи! Но же с детьми они делают! Причем нужно-то это только самим начальникам и воспитателям, и только для личной выгоды. Детям же все это скучно и безразлично. И даже ненавистно в иных случаях. Ну, еще бы! Как в армии репетировать на плацу строевой шаг девятилетним мальчикам и – о ужас! – девочкам!

Девочки голенастые рубят строевым. Повороты, отмашка рук и все, все это направлено к тому, чтобы уже с этого возраста лишить их женственности, индивидуальности, сделать их к тридцати годам жирными домохозяйками или отправить с перфоратором рубить асфальт. Причем сознательно все это – вот в чем ужас!

А эти удивительные дамы, бог весть откуда взявшиеся, которые живут здесь, при лагере, на казенных харчах – видимо, чьи-то жены. Живущие среди детей, которых сами мучают какими-то тупыми играми, эти дамы с сонным интересом, возвращаясь с пляжа, сквозь темные очки поглядывают на подростков, которых заставляют заниматься на плацу идиотизмом.

* * *

Удивительно. У нас в народе презирают людей, занимающихся лицедейством. Их все считают дармоедами, но самодеятельность пользуется колоссальной популярностью. Насколько, оказывается, милее глазу, если перед тобой корячатся «свои», а не играют настоящие актеры, учившиеся этому!

* * *

Великая, гнетущая сила трибуны. Идолопоклонство! Трон! Царские врата! Святое место! Ты можешь быть кем угодно, но если ты стоишь там – все! Никто и не догадается спросить – а кто ты? Отношение тех, кто по плацу проходит перед трибуной, к тебе определено. Ты – царь!

По-моему, у всего этого жуткое будущее.

Удивительно плоскостопный старлей проверял твердость знания детьми воинских команд. Прошлепывал на середину плаца и на полном серьезе, даже не допуская мысли, что все это (и он в том числе) – сущий идиотизм, командовал: «Нале-е-е-а!.. Ву!!!» Выкрикивал и вздрагивал, жмурясь. А бедные дети поворачивались, пристукивая сандалиями и босоножками. И девочки, девочки!..

А за трибуной – вроде бы нормальная жизнь, пока на плацу идет это безобразие. На травке девочки в пилотках мажут ножки мазью от комаров и хихикают.

Завершила же всю эту картину старая, пьяная, сумасшедшая женщина в танкистском комбинезоне. Лицо ее было изрезано глубокими морщинами, и на очень мокрых губах блуждала презрительная улыбка.

* * *

У этой истории с детьми было продолжение. Оказывается, когда потом шло совещание и решали, кто же завоевал в этом безобразии первое место, начались чудовищные дрязги между начальниками лагерей и жуткие скандалы со слезами и взаимными оскорблениями.

Это же все вместе – готовая картина!

Удивительно. У нас в народе презирают людей, занимающихся лицедейством. Их все считают дармоедами, но самодеятельность пользуется колоссальной популярностью.

* * *

Петропавловск-Камчатский. Танцы. Это нечто необыкновенное и в то же время удивительно знакомое.

Что только нищета с человеком ни делает! «Жить-то хочется». В чем только они ни ходят! Клеши канареечные, платки шейные, шляпы, прически – убого все крайне.

Коряки. С ними-то что? Зачем им все это? Девочки – совсем маленького от раннего курения роста, как карликовые березки. Учащиеся мореходки, которые черт-те как трансформируют свою одежду. У одного гюйс завязан узлом, вроде галстука, гнутые козырьки, мятые, вытянутые фуражки.

Милиционеры. Армейский патруль. Ко всему тому холод собачий и туман.

Танцуют, кто как может. Два идиота – в одинаковых полосатых штанах и темных очках. И у обоих «для понта» правые руки на перевязи. Девочки в большинстве своем пьяны. Да вообще пьяны все почти.

Самое удивительное – то, что у выхода на улице сидят на скамейках дружинники со сторожевыми собаками. Это придает празднику особый колорит. Танцы под охраной собак. Такого я еще не видел.

* * *

Хорошая ситуация: два человека, крепко чем-то «повязанные», сидят, треплются. И один вдруг начинает фантазировать в шутку, как все развивалось бы, если бы он решил выдать товарища. Что бы он тогда начальству и что своему другу говорил, вообще как бы все это происходило…

Второй тоже, в свою очередь, начинает фантазировать, какие бы предпринял он ответные шаги и как бы отвел от себя обвинения начальства. Кончается тем, что они совершенно серьезно обвиняют друг друга в подлости и разругиваются вконец.

* * *

Фактура замечательная. Просторная котельная. На полу большие лужи и ручьи вдоль стен. Котлы, трубы. Хитросплетения узлов невысоко над полом. И масса закоулков. Стены грязно-темно-синие до половины, выше белесые – все облупившиеся, с

ужасными подтеками. Все время что-то включается, шумит… Лестницы и переходы, по которым нужно добираться к котлам, – нечто вроде трапов.

Закоулочек, с потолка свет. Туда, наверх, поднимают шлак. Веревка болтается с крюком, и бадейки стоят…

Душевая удивительная. Шкаф с тремя дверцами для одежды. На гвозде какие-то лохмотья, засаленные вконец. Полка с обломком зеркала, и в самом душе такая же полка, но на ней – целая рама, а в ней запотевший остаток того самого зеркала. Рядом еще шкафчик, на нем – засаленный вымпел ударников.

* * *

Баскетбольная площадка при пединституте. Свой мир. Девочка тренируется с мячом. Бросает в корзину, затем делает какие-то упражнения с мячом и отмечает что-то в тетрадке.

Праздный тренер в сандалиях, с усиками, на лицо порочен крайне, играется с транзисторным магнитофоном. Несколько девочек – вокруг него, может, бывшие его ученицы. Тренер записывает то, что они говорят, а потом прокручивает запись. Все смеются и крайне счастливы.

* * *

Человек, у которого на руке вытатуированы маленькие дамские часы и стрелки.

* * *

Снова пионерский лагерь. Все время – адский гул «музыки» из репродукторов. Песни советские эстрадные – про любовь, про ревность, про то, что нехорошо одной любить сразу двоих, и так далее. Начальник лагеря – Светлана Марковна. В очках, которые все время сползают, коротко стриженная, энергичная. Любит выпить.

На вечернюю поверку собираются полушутя, болтая о том, о сем – с полунамеками о е…ле и сифилисе. Недалеко бассейн с горячей водой. Ночью – купание, странное и размаривающее крайне.

Это один из тех лагерей, которые выступали на празднике строя и песни. Никто ничего не делает. Все это похоже на какую-

то несмазанную телегу, которая незнамо куда едет, – на нее кто-то садится, с нее кто-то слезает, и управляет ею кто попало. И как попало.

Вечером у пионеров танцы. Это трогательно. Маленькие мальчики и девочки танцуют под Майю Кристалинскую.

Утром – линейка. А вечером – прощальный костер огромный, с бензином. Нечто похожее на карнавал. С одной стороны – замечательно, с другой – полный привет! Естественно, мальчики переодеваются в девочек, девочки в мальчиков, но те девочки, которым посчастливилось не переодеваться, воспользовались случаем накраситься. Это довольно страшно – маленькие девяти-двенадцатилетние девочки с ярко накрашенными губами, подведенными ресницами, в топе, а сами маленькие, худые, нескладные.

Пионерская линейка на Камчатке

Два мальчика с подвязанными бантиками, тоже с накрашенными губами и в топе, и в платьях, совершенно позабыв, что они девочки, возятся в траве – пытаются проводить броски и захваты, борются, сопят.

А грустный толстый мальчик с нарисованной бородой и усами сидел на траве в стороне.

Потом пели «Взвейтесь кострами» и «Парня молодого полюбила я».

У меня брали автографы, и одна удивительно нарумяненная маленькая девочка, подавая бумажку, заглянула мне в глаза и с любопытством спросила: «Дядь, а зачем это?»

* * *

Вечерний танец начальника лагеря со старшей пионервожатой. Начальник несколько пьяна (она женщина), на голове у нее матросская беска.

* * *

Последний день в пионерлагере. Беготня, крики, солнце. Занавески снимают, пододеяльники, наволочки. Звенят всюду бутылки пустые…

А в одной из палат на кровати сидит 42-летний человек с длинными волосами и аккуратной бородкой – нынче ночной сторож, а когда-то музыкант – и удивительно играет на гитаре и чистым тенором поет прекрасные романсы.

* * *

Приезжал на Камчатку министр рыбной промышленности Канады. Возили его обкомовские работники. Привезли в док. Трап. Можно пройти только по одному. Капитан показывает им руками – давайте, мол, по-одному. Так нет, они его под руки. Все трое е…нулись с двадцатиметровой высоты. Нашим ничего – а у канадца перелом таза, разрыв мочеточника.

Доктор, который его лечил, в подарок от него получил «Кадиллак». Но не тут-то было! «Кадиллак» отобрали, оставили в Москве, доктору же выдали «ГАЗ-69». Во дела.

* * *

Что-то в Высоцком есть пронзительное. Но что? В ресторане пели его песню «Я вернусь через полгода». Моряки сидели, рыбаки, пили все. И вот в песне этой и в здешней обстановке всей было какое-то единство, неделимость. Что-то настоящее.

Хотя все это носит характер, честно говоря, малокультурный.

> У меня брали автографы, и одна девочка, подавая бумажку, заглянула мне в глаза и с любопытством спросила: «Дядь, а зачем это?»

* * *

Лейтенант Зиганшин (замечательный поток сознания):

– Я говорю, жизнь у меня вся пошла раскосяк, говорю, все было, по два обручальных кольца носила, ковры, телевизор, экран вот такой, говорю, обнаглела. Все на толчке ей покупал, говорю, кофты вообще такие, курами кормил, говорю, пока здесь на ремонте стоял, по интендантам пошлялся, полпортфеля конфет «Каракум» и две бутылки спирту, говорю, отцу ее отправил, обнаглела с замполитом, на рыбалку ездила. Я, говорю, от этого пить начал, говорю, а до этого все было лучше, говорю, чем у профессора. Я по снабжению работал, говорю, на судне, сам себя не обижу, все, грю, было, если покупали – пару бутылок вина, коньяк, бутылочку шампанского, а в основном все спирт решал, всех, грю, в жопу пьяных провожал, все довольны были, грю, а она все забрала и продала все… – и так далее.

Лейтенант Зиганшин – татарин, стрижен «под бокс», сразу после губы, на которую попал за то, что совершенно «в дупель», нацепив кобуру, отправился на дежурство в комендатуру. Шел по всему городу с повязкой патрульного на рукаве, потерял фуражку, два раза упал и залетел на 10 суток на губу.

Списан с корабля по болезни – эпилептик.

Однажды умудрился ночью в часть мимо дежурного и вахтенного пройти с бабой.

* * *

Не было и семи утра, когда лейтенант-эпилептик меня разбудил, явившись в новом пиджаке:

– Братан, говорю, костюм новый купил, грю, польский, посоветоваться пришел, хватит, грю, пить, грю. Вот костюм купил, материал хороший, серый, пятна не видать. Все, грю, серый, а то все пил, хватит, вот, грю, костюм купил и сыну, бандероль отправил, там тоже, грю, костюмчик, шапочка, пить хватит, жене напишу – костюм купил, пусть знает, сыну купил, а ей украшения х…, грю, нарочно! А это костюм – гулять и вечером, а потом, грю, можно и на работу ходить, какой товаровед без костюма, грю, а пить хватит, грю, вот. И теперь пусть не думают, что я алкаш какой-нибудь, грю… – он наконец сделал довольно длинную паузу, потом лукаво улыбнулся и потянул с меня одеяло: – Пойдем е…нем, братан, а?.. – Я в ужасе ухватился за одеяло и начал бормотать, что это невозможно, что работа…

А он все хихикал и упрашивал, кокетливо клонил набок голову:

– Пойдем, братан, пойдем, я тебя поодеколоню…

* * *

Коряк на зимовье скурил свой партбилет, не было бумаги.

* * *

Если ты в строю изучаешь движение с оружием, то не имеешь права подхватить на лету сбитую ремнем беску. Пусть падает.

Сели играть в шахматы. Я присел на тумбочку.

– Эй, эй… – закричал Мишланов. – Ты высоко не садись, так ты и мои видишь.

* * *

Есть у старшины Мишланова интересная игра. Он скидывает сапоги, смотрит на них и определяет, что должен сказать человек, у которого ноги в таком положении. Кинет сапоги и смотрит…

Вот стали они носок к носку.

– Это называется: «Не знаю, как и получилось».

Кстати, хорошая краска для характера.

Мишланов говорит, что скидывает сапоги вечером не глядя, а проснувшись утром, на них смотрит и запросто вспоминает, о чем думал вчера, когда ложился.

* * *

Сели играть в шахматы. Я присел на тумбочку.

– Эй, эй… – закричал Мишланов. – Ты высоко не садись, так ты и мои видишь.

* * *

Курорт. Село Паратунка. Горячий бассейн. Ночью туда множество народу ходит купаться, и все это напоминает средневековые представления об Аде. Пар над черной водой. Голые тела время от времени проплывают бледными призрачными клочьями в тумане, перекликаются… Где-то звучит музыка…

То слышен чей-то шепот, а кто говорит, не видно, то вдруг

фара подъезжающего мотоцикла шарахнет по воде и вырвет из темноты и тумана чью-нибудь спину.

* * *

Большое, пустое, заброшенное футбольное поле, на котором только два худых, гибких, пластичных мальчишки. Мяча нет, и один стоит в воротах, а другой, валяя дурака, крича и комментируя, забивает в ворота старую резиновую боту. Он бьет, а вратарь падает красиво и пластично, но бота влетает в ворота и бьется в сетке.

* * *

Говорят, была реальная история.

Над кораблем долго кружили американские самолеты, да так низко – видны лица летчиков. Утомительно! Каплей не выдержал, снял ботинок и швырнул им в самолет. Американцы улетели.

А каплей весь поход проходил в одном башмаке.

* * *

История старлея-метеоролога. Адмирал обещал наконец отпустить его в положенный отпуск. Но все-таки отпуска не подписал.

В пятницу адмирал, как всегда, вызвал старлея к себе и попросил дать сводку на завтра, так как собрался на рыбалку.

– Солнце, ясно, тихо, +23 °С, – сообщил офицер.

Был ливень, мороз и еще бог знает что.

– Вы же мне обещали хорошую погоду! – в понедельник укорял адмирал старлея.

– Вы мне обещали отпуск, – ответил старлей.

* * *

Одноногая певица. Все тот же пионерлагерь. Воспитательница – этакая экзальтированная молодящаяся старая проблядь из Феллини. Сломала на пионерском костре ногу, но не сдалась и на другой день все-таки пела со сцены, раскачивая в такт песне сломанной ногой.

Когда же объявили танцы, пошла танцевать и опять упала. И плакала, и пионеры несли ее на руках, и она и смеялась, и плакала, и всем помавала ручкой, и пела одновременно…

* * *

Мильково. Я попал в число участников фестиваля искусств «Город селу» к 50-летию СССР. Несколько автобусов. Транспаранты, плакаты. Приветственные речи, широчайшие улыбки, кинооператоры с местного телевидения, словом – бред собачий. Местные самодеятельные артисты и бригада ансамбля флотилии, в которой был и я.

Приехали. Разместились в ЦК (центральная котельная). Половина артистов уже к этому моменту была «в дупель», и певец выпал из автобуса лицом в уголь. Организовано все чудовищно. В одном из клубов – мест этак на 70 – афиши не было вовсе, а только маленькое объявление, какие висят на подъездах, фонарных столбах, в банях, да где угодно и о чем угодно. Естественно, народу никого. Шесть детей. Суббота!

Завклубом – полная теха. Кругла как луна, и глаза испуганные, голубые, лет ей вроде бы всего 22.

Семь вечера. Осталось уже пять детей, да и то двое чуть не грудных. Тут подкатывает «Волга», в ней секретарь обкома, секретарь горкома и представитель управления культурой – ужасающая еврейка на сухих ногах. Еще кто-то. Входят они, а народу нет.

Я говорю, что пора уже нам уезжать – ждать-то некого, это ясно здесь всем и давно.

Секретарь водит носом, смотрит. Еврейка отзывает майора Машарского в сторону и говорит ему, что секретарь обкома хочет увидеть мое выступление. Ну, этого еще не хватало! Уродоваться ради пяти человек, которым в сущности-то на меня глубоко плевать!..

Я корректно объяснил, что сделать этого не могу. Секретарь меня понял. Тогда еврейка схватила автобус и кинулась на нем по улицам собирать людей… Через час был полный зал! Какие-то перепуганные случайные люди, кто-то из общежития – прямо в тапочках, с куском колбасы за щекой, кто-то с улицы с покупками, «чуть трезвые» мужички с крупной, только что пойманной рыбой в ведре, кто-то с грудным ребенком на руках и так далее. Бред полнейший!.. Я начал выступать.

Выступил. Ну, кино свое дело делает, и все прошло нормально. Следом выходит Машарский и начинает рассказывать

про свои песни. Люди сидят в полном изумлении – кто, что?.. – кино какое-то, теперь вышел майор-композитор!..

Тут гаснет свет. Весь. Полная вокруг темнота. Но люди настолько обалдевшие, что продолжают сидеть молча. Машарский же, как и подобает военному, продолжает рассказывать про песни и затем просит выйти на сцену своих ребят.

В полной темноте эти матросы-артисты выходят на сцену. В полной темноте Машарский их представляет, и они начинают бравыми голосами петь в полнейшей темноте. Я чуть не падаю за кулисами со смеху. Завклубом рыдает. «Ой, что будет, ой, что будет!..» Ведь в зале среди совершенно ох…вших от всего этого зрителей сидит секретарь обкома. Словом, конец света.

Потом между рядов начинают пролезать два совершенно пьяных человека с лестницей, наступают на ноги, матерятся, падают, и все это в полной темноте, под игривые теноры и плач детей.

Полный сыр!

Наконец свет зажигается, но тут же гаснет, поскольку один из электриков летит с воем с лестницы… И так далее.

«Концерт прошел с большим успехом» – было напечатано утром в местной газете.

* * *

Замечательно гремят ботала в вечерней мгле. Коровы выгнаны в сопки, и время от времени гремят со склонов ботала.

> Молодой тракторист – мальчишка. Увидел мышь и погнался за ней. Этакую запузырил борозду поперек целого поля!
>
> В полной темноте эти матросы-артисты выходят на сцену. В полной темноте Машарский их представляет, и они начинают бравыми голосами петь в полнейшей темноте.

* * *

Мичман Ткаченко взял с губы двух матросов сажать ему картошку. А те собрали с соседней помойки старые консервные банки и каждую картошку посадили, накрыв ее банкой.

Долго ждал Ткаченко урожая. А моряков этих пойди найди

теперь.

* * *

Ансамбль «Курилы», который разъезжает по частям. Несчастные люди, совершенно не осознающие всей трагичности своего положения. Шоры! Шоры жизни, творчества, рабство и заштампованность всех представлений. Автобусы, грузовики, чудовищные дороги. Выступления в ужасающих условиях. На гнилых и холодных подмостках – балетные номера, фокусник.

Зритель принимает на ура все. Он дик, голоден ко всякому зрелищу, оттого-то прием фантастический!.. Актеры, однако же, совсем не понимают, по какой причине их встречают так.

Но во всем этом могут быть пронзительные человеческие истории. Трогательная любовь, трагическая и беззащитная. Может быть, между балериной и контрабасистом. Или между контрабасисткой и фокусником.

* * *

Школа на острове Шумшу. Одна молоденькая учительница на все классы. Учит всех учеников одновременно – с первого по четвертый класс.

А в классе-то по 2–3 человечка. В первом классе всего одна маленькая девочка.

(Хорошая история.)

* * *

Высохшая река с каменистым руслом. Серая галька, серые, замершие в разных положениях стволы деревьев, их корни. Жутковато и красиво.

* * *

Отец адмирала Ильченко никогда не пил лекарств, но у него был друг – врач, который частенько дарил ему лекарства.

И вот через много лет снова встретились два эти человека, сели, выпили. И врач сказал другу:

– Вот! А если бы ты не пил моих лекарств, таким здоровым

бы не был!

Старик улыбнулся, встал, подошел к своему шкафу, раскрыл его – и друг его, врач, увидел массу пачек и коробок с пилюлями и пузырьков с жидкими снадобьями.

– Вот если б я все это выпил, – сказал старик, – я давно бы уже помер, а я, видишь, жизнью еще наслаждаюсь…

И он показал рукой на начатый штоф со спиртом, настоянным на весенних березовых почках.

* * *

Фокусник. 45 лет. Дерганый человечек. Кенари, попугай, аппараты, чемоданы с «черной магией». Все делает сам. Оттого фокусы его безвкусны, цветисты, корявы и громоздки.

На гастролях все всегда с собой: кипятильник, рыболовные крючки и так далее. Все на своих местах: ножницы, клей, нитки… – все на все случаи жизни. (Возможно, бывший кок на флоте.)

Хороший характер для делового, озабоченного человека, который при этом показывает по вечерам фокусы.

* * *

Молодой тракторист – мальчишка. Сел первый раз за рычаги и начал пахать. Увидел мышь и погнался за ней. Этакую запузырил борозду поперек целого поля!

* * *

Остров. В/ч и больше никого. Измученные одиночеством офицеры и матросики. Куприн, да и только. Тоска зеленая, спирт, гитара. И служба нудная, скучная… Связь с материком только радиотелефонная.

Звонит адмирал, требует дежурного по гарнизону. Посыльный прибежал, доложил. До телефона идти 10 минут. Дежурный пошел. Друзья остались его ждать.

Взял трубку. Разъяренный адмирал истерит – мол, почему я звоню двадцать минут, никто не снимает трубку?! Где вахтенный?! Спит?! Наказать! Узнать, в чем дело, виновных строго наказать и доложить!

– Есть! – отвечает дежурный.

Ветер воет. Тоска. Остров. Пошел дежурный обратно к друзьям. Сидят, разговаривают. Опять прибегает посыльный. Опять к телефону!

Снова дежурный по ветру идет. Взял трубку. А там тот же адмирал.

– Ну что?! Выяснили?! Наказали?!

– Так точно.

– Строго?!

– Так точно.

– Как?!

– Я его повесил, – спокойно говорит дежурный.

На том конце – потрясенное молчание.

– Да, повесил, вот тут из окна видать. А чтобы не спал на посту. – И дежурный кладет трубку.

Утром огромная комиссия на торпедном катере, погоны – золото, обезумевшие лица, свита, все орут, боятся… Впереди кошмар!

А дежурный на камбузе чай пьет, с сахаром вприкуску, из кружечки, в окно смотрит.

* * *

Сильное проявление характера.

Красивая девушка, неудачная актриса (или удачная, не важно). С ней случается несчастье: в автомобильной аварии разбивает лицо, сломан нос и т. д. Ужас! Ее кладут в госпиталь, зашивают, лечат и все прочее.

> Капитан приказывает громовым голосом старпому:
>
> – Составить график менструаций жен офицерского состава, чтобы зря на берег не шатались.

По мере того как она выздоравливает, всем, кроме нее, становится понятно, что прежнего лица уже не будет. Но она о чем-то говорит не останавливаясь, щебечет и щебечет, суетится, когда входят мужчины, хорохорится, но самое главное – не останавливаясь говорит.

* * *

Один из поселков на Камчатке, где только коряки и бичи, лесоповал, рыбзаготовка. В магазин приходит человек в дохе и совершенно рваных сапогах, из которых видны пальцы. Вынимает

деньги.

– Ящик водки.

– Ты бы лучше сапоги купил, – советует ему продавщица.

Человек отскакивает в сторону. Картинно выставляет вперед полубосую ногу, шевелит пальцами и говорит:

– Ноги мои, ноги, хотите сапóги? – Выждал паузу и комментирует: – Молчат. Глотка, глотка, хочешь водки? – И тут же издает какой-то страшный рык.

* * *

В тех же районах. Около магазина останавливается машина. Из кузова выскакивает полуголый человек в тулупе.

– Ящик водки!

– А не много? – спрашивает продавщица.

Мужик безнадежно вздыхает:

– У нас «много» не бывает.

* * *

Мальчики на велосипедах на шоссе. Делать им нечего, и они лениво вертятся друг возле друга.

* * *

Квартира таксиста в Петропавловске-Камчатском. Семья на материке. Квартиру получил из фондов. Две комнаты. Пусты совершенно. Только телевизор «Юность» в одной из них. Ни одного стула. Пол в квартире странный – половина зеленого, половина коричневого. Да в другой комнате двуспальная кровать и на ней – магнитофон, катушки, альбом с фотографиями, валериановые капли, часы, обручальное кольцо, лосьон для волос, порнографические карты, две куртки, майка и рубашка вместе с вешалкой.

А в ванной на гвозде почему-то висят темные очки.

* * *

История двух братьев и женщины с мальчиком, если ее рассматривать «по-достоевски», то есть углубиться в характер

взаимоотношений и взаимоотношения характеров, можно достичь возможности говорить языком чувственным. Достичь возможности, создав однажды мир, купаться в этом мире, необъяснимом и прекрасном.

* * *

Большой крейсер на рейде. Команда 2 тысячи человек. Увольняются сразу 500 человек на берег в субботу. Увольняемых берет тральщик…

Обратно их привозят всех «чуть трезвых». Тех, кто не может сам подняться, укладывают в сетку, в которую насыпали овощи, и лебедкой поднимают на корабль. И прямо в трюм опускают. Этакая гигантская авоська, а из нее свешиваются ноги, руки, ленточки от бескозырок.

* * *

Тот же крейсер. В кают-компании сидят офицеры. Один другому жалуется, что дома не был два месяца, пришел на два дня, а у жены менструация. Капитан услыхал и приказывает громовым голосом старпому:

– Составить график менструаций жен офицерского состава, чтобы зря на берег не шатались.

* * *

Решили выдавать корякам паспорта. Сначала стали ездить по селениям, фотографировать, заполнять паспорта, проявлять пленки, печатать фотографии и дальше, все как положено. Но потом это дело всем надоело и просто печатали 6 фотографий: он, она – 16 лет; он, она – 30–40 лет; он, она – 50–60 лет, и все.

Так как коряки «все похожи», то и вручали им паспорта с приблизительными фотографиями, отличавшимися только по возрасту и полу. Кстати, единственное, что самих коряков здесь смущало – то, что кухлянки на фото не совпадали с их родимыми кухлянками. И очень человек обижался, если ему доставался паспорт с фотографией коряка в кухлянке, которая ему не нравилась. Он этого паспорта не брал и обижался страшно.

* * *

Стол. Люди. Веселье. Псевдо и не псевдо. Гуляют, орут что-то друг другу. Муж и жена, хозяева дома, тоже веселы. За них поднимают тосты, и они пьют за гостей, друг за друга. Видимость совершеннейшего благополучия. Шумно, радостно, во многом лживо.

Потом идет большой фрагмент из жизни этих людей – мужа и жены. (Может быть, срезы из всех этапов их жизни.) Сложности, мордобития, измены, ревность. В конце картины – тот же стол, продолжение веселья, его конец. Гости: кто пьяный, кто ушел, кто как…

И финал – объяснение в любви двух этих людей, проживших большую жизнь, и объясняются они страстно, чувственно, искренне, в детской, где спят трое их детей.

* * *

Эшелон призывников. Чтобы не растерять их и чтобы за водкой не бегали, начальник эшелона их разул. Эшелон босых людей.

Мишланов в раздумьях:
– Слушай, а если я буду и Горького читать, и Достоевского?
– Одновременно?
– Нет, по очереди.
– Можно.
– А я не ох…ею?

* * *

В бане. Голый, нескладный русский человек, длинный и с выпирающими бедрами. На веревочке, обмотанной вокруг талии, – связка ключей.

* * *

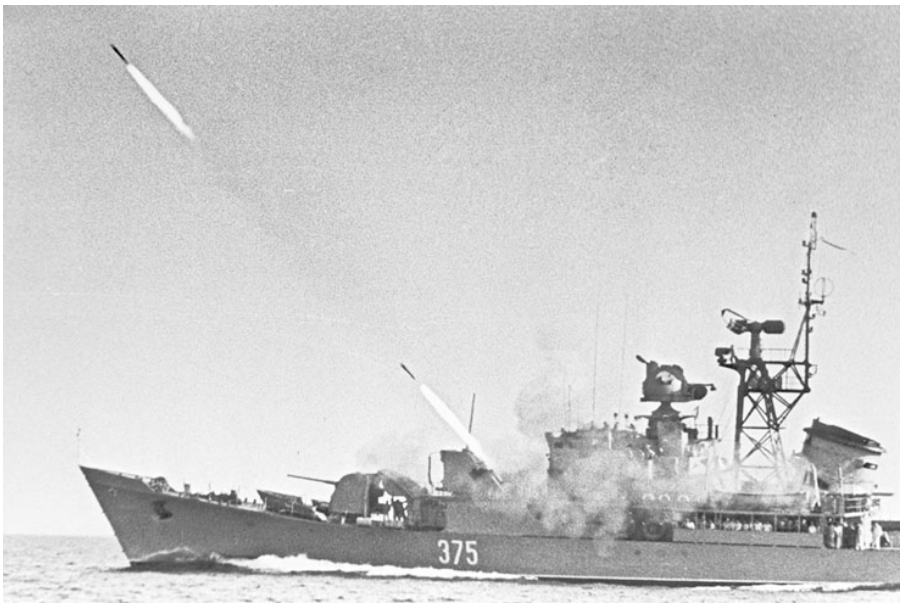
«Нас с вами постигла обоюдная русская судьба, Аркадий Макарович: вы не знаете, что делать, и я не знаю, что делать. Выскочи русский человек чуть-чуть из казенной, узаконенной для него обычаем колеи – и он сейчас же не знает, что делать. В колее все ясно: доход, чин, положение в свете, экипаж, визиты, служба, жена – а чуть что и – «что я такое?». Лист, гонимый ветром. Я не

знаю, что делать!»

Ф. М. Достоевский. «Подросток»

* * *

Картина, содержание которой заключается в рассказе о жизни города, на который уже сброшена атомная бомба. Она летит. Уже никто остановить ее не может. Тут стоп-кадр. Бомба замирает в кадре. И начинается история об этом городе и его жителях.



Военный корабль Камчатской флотилии Тихоокеанского флота. 70-е гг.

Молодые, старые, их отношения, конфликты, надежды, стремления, любовь… то есть все то, что не имеет уже никакого смысла, когда летит бомба.

Кончается тем, что бомба продолжает лететь.

Далее следует несколько глав, которые имеют своей целью восполнить отсутствие дневниковых записей в последние месяцы моей службы на Камчатке и естественным образом исчерпать «армейский период» моей биографии, по крайней мере в рамках этой книги.

Третья причина прервать киносеанс

На мой взгляд, мне удалось совершенно слиться с моими товарищами по службе. То есть там не было ни писательского сына, ни московского артиста, ни молодого режиссера, начинающего свой первый большой фильм, и так далее. Я был сначала просто матросом, потом старшим матросом, потом старшиной второй статьи, а потом и первой. (Вообще, закончил я свою службу главстаршиной, хотя настаивать на этом не вполне корректно, потому что «по гамбургскому счету» закончил я срочную службу старшиной первой статьи, а главстаршину мне присвоил командующий Балтийским флотом уже много лет спустя, так что звание это… оно хоть и почетно, но абсолютно незаслуженно, по той именно причине, что всего лишь «почетно». А главстаршина – это столь уважаемый ранг, что облеченный им моряк может решать на корабле вопросы оперативнее, а зачастую и справедливее, чем сам командир корабля. Это то, что называется «слуга царю, отец солдатам».)

Но мы отвлеклись. Как известно, в армии есть две причины, по которым можно прервать киносеанс: боевая тревога и привоз свежего хлеба. Если случается то или иное происшествие, киносеанс прерывается на то время, пока не будет отменена тревога либо разгружен хлеб.

Так вот, я уходил из своего экипажа на дембель как раз во время киносеанса, и не просто киносеанса, а ребята смотрели «Бриллиантовую руку», которую прервать было бы просто преступлением. Но, когда я уже был готов отправиться в аэропорт и находился практически «одной ногой» за КПП, кто-то из мичманов задержал меня и попросил подождать. Времени у меня еще немного было…

И вот буквально через несколько минут меня окружили мои сослуживцы, которые специально, чтобы со мной попрощаться, прервали киносеанс! На моей памяти это был единственный раз, когда показ фильма прервали не по одной из двух причин, о которых я говорил. Это было невероятно трогательно и так по-товарищески, что запомнилось мне на всю жизнь. И, думаю, это было главным моим достижением в армии – выше и важнее всех знаков отличия и воинских званий. Потому что именно эти отношения симулировать невозможно: они либо есть, либо их нет.

Служба на Камчатке была и до сих пор остается одним из самых счастливых времен моей жизни.

Знаете, многие будут смеяться или пожимать плечами, но в ответственной несвободе есть тоже особая прелесть. В армии я научился терпению, научился доходить до конца во всем, что начинаю.

Да и масштаб своей страны, я убежден, нужно ощущать физиологически, а не только водя пальцем по карте или глядя в маленький иллюминатор самолета.

Армия, прежде всего, меня научила тому, что в любой ситуации нельзя опускать руки. К примеру, я люблю комфорт. Но, отслужив свое на Тихоокеанском флоте, точно знаю, если прижмет – могу спать сидя, стоя, могу есть любую гадость, могу вообще не есть. Жизнь надо принимать как данность, тогда будет легче…

> Армия меня научила тому, что в любой ситуации нельзя опускать руки. Я всегда считал, что любой мужчина, который хочет продолжать жить в нашей стране, должен пройти армию.

После двух высших образований я отслужил сколько положено на флоте, на Тихом океане. В свое время циркулировали различные слухи о том, что отец как-то в этом участвовал. Все это неправда (он даже понятия не имел, куда я отправлен служить – до тех пор, пока мне не разрешили писать письма из учебки).

Правда же в том, что когда-то отец сказал мне, а еще раньше ему – его отец: «Михалковы на службу не напрашиваются, от службы не отказываются». Это очень точно. Фактически это присяга. Ты должен всю жизнь соответствовать этому нравственному знаку… И через много лет, действительно, именно я «помог» своему сыну Степану оказаться на Дальнем Востоке в морских погранцах на три года.

Старшина 1-й статьи Никита Михалков. 1973 год

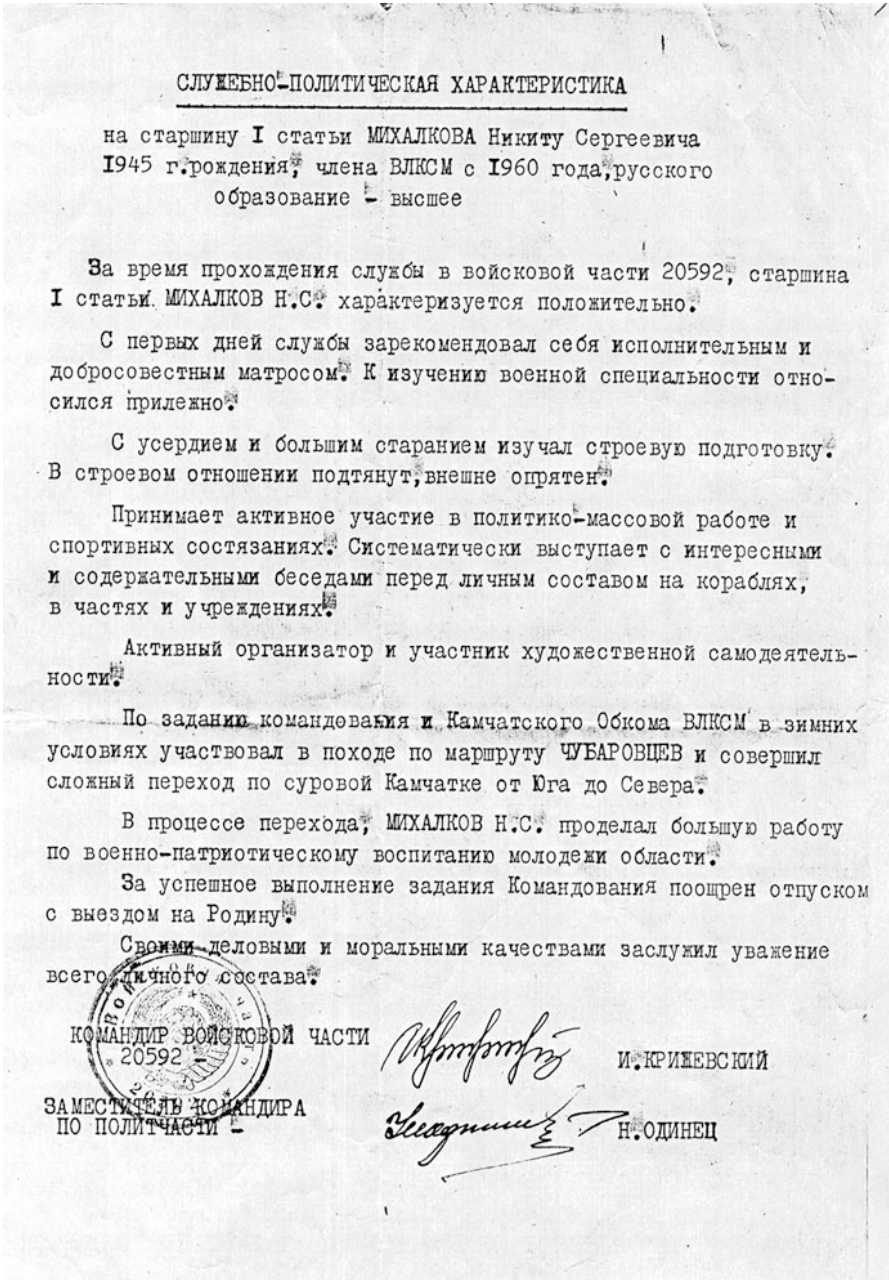
Я всегда считал, что любой мужчина, который хочет продолжать жить в нашей стране, должен пройти армию. Речь здесь даже не о том, что его должны там воспитать, дисциплинировать, – просто дело в том, что армия всегда была для России не столько средством нападения и защиты, сколько образом жизни. И недаром малолетние великие князья ходили в мундирчиках тех или иных полков, а потом, повзрослев, становились их покровителями.

> Мне удалось совершенно слиться с моими товарищами по службе, там не было ни писательского сына, ни московского артиста, ни молодого режиссера, начинающего свой первый большой фильм.

Для меня возможность прикоснуться к этому – во многом вещь символическая, метафизическая…

Полет второй и заключительный

Моя служба была словно обрамлена двумя рисковыми, практически сюрреалистическими авиаполетами, о первом из которых, то есть о рейсе из Москвы в Елизово, я уже рассказал. Удивительно, но оба перелета представляли в общем схожие истории, только с разнокалиберными участниками. И теперь – черед второй истории.



СЛУЖЕБНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на старшину I статьи МИХАЛКОВА Никиту Сергеевича
1945 г.рождения, члена ВЛКСМ с 1960 года, русского
образование - высшее

За время прохождения службы в войсковой части 20592, старшина I статьи МИХАЛКОВ Н.С. характеризуется положительно.

С первых дней службы зарекомендовал себя исполнительным и добросовестным матросом. К изучению военной специальности относился прилежно.

С усердием и большим старанием изучал строевую подготовку. В строевом отношении подтянут, внешне опрятен.

Принимает активное участие в политико-массовой работе и спортивных состязаниях. Систематически выступает с интересными и содержательными беседами перед личным составом на кораблях, в частях и учреждениях.

Активный организатор и участник художественной самодеятельности.

По заданию командования и Камчатского Обкома ВЛКСМ в зимних условиях участвовал в походе по маршруту ЧУБАРОВЦЕВ и совершил сложный переход по суровой Камчатке от Юга до Севера.

В процессе перехода, МИХАЛКОВ Н.С. проделал большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи области.

За успешное выполнение задания Командования поощрен отпуском с выездом на Родину.

Своими деловыми и моральными качествами заслужил уважение всего личного состава.

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 20592 — И.КРИЖЕВСКИЙ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ПО ПОЛИТЧАСТИ — Н.ОДИНЕЦ

Я летел в Москву по обычному, самому дешевому билету, который полагался матросам срочной службы. Но начальник аэропорта Елизово, с которым мы давно были знакомы, так как во время экспедиции я не раз оказывались в елизовском аэропорту, узнал, что я улетаю, и решил сделать мне подарок. Вручил мне билет первого класса. Точнее, купон с номером места в первом классе, который располагался тогда в хвосте самолета «Ил-18»,

подальше от шумящих винтов. Была у меня с собой фляжечка со спиртом, и я уже предвкушал, как славно в первом классе проведу эту «хренову тучу» часов с теми же посадками.

И вот, кажется, пора бы уже отгонять трап, но тут – шум, уверенные, хорошо поставленные голоса, и в первый класс мой вваливается человек семь высших морских офицеров во главе с контр-адмиралом! Ординарцы с туго набитыми портфелями, из которых доносится такой знакомый глухой перезвон бутылочного стекла. Затарились качественно, на длинный полет.

Часть оказалась провожающими. Контр-адмирал с небольшой свитой летит в Москву по казенной надобности – ситуация предельно ясная. Для меня. Но они с легким изумлением обнаружили рядом с собой в первом классе матроса срочной службы. Хотя и старшину первой статьи. Ну, видно, как-то объяснили это для себя – мало ли, может, со спецзаданием летит, кто его знает? Но продолжали настороженно коситься. Думаю: ну все, трендец! Какая уж там выпивка, какой покой… Может, мне обратно попроситься пересесть или просто подальше отсесть на свободное место? Пока я напряженно размышлял, мы взлетели.

По уставу, находясь в общественном месте, при появлении старшего по званию ты не обязан отдавать честь (то есть вскакивать, вытягиваться в струнку, козырять и гаркать «Здравия желаю!»), если это не твой непосредственный начальник. Поэтому я контр-адмиралу только кивнул – мол, «здрасте, товарищ контр-адмирал». Тот удивленно вскинул брови: «А, матрос, привет. В Москву?» – «Так точно, – говорю, – в Москву». Что ж, полетели…

Проходит какое-то время – за столиком у адмирала там какие-то бумаги, то да се, обсуждение, подписи, пятое-десятое, но в воздухе уже витает предвкушение встрехи с Бахусом, и адмирал дает своим команду: давай, мол, накрывай. Тут и стюардесса подбегает, предлагает сервис. Но у них свои закуски были – там и рыбка-кижуч, и икорка, да все было, в общем.

Я сижу в углу, смотрю в иллюминатор. Они начинают разливать, и адмирал меня спрашивает:

– Старшина, будешь?

Я говорю:

– Нет, спасибо, товарищ адмирал.

Думаю, не хватало еще мне загудеть с ними.

Выпили они по чарке. Потом по второй и по третьей… И адмирал снова мне:

– Ну ладно, старшина! Ты чего, правда не пьешь, что ли?

– Почему? Выпиваю, ну…

– Ну так что ты? Не выпьешь?

Я тихо говорю:

– Товарищ адмирал, если это приказ…

– Приказ!

Ну и пошло. Они сесть поближе меня пригласили… «Что ты? Кто ты?» Я о себе рассказал. «О! Артист?!.. Режиссер?» И покатилось – ля-ля тополя!.. Первое же приземление – адмирал в кусках.

Выходит он из самолета, я как бы сопровождаю потихоньку. Адъютанты пытаются его остановить – мол, давай пересидим… Но адмирал сказал им:

– Нет! Я с матросом пойду! Пойдем, Михалков!

Взял под руку меня, и мы пошли. Так через все поле и дошли до аэропорта, до VIP-зоны. Тут он сказал: «Ты здесь подожди», и вошел туда. То ли не хотел, чтобы меня кто-то с ним там видел, то ли еще что, но остался я за дверью. И с ужасом стал размышлять: самолет-то стоять будет целый час, и не дай бог появится патруль, а я нетрезвый, хоть и стою на ногах твердо. Что же тогда? Как искать адмирала? Кричать ему в VIP-зону: «Помогите!» В общем, страшные картины проходили у меня перед глазами… Но через какое-то время адмирал вновь появился в дверях, уже с початой бутылкой коньяку в руках. Как ни в чем не бывало, он взял меня под руку, и мы направились к самолету. От автомобиля он снова отказался, и мы опять шли через все летное поле пешком. Видимо, ему хотелось подышать, «проветриться».

Короче говоря, на всех посадках я ждал адмирала возле VIPа, когда он выходил, опять его сопровождал, и мы снова пили… И так, планомерно нагружаясь, одолели весь путь и приземлились в аэропорту Москвы. Адмирала сгрузили в черную «Волгу», подъехавшую прямо к трапу. Тут же дематериализовались и его сопровождающие – кто-то уехал с ним, кто-то прыгнул в другую машину… И я, невероятно пьяный, – один в московском аэропорту, с ужасом осознающий одно, что, когда ты с адмиралом рядом, еще что-то можно «разрулить», но если сейчас меня остановит патруль, то это – конец! Приехав в Москву, оказаться на «губе»! Весь мой отпуск может улететь «коту под хвост»!

Да-да, это был еще не официальный дембель, а всего лишь отпуск. Правда, я его воспринимал уже как некий «отпуск-дембель». После него мне предстояло дослуживать что-то около месяца, но с согласия моего командира на Камчатке, чтобы обратно не мотаться, я мог дослужить в московском полуэкипаже и демобилизоваться оттуда.

«Ил-18» готовится к взлету с камчатского аэродрома

В общем, проявляя невероятные в столь пьяном виде чудеса осторожности, используя особенности аэровокзального ландшафта, прячась за толпой спешащих пассажиров и вращая головой на все 360 ˚С, я «огородами» добрался до такси. И вот – слава те, Господи! – я в салоне автомобиля, под защитой дверцы с кубиками и замечательной скорости на трассе!

Москва! Все! Дальше ехать некуда, Москва!..

Из первой же встретившейся телефонной будки я позвонил домой. Оказалось, мама в Доме литераторов. И я, как был, в военно-морской форме, на том же «моторе» приехал туда. Причем был еще довольно стеклянный, хотя не шатало, просто в самолете слишком много было выпито. Мама обрадовалась мне ужасно. Я застал ее в дубовом зале ресторана ЦДЛ.

– Что-то будешь?

– Да, – радостно отвечаю, – выпью коньяку.

Мне принесли коньяку. Не помню, почему его вдруг оказалось так много. Может быть, я так и заказал? Помню только, что из графинчика налился мне полный фужер. И я его на глазах изумленной мамы ахнул. Признаться, мне было уже все равно – что пить.

Наговорившись вдоволь с мамой, я сказал ей, что «скоро приду», и уехал в Дом кино. (О дальнейших моих приключениях в этот вечер смотри в книге «Территория моей любви» в главах о моей женитьбе на Татьяне. Поскольку они уже не имеют отношения к моей армейской службе, здесь я умолкаю.) Я словно с разбега нырнул с головой в мою «старую добрую» Москву и в еще такой новый для меня и такой желанный мир кино.

Записные книжки 1980–1993 гг.

О содержании дальнейших записных книжек (1980–1993) я уже говорил на последней станице предисловия. Здесь добавлю только то, что специально не классифицирую здесь их мозаичный, переливчатый состав, не раскладываю по тематическим полочкам… А, казалось бы, чего проще – здесь раздел «Синопсисы», там «Наблюдения», тут «Раздумья». И пошло-поехало – «Актерское мастерство», «Работа с оператором», «Пластические решения»… Через несколько страниц – «Советский сюр», дальше – «Наши за границей», потом – «Цитаты классиков»…

Нет! В записной книжке, как в жизни, одно перетекает в другое, и только в том случае, если не прокладывать резких границ и барьеров между частями единого живого целого, оно и останется целым и живым. Другими словами, останется дыхание жизни, пульсация времени и авторская, то есть моя, непредвзятость и искренность. Останется и это чудесное вечное перетекание боли в счастье, гнева в сострадание, радости в печаль, а созерцания в размышление. Ученичества – в мастерство, растерянности – в творчество… Разумеется, возможны и обратные перетекания, так до бесконечности.

Я специально не классифицирую. Многое в этих неявных связях между записями разных дней и лет, может быть, даже нельзя понять, а возможно лишь почувствовать, но *это* и есть самое главное, для чего снимаются фильмы и пишутся книги.

Эта ассоциативная архитектоника кажется мне абсолютно естественной, а как говаривал наш старшина Мишланов: «Что естественно, то не безобразно!»

Записные книжки 1980–1983 гг.

6. VIII.1980

Съемка Аннушки!
«Чего ты боишься?»
«Чего ты не любишь?»
«Что любишь?»
«Любишь ли брата?»
«За что?»
«Чего больше всего хочется?»
«Чего больше всего не хочется?»

(***Современный комментарий автора:*** *Это первый год, когда начал воплощаться замысел фильма «Анна от 6 до 18». Моей дочери Анне – 6 лет. И с этих пор раз в год, под объективом кинокамеры, я задавал дочери одни и те же пять вопросов: что ты любишь? что не любишь? чего боишься? чего ты больше всего хочешь? что, по-твоему, происходит вокруг тебя и в стране?..*

В промежутки между ее ответами я вмонтировал хроникальные кадры о том, что происходило в это время в стране… И сам не ожидал, что получится такой документ.

«Анна от 6 до 18» – очень беззащитная картина. Про нее можно сказать все что угодно, но одного у нее не отнимешь: тринадцать лет съемок. Тринадцать лет жизни растущей девочки в меняющейся стране.

Три вещи нельзя симулировать – любовь, темперамент и время…

Считаю, что это одна из самых серьезных моих картин. Никто не знал, чем это закончится, но я упорно каждый год задавал по пять вопросов своей дочери… и так с шести лет.

Надо сказать, были и драматические моменты, и даже опасные, потому как снимать кино на профессиональной аппаратуре без утвержденного сценария в то время было просто «чревато». А нужно было раздобыть коробку пленки, бесшумную аппаратуру, затем аппаратуру, чтобы записать звук, – все это надо было доставать через товарищей, которым тоже приходилось рисковать.

Никто не знает, сколько проживет. Но мне казалось, что если есть какая-то реальная ценность в жизни, то ценность эта – потраченное время.

И вот росла девочка. И какие же невероятные события послал

нам Господь за это время! Когда я начинал снимать кино, не мог представить, что через десять лет будут отворачивать головы памятникам, а перед этим случатся подряд три смерти генсеков. («Пятилетку – в три гроба», – как заметил мой отец.) И каждый год Анна, воспитанная в пионерских традициях, говорила: «Я хочу, чтобы новый руководитель коммунистической партии…» – и далее шло клише.

С дочерью Аней (кадр из фильма «Анна от 6 до 18»)

«Анна от 6 до 18» – очень беззащитная картина. Про нее можно сказать все что угодно, но одного у нее не отнимешь: тринадцать лет съемок.

И вот эта девочка, которая воспитана в границах этого бессменного лекала, зажата и боится неправильно ответить, и страшно мучается оттого, что если она неправильно ответит, то ее будут ругать (этот школьный комплекс действительно был в Ане), вдруг вырастает совершенно другим человеком…

А ведь все это было снято совершенно спонтанно. И между Аниными фрагментами поставлена хроника – так мой фильм стал вполне объективным, что редко в искусстве случается, свидетелем жизни страны.

Тем не менее картина в целом несколько тенденциозна, но это моя картина, моя точка зрения. А если у кого-то есть другая точка

зрения, могу дать простой совет: растите дочь и двенадцать лет снимайте ее.

Впоследствии я снял и с Надей то же самое. Но это другая история.

* * *

Госпиталь. Нагая женщина в объятиях человека (раненого) с перебинтованными руками.

(Может быть, для «Террориста»)

* * *

Командировочный на карусели уличной.
Рядом – пьяный на той же карусели.

* * *

Парикмахерская в провинциальном городишке, на первом этаже. Окошко выходит во двор. Человек, у которого друг работает в этой парикмахерской, сунул лицо в окошко. Он торопится, и друг-парикмахер над подоконником бреет его или одеколонит.

* * *

Двое разговаривают в кабине «Урала». Долго все это длится. Потом отъезд камеры. Оказывается, их везут на железнодорожной платформе.

* * *

Автобус «Ж» и «М» – уборные на ходу. Замечательно увезли человека на горшке.

* * *

В рассказ: о том, что счастье – это лежать на темных досках у

тихой воды под нежарким солнцем. В этом есть какое-то предчувствие – манящее, покойное. Ощущаешь свое место в пространстве. Полноту его, закономерность.

* * *

За суетой жизни тянется, как неминуемое следствие, суета в творчестве. Уходит тщательность, подробность. Как же об этом важно думать!

* * *

Для сценария «Дачи»

Не перескочить из своей жизни в какую-то другую, не перескочить. Она одна-единственная.

Можно осенью одеться легко и красиво, но будет холодно.

Можно весною одеться тепло, будет жарко.

Можно обманывать и притворяться, ловить момент и самоутверждаться, но все это будет вне истины.

> За суетой жизни тянется, как неминуемое следствие, суета в творчестве.

* * *

Плоскостопие танцующей манекенщицы.

* * *

Литератор женщине: «Мне легче написать две страницы, чем удовлетворить твои животные инстинкты».

* * *

«Я прочла всего Золя, всего Мопассана, но такого не подозревала!» (после пистона)

* * *

Как же трудно вырваться из рабства собственных окаменевших представлений о мире! И как из-за этого трудно людям договариваться».

* * *

– А сколько тебе было лет, когда ты перестала быть девушкой?

– Пятнадцать.

– А тебе доставило это радость?

Пауза.

– Нет.

– Ты его любила?

– Нет. Просто я знала, еще до этого, что это… радость. А потом…

И заплакала.

* * *

Боже праведный! Что же это за несчастные люди – средние инженеры, представления не имеющие об истинном своем положении. Лишены всякой информации, кругозора, свободы мысли и чувства. Мучающиеся поиском ответов на глобальные вопросы, а ответов этих им взять негде, не у кого. Питаются слухами, сами их выдумывают и долго ими живут. (Все это так и просвечивало сквозь наивный и плоский капустник «Южмаша».)

* * *

Совершенно опустошенные интеллигенты-технари. Пьют, вслух читают Пушкина. При этом забывают и путают слова. Чуть что – сразу же втягивают Александра Сергеевича в разговор.

При этом опустошение, тоска, а в общем-то, и бездуховность ужасные.

* * *

– Там он у себя мужчина, грузин! А тут никто.

* * *

Вязаная фата! Вообще вязаное подвенечное платье.

* * *

Сельский махон, который в большом городе находился по музеям и выставкам, а потом своим односельчанам рассказывает (и показывает!) подробно, что изображено на картине или в скульптуре.

* * *

В ресторане человек заказал оркестру куплет из гимна Советского Союза. Встал в середине зала и спокойно, громко пропел весь куплет «старого гимна».

«Нас вырастил Сталин…» и так далее. Потом с достоинством ушел из ресторана.

* * *

Красивая пепельница в женских руках с длинными ухоженными ногтями.

* * *

«Главное, чтобы глаза не были больше, чем рот».

* * *

Толстая унылая женщина в пальто на свадьбе. Уселась, смотрит на танцующих.

* * *

Как ни странно, у нас в кино выработался штамп одежды, неведомо откуда взявшийся, так как в магазине такого купить невозможно.

* * *

«…Ему даже было выгодно находиться в состоянии напряжения, так как это напряжение, сохраняя дистанцию между ними, помогало ему поддерживать в себе то чувство неприязни, при котором ему было легче постоянно чувствовать себя правым».

* * *

Это постепенно разъедающее чувство незаслуженной неоцененности. Оно всегда находит объяснение и оправдание всем поступкам, которые рождены этим чувством, хотя признаться себе в этом человек не может. Он ищет и находит все причины вне себя, вне своих комплексов.

Чувство это разъедает, тихо и страшно. Ужас в том, что человек не имеет сил видеть в себе свои комплексы. Это, в конечном счете, касается всего – и женщин, и работы, и каких-то ничтожных умений или неумений. Если такой человек выпивает, все это начинает лезть наружу, хочется быть выше ростом, уметь петь и танцевать, занимать собою все пространство. Есть в этом что-то болезненное, отчаянное и одинокое… Но человек начинает любить в себе это *прямое состояние*, потому что комплекс требует удовлетворения, а удовлетворение приходит с алкоголем.

Приходит снисходительность, смелость, ощущение, что все возможно и все безнаказанно.

> Совершенно опустошенные интеллигенты-технари. Пьют, вслух читают Пушкина. При этом опустошение, тоска, а в общем-то, и бездуховность ужасные.

* * *

Лежат в постели. Он говорит:

– Кажется, чайник на плите остался.

– Как?

– По-моему.

Она долго молчит, ждет, пока он сообразит встать, посмотреть. А он лежит, не шевелится. Долгая пауза. Наконец она не выдерживает, встает, направляется к двери.

Он тут же:

– Кстати, на обратном пути захвати, пожалуйста, с кухни бутылочку воды, она на столе стоит.

* * *

То, что есть в к/картине «Природа», – болезненная тяга пожилого человека к молодому телу. (Это необходимо в «Дачу» *как симптом.*)

* * *

В крытом кузове грузовика ночью едут двое. Рядом с ними какие-то вещи. Все довольно мирно и подробно. Осень, пар изо рта.

Машину начинает догонять другой грузовик. Где-то, может быть, на перекрестке, первая машина останавливается. За ней притормаживает и вторая. Ее фары освещают сидящих в кузове.

Долгая пауза. Потом, неизвестно откуда, тех в кузове ужасно расстреливают в свете фар.

* * *

Подробно снимать охоту. Скачем за зайцем (или еще за кем-то). Потом после долгого нагнетания – сама охота, то есть тот самый момент, ради которого день ходили.

Замечательнейшее по фактурам время – осень с первой порошей, черной водой и морозцем, тронувшим кромкой льда воду у берега.

* * *

Для беззащитного человека жизнь страшна и жестока. Зависть, бессмысленная злоба, ханжество, комплексы неполноценности… – все это правит миром, и швырнет порою человека так, что ему и предугадать невозможно. Человек, попавший в эти волны, обычно и представить не может, как действуют пружины, которые им крутят.

Впрочем, как правило, объяснение всех этих коллизий просто и даже весьма примитивно в их импульсах. Результат же бывает чудовищен.

Как важно не усыпляться, не успокаивать свое существо в момент относительного благополучия. Налетевший шквал может взломать, уничтожить ту основу, на которой человек держится.

Не усыпляться аплодисментами и быть самим собой!

* * *

История советской проститутки, но в обратном порядке – из дня сегодняшнего в ее детство. (Нужна документальная основа!)

* * *

Застолье. Рядом – дети. Девочка приносит и показывает всем гостям игрушку, просит ее починить. Кто-то берется за это… Подробно снимать, как эту игрушку чинят, а параллельно происходят события, меняющие суть происходящего и проявляющие истинные связи в отношениях между людьми.

* * *

Пьеса в три акта. В первом садятся за стол. Пьют. Второй акт – новая стадия пьянства. Третий – последняя. И на каждой стадии происходят повороты в характерах, в отношениях между людьми, а как следствие – в сюжете. (Всплывает что-то старое, запретное, то, что должно быть давно забыто и движет всю историю вперед.)

* * *

Пронзительная история про «золотой диск» с пением птиц, шумом ветра, голосами людей, рокотом прибоя, заброшенный на самую границу Солнечной системы.

Астронавт с этим диском. Человек, добровольно улетевший с запасом продуктов на 30 лет.

Выясняется, что улетел навсегда. И как он, выходя на связь с Землей, общается с землянами в первые дни и месяцы, и как – потом.

* * *

По снежной полевой тропинке идет человек, к нему пристает молоденькая охотничья собака. Человек в шляпе и в пальто, вообще – вида не раз…айского. Руки в карманах пальто.

* * *

Семья академика. Два сына: одному сорок, второму тридцать

два. Старший женат на женщине, которой тоже 32. Младший женат на «девушке», которая на 17 лет его старше. Она – диктор телевидения, и у нее две дочери от первого брака: старшей – 30 лет, младшей – 22 года.

Сам же академик тоже принимает решение жениться. Его невесте всего 45. У нее – сын лет двадцати.

> Как ушло бесследно это чувство счастья настоящего в счастье предвкушения будущего? Чем постепенно заглушились внутри эти замечательные струны детства?

И вот все вместе эти люди живут на академической даче.

Удивительно-запутанная может быть история!

* * *

Пронзительнейшее ощущение из детства. Когда только что проснулся летом. За окошком солнце раннее, птицы поют и впереди длинный-длинный день, полный необыкновенных радостей: и купание, и велосипед, и ребята, и футбол вечером, и невыразимая свобода…

Как ушло бесследно это чувство счастья настоящего в счастье предвкушения будущего? Чем постепенно заглушились внутри эти замечательные струны детства? Куда это все ушло? Кому досталось? Что внутри сохранилось еще? И сохранилось ли?

* * *

История про человека, который «всегда говорит правду», – про его гнусность, и про позерство, и про итоговую ложь!

Замечательно, если окажется, что ему вообще изначально не верили. Просто слушали и думали, что он оригинал.

* * *

Покадрово снимать, как начинают оттаивать окна у заснеженной машины.

> Как важно не усыпляться, не успокаивать свое существо в момент относительного благополучия.

* * *

Для «Дачи».

Две старушки только что закончили стегать одеяло. Потом одна ложится на кровать, начинает его «примерять». Потом ложится и вторая… Сами не заметили, как в разговоре переехали на воспоминания, чувственные, трогательные.

(*Воплощено в «Утомленных солнцем» (1995). –* ***Современный комментарий автора.***)

* * *

Чем длиннее статичный общий план, тем большим ударом должна быть врезка.

* * *

Если в одном кадре совмещены более общий план и менее, но тоже общий, фокус должен быть на том, что ближе. Иначе сильно раздражает.

Вообще, более плоскостно такой кадр нужно строить. Лучше же – большая перемена крупностей с переводом фокуса.

* * *

Люся Гурченко нашла у дочки Маши стопку листков с начатыми письмами: «Дорогой Вася!», «Дорогой Сережа!», «Дорогой Кирилл!» и все, дальше ни строчки.

Замечательный характер!

* * *

Люся и Леля, мама Люсина, отправили Костю (*муж Людмилы Гурченко. –* ***Современный комментарий автора***) в баню вместе с женихом Маши, чтобы Костя посмотрел, что у него там в промежности.

Но так сложились обстоятельства, что Костя с юношей в баню не попал. Тогда послали его в магазин, когда жених собирался купить костюм.

– Ну, что же я там увижу? – сетовал Костя. – Он же будет в

трусах.

– Иди, а вдруг!

* * *

Люся будит среди ночи маму и отправляет ее жарить картошку. Та, сонная, стоит у плиты. Нажарила…

И Люся уже спит, но во сне ест.

* * *

Финал «Дачи», когда двое этих людей лежат, обнявшись, после пронзительного объяснения, а по радио… идет передача «Голоса Америки». Тупая пропаганда на фоне простых и пронзительных человеческих чувств, в том числе и чувства родины – к которому то, что льется из радиоприемника, не имеет никакого отношения!

* * *

> Очень подробно проследить жизнь нашего героя в «Даче», его отношения с вещами. Прошлогодние, забытые вещи. Пыль, мухи, бабочки, забытая чашечка на подоконнике…
>
> *(«Дача»)*

* * *

Фотографии старые в «Даче». Через них – жизнь жены, ее детство, родители молодые. И еще что-то, напоминающее о тех временах, довоенных и после… Что-то из воспоминаний. Далекое, печальное, светлое.

* * *

Молодая мама жены – то, из чего получилась эта вздорная старушка.

* * *

Никто из получивших Госпремию (кроме казахов) не испытал простого, обыкновенного чувства радости («Я это сделал и за это получил награду»). Ибо тех, кто эту награду присуждает и вручает, не уважают. И все понимают, по какой причине наградили этого, а не того. И уж совсем не потому, что он талантливее.

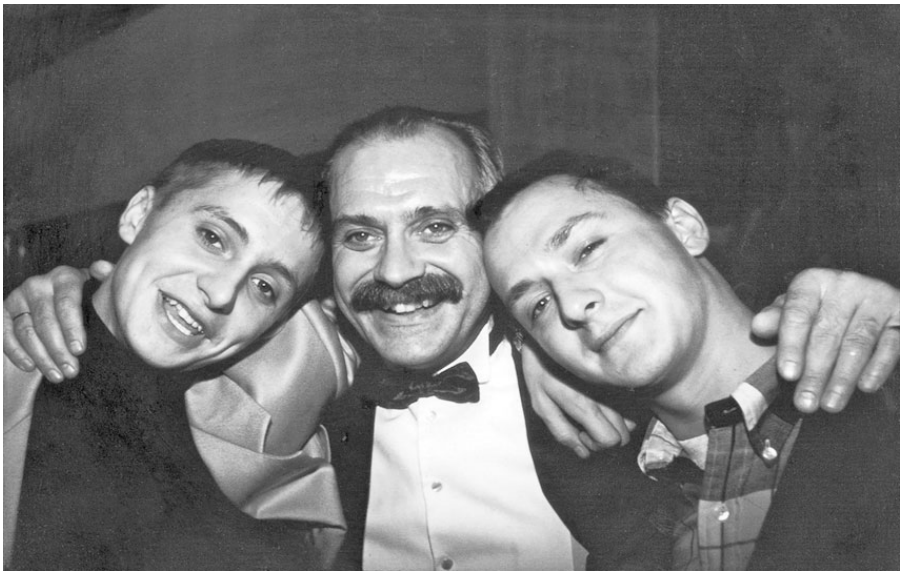
Поэтому одни из награжденных испытывают только чувство самоутверждения и злорадства, что обскакали собратьев, иные же как бы стыдятся наград и перед всеми заискивают, но нет того естественного человеческого чувства радости от признания коллегами и обществом своей творческой победы.

* * *

Ночь, дача, зима… Выслеживающий неспящих юнцов здоровенный мужик, в течение сорока минут простоявший в темноте, слушая, как его сыновья себя ведут.

* * *

В «Даче» должен быть очень важный и пронзительный рассказ о чьей-то конкретной исторической судьбе. Чтобы главный герой о чем-то рассказал молодым, ничего еще про это не знающим. И чтобы до слез было трогательно – и для рассказчика, и для слушателей.



С сыновьями – Темой и Степой

Никто из получивших Госпремию (кроме казахов) не испытал простого, обыкновенного чувства радости.

* * *

Доктор-отоларинголог, этакая вечно бодрая неудачница. Ее когда-то несправедливо (или справедливо?) обидели, и вот она с того момента ищет правду. Ищет бодро, настойчиво, ни на секунду не теряя надежды. Только этим уже и живет. Только об этом и говорит, обсуждая со всеми своими друзьями и пациентами.

Проходит много лет. Все уже в возрасте, и она в том числе, но жизнь ее так и зациклилась на этом случае.

– Вот теперь быстренько напишу на секретариат XXVI съезда… Если через две недели не ответят, уже напишу поострее! – И все это ковыряясь в чьей-то носоглотке.

* * *

Для выражения определенного характера.

Здоровенный наглый бармен, строящий из себя знатока психологии и душу общества, говорит про Жванецкого: «Нет, он все-таки умничка!»

* * *

Для «Одинокого охотника» – пробег героя мимо железнодорожного полотна у насыпи, за которой показываются купола Новодевичьего монастыря. Режим, пусто, рассвет…

(*Хоть тогда, в 1980 году, я и собирался снимать «Одинокого охотника» сам, только через восемь лет сценарий, написанный мной в соавторстве с Александром Адабашьяном и Виктором Мережко, был реализован на студии «Грузия-фильм» режиссером Кетеван Долидзе. –* ***Современный комментарий автора.***)

* * *

Провинциальный автобус. В нем, на сиденье рядом, – он и она, оба «не первой свежести». Сидят очень гордые и напряженные, въезжая в большой город.

* * *

Для «Дачи».

– У тебя здесь прошло все детство. Это все твое, родное. Все знакомо, все вызывает воспоминания. А для меня это все… чужое. У меня свое детство было, свои воспоминания, свое родное. Ты пойми, я уважаю все твое, но… не старайся сделать это родным для меня. Это невозможно. Наверное, то, что я говорю, раздражает, но пойми – я же не могу отказаться от своих воспоминаний, от того, что меня волнует. Наверное, нам просто нужно искать то, что одинаково волнует нас обоих?

* * *

Вечер памяти Михаила Ильича Ромма.

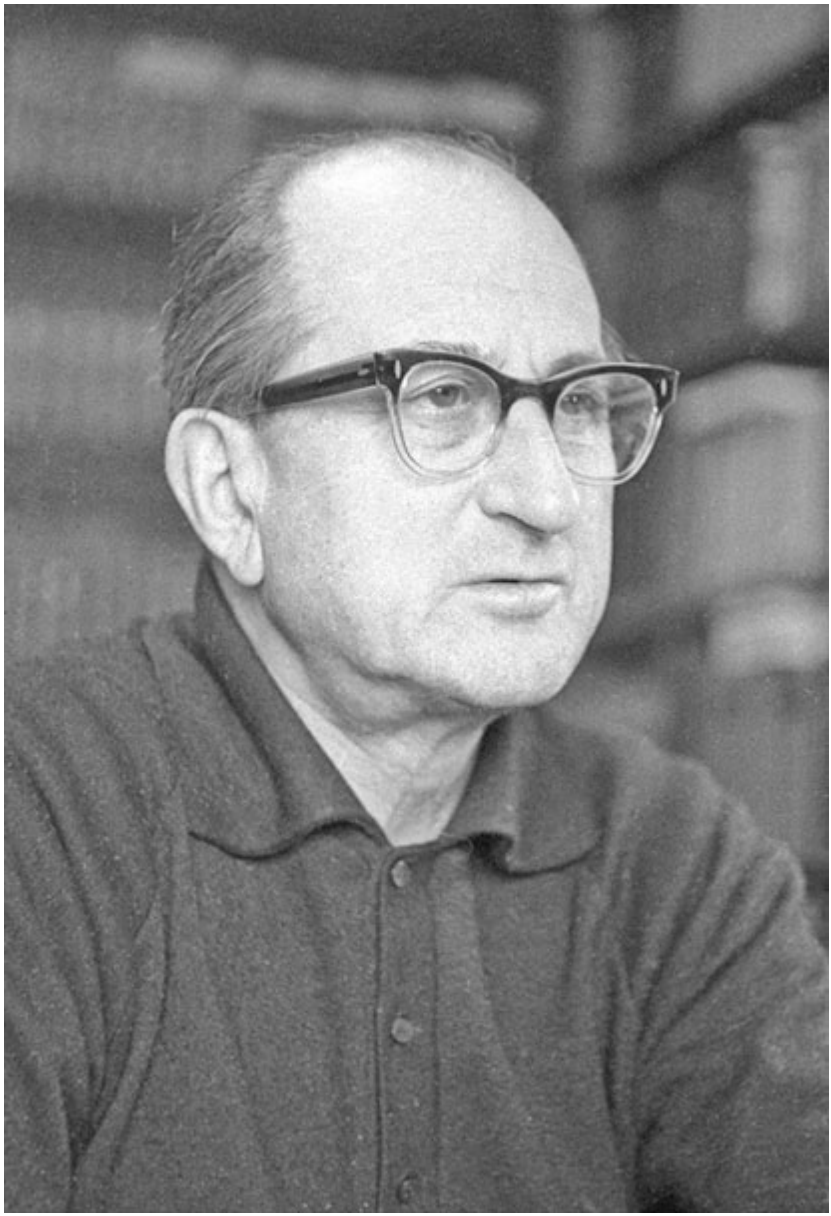
…Совершенно чуждое биополе зала. Зал просто раздавил меня своей враждебностью, еностью. Я чувствовал, что становлюсь зависим от него, от его респектабельности, уверенной организованности, роскоши.

(Определение «еные», «еность» ввел в обиход нашего круга писатель, литературовед, автор исторических романов Олег Николаевич Михайлов. «Еные» обозначало для своих определенную, настроенную либерально (в плохом значении этого слова), антигосударственно и русофобски часть «советской

*интеллигенции», преимущественно с еврейскими корнями. – **Современный комментарий автора**.)*

Володин умудрился в выступлении о Ромме пересказать сюжеты одного своего сценария, двух пьес и еще раз напомнить, что его не печатают и не ставят (что, конечно же, не соответствовало – в то время по его сценариям выходило по два фильма в год).

Нужно было мне сказать: «Тут все так респектабельно, чинно, интеллигентно, говорят умные люди, и еще многие будут говорить и о Михаиле Ромме, и о себе. Вот Володин в коротком своем выступлении умудрился рассказать о себе много такого, чего я, например, и не знал. Но все-таки чем же для нас для всех был Михаил Ильич Ромм? И для всех, и для каждого в отдельности?



Михаил Ильич Ромм

Думаю, что о том, кем он был для всех, уже многое написано в книгах, статьях, воспоминаниях, а вот кем он был для каждого из нас, знает только каждый из нас. Я думаю, что лучшей памятью для Михаила Ильича будет, если мы просто на мгновение задумаемся и вспомним, кем же был он для каждого из нас. Прошу всех встать!.. Прошу садиться. (*И дальше – уже обращаясь к портрету М. И. Ромма.*) Дорогой Михаил Ильич, вы учили нас, своих учеников, не бояться зрителя, обращаться с ним так, как

обращается акушерка с новорожденным. А она опускает его то в холодную воду, то в горячую, а в промежутках бьет по попке.

Спасибо вам за то, что вы научили нас этому. Не всегда у нас это получается, но иногда все же выходит!

Спасибо за внимание!»

Вот что нужно было сделать, а я, му…к, нес какие-то общие места!

* * *

Человек в чистом поле стоит по стойке «смирно». Смотрит в небо – облака бегут, луна светит.

«Я смотрю на луну, я вижу облака, я слышу ветер, я его ощущаю лицом. Бегут мгновения, минуты. Вот сейчас, сию секунду, уже убежала секунда. Как же оказывается все это во мне, в том, что *я есть*?!.. Какое оно, это *я*? И как связано с этими облаками, с ветром, с луною? Что я был? Что я сейчас, в это мгновение? Чем буду?..»

Это может быть перед финалом «Дачи».

* * *

Очень долгий крупный план человека, ведущего машину. Постепенно глаза его наполняются слезами… – пошло действие.

> Под каждой маленькой правдой о самих себе, в которой мы себе признаемся, кроется море лжи новой – той лжи, которой мы оправдываем для себя эту всплывшую вдруг правду.
>
> Дорогой Михаил Ильич, вы учили нас, своих учеников, не бояться зрителя, обращаться с ним так, как обращается акушерка с новорожденным. А она опускает его то в холодную воду, то в горячую, а в промежутках бьет по попке.

* * *

В панораме, в длинном куске с внутрикадровым монтажом, чем дальше идет сцена, тем более важно «открытие», которое сделает зритель, поняв, почему же так долго шло одним куском.

* * *

Драку в «Одиноком охотнике» снимать через ветровое стекло в свете фар. Хулиганы то исчезают во тьме, то вытаскивают его (*главного героя*) на свет фар. Потом он (*герой*) пропал. Пауза поиска…

Машина вертится, выхватывая фарами кусты, дорогу, лес и так далее. Пошел дождь. Включили «дворники». Поехали…

Он стоит впереди, посредине дороги. Едва успевают затормозить. Он говорит им, что ждет их завтра тогда-то и там-то.

* * *

Длинный кадр так и остается просто длинным кадром, если в нем нет упругости. Для движения на общем плане нужна чувственная необходимость. Необходим точный отбор в этом движении. Необходимо напряжение. Это касается и камеры, и внутрикадрового монтажа. Только *ЭТО* и обязательно!

* * *

Болото болезни с кочками надежды. Чем чаще попадаются кочки, тем быстрее кончается болезнь.

* * *

История для кино: поединок больного с врачом.

Или просто подробная история одного выздоровления. Когда общеизвестные «ценности жизни» постепенно сужаются до невосстановимой деформации. Когда отлетает все: самоутверждение, гордыня, желание кем-то казаться, хорошо выглядеть… – все это исчезает, и приходят ценности, о которых не догадываешься, пока здоров.

Замечательное движение к простоте и обнажению.

* * *

Под каждой маленькой правдой о самих себе, в которой мы себе признаемся, кроется море лжи новой – той лжи, которой мы оправдываем для себя эту всплывшую вдруг правду. «Да, это

правда про меня, но раз я это сам понимаю, значит я не такой уж плохой. Вот смотрите, я и то сделал такому-то, и там был на высоте…» И так бесконечно, пока не залечится это сосущее ощущение неприятной обнаженности правды собственного несовершенства.

* * *

Как жутко! В жизни поразительно все рядом, и в самом человеке тоже. Все в одной горсти.

* * *

Либо пристальный взгляд и анализ через статическое внедрение и постижение, либо беглость щедрейшая. Возможность пропускать мимоходом то, что уж обязательно бы (при ином методе) обсасывалось досконально. Но и тут, и там заинтересованность и конкретность. Самое же главное – отсутствие «общих мест», принятого халтурщиками «вообще».

* * *

«Концерт по заявкам» – забавная вещь. Кто-то кому-то заказывает пьесу Бетховена «К Элизе». Между этим заказом и его исполнением бог знает сколько времени проходит. И вот играют эту самую «К Элизе», а тот, кому заказывали, уже может быть где угодно: в очереди давиться или му…к му…ком сидеть в пивной – глядеть, как по лужам капли лупят…

Либо пристальный взгляд и анализ через статическое внедрение и постижение, либо беглость щедрейшая.

* * *

Идет пьеса. Актеры играют что-то «политически грамотное», и вдруг один из них останавливается и говорит, что не может больше врать!.. То, что произошло в реальности со Збышеком Цибульским. Перенасыщение ложью.

Он захлебнулся от невозможности адаптироваться к этому миру, «переварить» себя в нем.

Польский актер Збигнев Цибульский

* * *

Если хочешь подчеркнуть длину куска и нагнетать напряжение через это, не прибегай к внутрикадровому монтажу с большим перепадом крупностей! Смена крупности может читаться как «чистая» склейка!

* * *

Происходит какая-то бешеная деятельность – что-то пишут, исследуют в области искусства, кино, какая-то возня самоутверждений бессмысленная, вязкая, безответственная, ни к чему не обязывающая! Ибо никто и никак за слова свои не отвечает.

* * *

К «шифрованию пустоты» в театре и кино принуждает совершенное отсутствие возможности воплотить что-то

действительно истинное. То есть сделать его действительно истинным для всех!

* * *

Не ждать и не требовать результатов сиюсекундно!

* * *

Никогда не начинать *делать*, пока не прочувствуешь до конца (!) состояние, атмосферу! Пока не польется само, естественным языком. Иначе это е…ная «кинорежиссура», «мастерство», этому можно зайца научить!

За пересказом сюжета теряется мир! А именно он, и только он – главное!

* * *

Это ж какая чудовищная силища сидит в недрах наших талантов, что почти полный идиотизм администрирования искусства не может до конца все из нашего творчества вытравить, что-то да проклюнется!

> К «шифрованию пустоты» в театре и кино принуждает совершенное отсутствие возможности воплотить что-то действительно истинное.

Все-таки основа всего – корни. То самое ощущение причастности. Без этого так может замотать по ветру, утомить, раздрызгать, что постепенно превратит жизнь в скороговорку пресных общих мест. То, что называется «как у людей».

* * *

Вот, скажем, певцы – Ротару, Готт, Лещенко… Приходя, они покоряют своей свежестью и новизной – уникальными голосами, оригинальной манерой. Постепенно же и голоса их, и манеры становятся для всех привычными, потом начинают уже надоедать потихоньку, и все, что казалось таким свежим с их приходом, становится вязким, обыденным и скучным. А они все поют, как старые птички. Повторяют отработанные жесты, улыбаются

«чарующе»…

Но главное – проникновения того нет. Может быть, просто оттого, что истинное, искреннее со временем переродилось в профессионализм и заменило живое лицо? Неужели невозможно это лицо сохранить живым? Ведь Шаляпин всегда был уникален.

Видимо, тут дело не столько в сменах жанра и разноцветии, сколько в личной упругости, напряжении внутреннем духовном, в вере и искренности, в постоянном открывании чего-то для себя самого!

* * *

Сказать так, между прочим, что будешь там-то, человеку, который обязательно станет там ждать, а самому практически через 3–4 минуты забыть об этом.

«Не очень помнить» роман такого-то писателя – априори, даже не прочтя и не подумав всерьез о работе над ним…

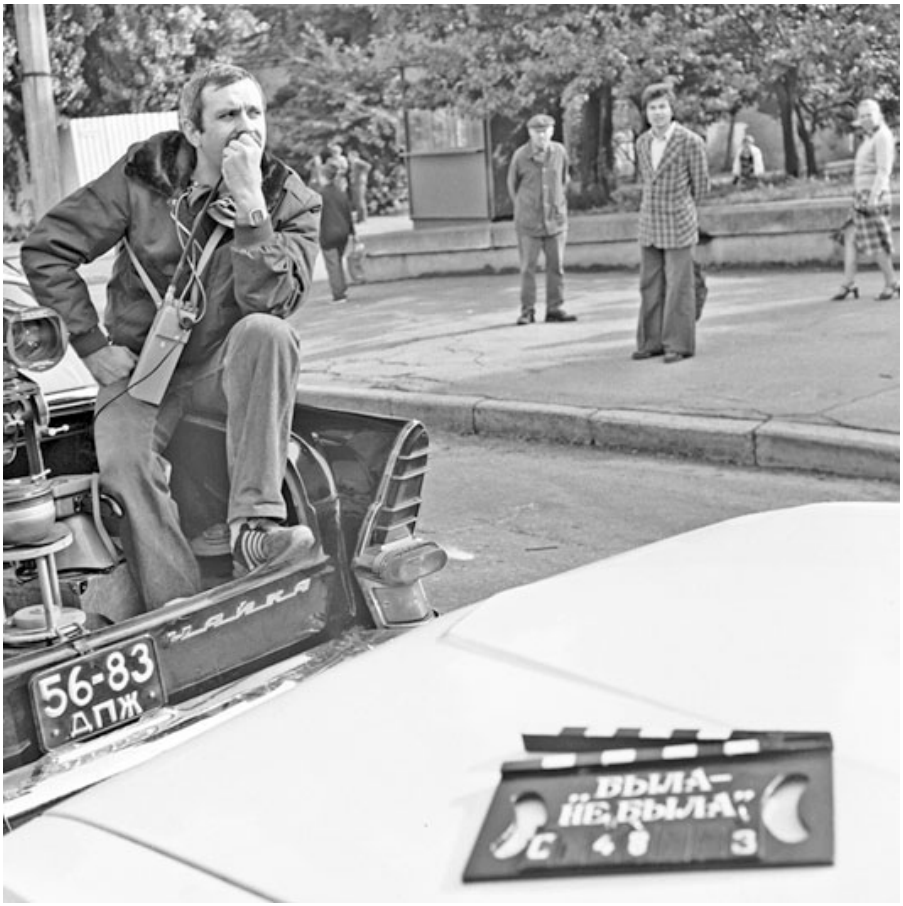
Во всем этом есть какая-то общая «легковесность», какая-то «утиность», что ли. Словно кости у нас внутри полые, как у водоплавающей птицы.

* * *

Почти по всей «Была – не была» возникало ощущение, что чего-то не хватает – самого малого, едва, казалось бы, заметного, но того, что рождает атмосферу той подлинности и единственности, делающими все пространство картины родным, всею кровью ощутимым.

Почти везде.

(«Была – не была» – первое, рабочее название фильма «Родня». – ***Современный комментарий автора****)*



На съемках картины «Родня» (рабочее название «Была – не была»), 1981

Это ж какая чудовищная силища сидит в недрах наших талантов, что почти полный идиотизм администрирования искусства не может до конца все из нашего творчества вытравить, что-то да проклюнется!

* * *

Танька собирается в Америку. Большой пустой чемодан…

Не знала, что я смотрю, ходит по квартире с чемоданом, вертит жопой, представляет себя за границей.

* * *

Старики. Всю жизнь собирали картины. Боялись, что их

ограбят, и поэтому держали их в банке. Потом решили все-таки на старости лет их посмотреть. Попросили вернуть их к ним домой.

Банк предложил в целях безопасности просто сделать из квартиры стариков «филиал банка». Вставили замки, шифродвери… И старики стали рабами этих замков, узниками своей квартиры-сейфа. Войти – нужно нажимать на кнопки, вспоминать и набирать цифры, говорить какие-то пароли в микрофон. Выйти – то же самое. Причем для того, чтобы войти, нужно, чтобы кто-то обязательно был дома… Какое уж там наслаждение искусством. Старики только и знают, что путаются в цифрах и последовательности всяческих манипуляций.

Финал может быть трагическим. Померли от того, что забыли коды, и никто не может к ним попасть.

* * *

Киномеханик в Советской миссии в ООН поет о родине. Шепелявит, пианино расстроено совершенно. Трогательно и убого.

* * *

Тов. Маяцкий (представитель Совэкспортфильма в Штатах) произнес: «Это сделано из пресс-маше». Думаю, что это сделано из шеф-папье.

* * *

Сами-то они живут совсем не той жизнью, которой живем мы. А хотят заставить нас усвоить именно те представления о жизни, которые и подарили им возможность жить так, как они живут.

* * *

Основная причина столь разветвленного нашего бюрократического аппарата – в желании разжижения ответственности. Чем больше инстанций, тем больше возможности перевалить с одних плеч на другие.

* * *

Ночной звонок. Ошибка. Опять и опять.

Она:

– Простите, это ошибается станция.

Он:

– Может быть, я могу вам помочь? Давайте я позвоню по тому телефону, который вам нужен, и передам, что вы хотите.

– Спасибо! Скажите, пожалуйста, Элге, что билет у меня на завтра на 8 часов в Ригу.

– А вы едете в Ригу?

– Да.

И так далее…

– Почему вы любите Ригу?

– Не знаю. Когда я была там в первый раз, очень давно, как только открыла дверь номера в гостинице, услышала голос: «Кто вы?» Не успела я ответить, как за меня ответил женский голос, и я поняла, что это радио: – «Я вдова полковника». – «А раньше?» – «Раньше я была женой полковника». – «А еще раньше?» – «Еще раньше я была невестой полковника». – «Ну, а еще раньше?» – «Я всегда любила полковника». Не знаю почему, мне так все это понравилось, что для меня Рига всегда – воспоминание об этой глупой передаче.

И далее – развитие отношений в этой романтической истории. Ревность по телефону, ссора и прочее…

* * *

Хурал Союза кинематографистов. Чухрай с трибуны, почти засыпая, несет какие-то прописные истины. В зале постепенно «вырубаются». Никто ничего не слушает, всем на все совершенно наплевать. Совершеннейшее презрение друг к другу.

И только какая-то, видимо, случайно попавшая сюда девушка с напряжением, серьезно слушает докладчика, пытаясь вникнуть в смысл мероприятия. Чистота, искренность молодости, не подточенной необходимостью выживать во что бы то ни стало за счет других.

* * *

Еврейская фармацевтическая свадьба с приглашением артистов.

Сестре жениха 14 лет. Акселератка. Без очков ничего не видит, но очков не носит – боится, что они ей не идут. Говорит какому-то бородатому еврею из гостей невесты томно:

– Увези меня отсюда, мне здесь скучно.

* * *

Для достижения той или иной атмосферы в компании нужно либо постоянно режиссировать, либо иметь изначальный заряд такой мощности, чтобы все входящие вне зависимости от того, кто или в каком настроении, попадали под общий гипноз этого импульса.

* * *

Среди весенних голых деревьев возле университета, глядя на пролетающие мимо машины, спустив на коленки гигантские байковые штаны, сидела по малой нужде баба. Никого живых вокруг ведь не было, а машины для нее были совершенно абстрактные, железные существа.

И то, что в округе на 20 км ^{2} нет туалета, и то, что проблема эта так вот решается – явления одного порядка.

* * *

Для «Дачи»: сцена где-то у речки, а вокруг гадость прошлогодних пикников. Разговор о том, что мы сами не жалеем ни земли нашей, ни себя, ни близких.

Не отсюда ли у немцев взялось: «Русские свиньи»?

* * *

Для «Дачи». Совсем простая история, где мы должны сказать об очень простых и обычных вещах, которые для нас, казалось бы, естественны и по вопросу, и по ответу сиюсекундному, но в то же время истинного ответа до сих пор нет.

Почему мы гадим на той земле, на которой живем?

Почему не понимаем, не чувствуем слабость, старость другого?

Сделать чувственной историю отца с сыном, которые в итоге

убирают берег реки, сжигают бумажки, закапывают в землю банки и осколки. Все это должно стать частью драматургии.

* * *

Ощущение «иностранца» на своей земле:

«Вы нам дайте вашу широту, свободу, нежность, простор, обаяние, наивность, доброту, а водку и закусь мы из «Березки» привезем».

* * *

Мальчик пытается, как потом выяснится, забросить мяч на крышу пятиэтажного дома. (Снимаем сверху.) Он колотит им в стену. Когда мяч попадает на крышу, мальчик думает уже, что от него избавился, но мячик все-таки медленно подкатывается к краю крыши и падает вниз, и мальчик, который уже уходил, возвращается. Снова начинает долбить мяч об стенку, наконец снова мяч попадает на крышу, и, радуясь, что от него избавился, мальчик уходит… но мяч опять возвращается, и мальчик начинает все сначала, пока вдруг не перебрасывает мяч через крышу вообще.

Подождал, подождал и, счастливый, побежал домой.

* * *

Полупустой бар. Пара, выясняющая отношения, при свечах…

На столе стоит свечка, которая вдруг начинает гореть всем фитилем, постепенно раздваиваясь. Разговор продолжается. Свеча распадается, потом ломается, потом гаснет. Темнота. И в темноте они целуются.

Открытый символ, возведенный в чувство и приведенный к чувству.

* * *

Необходимость сиюсекундного самоутверждения без всякой надежды на будущее.

* * *

Для «Дачи». О теще: «Неужели и эта женщина была любима и красива?..»

После истерики тещи ночью ему показалось, что она умерла. Но только показалось.

* * *

История про чтеца. Его день, перипетии, сложности – словом, все то, что наполняет нашу жизнь. А ответы на все он находит именно в стихах – в Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Блоке… Вот за рулем он мчится по Москве и начинает вдруг читать стихи, а в них – ответы на все. И в зависимости от стихотворения, то он мчится по улицам, то стоит и стоит на светофоре, не замечая, что уже – зеленый, а за ним собирается пробка, то разворачивается через две осевых.

Совершенно открытая форма общения со зрителем.

* * *

В современной картине, в «Даче», скажем, необходимо использовать классику. Допустим, Достоевского, в чистом виде. Кто-то кому-то читает вслух. А вот и реакция на это. Живая, пронзительная… Сила образов, ответы на вопросы.

Искать ответы в истории, в искусстве, в корнях! Они там есть, их только нужно хотеть видеть.

* * *

Для «Дачи». А что, если нашего героя («Палтуса») за что-то отпи…или? Скажем, решил он порядок навести на берегу, пристал к туристам. Короче, решил что-то делать, сам как-то начал действовать. И получил, но не успокоился.

* * *

«Дача» – это «Пианино» наоборот. То есть если Миша Платонов из ироничного, сильного, мощного превращается к финалу в тряпку, дрянь, то здесь «Палтус» из эдакой дряни постепенно возрождается в человека, сознающего свою ответственность, свое место, свою необходимость и свою надежду.

* * *

Разговор о важности: «Когда бьют, если нету этой «важности», – тебе просто больно, а тому, кто бьет, – приятно».

* * *

Радиотерапевтическое отделение. Сидят нянечки и сестра, а врач читает им вслух материалы съезда. А за занавеской – больной, ему делают массаж предстательной железы ультразвуком.

> «На земле жизнь и ложь – синонимы». (Ф. М. Достоевский, «Бобок»)
>
> «Вера – не столько знание истины, сколько преданность ей». (Иван Киреевский)

* * *

Некий начальник – пьющий, наглый, сластолюбивый – от грядущих административных неприятностей прячется в больницу. Причем он совершенно здоров… И вот постепенно прокручивают в больнице его через всю новейшую аппаратуру. Выходит он тихим, совершенно больным и напуганным.

* * *

Многоэтажный дом напротив. Подробно рассмотреть его жизнь. Такой социальный «многооконный портрет». В течении нескольких дней – жизнь тех, кто остался дома. По вечерам, ночам и утрам – героев становится больше. И финал – утро с жизнью почти во всех окнах, с восходящим солнцем…

* * *

Удивительно – у Куросавы возникло стремление сделать картину просто о красоте земли. Просто об этом! («Дерсу Узала».) Только сейчас начинаю понимать и чувствовать это.

* * *

Подробнейшая документальная картина о больнице. Ассимиляция человека в тяжких условиях болезни и лечения. Сначала его замкнутость в собственной болезни. Потом как бы движение по ней – все это с помощью всевозможных аппаратов, машин, лабораторий, барокамер и т. д.

Капли, стекающие с пальцев вынутых из воды рук во время азотных ванн. Жидкий азот, дымящийся в волосах…

И как постепенно человек вновь начинает обретать связи с окружающим миром.

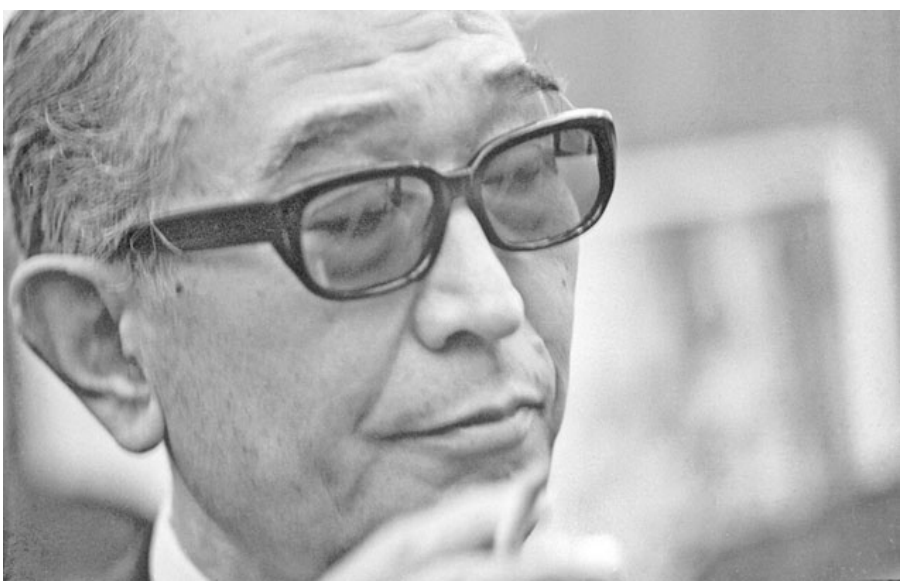
Картина о нашей хрупкости, незащищенности и о том, что же это за сложнейшее устройство – наш организм… Как могут быть вычленены в нем для изучения целые неизведанные области, практически микрогалактики, и как в то же время все наши миры взаимосвязаны.

* * *

Дети, закат, поздний режим. Темно-синий «Мерседес». Пыльная дорога, убегающая далеко в поля. И бесконечность неба, и этих полей, и этой дороги…

Девочка – Ромми Шнайдер, лет 6, во взрослом пиджаке. Невозможность относиться к ней как к ребенку.

Фары, струящиеся по молодой зелени. Длинно и обще. Стоп-сигналы, мигалка в позднем «режиме»…



Японский режиссер Акира Куросава

И какое-то надрывное чувство боли, счастья, единения со всем, силы, эротики, тревоги… – какое-то поразительно органичное соотнесение себя одновременно и с малой своей и большой своей Родиной, и со Вселенной, и с Христом! Именно так!

Проявление Веры и благодарности за все это.

* * *

Ложь всегда многословна и суетлива. В молчании есть правда. Паузой, молчанием можно разрушить ложь. Она не выдерживает молчания.

Зверь живет в человеке, но окончательно победить человека он не может

* * *

В печали нельзя давать себе возможности тонуть в пьянстве. Это искушение! Ведь это слишком просто! Так поступали многие и гибли! Нельзя поддаваться ласке и «пониманию» по отношению к пьяному со стороны окружающих. Ты начинаешь слабнуть и винить в своих бедах других. Покой и Воля.

* * *

Дети, весна, солнце. Шумная и бесконечная игра с неутомимыми детьми, переходящая в истерику взрослых.

(«Дача»)

* * *

Деревенские дети на дипломатическом пляже роются в мусорных ящиках, доставая пустые бутылки и банки – собирая их в брошенные полиэтиленовые мешки.

Потом начинают вдруг бить эти бутылки, переворачивать ящики, и ветер тащит по земле всю эту пеструю гадость!.. По родной, своей, единственной

земле!.. О чем они думают? Чем живут?

(«Дача»)

* * *

Из ужаса и опустошения вернулся к себе, как заново. Нутро все болезненно искало защиты. Спрятаться захотелось за худые спинки маленьких своих детей.

(«Дача», финал)

* * *

Изящный, в легком танце уход пары из квартиры под мощный бит. Музыку не выключили. Некоторое время – пустая квартира с работающей «вертушкой». Потом кто-то возвращается или вновь приходит. И может быть любой поворот.

* * *

Мать гордо шагает по дорожкам. Через плечо приемник, по нему дают концерт для фортепиано с оркестром ре-минор Моцарта.

Вообще, для «Дачи» очень важен образ старушки с приемником через плечо. Подруга может подпевать. Вообще, они обе замечательны, и постоянно должны перемещаться на общем плане под музыку.

* * *

Старухи, считающие, сколько раз прокукует кукушка, сколько лет жить осталось. Она прокуковала 35 раз.

* * *

Мама гуляет с Аннушкой. Ходят вдвоем по дорожке – большая и маленькая. Я подхожу. Мама стоит, смотрит на меня. В темно-синем пальто с лиловыми в темноте волосами.

– Я плохо себя чувствую.

– Что такое?

– Потрогай пульс.

Трогаю.

– Мне нельзя готовить, а Анна Ивановна так не может. Я же хочу как лучше.

– Мама, хочешь таблетку?

– Какую?

– Вот. Обзидан. Он уменьшает пульс.

Берет таблетку, кладет в рот.

– Давление понижает.

Мама, Наталья Петровна Кончаловская

– У меня и так низкое.

– Тогда выплюни.

Выплюнула.

Начали смеяться. Смеялись долго – все втроем.

* * *

Может быть, финал всей этой истории – замечательное гуляние при восходе солнца, с хохотом, дуракаваляниeм, суетой, объятиями под щемящую музыку и подпевание певице.

(«Дача»)

Нужно выговариваться. Хочу говорения в кино! До конца!

* * *

«Палтус» внезапно понимает, что и это молодое, незнакомое ему поколение живет жизнью напряженной и достойной уважения.

Его понимание, что «всюду жизнь».

(«Дача»)

* * *

Замечательное соединение фактур: обнаженная женщина и совершенно одетый мужчина, в пальто и т. д. Защищенность, сила и полная нежная беззащитность.

* * *

Обед. Сумасшедше влюбленная женщина в мехах. Все время что-то говорит. И ничего не может есть. Только пьет.

Он сидит и ест.

Она начинает играть на рояле. Потом поет. Потом опять что-то быстро-быстро говорит. Потом начинается истерика. (Люда Максакова)

* * *

– Да, я шут. Но только я из тех шутов, которые пляшут под собственную дудку, а не под чужую.

* * *

Человек на машине ездит по территории больницы, кого-то ищет и не может найти. Каждый раз, вновь садясь в машину, включает музыку, она снова продолжается – с того места, на котором прервалась, как только он вновь включает мотор.

Человек крутится по больнице – то на машине по узким дорожкам, то пешком ходит по корпусам и, ища кого-то, видит разные картинки человеческого несчастья…

Постепенность движения по состоянию с музыкальным контрапунктом.

* * *

Столик в поезде у окошка. Подошел мальчик лет шести с очень грустными, взрослыми, серыми вполлица глазами. Постоял, потом сказал:

– Давайте познакомимся, а то я ночью уйду.

– Давайте.

– Вас как зовут?

– Никита. А тебя?

– Алеша.

– Ты откуда едешь?

– Из Кандалакши.

– А куда?

– В Лазаревку.

Пауза.

– Я в садике песню одну пел. Вернее, не песню, а один куплет… Вы Сашу Николаева, такого мальчика, случайно не знаете?

– Нет.

– А Вову Сушина?

– Тоже нет.

– Жалко.

Помолчали.

– А ты отдыхать едешь?

– Да. В отпуск после садика.

– А когда в школу?

– После отпуска. В пятую пойду. Хочется в девятую, а меня отдали в пятую.

Потом ушел к матери, вернулся:

– Мы не сегодня ночью уходим, а завтра, так что наговоримся еще!

С тем и ушел спать.

Утром входит Алеша, с глазами, ставшими еще огромнее:
– Никита, вы не выходите, а то там плохо пахнет.

«Самое страшное – это когда злодейство становится повседневностью». (Евгения Гинзбург)

* * *

Приморский город, притихший в ожидании выхода на берег в увольнение двух тысяч моряков с пришедшего и стоящего на рейде флагманского гвардейского крейсера «Дмитрий Пожарский», экипаж которого был «без берега» полгода.

Город затих в ожидании нашествия. Все комендатуры, милиция, дружинники – все наготове. Лафа только обслуге ресторанов, таксистам, блядям, да оркестру «битков» из МАИ на танцплощадке. Они настраивают инструменты. И под эту настройку – общий план и панорама с города на крейсер в лучах закатного солнца. Потом разворот истории.

* * *

Брошенный рыболовецкий поселок на Камчатке. Стоят каменные жилые дома, рыбзавод, клуб – все пустое, заброшенное. Кругом только медвежьи да заячьи следы. Холодильник, замерзший снаружи.

* * *

В исторических фильмах необходимо избегать телевизионности. Если уж делать, то серьезно и до конца.

Но как лишить все это отвратительной театральности, папье-машества, паклевидной бородатости?!.. Тут нужно думать.

* * *

Советский служащий, обожающий дома дирижировать классику. Чай заваривает или гимнастику делает, самозабвенно дирижирует Брамса, симфонию № 4, или Бетховена, или Чайковского.

Это замечательно для современной картины. Заботы, за… б, суета… и самозабвенный катарсис, мечта о прекрасном, свобода и счастье в погружении в музыку, в ощущении соучастия в великом.

* * *

Восточная женщина армянского типа – со всеми вытекающими отсюда последствиями. И с бакенбардами – довольно ухоженными.

* * *

Мудак в кепке, проверяющий свой билет 2 часа. Все никак во что-то не мог поверить. (Усики – под носом полоска.)

* * *

Сержант сопровождает куда-то пять блядей и сутенера. Сержант – унылый, грузный человек. Сутенер жилист, но в данный момент жалок. И с ними происходят разные приключения.

В определенное время, в том или ином месте, каждая рассказывает свою историю. Свои истории могут рассказать и сержант, и сутенер. Откровенность – дело постепенное. Напились. Куда-то попали. Утром ни копейки.

Сутенер предлагает отправить девочек на заработки. А сержант уже их всех ревнует – оттого, что уже знает о каждой такое, что не узнает никто из тех, кто будет с ними спать. Он ревнует к их истории, к их истинности. Видимо, в конце – разочарование сержанта. Или феллиниевский катарсис.

> Режиссура – это соединение ритмов. Ритмов людей с ритмом космоса, ритмом бесконечности и ритмами друг друга.

* * *

Удивительно красив на пустом морском пляже туман, просквоженный рассветными лучами, и сосны вдалеке, тонущие в тумане и просвеченные солнцем.

* * *

Еная компания на веранде бара в Пицунде. Разгул. Гусарствуют. Битки-самоучки лабают тупую попсу (несмотря на то, что песня на стихи Мандельштама) и «7.40». Несколько человек в подзорную трубу смотрят с балкона на луну. Кто-то пьет – цапая без рук стакан зубами с пола. Отвратительная вседозволенность.

> В исторических фильмах необходимо избегать телевизионности. Если уж делать, то серьезно и до конца.

* * *

Когда человек бреется в душе перед зеркалом и зеркало постепенно запотевает, то, когда он уже почти не виден, должно начать происходить что-то непонятное, но страшное (может быть, убийство).

Понятно все станет, когда отпотеет зеркало, то есть пройдет время. Возможно, это хорошо для титров.

* * *

Большая, толстая, с огромными жопой и животом дама в купальнике – рано утром на пляже с прыгалками. Зрелище фантастическое.

* * *

Полуспящая женщина. Никак не может проснуться. Вяло поддерживает разговор с ним…

Он вонзает Stivie Wonder. И она начинает оживать. Поднимается. Крутит жопой, дурачится. Рассвет или закат – режим. Все это должно развиваться и дальше (может быть, это финал после длинной и мучительной борьбы или разлуки).

* * *

Искусство – это не «жизнь, пронизанная мыслью», как сказал

Томас Манн, а это пронизанное мыслью чувство.

* * *

Лезгинка, которую танцуют под современный диско и еще черт знает под что.

* * *

Многозначительно-философски настроенный мудила говорит тост. Он уже под балдой и говорит медленно и важно, но играет музыка, и его вообще не слышно. Все, поглядывая на него, крутя в руках бокалы, вежливо скучают.

А этот мудила все говорит и говорит что-то, как тетерев.

* * *

Армянская семья в Абхазии. Согнутой старушке – 90 лет. На все смотрит с изумлением и любопытством. У нее свое кресло, в котором ее передвигают.

* * *

На берегу моря каждое утро, около 7 часов, трубач разучивает гимны, сидя на кофре от трубы.

* * *

Характер человека через то, как он паркует машину.

* * *

Провокация с «женой».

Приходит любовница, а дверь ей открывает другая, которую любовник выдает за жену, чтобы проверить реакцию первой.

Мужество любовницы, находчивость, самообладание.

* * *

Мне важна возможность проследить, отчего же мы такие? Попытаться заглянуть в наши начала.

* * *

Почему отсутствует в нас даже культура питания? Мы начинаем возмущаться, только если подают холодное, и то не всегда. Отчего же мы молчим, когда подают невкусное? Почему не оскорбляемся, когда нам не дают ножа в столовой и мы вынуждены рвать руками или вилкой мясо?

Для нас самое главное – набиться, а где и что есть – совершенно безразлично! Откуда это?

* * *

Баржа на мели. Окошки с наличниками. Много зелени рассажено в ящиках и горшочках. Огромные белые трусы сушатся. Старик и старуха. Жизнь – естественная, мирная, созерцательная.

* * *

Девочка лет семнадцати очень формально бранит младшего брата за то, что он куда-то «без спроса уехал». Жарко. Лето. У нее явно другие заботы сейчас. Поругивает брата, а сама слюнявит палец и, выгнувшись пластично, зализывает укус на щиколотке.

Брат, сидя на велосипеде, ткнувшемся в скамейку, что-то бормочет в свое оправдание. Девочка для порядка дает ему подзатыльник и уходит, выворачивая ступню, прихрамывая шутейно… и кому-то улыбаясь – тому, кого я не вижу, сидящему за кустом у подъезда.

* * *

Среднюю полосу России можно узнать даже по теням. Глубокие сине-зеленые тени и блеск, сверкающий блеск воды при закатном солнце.

Отчего у русских чувство Родины, ощущение ее всегда связано со слезами? Откуда это тянется?

* * *

Конаково, закат. Лето, жара. Люди, расплавленные, мягкие, объединенные счастьем купания после раскаленного дня. Круг солнца красный. Много воды, много простора. И эта радость общая – в ощущении мгновенного братства, общего блаженства и покоя, упоения…

* * *

Скрытый темперамент! Мощь, сила, но существование с минимумом показа темперамента, при этом с абсолютным ощущением его. (Цыгане, Вишневская.)

* * *

Мы не знаем, что такое хорошо, мы только точно знаем, что такое – плохо!

* * *

У нас, если взять любую проблему, любую сторону нашей жизни и внедриться в нее глубоко, дотошно, заинтересованно, то мгновенно выяснится что-то совершенно нецензурное!

* * *

На контровом свете фар две девушки в просвечивающих платьях «Liberti» и с хорошей походкой.

* * *

Нужно прислушиваться к себе, чтобы потом поделиться этими наблюдениями. Только это имеет смысл.

* * *

Им чувство стыда полностью заменило чувство страха.

Великого Страха. Но это путь внутренней безнаказанности.

Среднюю полосу России можно узнать даже по теням.

* * *

Женщина в гостинице после какой-то неприятности вместо лампы включила кипятильник. И долго смотрела, как он в темноте раскаляется.

* * *

Роскошная фактура для сцены: ночь, река, островок песчаный с кустами. С берега светят фарами машины. Костер. Пикник.

Замечательно, что с любой точки это совершенно сказочно и волнующе. Вода мерцает на течении.

Фотограф мечется – заходит то с одной, то с другой стороны. Когда он удаляется от костра, в темноте только бликует камера и пряжка на его брюках.

Откровение чье-то. Говорящий садится на капот машины… Чья-то реакция на услышанное. Мигают бреккеры в машине… Кончается все тем, что один из собеседников заплакал.

Вообще прелестное соотношение фактур: фар, задних огней, костра, дыма, воды с течением и бархатной ночной темноты.

* * *

Против течения плывет брассом худой человек. Жутко разевает рот, когда выныривает. Ему кажется, что он плывет, – на самом деле же находится на месте, течение быстро.

Рядом стоит по бедра в воде Коля, осветитель, смотрит на этого му…ка. Потом говорит:

– Ты смотри, меня не слопай.

* * *

Постоянное чувство утраты. Отчего у русских чувство Родины, ощущение ее всегда связано со слезами? Откуда это тянется?

* * *

Папа и сын пьют молча бутылочку «Фанты» на двоих из чашечек.

Мальчик (лет пяти) пьет сосредоточенно, то и дело поглядывает на бутылочку – сколько осталось?

* * *

Бежит человек, рядом едет машина. Разговаривают. Это может быть любовник и муж. Кто в машине – слабей, он просит, уговаривает, курит, дергает бегущего за штаны. Так и движутся они по шоссе и за поворотом исчезают.

Может быть, это для «Одинокого охотника». Слава бегает по утрам, однажды его догоняет друг на милицейской машине. Разговор в пустынной утренней Москве.

Вообще, сцена, в которой один бежит, а другой рядом едет, может быть о чем угодно. Все будет чувственно.

* * *

Совершенно мокрый человек в сухом костюме и рубашке с галстуком.

* * *

Город. Будни. Пасмурно. Ветрено. Лето. Среди машин едет грузовик с траурной полосой.

В кузове двое: мужчина и мальчик в темной штормовке с капюшоном, надетым на голову. Сидят спиной к движению, лицом к гробу.

* * *

Белое солнце августа с летающими паутинками, остывающей водой – щемящее чувство всегда.

* * *

Для «Дачи».

Отчего молодые смеются над старыми? Отчего старые бывают так чванливы и обидчивы?

* * *

Вообще, в «Даче» нужно поставить 5–6 очень обыкновенных, примитивных даже вопроса. То есть задача состоит в том, чтобы вдохнуть в эти вопросы утраченный ими смысл. Когда ребенку говорят, что нельзя сорить, он подбирает бумажку от страха, что его накажут, а не от того, что нельзя гадить на своей земле, единственной, неповторимой, другой не будет.

* * *

Человек в пальто и с плоскостопием на велосипеде. Крутит педали – носки в стороны.

* * *

После дождя. Кривоногая воспитательница ведет из детской группы трех девочек. Девочки повторяют текст какой-то сценки из английской жизни. Воспитательница, картавя, восхищается, причем делает это очень толково, со знанием дела. Разговаривает с девочками как со взрослыми, советуется и вообще, видимо, существует в творческом экстазе.

Подробно должно быть и несуетно. Здесь настроение важно. Капли, лужи, дачные заботы и радости…

* * *

Пустой берег. Зенит лета. Солнце. Двое детишек голеньких, мальчик и девочка. Папа их только что искупал. И теперь они бегают наперегонки.

На пустом высоком берегу носятся два маленьких человечка, сверкая мокрыми незагорелыми попками.

* * *

«Церковь Спаса-на-Бору. Как хорошо: Спас-на-Бору!

Вот это и подобное русское меня волнует, восхищает древностью, моим кровным родством с ним».

(Иван Бунин)

Иван Алексеевич Бунин

* * *

История со знаком Зодиака, который повесили на одну цепочку с крестом.

* * *

Два человека верхом темной ночью. Шагом едут по поселку. Гулко звучат копыта, попадая то на земляную обочину, то на асфальт. Завораживающее и даже страшноватое зрелище.

Потом раздался мальчишеский голос из темноты (значит, первый всадник – мальчик):

– Так мы до конезавода долго пахать будем.

Вся история мгновенно приобрела иную окраску.

* * *

С туристами должна быть просто драка итоговая, после всех унижений, которые герой испытал и его сын – за отца. Неистовство отца и сына должны обескуражить и сломить туристов. Победа!.. Что потом?

(«Дача»)

* * *

Парень на велосипеде. Стоит, держась рукой за решетку автобусной остановки. Рука просунута в решетку, рядом висит расписание. Парень разговаривает с кем-то внутри остановки.

Подходит старик – спрашивает, видимо, когда автобус.

Парень указывает пальцем на расписание, не прерывая разговора.

* * *

День рождения «батюшки». Приглашены совершенно разные люди. Идет «вздрюч» искусственный. Любомудров, Коля Двигубский…, но в основном незнакомые мины.

И вот, кажется, все, как было, да не так. Форма общения осталась та же, только содержание ушло. Слова, в общем-то, те же, только они не наполнены чувством, то есть нет того избытка сердца, от которого уста говорят.

Когда-то с кем-то выпивал на кладбище, на могилке некой Зайцевой. И хорошо нам всем там было, разговор сложился задушевный… Но теперь попробуй-ка компанией в двадцать человек, да меж собою незнакомых, приехать на могилку к той благочестивой Зайцевой, которую и сам не знал, и она никого из них при жизни не видела, эта попытка реанимировать то чувство и состояние, причем публично, выглядела бы печально и

насильственно.

* * *

Охота. К егерю приехала дочка из города. Что получилось. (Почти «Драма на охоте».)

* * *

«Пассаж» в Одессе – замечательное место для боевика. Пустой «Пассаж» с погоней. И выпадением из окна.

* * *

Пять вопросов, которые хочется поставить в «Даче»:

1. Почему мы считаем, что старики хотят жить меньше молодых? Они тоже хотят счастья, жизни, радости. (Должна быть показана сиюсекундная радость стариков.)

2. Почему мы гадим вокруг? Почему не относимся к нашей земле как к живому космическому существу, частью которого мы являемся так же, как и она является частью нас? (Мы же не делаем ни с собой, ни со своими близкими ничего такого, что делаем с нашей землей.)

3. Почему мы думаем, что наши дети знают о нас меньше, чем они знают на самом деле? Мы относимся к ним как к своей собственности, а они такие же дети космоса, как и мы сами. Мы уважаем не детей, а свое участие в их существовании на свете.

4. Почему мы ничего не знаем о нашей истории, а самое главное, и не хотим знать? Не зная своей истории, невозможно уважать свой народ, свою землю, своих предков, а значит, и самих себя.

5. Почему мы считаем, что счастье нужно искать, вырываясь из своего поколения, срываясь со своего места, думая, что хорошо только там, где нас нет, и только с теми, кого мы не знаем? Счастье жизни – в самой жизни. Его нужно искать в своем поколении и на своем месте. Только для этого необходимо отбросить все, что мешает это видеть, нужно попытаться вырваться из рабства представлений о себе и о других. Разглядеть в своей жизни и своем поколении то, что скрыто под шелухой быта, плоского желания скорейшего самоутверждения или желания выдать себя не за того, кем ты есть на самом деле.

* * *

Для супербоевика:

Дворик. Стена дома. Дерево, лестница, крыльцо. Гараж, в глубине гаража виден бликующий лимузин. Стоит человек в воротах гаража. И вдруг все это вместе с деревом, машиной, стеной, гаражом, человеком начинает медленно подниматься вверх, а там – море и транспорт с танками.

* * *

Невозможно одновременно быть и тем, и другим. И Христом, и Робертом Рождественским. Нужно выбирать. Но как найти эту гармонию между собой и миром, который становится все более и более бездуховным и циничным, выжженным? Неужели становиться таким? Не оглядываться на себя и принимать все чудовищные правила этого мира?

> Почему мы считаем, что старики хотят жить меньше молодых? Они тоже хотят счастья, жизни, радости. Почему мы считаем, что счастье нужно искать, вырываясь из своего поколения, срываясь со своего места, думая, что хорошо только там, где нас нет, и только с теми, кого мы не знаем? Счастье жизни – в самой жизни.

* * *

Монтажный стык – это рифма в поэзии.

* * *

Теперь, когда все направлено на разобщение, как никогда важно сохранять человеческую нежность, наступать на себя и прощать, понимать. Иначе придется принять все, что сейчас происходит, за единственно возможную форму существования. Стать жертвой Мамоны.

* * *

«Дачу» должно быть интересно смотреть! Должно быть внутреннее напряжение, узнаваемость до боли, до желания вскрикнуть: «Это про меня! Про нас!»

* * *

Не рвать биологических связей со своими. Не поддаваться соблазну расстаться, когда устаешь от общения. Думать в такие моменты об общем и более важном, чем сиюсекундное раздражение.

* * *

Для «Дачи».

«Все мои мысли кажутся мне ничтожными, чувства мелкими, поступки отвратительными! Разъедает ирония и злость, самоутверждение и постоянное желание быть правым, притом что сам где-то глубоко в себе знаю, что не прав, и презираю себя за это!..»

* * *

Мудила-киноман, не останавливаясь, говорит о кино. Все время сентенции, имена, долгие многозначительные речи о кинематографе и вообще обо всем. Практически? Критик из «8½». Потом нарезался, начал танцевать. Полный махон – вые…вался, как мог, по пути продолжал неожиданно взрываться тирадами. (Юра Богатырев в танце из «Родни»). Потом, когда совсем разошелся, вышел и вернулся голый, завернутый в полотенце.

Юрий Богатырев в фильме «Родня» (1981)

* * *

Азербайджанец подходит к морю, снимает темные фирменные очки, зажимает их в руке и картинно ныряет. А выныривает уже в очках.

* * *

Беременная, на последних месяцах, женщина, изменяющая мужу. Отчего? Почему? Что она испытывает? (Может быть хорошая сцена.)

* * *

Для «Дачи». Образ Серебрякова в одной из старушек. Подагра, больные ноги. Это всех раздражает, все думают, что это блажь. А потом пронзительная сцена, где она плачет от боли. Где должно всем стать ясно, что ей больно, и жалко должно ее стать и стыдно за свою черствость.

> Рядом с красивой девушкой часто бывает подружка – гадкий утенок. Она-то и остается зачастую единственным живым человеком в суете самоутверждения и самодемонстрации. (Может быть, для «Дачи».)

* * *

Что же это за лица на Досках почета? Отчего они такие уродливые, напряженные, пустые, и почему этого никто не замечает? Что это? Почему от всех этих людей веет тупостью, ограниченностью, страхом? Почему их снимают кое-как? И почему им самим все равно, как их сняли и какими они висят на всеобщем обозрении?

* * *

Демагогическое прикрытие фразами о благе народа. Просто кучка власть имущих любыми средствами отстаивает свое право на пользование теми благами жизни, на которые никакого морального права она не имеют. И ради защиты этих своих незаконных прав они положат миллионы чужих жизней, не задумываясь. А самое страшное, что прикрывается все это лозунгами о марксизме-ленинизме, что под всю эту безнравственность и шабаш подведена идеологическая база.

> Кучка власть имущих любыми средствами отстаивает свое право на пользование теми благами жизни, на которые никакого морального права она не имеют.

* * *

Для «Дачи». Это неуловимое мгновение между летом и осенью, когда только-только высохшие плавки, висящие на веревке, становятся предметом далекого прошлого, или переход между зимой и весной, когда шуба, которую только что снял, бессмысленно болтается на вешалке.

* * *

В процессе разговора человек внимательно, опасливо наблюдает за влетевшей в окошко осой. «Укусит или нет?.. Вылетит в форточку или будет биться о стекло и лампу?» Крупно, подробно. Это в результате может послужить поводом для поворота в сцене.

* * *

Панихида. Гроб на столе. Тишина, всхлипывания. Кто-то подходит, кладет цветы, наклоняется к покойному, уходит…

Женщина маленькая, полная, что-то говорит кому-то шепотом, ей отвечают…

В это время в тишине падает на пол и долго там катается монета. Женщина машинально начинает искать ее глазами. На какое-то время для нее совершенно исчезает все, что связано с похоронами. Она продолжает что-то тихо людям отвечать, но глазами, помимо желания даже, шарит по полу.

Монетка лежит под столом, на котором находится гроб. Лезть за ней неудобно. Но она раздражает своим наличием тут, совсем рядом…

Выход может быть совершенно любой.

* * *

Пластическая фраза для боевика: долгая панорама по спокойным полям и лугам, потом видим шоссе, потом кусты вдоль шоссе, ПНР дальше – на то, что кустах. Что-то изуродованное – закинутая голова в мотоциклетном шлеме, скрюченное тело, поблескивающие обломки мотоцикла. Панорама дальше – видим стоящего у обочины человека с велосипедом, на общем плане появляются машины, мчащиеся с мигалками и сиренами. Подъезжают, и дальше все темпераментно и крупно.

Может быть, на полях и лугах идут титры.

* * *

Какое-то общение, очень чинное, формализованное, деликатное, в магазине теле-радиоаппаратуры или на выставке ее. А камера, случайно включенная, передает на экран происходящее в соседней комнате. Нечто, абсолютно противоположное тому, что происходит на официальном уровне. Хороший контрапункт.

* * *

Для «Дачи». Дуракаваляние с детьми, кривляние, нежность и неистовство.

* * *

Для «Дачи». Она все время жалуется на то, что ничего не видит. Потом, забывшись, долго примеряет перед зеркалом чужой берет.

* * *

Какое-то воспоминание старушек в пластике – может быть, бокс или балет, или гимнастика (общий план/статика).

* * *

Забавный показатель нашего культурного уровня: для того чтобы люди смотрели программу «Время», по остальным телеканалам показывают симфонический концерт или сольный концерт какого-нибудь пианиста – мол, такую муру все равно никто смотреть не будет, лучше послушают новости спорта и погоду. Замечательно!

* * *

Парочка на заднем дворе гастронома. Он – пьющий младший

научный сотрудник (с вида). Она?.. – да кто угодно. В зеленом пальто и фетровой шляпе с жестким верхом и полями. Оба из горлышка пьют пиво, с большого бодуна. 10 часов утра.

* * *

История туристки из Казани в кругосветном путешествии. На базаре в Сирии испугалась ишака, вскрикнула, и тот, сам перепугавшись, хватанул ее за грудь. Она бежать! – а на Востоке кто бежит, тот вор. Базар – за ней!

Еле успела на свой пароход. Весь вечер пила, честила последними словами ишака, плакала и клялась, что с корабля больше ни на шаг.

* * *

Еврейского мальчика устраивают в ясли в Казани.

– Кто он у вас по национальности?

Мать (вызывающе):

– Еврей!

Воспитательница:

– Нет, это как раз не важно. Он – *как наш, татари*н? Или *как русский*?

* * *

Запущенная баскетбольная площадка с кривыми деревянными щитами, с лебедой по пояс в пионерском лагере. Осень, все желто. Здесь может быть сцена лиричная, трогательная, с состоянием…

В финале сцены один из героев бросает мяч, который все время держал, в корзину с гнилыми сетками. Мяч ударяется о щит. И вся конструкция валится.

Или они просто пошли с площадки, и только потом щит повалился – как бы сам собой, от ветхости.

* * *

Человек в пальто, в голом осеннем или весеннем саду, и хулахуп. Он учится его вертеть от нечего делать, потом

увлекается.

Хорошо бы кто-то это подсмотрел.

* * *

Шел, шел по пустой квартире и вдруг начал что-то изображать – раненого или хромого, или еще что-то. (Феллини «8½» – Марчелло Мастроянни в коридоре.)

* * *

Певица с гитарой, поет для иностранцев в ночном баре. Очки, со страшно сложной диоптрией, лежат на столе, когда она поет. Следовательно, без них она ничего не видит. Хотя постоянно делает вид, что в пении общается со слушателями.

* * *

Съемки фильма. Шум, гам, бардак… Две девушки-глухонемые подошли сфотографироваться с артистами. И тут замечательная возникла вокруг тишина…

Все это долго и подробно – по жестам и импульсам.

* * *

Русский, но похож очень фактурой на Гимпеля. Сам с Байкала. Маленький, сухой, с орденской планкой и массой значков, сидит в ресторане – потихоньку надирается.

Рядом танцуют кубинцы. И вскоре «Гимпель» бодро вытирает рот салфеткой и решительно вступает в танец. Ему 66 лет, и никаких комплексов!

* * *

Похмелье… Пополз с кровати, открыл дверцу тумбочки и весь туда залез.

* * *

История «фавна», потерявшего свое купе. Голый пошел ночью в туалет, а потом забыл номер своего места.

* * *

«Дача». Финал сумасшедшей постели двух давно женатых людей, когда неожиданно за окошком запел жаворонок.

* * *

Убийство в бане. Человек с намыленной головой и закрытыми глазами что-то кому-то рассказывает. Тихо появляются одетые в пальто люди. Шум душа заглушает их шаги. (Один из них с похмелья пьет прямо из бассейна, встав на колени.) Тихо засовывают человеку с намыленной головой нож между ребер. Тот загибается в мыле… На полу – море мыльной воды с кровавой струйкой на контровом.

* * *

Время прежних сумасшедших чувственностей постепенно оставляет нас.

* * *

Очень мощным может быть влияние на настоящее методом искажения прошлого. (Что всегда и происходит.)

* * *

Мальчик открывал снаружи дверь – замок открылся, но сломался. Ключ, тоже сломавшись, остался в замке.

Мальчик в полном отчаянии. Боится отца, который будет ругать его за сломанный замок.

По одному стекаются соседи. Советуют, пробуют. Вот уже множество людей занимается этим ключом. Некто идет с девушкой в гости, в руках шампанское.

– Молодой человек, у вас есть силы? – спрашивает кто-то.

Человек вступает в борьбу с замком. Постепенно остаются только двое, связанные одной ниточкой отношений, – мальчик со

своими страхами и этот человек с чувством необходимости помочь мальчику. Надежды мальчика и человек, стремящийся не обмануть их. А вокруг – разговоры, шутки…

Приходит бабушка мальчика, с возмущением отнесшаяся к страхам мальчика. (Видимо, мать его отца.)

Постепенно история укрупняется, и все остальное уходит на второй план. Победа над замком.

* * *

(Для «Дачи».) Девочка с биноклем издали разглядывает родителей и гостей за обедом, замечательные видит детали в отношениях. (NB!)

* * *

А ведь Федор-то Михайлович, когда писал, для своих читателей был современником!

* * *

Почему-то мокрый, он сидел на полу, обхватив ее колени руками и уткнувшись ей в живот, а она сушила его волосы феном и плакала.

Долгая, чувственная пауза.

* * *

Марк Гурченко играл с Лелей (жена Марка). Закидывал ноги за голову и однажды не смог самостоятельно их снять. Просил Лелю, та отказывалась. Замечательный скандал в этой мизансцене.

* * *

Таня, как обычно, разбудила детей утром и вдруг увидела, что на часах только 5.30 утра. Раздевать их снова показалось пыткой. Она выпроводила их гулять, а сама легла досыпать.

Двое детей на улице в 5.30 утра среди дворников «чуть трезвых» гуляют.

* * *

История о человеке, у которого умерла жена, и он остался с двумя маленькими детьми на руках. Сначала – полное отчаяние и ужас перед совершенной безысходностью. Детская, заваленная игрушками и одежками, и он, сидящий на табуреточке, измученный, в отчаянии. Щетина и слезы катятся.

Постепенно начинается новая жизнь. «Возрождение из пепла».

Детские болезни, когда он полоскает горло вместе с дочкой, чтобы и она полоскала за компанию, и компрессы себе за компанию ставит – и в таком глупейшем виде, забыв о компрессе, ходит целый день. И как постепенно и его любовь, и детей возрождает его, обретает осознанность и силу большую.

* * *

Замечательная фраза Прокофьева: когда его спрашивали о чем-либо в его музыке, о том, что кому-то было непонятно, он отвечал: «Я же не виноват, что билеты продают всем на мои концерты».

* * *

В Александро-Невской Лавре: стоят семинаристы на службе, и среди них – негр. А точнее, метис, но черного в нем все же больше. Трудно представить его уже в сане священника, получившим приход где-нибудь в Суздале.

Видимо, плод какой-то несчастной любви ленинградской девицы и черного студента. Какими же путями Господь привел его в Лавру?

* * *

Пронзительная история пожилого человека, влюбившегося в молоденькую девушку. Как в нем постепенно из униженного, закомплексованного любовника вновь прорастает мужественность, воля, забытая сила и *молодость*.

> «Если у меня отнять талант, то, что останется, будет ужасно».

* * *

«Ну зачем мне очки? Чтобы я увидела, что мне нечего надеть?»

* * *

Рука на женском затылке в длинных волосах смотрится, как матовая лысина под редкими прядями. Шок, изумление!

* * *

Веселящийся в компании человек, у которого в кармане сброшенного им пиджака находят нечто совершенно противоречащее его состоянию. Некая телеграмма, записка, диагноз, билет?.. Поворот в отношениях после его возвращения.

* * *

Внутренний монолог во время «акта».

Слова в темноте, потом включается свет, а там уже «результат отношений». После «акта» должен начаться разговор в кадре (уже на контрапункте к внутреннему монологу).

* * *

Солнечное затмение. Полдня с фарами машин, с фонарями (под фильтром «Американская ночь»), и только потом выясняется, что это был день солнечного затмения.

* * *

Замечательный костюм пьяной женщины.

Вязаная шапка шлемом, распускающаяся, со свисающими нитями, мохнатая шуба, светлая с вязаными рукавами, черный жабо-галстук, забытый от блузы, и голое тело в лифчике. Ее постоянное, беспрерывное «самовыражение» (после уныло-позорного стриптиза).

* * *

Тов. Севрук, главный редактор кинопанорамы TV, перед выходом передачи о Владимире Высоцком в эфир, общалась с кем-то из партийных начальников по телефону, и тот все допытывался, какой текст будет петь Высоцкий. Так Севрук, которая не могла ему вдолбить содержание песен, сорок минут пела в трубку сама песни Высоцкого.

* * *

Чем больше я себя узнаю, тем более ужасаюсь себе. Не хочу ничего о себе знать, не хочу ничего анализировать, ибо человек так устроен: чтобы жить, он должен все время себя оправдывать.

* * *

Глубинное осознание того, что абсолютно все в человеке связано незримыми нитями с космосом, с природой. Все – единство. Все может существовать и развиваться только в единстве противоположностей, но без примесей искусственных «химических» элементов. Нельзя пытаться технологиями, «химией» заменить природу. Нужно к ней, и только к ней прислушиваться, и только ей следовать.

* * *

Не давать возможности вмешиваться в свое истинное чужому, холодному соболезнованию.

* * *

Искупление в одиночестве!

Существует то естественное общение, когда не нужно чье-либо лидерство. Можно уйти – и никто не заметит, почти ничего не изменится.

Чаще же наоборот – все общение ложно и вздрючено, дьявольщина какая-то, ложь, самоутверждение. Все направлено на то, чтобы доказать друг другу, что ты не такой, каким кажешься. И все ложно и страшно утомительно от этого.

* * *

Ревность замужней женщины к чужому мужчине.
Потом ночь с мужем или долгий разговор с ним.
Или долгий разговор с тем, кого ревновала.

* * *

Замечательная итальянская ария и два пятнадцатилетних му…ка, которых заставили мыть пол на даче, ничего не понимающие в этой музыке. Или понимают?!.. (Хорошо для «Дачи».)

* * *

В человеческих отношениях, в тех, где все равны перед Богом, дифференциация губительна. С этого начинается безостановочное падение. «Я сделаю это с его женой, потому что он дурак…» – и никаких не надо больше объяснений, оправданий. Это та сила, в которой нет правды.

* * *

Пустота слова, которая не имеет отзвука в себе тем делом, которое есть исполнение заповеди.

* * *

Симпатичная официантка в ресторане. Идет банкет…
И начинается замечательное валяние дурака. При этом непроизвольно начинают выстраиваться отношения…
Он якобы всем недоволен, она (официантка) ужасно этим удивлена, смущена, все роняет, от этого ситуация все больше умножается.
Это можно доводить до замечательной чувственности!

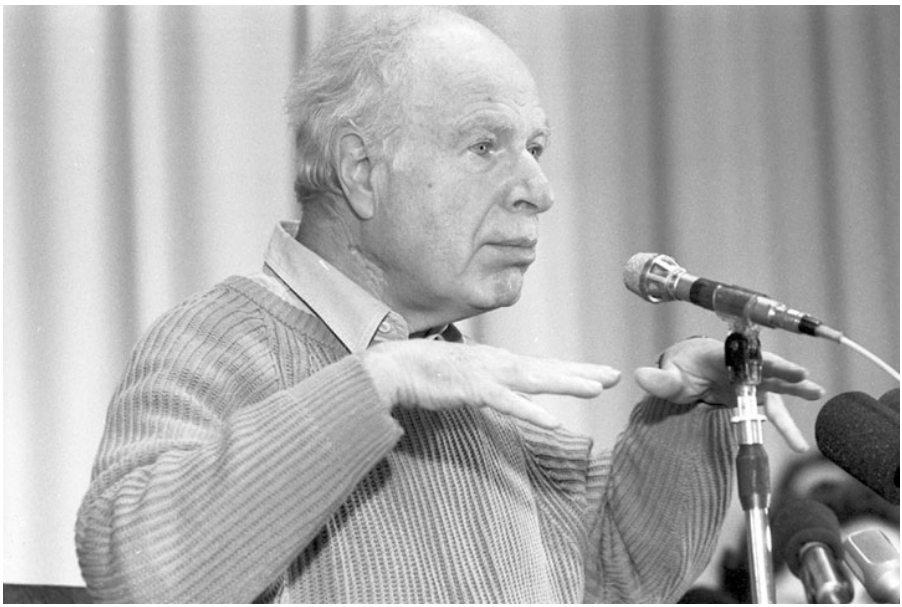
> «Слово не начинается как слово – это конечный результат импульса». (Питер Брук)

* * *

Фокусник в президиуме. От тоски и скуки он мало-помалу начинает показывать фокусы. Постепенно это перетягивает от выступающего все внимание зрителей. Оратор же принимает оживление в зале на свой счет.

* * *

Толстая бабища в танце доказывает свою независимость таким образом, что, подпевая песне, безучастно смотрит в сторону.



Английский режиссер театра и кино Питер Брук

* * *

Утро. Весна. Туман после ночного дождя. В мокрой холодной машине – папа за рулем, дочка сзади. Ее везут с дачи в школу. Папа дурным голосом поет песню: «Мама, милая мама, как тебя я люблю!..»

Он валяет дурака, она сидит, серьезно смотрит на него, пытается сдержать улыбку.

* * *

Истинное чувство позволяет артисту поступать со зрителем так, как ему угодно.

* * *

Охота. Фантастический идиотизм. Николай Трофимович Сизов (*генеральный директор киностудии «Мосфильм» в 1971–1986 гг. –* ***Современный комментарий автора***) с газовым пистолетом. Сизов все время пытается проверить его силу. От него все бегают, но боятся открыто протестовать.

* * *

Утро. Весна. Укладка асфальта. На проезжей части работает с другими дорожниками молодой человек в пальто, в туфлях на каблуках, в модной кепке. Черенок лопаты держит через носовой платок – видимо, чтобы руку не натер.

* * *

Похороны. Выносят тело… Человек в толпе, спиной к происходящему, что-то суетливо и настырно втолковывает кому-то.

* * *

Переполненный микрик-такси снаружи. Ладонь, прижатая к стеклу, – кто-то притиснутый изнутри оперся на стекло. Затекшая ладонь с белыми пятнами.

* * *

Человек, вывалившийся из маршрутки на повороте.

* * *

Удивительно, что люди находят близость и быстрее сходятся, когда вместе кого-то ругают. По-моему, раньше, в давние времена, близость возникала от того, что кого-то хвалили.

* * *

Мальчик рано утром читает по слогам книжку родителям, совершенно сонным, еще лежащим в постели, но якобы проверяющим, как он научился читать.

* * *

Любовь двух людей ранним утром. Нежный шепот, ласки… Мальчик, которого наказали за то, что он не выучил урока (стихотворение или кусок прозы), за дверью им его читает наизусть, чтобы пойти гулять.

* * *

Артист должен уважать свою профессию и себя. Он не имеет права начинать говорить текст, пока ему не захочется этого делать. Слова пусты без внутренней веры в них. «Уста говорят от избытка сердца». Актер внутри себя должен стать полнее, наполненнее той формы, в которой он собрался показать зрителю свое состояние, донести мысль. Актер не должен демонстрировать себя зрителю.

> Существует то естественное общение, когда не нужно чье-либо лидерство.

Нужно заставить зрителя не просто смотреть на то, что ему показывают за его деньги, а добиваться того, чтобы зритель за счастье почитал возможность присутствовать при священнодействии. А потому актер не имеет права что-либо начинать делать на сцене до того момента, пока не будет убежден, что готов это сделать. Пока состояние всего его существа не подведет его к этому.

«Много званых, но мало избранных». Билет может купить любой, а обнажаться на сцене могут единицы. Это надо понимать и постоянно пестовать в себе упругость выражения, наполненность души, непрерывное напряжение всех нитей внимания. Нужно добиваться рождения каждого слова внутри себя – еще до того, как оно вылетело, оторвалось, полетело.

Но зритель стал обычным потребителем, и артист пошел у него на поводу, как если бы актерский труд можно было сравнить с ремеслом официанта. Действительно, ведь кто-нибудь да займет

ресторанные столики – пока у нас нетребовательных и всеядных посетителей намного больше. Это нужно понимать и об этом помнить.

* * *

У нас невозможно что-то сделать существенное на благо общества, так как само общество не желает, чтобы что-то делалось для его блага. Как только кто-то начинает высовываться, тут же получает по шапке.

Что же? Значит, нужно думать о себе, добиваться, чтобы тебе давали то, что тебе необходимо. Но при этом помнить – главное, чтобы то необходимое, которое тебе дадут, служило в итоге важнейшему благу твоей Земли.

Поэтому я не собираюсь добиваться каких-то пустых, хоть и завидных для многих, привилегий, которые призваны тешить гордыню или услаждать плоть, но я хочу привилегий, которые помогут мне и моим товарищам добиваться прорастания и становления Русской идеи!

* * *

Замечательное ощущение целого – оттого, что твой дом является чем-то своим, естественным для птиц, бабочек, жуков… Кто-то под крышей его вьет гнездо, для кого-то он является ориентиром в пространстве – этот кто-то знает, что, если уже над ним пролетаешь, значит, скоро и его гнездо. Замечательное чувство гармонии и единства. Нежное, щемящее и обнадеживающее.

> Артист должен уважать свою профессию и себя. Он не имеет права начинать говорить текст, пока ему не захочется этого делать. Слова пусты без внутренней веры в них.

* * *

Огромный бриллиант на ужасной, пухлой, красной, грубой женской руке с мужскими, толстыми и желтыми ногтями.

* * *

Бегун, над которым два вертолета несут тень. Вокруг все залито палящим солнцем, а он – в роскошной тени, так в ней и бежит.

* * *

Вонючая, громыхающая машина рисует линии на шоссе в душном летнем городе. Сзади, свесив ноги, сидит в дорожной робе толстая баба. Принакрылась веточкой сирени и только глазами следит за обгоняющими их машинами.

* * *

Тихо катящиеся по лицу слезы – в тени, в темноте, – никем не видимые и не слышимые.

* * *

Настолько все стало цинично и лживо, что любая чья-то бескорыстность, а паче духовность, сразу принимается с недоверием и враждебностью. Вот предложишь ты, скажем, картину про ПТУ, и если снимать ее захочешь в Канаде и на Майами, то тебе это могут позволить, ибо причины, по которым ты хочешь снимать этот фильм, очень ясны. Ты просто желаешь красиво одеться, заработать и так далее, то есть хочешь ублажить свою плоть. Это понятно практически всем, ибо таких большинство, как бы много ни говорили они об идее и т. д.

Но если ты готов работать бесплатно, снимать на 16 мм, жить в глухой деревне и так далее, ты являешь собой персону весьма подозрительную и даже враждебную, ибо ты чужой! С тобой нужно держать «ухо востро». Ты не такой, как я, а значит – враг. И я тебя зажму.

* * *

Когда мы говорим: «Вот раньше все было по-другому», – это грандиозная ошибка, заблуждение. Мы так говорим не потому, что тогда всех окружала какая-то действительность другая, а потому, что другими были мы! Мы как бы осуждаем нынешних людей, само время и вообще все что угодно, но дело-то в том, что

другими стали мы.

И говоря о том, что раньше «было по-другому», мы как бы жалуемся всем на то, что сами изменились. Это очень важно! Потому что мы этого не понимаем, не хотим понять.

* * *

Лиепайский пляж. Ветер. Солнце…

Ветер низко гонит пыль песчаную по берегу. Слегка штормит.

Он снимает ее на фото во всех позах. Крупно. Обще. Вот она идет от моря на камеру. Она на скамейке. Она полулежа.

Но вот оба одеты. Прохладно.

* * *

Хочу понять, как же так: сотни лет люди шли на битву и на жатву с именем Господним на устах, с именами святых угодников. Ведь одно это придает Вере силу, весомость. Не могли же миллионы, если не миллиарды, людей жить столетиями в заблуждении?

А вот пришли еные и все это враз отменили? Как такое возможно? Даже если не верить в Бога, то как не верить в жизнь и в правоту своих предков? На чем же тогда держаться? Чем жить? Чему верить?

* * *

Компания. Шесть выпивших парней бредут по пляжу с бутылками. Лежит башмак. Один из них бьет по башмаку. Тот улетает в море.

Кто-то кричит: «Го-о-ол!» Дальше опять идут молча.

* * *

Худой старик, из офицеров, видимо. Пьет, заложив одну руку за спину и отведя в сторону локоть другой. («Га-а-аспада офицеры!») Приглашает танцевать молодую барышню. Она ритмично дергается в танце, он же марширует вокруг нее, то и дело поглядывая по сторонам, видят ли другие, как он весело танцует.

* * *

Пивная с грязными, опустившимися людьми под американскую музыку или под «ABBA».

Вообще, занятно, что от Запада воспринимается все только внешнее и совершенно отсутствует то, что скрывается под этим внешним: практичность, аккуратность, чистота, культура всего, что там создается.

* * *

Двое парней идут по улице за девушкой. Девушка шагает слишком быстро. Двое не хотят за ней бежать. Останавливают мальчика. Просят его передать девушке записку. На ходу пишут шариковой ручкой: «Подождите, пожалуйста».

* * *

Машины – на пароме. Но изначально хорошо бы это скрыть.

Люди разговаривают в машине, за ними движется фон. Холмы, дома, улицы. Камера чуть отъезжает – и появляется некая странность: рядом другие машины движутся с той же скоростью. Дальнейший отъезд – и мы понимаем, что все эти машины стоят на пароме.

> У нас невозможно что-то сделать существенное на благо общества, так как само общество не желает, чтобы что-то делалось для его блага.

* * *

Замечательное напряжение истинности. Когда человек искренне спрашивает что-то очень простое: «Хотите ли кофе?» или еще что-либо. И сразу возникает напряжение. И гиперзаинтересованность. Упругость!

* * *

«Не в силе Бог, а в правде».

* * *

Давид-пророк: «Лучше надеяться на Бога, чем на князя, так как вообще лучше надеяться на Бога, чем на людей».

* * *

Ресторан «Русь». Ночной кошмар! Катастрофа.

Из ночи выезжающая белая тележка, которую везет черная лошадь с цыганом-возчиком. В тележке другой «цыган».

– Еще разок, – говорит он, – и будет шесть рублей.

Оркестр буйствует. Все только на иностранном языке. Потная толпа. Пьянство.

Потом ночью – посиделки на пеньках. Певицы – сестры. Одна со шпицем на коленях. Манерность, утомление. Разговоры шутейные типа: «Давай поженимся». Все с легким матерком. Наконец заговорили о луне. Сами позвали *смотреть на природу*.

Красивый пруд, леса… Но все это загажено, уничтожено, опошлено, продано и предано. Уходят на эту природу, чтоб совокупляться, как животные. Потом возвращаются, несут чей-то забытый пиджак. (Эта деталь, может быть, хороша для боевика или детектива. Чей-то пиджак, в кармане что-то.)

* * *

Квартира Ноля (*поэт-песенник Наум Олев.* – ***Современный комментарий автора***) – с черепами, модерном и всем остальным жидовско-внешним.

* * *

Что же будет с Русской идеей? Господи!

* * *

И что ужасно – все это называется: «Русь», «Изба», «Архангельское».

Какое же яростно-бессильное чувство все это вызывает во мне! Дай, Господи, справиться с ним и направить в дело, в бой!

* * *

Человек, которого обыскивают. И камера тоже обходит его со всех сторон. Наконец точка сверху.

Он в шляпе и то, что ищут, он положил в загиб тульи. Медленный наезд сверху.

* * *

Русская идея без Бога, без Православия вообще невыносима! Тут или – или!

Говоря о том, что раньше «было по-другому», мы как бы жалуемся всем на то, что сами изменились.

* * *

Преподобный Сергий давал людям ощущение истины. Истина же всегда мужественна, всегда настраивает положительно на дело, жизнь, служение и борьбу.

Б. Зайцев

* * *

Замечательная история про папу, его пятнадцатилетнего сына и девушку, которой лет 18.

Скрытое соперничество. Глупость, нелепость! – и чувственно все ужасно.

Потом появляются какие-то люди с деньгами, наглые цеховики, и девушку уводят. Мальчик начинает за нее борьбу всеми доступными ему средствами. (Может быть, потом подключает отца.)

Лето. Дачный поселок. Ночь. Мальчика сначала не принимают всерьез, потом прогоняют, потом бьют, но он все лезет и лезет. И побеждает.

* * *

Серия очень тихих картин, части по 3–4. Ответ Козакову,

Эфросу, Митте и так далее. Фильмы про «делание» русское. То самое тихое «делание», без показухи. То есть все то, что так похоже на русский скромный раздольный пейзаж.

Скажем, отец и сын. Или дед и внук, которому лет 7. Что-то делают, может быть, пилят бревна, а потом колют дрова или что-то строят. Потом садятся на велосипеды и куда-то едут по проселочной дороге. Красиво, замечательно. Проехали мимо стада коров. Домик. Это баня. Отперли дверь. И подробное мытье этих двух русских людей. Взрослый парит мальчика, а потом наоборот. Мальчишеские лопатки загорелые, и белеющая попка. Вода, счастье, деловитость и раздолье. Мальчик моет взрослого, маленькими своими ладошками трет большую сильную спину, потом отец его трет, а мальчик кряхтит и крякает, как настоящий мужичок.

И ничего больше не происходит.

Пауза с чаепитием из термоса. И дорога домой при закатном солнце.

Я хочу просто напомнить, что баня, скажем, – это не то место, где жиды решают свои дела и пьют, и жрут. Баня – это замечательная награда за тихий и регулярный труд, это праздник, это соединение духа с плотью, это гармония, а не что-то другое.

И так далее – несколько фильмов.

* * *

Застолье. Человек самозабвенно балагурит и хохочет, потом видит вдруг пятно на белых джинсах, перестает ржать и начинает сосредоточенно его разглядывать.

> Быть русским – это значит, если у тебя чего-то нету, не надо мучиться и лезть из кожи, чтобы оно обязательно появилось, а значит – «нету и не надо». «Нет, и х… с ним!»

* * *

Старик обедает в вокзальном ресторане. Рядом на столе – приемничек: из него во всю мощь поет Шаляпин. Потом выясняется, что старик практически глухой.

* * *

Любовная длинная сцена с разговорами, хождениями по квартире, страстной прелюдией… Она уходит в ванну после долгих общений, он, завернутый в простыню, по-хозяйски рассматривает квартиру. Входит в соседнюю комнату, там – совершенно чужие одетые люди. То ли его ждут, то ли занимаются своим делом, то ли с ними – ее муж и т. д…

Хорошо здесь то, что в результате этого перепада сразу возникает совершенно иной масштаб действия.

* * *

Для «Дебюта»:

Пробивающаяся в какое-то злачное место компания. Унижаются, просят, через дверь разговаривают. Суют какие-то ксивы, называют имена. Наконец, после кошмарных унижений и сложностей, попали.

Длинная, на много минут, пауза за столом. Говорить не о чем! Думаешь, что там, где-то за дверью, за стенкой, вдруг что-то случится – и ты изменишься, тебе помогут. Но никуда от одиночества не убежать, не укрыться. Все, что в тебе есть или, наоборот, нету, то есть пустоты твои, – все это носишь с собой.

* * *

Два интеллигентных человека – пьяненький и трезвый. Пьяненький все пьет и раскрывается. Преимущество трезвого все более растет. Он вежливо поддакивает, кивает. А пьяненький говорит о сокровенном, о доме, о родине, называет какие-то имена, рассказывает о трогательных и пронзительных событиях… Трезвый все слушает. Пьяненький пишет ему на бумажке телефон, адрес. Трезвый берет, кладет в карман. Расстаются…

Через несколько дней трезвый нашел эту записку. Повертел и выбросил.

* * *

Лживый флирт-симуляция. Взгляды с поволокой, дежурные, пустые слова с видимостью искренности. Потом она вышла, а он необыкновенно сладко зевнул.

А может быть, она вышла, но тут же зачем-то вернулась – и застала это зевание!

* * *

Человек деловито бегает по гостинице с «дипломатом», а в нем – женское белье, взятое в залог у дамы, которая у него в номере. (Чтобы не «соскочила».)

Сразу ясен весь характер!

* * *

Пьяный в майке, брюках и мятой серой летней шляпе лежит на пляже. Пиджак и рубашка рядом свалены «комом». Пьяный лежит, подложив под голову руку, – обозревает окрестности независимым взглядом.

* * *

Шофер автобуса, в котором полно пассажиров, заехал домой «на минутку», а там дело дошло до глобального выяснения отношений или любви сумасшедшей… И полный автобус людей, ожидающих водителя.

* * *

Белое полотенце, «горящее» на солнце, в руках человека, идущего к речке.

* * *

Красная рябина над умывальником в ночи под лампочкой.

* * *

На утреннем белом контровом – на общем плане с сияющими под росой травами – мальчишка-пастушок играется с маленькой сухонькой старушкой. Поднимает ее на руки… Рядом жуют траву коровы.

* * *

Замечательная история для кино. Два работника милиции должны доставить в Одессу задержанного в Москве преступника. Сами они из Архангельска, а преступник еще откуда-то. В Москве все в первый раз. Преступник прикован к одному милиционеру наручником, чтобы не сбежал.

Так как все они в Москве в первый раз, то весь день до самолета бегают по магазинам и историческим местам. К вечеру обвешаны все свертками, побывали даже в Третьяковке…

* * *

Наше кино похоже на часы без минутной стрелки: «Двадцать минут чего-то, без пятнадцати что-то». Настолько все приблизительно!

* * *

Картина о том, как меняются, гибнут человеческие отношения. Подробно о том, как какая-то невыясненная мелочь, разлагаясь в душах, губит отношения и превращает друзей во врагов. Делать подробно, дотошно и страшно – не только по сути происходящего, но и по ужасу от того, как разрастается мелочь. Как страшна гордыня.

* * *

Лежание и играние в игру – кто дольше протянет звук без вздоха. (*Воплощено в «Утомленных солнцем» 1994 года. –* ***Современный комментарий автора.***)

С дочкой Надей в фильме «Утомленные солнцем» (1994)

* * *

История, построенная на том, как взрослые люди рассказывают о своем детстве и самое главное – о школе.

…Девочка, отвечающая у доски и от волнения поднимающая постепенно юбку и фартук, собирающая их в складочку!

* * *

Фотоавтомат и фотографирование в нем. (Может быть, финал картины.) Человек забрасывает и забрасывает монеты, корчит рожи, а автомат все снимает и снимает его, и из щели все лезут и лезут его фотографии.

* * *

Одинокое пьянство в номере иностранной гостиницы. Номерок плюгавенький, по радио передают ностальгические для этой страны песни – вальсы и танго, которые распевает сладкий голос под аккомпанемент аккордеона, кларнета, ударника, баса и маракасов.

Постепенное «наливание», потом безумный танец в

одиночестве. Бесконечно подробно и бесконечно долго. Главное – точно подвести к тому состоянию, в котором это станет невероятно интересно – так, что не оторваться, даже захватывающе. (Вступают кастаньеты и…)

При этом поведение героя должно быть понятно (то есть почему он такой). Тогда, при всей филигранной точности, будет возможно и любое хулиганство в импровизации.

* * *

Мама гладит дочке ленты. Дочь склонила голову, и мама гладит ей банты прямо с кос.

* * *

Мастер телеаппаратуры пришел к кому-то чинить телик. Починил. Хозяин предложил выпить. Выпили. Сбегали и еще выпили. Опять сбегали…

И тут что-то из того, что лилось с экрана, раздражило сильно. Заговорили вообще о том, что народу годами показывают…

Хозяин и говорит:

– А давай это ТВ проклятущее выкинем к чертовой матери?!

– Давай!

И выкинули телевизор с балкона.

* * *

История о деревьях, которые сажали влюбленные, уединившись от остальных. Все зимой померзло, и только то, что посадили любящие друг друга, выжило.

Когда начал плакать сам, закрыл ей глаза ладонью, чтоб не видела.

* * *

Жена рассказывает сильно уставшему мужу новости своего дня. Очень обстоятельно и подробно!

* * *

– Ты знаешь, что такое любить?
– Ну, догадываюсь.
– (просто) Ну, так вот: я тебя люблю.

* * *

Осень. На пустой футбольной площадке в центре города Он и Она гоняют пса. Он бьет по мячу, Она ему отпасовывает. Овчарка носится между ними за мячом. Через несколько часов собака еле жива. Но все еще реагирует на мяч, хотя ходит, еле передвигая ногами.

* * *

1-я часть 1-й симфонии А. Н. Скрябина. Под эту музыку замечателен спящий на рассвете, летний, город.

* * *

Маленький и худенький, закомплексованный, видимо, ужасно человечек с сильно лысеющей головой примеряет в магазине пиджачок. Рядом с ним – молодая женщина. Он то и дело меняет пиджаки, возвращая их продавцу. Надевая новый, опять крутится перед зеркалом, поправляет прическу и повторяет:
– Нетс, вери стренч.

* * *

Страшные, пророческие слова: «Кто был никем, тот станет всем!» Постепенно становится понятно, про кого это написано. Уж не про крестьян и рабочих – это точно. Еные были никем и стали всем, а остальные так никем и остались.

* * *

Он разговаривает с журналисткой из иной страны. Приехала специально для того, чтобы с ним повидаться. У нее сломана нога – она на костылях. Он с ней говорит, а у самого одна мысль – как же это возможно с ней все остальное в таком занятном виде?
Расстались… Ночью, совсем под утро, он явился. Постучал.

Открыла. И ничего уже больше не говорили… Только гипсовая нога стучала в стену.

В этом огромном мире, в этой маленькой стране эти два разных – с разных концов света – человека.

Потом их путешествие вместе. Его нежность и забота. Совместное мытье и так далее…

Подошел к ее постели, увидав разложенные на полу листки (она работала). Один лист перевернут, текстом вниз. Он сначала прижал его ногой, чтобы она не выхватила, потом перевернул, прочел и отвернул обратно.

Потом, уже в шутливой борьбе, он обратил внимание на блокнотик на полу, начал перелистывать ногой страницы. Она закричала – бросилась спасать свой блокнот. Он же придавил ее слегка и продолжал читать, листая странички тем же манером. (Это может быть объяснение ему в любви или еще что-то.)

* * *

За столом жарко и пьяно спорят взрослые, а в кресле сидит мальчик и замечательно, вдохновенно что-то читает и улыбается. Ему девять лет.

* * *

Это ужасно, что с нами делают! Ужасно, что мы сами с собой делаем. И даже не представляем, где и как живем.

Такое чудище выросло уродливое из всего этого нагромождения лжи, что даже не верится, что такое могло быть выращено *не нарочно*.

* * *

Финны ехали на закладку Кондаковской фабрики по изготовлению акушерских комплектов разового пользования (в Калужской области).

Въехали в Россию, и стало им страшно (совершенно точные сведения!).

До какого ужаса доведена страна! До какого кошмара! Я представил себя на месте любого (!) иноземца, смотрящего в окно поезда, и испытал за него ужас – что бы он испытал, спроси у

него, хочет ли он жить в такой стране?

* * *

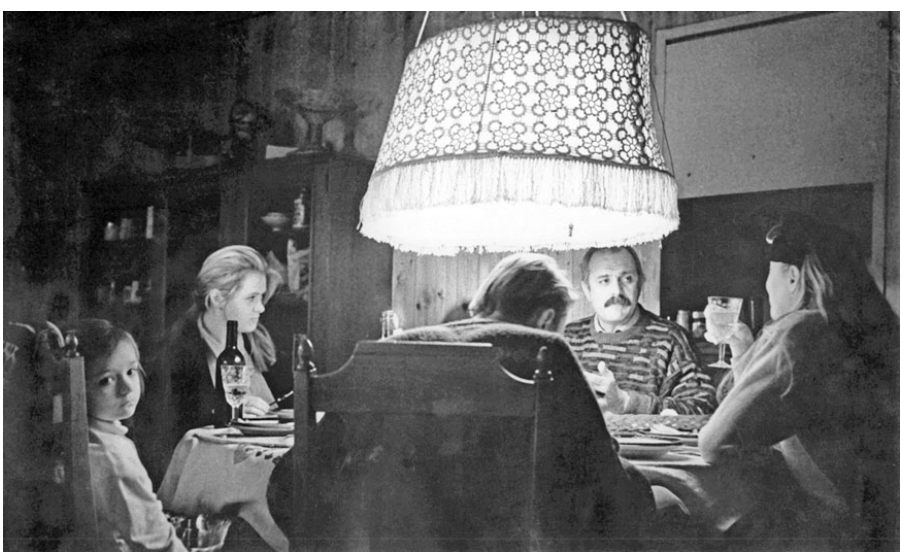
Директор мебельной комиссионки – ворюга с укладкой, холеный и глупый, как все красавцы, в обеденный перерыв пытается понравиться клиентке, оставшейся в магазине. Садится за продающееся пианино и начинает наигрывать что-то сентиментальное, на удивление фальшиво.

Страшные, пророческие слова: «Кто был никем, тот станет всем!» Постепенно становится понятно, про кого это написано.

* * *

Тема в свой день рождения сговорился с Анной, что они дождутся меня после работы и мы все вместе попьем чаю. Так и было. Зажгли на столе воткнутые в торт семь свечей, погасили свет – и дети потребовали, чтобы им рассказали, как они родились.

…Я рассказывал им, а они слушали. Анна хохотала, закидывала голову, и в темном отсвете свечей замечательно углились сквозь смеженные ресницы веселые глаза, обращенные куда-то внутрь себя, в свое женское, еще не осознанное, но уже таинственно ощутимое.



Семейный ужин на Николиной Горе, 90-е

* * *

Детишки наматывают ниточку на палец, играют в «женюсь – не женюсь».

* * *

У пожарника студийного в сортире вдруг заработала рация.

* * *

Девочка, больная «свинкой». У других детей праздник – день рождения ее брата. Все веселятся, а она только наблюдает за ними сквозь щелку двери.

* * *

В доме «свинка». Родители и дети ходят в марлевых повязках на лицах. Все, как всегда, только в повязках.

* * *

Стареющая богачка с молодой служанкой, все знающей и все понимающей, в активе которой только одно богатство – молодость.

* * *

Всю сцену пытаться засунуть руки в карманы брюк, левой попадать сразу, а правой никак. Продолжать разговор, а рукой постоянно шарить карман.

* * *

Грузинское путешествие в автобусе. Невероятные

приключения, и вообще все очень странно. Автобус мечется по каким-то задворкам, тупикам, шофер то и дело куда-то уходит, возвращается то с мешком чего-то, то с канистрой…

В одном месте вокруг автобуса собраются какие-то люди, говорящие на совершенно незнакомом языке.

В другом месте мужик пилит фанеру, положив ее на козлы и забравшись на нее. Сам того не заметил, как за разговором начал пилить собственную ногу! Не заметил оттого, что нога-то протезная!

Масса споров и веселья. В автобусе же развиваются свои отношения…

* * *

Навстречу автобусу движется похоронная процессия. Впереди идет человек с фотографией усопшей…

За гробом идут родственники, потом процессия все молодеет и все развеселяется.

Затем следует оркестр, состоящий почти из одних стариков, все с медью. Ударник-старик в темных очках, в перчатках, в зимней шапке и совсем не брит…

На обратной точке видим, что в автобусе кто-то сидит у окна, откинувшись в кресле совершенно под тем же углом, что и покойник. «Так они и встретились, никогда об этом не узнав».

Автобус молчит, прильнув к стеклу.

«Человек без веры мне не интересен».

(В. В. Розанов)

* * *

Набрать мир можно совершенно из ничего. Достаточно внимательно последить за поведением людей, скажем, в самолете. Вот человек со стаканом газированной воды идет и улыбается…

* * *

Человек везет вешалку в аэропорте. Он отвлекся, говорит с кем-то или справляется о чем-то в служебном окошке, и в это время на вешалку кто-то повесил свое пальто. Не заметив этого,

человек укатил свою вешалку дальше…

И вот в итоге носится он по аэропорту, ища владельца этого пальто, и так далее, в каком угодно жанре…

* * *

Девочка-школьница, грузинка, которой мальчишки в портфеле заменили книжки на два кирпича. Они думали ее разыграть, она же почему-то никак не разыгрывается!.. Потом выяснилось, что девочка просто несколько дней не заглядывала в портфель, так как ее совершенно не интересовало его содержимое.

* * *

Менгрел, который обучил чукчу менгрельскому языку, выдав его за французский. И тот отправился поступать в иняз на французское отделение.

* * *

По словам одного из русских мыслителей: «Россия жила многоярусным бытом. Из этого многосоставного быта и могло только родиться то богатство русской культуры, которое сделало ее феноменальным явлением в мировой культуре. Потому-то стали возможны, скажем, метафизические глубины исканий героев Достоевского, что за всем этим был «тыл» положительных сил в виде векового нравственного и бытового уклада крестьянской жизни. Быт – это устойчивость, при всех возможных изменениях и противоречиях в нем. Не может быть Бытом общежительская свалка, миграция, вокзальные коловращения людской массы. Это может быть признаком времени, но не почвой для культуры, так же, как и всякая модификация образа жизни. Главным в крестьянском быте была нравственная его основа, обнимавшая все стороны существования и деятельности человека. Недаром крестьянский труд издревле считался праведным, безгрешным. По сути своей, земледелец, добывая пропитание собственным трудом, не имеет нужды обманывать других, прибегая ко лжи и насилию.

Демагогией здесь никаких плодов не добудешь и не приумножишь. Эта праведность самого земледельческого труда определяла в быту, в психологии крестьянина и то, что мы теперь так снисходительно именуем «патриархальным началом», видя в этом нечто недоразвитое в сравнении с нами – ультрасовременными умниками».

Михаил Лобанов

Журнал «Волга». № 10. 1982 г.

«Переживание народа уже является историческим фактом, наряду с событием».

(В. О. Ключевский)

В. О. Ключевский

* * *

Шофер-грузин где-то достал шестиметровую статую Сталина с вытянутой рукой. Выкопал у себя в деревне на участке шахту, опустил туда на платформе изваяние и присоединил подъемный механизм.

Каждое утро в 6 часов из огромного репродуктора с его участка раздавались звуки Гимна Советского Союза, и шофер этот поднимал над поселком статую, а вечером, когда солнце садилось, он тоже под гимн опускал статую обратно. Тысячи

людей приезжали утром и вечером наблюдать за этим зрелищем, и все, кто сидел в машинах, приветствовали это событие сигналами автомашин.

Это было несколько лет назад и продолжалось три года, пока у шофера не отобрали скульптуру.

* * *

В вагоне поезда. Лысый француз с усиками и в очках, с воблой-женой, прощается в окно с кем-то, кто их провожает из Ленинграда.

– Мерси, Мишель! – говорят провожающему.

Поезд трогается. Жена уходит в купе, он же задерживается, чтобы закрыть окно. Но у него ничего не получается. Пытаясь сохранять достоинство, он напрягается изо всех сил. Удивление, расстройство, смущение. Все это продолжается довольно долго.

Потом он стыдливо, украдкой прикрывает «свое поражение» шторкой и уходит от греха.

* * *

Когда долго, ежедневно и настойчиво делаешь что-то одно, теряешь контроль над временем и над собой во времени. Не замечаешь, как меняешься. Только оглядываясь на сделанное раньше, видишь, как далеко ушел, хотя не понимаешь, как это случилось. Хорошо ли то, куда пришел, тоже не знаешь. Скорее всего, хуже прошлого. Но сделать уже ничего не можешь.

* * *

Самоигральная история для пьесы. Он и Она женаты, любят друг друга. Но Он хочет продать квартиру торгашке, которая на 20 лет Его старше. Для этого Он должен развестись временно со своей женой и фиктивно жениться на этой торгашке, которая пропишется и отдаст ему деньги.

Свою жену Он очень любит. Поэтому развод, хоть и фиктивный, для него пытка.

Вот начинается вся эта унизительная процедура. На суде он ничего не может говорить. Говорит жена, а Он с ужасом слушает, что Она несет про их отношения. Потом в машине они оба плачут, потому что их развели!

Дальше больше. Назначена свадьба с торгашкой. Та хочет, чтобы все было «как у людей». Сшила платье, позвала корешей-торгашей. Он в ужасе от новых пыток, которые приходилось переносить. «Горько!», поцелуи и так далее, так как никто из гостей не подозревает, что все это липа.

Время от времени обстоятельства заставляют Его жить в этой ненавистной квартире, в которой уже расположилась торгашка.

Однажды Он застал у нее мужика и почему-то ужасно расстроился. Сам потом ничего объяснить себе не может. Даже может быть, что торгашка на самом деле в него влюбилась и т. д.

* * *

Но ведь если люди русские не бежали, не переселялись куда-то всем народом, а терпели и жили в этих местах, значит, их что-то очень важное держало?

Меня интересует изначальная природа того, что называется «русский патриотизм»! Откуда он, что он такое есть?

* * *

Человек едет в машине, включил приемник, там поют «Летят утки» или еще что-то пронзительное, русское. Он ехал, ехал, слушал, а потом сам запел с поющими по радио и заплакал.

> Набрать мир можно совершенно из ничего. Достаточно внимательно последить за поведением людей.

Остановил машину на обочине. Сидит, облокотясь на руль, с дрожащими плечами. Вокруг русский пейзаж, состояние точное.

* * *

В конце «Дяди Вани» герои должны быть очень счастливы, что все эти монстры разъехались! Наконец-то!

* * *

Он и Она поссорились. Он с ней не разговаривает. Она уже не может, но никак не «подъедет». Он сух и суров. Едят молча. Если

он и отвечает что-то – коротко, в служебном тоне. Она все заглядывает ему в глаза…

Он собирается уходить куда-то. Она спрашивает, в какую сторону он едет, Он отвечает. Она спрашивает, подвезет ли он ее? Он говорит – да.

Садятся, едут молча. Она пару раз пытается заговорить, он не поддается. Отвечает односложно и сухо. Доехали до места. Она благодарит, выходит… Садится в такси и едет обратно в квартиру. Там сидит на кухне и плачет.

* * *

«Господи! Научи меня всегда разговаривать тихо. Это важно, только тогда может быть понят смысл. Кроме того: важное, значительное творится и говорится *тихо*!»

* * *

Больной лейкемией мальчик, который по длиннющим страшным подземным переходам ездит на велосипеде на облучение.

* * *

Свобода маленького мальчика, который оказался на концерте. На сцене поет арию певица. Мальчик сначала смотрит на нее со ступенек лестницы, ведущей на сцену. Ковыряется в носу. С любопытством смотрит и на зал. Потом вылезает на сцену, трогает певицу за платье.

* * *

Две исповеди: сначала он исповедуется другу, потом его жена исповедуется этому же другу. Никто из них не знает о том, что откровения эти с обеих сторон. Замечательная история жизни двух людей изнутри и с разных концов.

* * *

Когда мама пришла знакомиться со своей будущей свекровью

(моей бабушкой) Ольгой Михайловной, та варила суп на кухне, в берете, с папироской. Отец, его братья, Саша и Миша, все – на кухне. Ольга Михайловна заговорила с мамой по-французски, мама стала ей отвечать… Так они и разговаривали, а три Михалкова сидели и молчали, ничего не понимая и переглядываясь.

* * *

Финны и вообще все эти западные люди при всех их очевидных возможностях удивительно становятся серьезными и внимательными, когда дело касается необходимости платить. Они так серьезно заказывают себе то, что потом будут есть в ресторане, так внимательно смотрят в счет, что становится неловко.

Важное, значительное творится и говорится тихо!

* * *

Так хочется в какой-нибудь нашей картине поразить их масштабом, широтой, огромностью нашей. Мы их боимся, робеем и даже не мечтаем о том, что можем действительно их потрясать. Не той глупостью и фанаберией, которой пытаемся это делать, а истинностью своей широты.

* * *

Нельзя начинать новую работу с позиции своего прошлого опыта, с высоты прошлого успеха. Все заново, все сначала, конкретно, вглубь, собранно, сиюсекундно!

* * *

Если снимать «Дачу», то делать ее нужно в «ретро», то есть обставлять ее миром из 40–50–60-х годов. Все разностильно, разнокалиберно, масса будто бы ненужных и лишних вещей, копившихся многие годы. У каждой вещи – свой запах, своя аура, своя история отношений с героями… Это особый трогательный и печальный мир. (А на первый взгляд – жалкая эклектика дома, в который свозят все ненужное.)

* * *

Только истинное страдание помогает постичь истины жизни и тайны искусства.

Иначе – все головно, рационально, формально, холодно. Эстетски бесчувственно. (Наверное, это не безусловно, но в русском искусстве, по крайней мере, это во многом именно так.)

* * *

Дети играют в прятки. Мальчик спрятался в подъезде между этажей, через окошко наблюдает за тем, кто водит. Вниз спускается мужчина. Понял ситуацию, вышел на улицу и спокойно, походя, выдал водящему того, кто прятался. (Эту историю можно развивать, но она может быть и эпизодом в большой картине.)

> Все эти западные люди при всех их очевидных возможностях удивительно становятся серьезными и внимательными, когда дело касается необходимости платить.

Этот вышедший – допустим, замминистра. Дальше в черной «Волге» едет… Входит в свой кабинет в министерстве с соответственной табличкой на двери… Масштаб!

* * *

Начало или конец (или просто эпизод) картины. Человек приходит домой. Очень подробно видим его существование в квартире. Что-то делает перед тем, как лечь спать. Но напряжение, может быть, уже сейчас нужно создать (не в пример приходу Ульянова в «Без свидетелей»). Этот человек может пить чай, чистить зубы, поговорить по телефону, приготовить что-то для завтрашнего дня, а потом ложится в постель, заводит будильник и выключает свет. Общий план с улицы, в окне гаснет свет. Страшный взрыв. Вылетает пол-этажа вместе с окном.

* * *

Девушка стоит в вагоне метро или в каком-то учреждении в

очереди. Рука опущена, в ней очки с открытыми дужками. Рядом сидит человек, играет коробком спичек. Очки девушки на уровне его рук. Он осторожно ставит коробок на дужку очков девушки. Та замирает. Пауза. Знакомство (!)

* * *

Человек, сидящий в ванной и чистящий одновременно зубы. (Что-то неустроенное, одинокое.)

Потом этот человек (больной, простуженный или даже раненый) в пустой квартире ест из кастрюли суп. Прямо с плиты…

* * *

Какой-то классический балет, который передают по TV, а телевизор висит в зале ожидания аэровокзала, где сидят, лежат, маются тысячи людей.

* * *

Приходит этакое чудо – с нечистой кожей лица, в кроличьей шапке и зеленом, на ватине пальто с заячьим воротником.

– Хочу быть режиссером.

– Садитесь.

Долго возится с портпледом, пытаясь снять его со стула, но тот зацепился крючком. Наконец отцепила, но тут портплед раскрылся. Она в ужасе. Уселась наконец.

– Почему хотите стать режиссером?

– Я хочу рассказать обо всем, что люблю и что ненавижу. Ведь хорошего больше. Человек стремится к свету.

Все это сопровождается застенчивой улыбкой и совершенно нелогичными движениями рук.

– Мне кажется, это не женское дело.

– Женское. Женщина лучше разбирается в психологии. Вот Лана Гогоберидзе очень хорошо показала женскую психологию в гуще событий современной жизни.

И опять улыбка, и опять руками двигает.

– Ну что ж, попробуйте.

Записала адрес курсов. Долго, еще дольше, чем раньше, завозилась с портпледом, пока не уложила на стул.

* * *

«Ревниво оберегая свою еврейскую самобытность и чистоту расы, неразрывно связанную с религией, не допуская в свою среду иноплеменников, евреи диаспоры сами стремятся проникнуть во все отрасли жизни иноплеменного народа, среди которого живут, и, если к этому предоставляется возможность, занять руководящие посты. В странах и государствах с высокоразвитым чувством патриотизма и национализма и населением однородного племенного состава это гораздо труднее и вызывает отпор коренного населения, рассматривающего себя как расширенную семью – потомков одних предков. Гораздо легче это осуществляется в государствах многоплеменных, с населением, связанным только единством территории и верховной власти, или же в государствах, в которых по тем или иным причинам патриотические чувства заглушены и приведены в латентное состояние. В таких государствах для евреев открываются неограниченные возможности к проникновению в правящий класс, без какого-либо противодействия коренного населения. Пробуждение патриотизма в коренном населении, естественно, рассматривается евреями как нежелательная вероятность того, что будет поставлен вопрос об их роли в жизни страны и о возможности, оставаясь по своему миропониманию и правосостоянию чуждыми коренному населению, занимать руководящие посты в политической и культурной жизни государства, в котором они в данное время живут. Все евреи, во всех странах их пребывания, это обстоятельство отлично понимают, а потому и рассматривают всякое проявление народной гордости и патриотизма как угрозу для себя и своего положения в стране».

* * *

Огромное высокое белое здание больницы. Пустой парк. Ни души, тишина, только монотонно звенит где-то в одном из бесчисленных больничных окон телефон. Печальное, тревожное одиночество.

* * *

Весенняя нежность природы. Девственность, дымчатость, тишина ее, неясный шепот. Это очень чувственно – в «Донского».

Куда-либо в атмосферу точную.

* * *

Заблудившийся в стеклянном лабиринте перегородок и дверей аэропорта респектабельный человек. Никого вокруг, за огромными окнами огромные ездят самолеты, и он – бегающий в ужасном лабиринте из стекла.

* * *

На собрании: «Товарищи, вопрос происхождения человека – вопрос идеологический! Требующий марксистского подхода! Кто из присутствующих считает себя произошедшим от обезьяны, прошу поднять руку!» И сам поднял первым.

* * *

Сумасшедшее дачное веселье, постепенно переходящее в совершеннейший китч. Охотничий горн, на котором композитор под большой «балдой» пытается взять ноту как можно ниже. Время от времени общий разговор прерывается звуками этого горна.

* * *

Люди русского Средневековья, совершавшие множество страшных поступков, были хотя и греховны, но не порочны. Они творили грех, но сознавали, что грех совершили, шли в церковь и пытались его отмолить. Теперь же, когда понятие греха стерто, люди стали порочны. Они совершают зло, но оправдывают его обстоятельствами. Ощущение безнаказанности пришло вместе с атеизмом, развратило и опустошило души.

* * *

В прихожей зеркало. Влюбленная женщина, то и дело бегая на кухню, все время ловит на лету свое отражение в зеркале. «Хороша ли?» Это постоянный рефрен – рапиды, стоп-кадры, мгновения, разные состояния.

* * *

Человек в сговоре с бандой. Его любит богатая женщина. Ее-то и должны ограбить.

Он у нее в гостях. Обедают, и он рассказывает ей свой «недавний сон». Рисует все очень подробно, дотошно. В этом сне ее якобы грабили.

И неожиданно все то, что он рассказывает, начинает осуществляться прямо на глазах. Этим своим «сном», который немедленно в деталях сбывается, он доводит ее до полного ужаса.

* * *

Загоревшееся на влюбленной женщине платье. Хотела быть красивой. Носилась, жарила, варила, потом переоделась, пошла на кухню за каким-то блюдом – и от духовки полыхнуло платье. Дальше все происходит уже в обожженных лохмотьях.

* * *

Белые ночи. Сауна «Астории». Из окна виден Исакий и пустой Ленинград. Замечательное соединение фактур, температур, состояний, масштабов, пластик.

* * *

Грузины, собравшиеся ехать на чемпионат мира по футболу в Испанию. Вместо этого они покупают цветной телевизор и оказываются в подмосковной деревне, где смотрят трансляцию с чемпионата.

* * *

Армянин-фотограф. Худой, сгорбленный, сильно пьющий, больной человек. Большой нос, впалые щеки, усики, буро-седой, с плешью и залысинами. На ногах «adidas» местного пошива, нейлоновые носки, узкие дакроновые брюки грязно-коричневато-серого цвета. Дакроновая куртка-пиджак с ушками для пояса, которого давно нет. Все несколько ему маловато.

Очень активен, вошел как человек, которого здесь все знают.

Всю свою аппаратуру носит в полиэтиленовом мешке. Вошел, сразу же включил в розетку свою блиц-вспышку…

Подолгу усаживает людей, чтобы их сфотографировать. При этом шумно скандалит с ними и прежде, чем снять, берет со всех деньги. Собранный и безапелляционный. Выискивает пары, которые, на его взгляд, обязательно будут фотографироваться. У любого стола, ни секунды не сомневаясь, выпивает все, что ему предложат. Пьет быстро – держит бокал тремя пальцами, между безымянным и мизинцем зажав полученные деньги. Никуда не подсаживается. Очень деловой!

> Люди русского Средневековья, совершавшие множество страшных поступков, были хотя и греховны, но не порочны.

* * *

Албена. Трамвайчик. В вагоне садятся напротив меня трое: молодящаяся женщина лет 55, ее дочке где-то 35, и внучка лет пяти. Они еще бледны – видно, только приехали. Мамаша то и дело поглядывает на свою взрослую дочь, улыбается ей, дочка ей отвечает… По всему видно, что мама недавно разрушила жизнь своей дочери, ее муж все-таки ушел, и мамино самолюбие наконец удовлетворено. Всей семьей поехали к морю (теперь без зятя!).

И вот три эти женщины на курорте. Что из этого получится?

Как развить эту историю?.. Допустим, ухажер появится у дочери, а мама на него глаз положит, и так далее.

Короче, как все это превратится в ад, хотя по условиям и климату – рай.

* * *

Тема накакал в писсуар. Сначала пошел только пописать, я дал ему 10 статинок. Затем вернулся уже с «новой потребностью», я дал ему 50 статинок и попросил принести сдачу. Он же вернулся без сдачи.

Сказал, что все стульчаки были заняты, пришлось накакать в писсуар. После этого ему сдачи не дали.

* * *

Охота. Поздний вечер. Луна пробирается сквозь облака, кучнистые, переплетающиеся. Луна то появляется, то исчезает – круглая, большая, белая. Долго смотрю в небо, откинувшись на бок, потом «спанорамировал» на егеря. Сидит за мотором. Мотор ревет. Егерь курит. Ветер вгоняет мне дым от его сигареты прямо в легкие. Долго едем, потом егерь неожиданно наклоняется ко мне, кричит:

– Что говоришь?!

– Ничего!

Он возвращается на прежнее место.

* * *

Палочкой шевелил шпильку на песке и рассказывал о том, что, если ее поднять, а вместо нее положить монетку, может быть новый роман с кем-нибудь.

Она заплакала сразу.

* * *

Для экранизации Астафьева.

Одним кадром: Аким набирает из ключа в кружку воду, ставит кружку на снег, а может быть, держит в руке, что-то говорит, потом панорама на кружку – вода уже под пленкой льда.

* * *

Симфонизировать речь. То есть если музыкальная симфония состоит из голосов разных инструментов, играющих одновременно и тем самым создающих образ и характер музыки и композитора, почему нельзя так же отнестись и к речи? Для этого надо сначала абстрагироваться от конкретного смысла слов каждого голоса – пусть актеры говорят что-то, разбившись по определенным тембрам, каждый в своей интонации, в своем ритме и темпе, рождая общий образ сцены.

* * *

Кострома. Осенний день с солнцем белым. Стадион. Бегу по кругу. Девушка лет двадцати подкрашивает линии. Мальчик лет

17–18 метет метлой листья. Она сидит на покрытии, ему говорит:

– Миш, а Миш, ну скажи хоть словечко-то! – И звонко смеется. Красит. Он не отвечает, метет.

Бегу дальше. Слов не слышу, только ее звонкий смех вдалеке. Снова пробегаю мимо.

– Миш, ну хоть словечко скажи! – Опять смеется.

Бегу. Добегаю до них опять – тема слегка развивается:

– Миш, ты не комфортабельный человек. Знаешь, что это такое?

Молчит.

– Это когда одновременно все может человек делать – и разговаривать, и работать. Ты так не можешь. – Опять ее смех.

Начинаю новый круг и вознагражден совершенно уже новой темой:

– Если бы все так работали, как я, то давно бы уже коммунизм был! – Смех ее.

Бегу, издали вижу – Миша все-таки к ней подошел, разговор какой-то завязался. Он уже не метет, смотрит вовсю на нее. Видимо, зашел спор. Подбегаю. Точно! Спорят, кто больше весит.

Она: – Сначала ты скажи, сколько ты весишь? – Он опять молчит. – Ну скажи, чего ты, сколько весишь?

Молчит.

– Ну ты скажешь или нет? Каков твой вес?! – И опять ее смех, и опять убегаю.

Стадион, солнце, два замечательных человека. Кострома.

* * *

Мама на дорожке долго жаловалась на здоровье. Ноги, одиночество. Через плечо транзистор. Передают одну из оперетт. Мама пошла и запела – вовремя вступив, вместе с певицей из транзистора.

* * *

На охоте в Костроме, в охотничьем домике. Тетка, которая занимается хозяйством, – маленькая, сухонькая, не пьет, не ест жирного, печень болит. Зовут Антонида. Даю ей за постой деньги, уезжая. Она перепугалась:

– Ой нет.

Я настаиваю.

– Ой нет, нет, не надо!

Я опять настаиваю.
Она: – Ой! Я сейчас плакать буду! – И полны слез глаза.

* * *

«Дарование есть поручение, которое должно исполнить, несмотря ни на какие препятствия».

Евгений Баратынский

«Завоевательница»
(История одной актрисы)

Не стану называть здесь имя героини нескольких последующих страниц, условно озаглавленных «Завоевательница», знаменитой актрисы, так как не знаю, захотела бы она быть отображенной в этих записных книжках или нет. Могу сказать только, что мы с ней вместе снимались и это до сего дня очень популярный фильм. Из дальнейшего будет понятно и то, что ее автобиографические остроумные истории, полные трогательной самоиронии, были услышаны мной из первых уст. – ***Современный комментарий автора.***

Приехала в большой город (*Ленинград*) из Оренбурга. Девственница. Хорошенькая. Со всеми знакомилась, всем все врала. Одному скрипачу наврала, что ей 27 лет и у нее ребенок. Скрипач все равно ухаживал, она ходила на его концерты… Потом сама влюбилась в него и призналась, что ей 17 и ребенка пока нет. Получила по морде…

Ничего не поделаешь, характер такой – у себя в городе тоже все выдумывала. Вышла однажды на улицу в маминых сапогах на каблуках, в шубе из искусственного каракуля расстегнутой. Мороз –40˚, пошла по двору задумчиво-загадочная, хватанула портвейну и к однокласснику (а дело было в восьмом классе) домой. В полном дупеле. Там общее было изумление.

Вернулась домой, получила от отчима крепко.

* * *

Еще лет пяти от роду одела летом ровесников в зимнее, сама оделась и сказала всем, что если залезть на газовый баллон, который лежал во дворе, и начать прыгать, то баллон взорвется и они улетят на Луну. Там будет ужасно холодно, но это не страшно, так как они подготовлены, одеты все тепло.

Лето, жара. Дети в зимней одежде скачут на пустом баллоне во дворе.

* * *

В Москве в какой-то конторе устроили художницей-

оформительницей. В наказание за что-то перевели на один месяц в уборщицы. Нужно было каждый день в 7.00 утра мыть полы шваброй.

Решила мстить. Надевала мини-юбку и приходила в 11.00, когда уже полно служащих, проверяющих и вообще кого угодно. Была так привлекательна в мини со шваброй, что все сов. служащие были выбиты из колеи, а бабы ненавидели ее во всех отделах.

* * *

Отец их рано бросил – уехал в Москву, женился почти на ее ровеснице. Отчим, рыжий, лысоватый, с поросячьими ресницами, в «семейных» трусах. Дикая к нему ненависть. Совершенно серьезное и осмысленное желание его убить.

Однажды ночью долго смотрела, как он спал, закинув голову, даже ножницы приготовила. Побоялась за маму, спящую тихо, как кошечка, рядом. Побоялась ее *испугать*.

* * *

Наконец снимается в кино. Должна заработать 2 тысячи.

– Скорее бы их получить!

– Зачем?

– Хочу прийти в ресторан, дать 100 рублей швейцару, и чтобы двери настежь!.. А то группе невкусное все носят и еле теплое. Так на тебе 50 рублей, но принеси, что просят! Купить хочу унижающих меня! Унизить их тем, что я – никто в их глазах еще вчера! – могу заставить их унижаться!

* * *

С подругой в пивной. Стоят с кружками. Рядом – безногий, но красивый на лицо мужик в кресле-каталке. Поспорила с подругой, подошла к нему и поцеловала взасос.

Потом долго бежала от него по улице, с кружкой в руке, а он гнался за ней в этом кресле.

* * *

В снах часто видела Брежнева. Прикармливала его котлетами и арбузом. А он ел и отдавал распоряжения Громыко. Она же в мини посиживала на подлокотнике кресла, в котором генеральный секретарь восседал то в пижаме, то в длинных трусах и кушал из ее рук всякую вкуснятину.

* * *

Немалую часть жизни в детстве провела под одеялом. Что-то все время придумывала, но для пущего страха – обязательно под одеялом.

* * *

Соседка-армянка – проститутка огненно-рыжая, крашеная. Собирала солдатиков. Девочкой ее обожала и вечером всегда ждала, когда можно будет попасть в ее комнату. Там была куча чудесных пластинок. Веселые солдатики.

Кстати, всегда выносило. Никто не приставал.

* * *

В детстве, еще совсем маленькой, украла рубль, купила конфет. Уличили. Отчим избил. На всю жизнь ужас от этого.

В институте обвинили, что украла у однокурсницы рубль. Плакала, оправдывалась, Богом клялась. Решили устроить собрание. Мастер предлагал его не устраивать. Сама настояла. Какие-то девочки на этом собрании сообщили, что ее «подозреваемый рубль» пах так же, как пахло в сумочке и карманах у потерпевшей. Она продолжала апеллировать к имени Божьему. Тут какой-то мальчик вдруг спросил, что она ела в буфете? Она стала путаться. Назвала один сок другим… В итоге – унижение и кошмар. Стоимостью в один рубль.

Отправилась в Никольскую церковь. Подошла к священнику. А он спросил у нее документы.

В отчаянии стояла у ворот собора, старушки на службу шли. Дождь, Ленинград. И полное отчаяние.

Лариса Гузеева и Никита Михалков в фильме «Жестокий романс» (1984)

* * *

В холле гостиницы «Волга» видел девушку и парня. Самые обыкновенные. Но подумалось: а как у них все происходит друг с другом? И с миром вокруг?.. Как в них проникнуть? Как их ощутить?

* * *

Скандал с сыном. Отец дал ему подзатыльник или пощечину. Сын непроизвольно дал ему сдачи.

Отец начал истово крестить сына и плакать:

– Господь тебя прости! Прости тебя Господь!

Потрясение сына.

* * *

– Дорогая, печень хочешь?

Муж долго держит перед женой миску с печенью трески. Жена долго смотрит на миску. Потом отворачивается и продолжает разговор с подругой.

* * *

Понимаю, почему Рязанову необходимо все время смотреть телевизор. Он определяет правду происходящего не по тому, что происходит на площадке живьем, а по тому, насколько это возможно в ограниченном рамками кадра мире, то есть заведомо уже условном и лживом.

Вот отчего ему не важно, насколько серьезно и правдиво то, что происходит на площадке. Заведомое занижение критериев. Заведомая надежда на всеядность зрителя (может быть, и подсознательная).

* * *

Женщина хочет зарезать спящего мужчину. Он спит, она стоит над ним с ножом. Неожиданно он просыпается, садится. Смотрит на нее, на нож.

Она смотрит на него. Он встает, голый, в трусах, идет в другую комнату. Она идет тихо следом, замахивается ножом ему в спину, бьет, но удара мы не видим – он уже за дверью. Долгая пауза.

Мужчина разминает руку, женщина сидит в кресле, из ее носа течет кровь. Нож на столе.

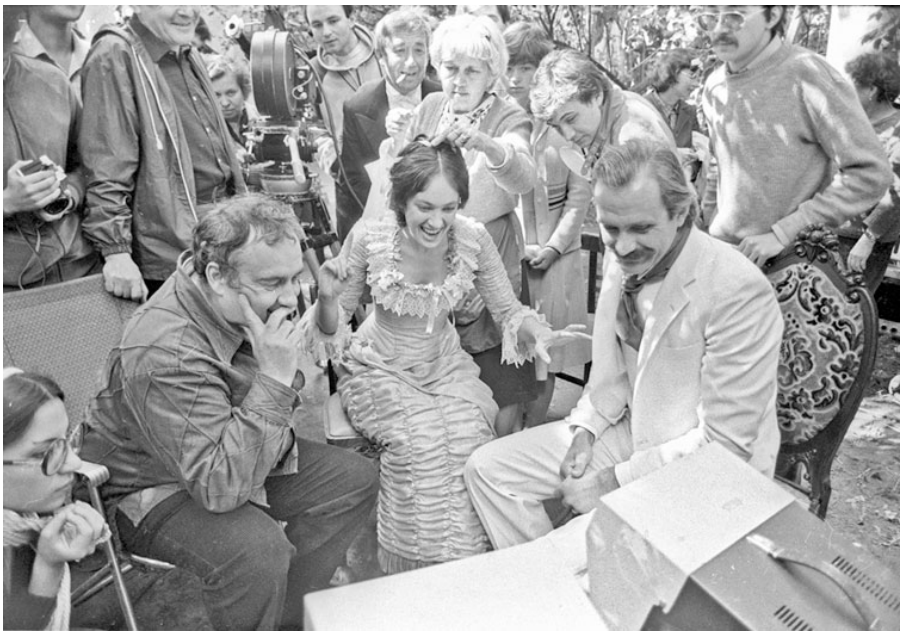
* * *

Понимаю, почему дорога всегда была так нужна художнику. Чехов отправился на Сахалин лечить душу… Оторваться от привычного, дальше которого перестаешь видеть.

* * *

Два костромских художника-реставратора с детишками пошли в баню, с большого похмелья. У одного в руках – огромная авоська. Выяснилось, что это он взял с собой в баню гармонь. На полатях сидят в парилке мужики, а им на гармошке играют.

Потом гармонист пропал, выяснилось, что играл в предбаннике, а мужики плясали. Бабы через стенку услышали. Дождались, когда гармонист выходил, стали его уговаривать зайти к ним поиграть. Он отнекивался, а они его уже раздевать начали. Привели в подштанниках к себе, завязали глаза полотенцем и давай плясать, а тот играет, наяривает! (И маленький его сыночек рядом.)



Режиссер Эльдар Рязанов, Лариса Гузеева и Никита Михалков отсматривают снятый материал на съемочной площадке «Жестокого романса»

* * *

19. X.83

«Грибоедов»

1. Охота. Осень. Лошади, собаки, леса. Волна чувства. До слез.

2. «Русский остров» в Тегеране. Посольство. Цыганенок. Казаки. Песни, службы, родные обычаи среди минаретов и мулл.

Записные книжки 1989–1991 гг.

Начато 14.10.89

Москва – Берлин

Какой-то официальный прием какой-то делегации у какого-то Премьера.

Долго и подробно видим подготовку: охрана, автобус, рации, переходы, лестницы, коридоры, стая журналистов, протокол, рассаживание по именным местам, торжественная тишина ожидания… «Идет!» Суета охраны. Опять проходы, все готовятся к встрече, все чопорно и торжественно… Кончается ужасным и стремительным скандалом, с пощечиной кому-то наотмашь.

* * *

Подробно снимать аэропорт. Спящие…

Красивая надменная малазийка в белом пальто, из-под которого видны красные рейтузы и черные туфли на босу ногу.

Пожилой человек, тянущий со страшным грохотом по шашечному полу свой чемодан за ремешок. Человек нервничает, видимо, опаздывает, потому то бежит, то приостанавливается (звуковая доминанта катящегося чемодана).

Очень крупная американка или, скорее всего, немка, одетая, что называется, «в цвет» (все этакое коричневато-бежевое) и с великим носом.

Сильно нервничающая девушка маленького роста и с тяжелой сумкой. (Не помог.)

* * *

Замечательный эпизод для истории: «Россияне – там…»

Отец коммерсанта Романа Полевского гостил у него в Западном Берлине. Утром Роман сидит внизу с клиентом – ведет переговоры. Роман строг и внушителен, клиент суетится, хочет понравиться.

В это время сверху спускается папаша – босой и в семейных

трусах. Клиент очумело глядит на него. Папаша ласково улыбается, делает успокаивающий знак рукой:

– Ничего-ничего. Я вам не помешаю… – и прошлепал на кухню.

Роман теряет всю осанку, весь напор, что-то начинает суетливо говорить клиенту о его делах. Тут же решает в его пользу все вопросы, даже денег не берет с него.

Потом может быть хороший разговор с отцом на кухне.

* * *

Я побежал перед Таней по коридору гостиницы и захлопнул дверь. Она же, оказывается, даже не помнила номера комнаты. Стала хохотать и метаться, о чем-то упрашивая несколько закрытых дверей. (Видел все это через «глазок».)

* * *

Светлана Аллилуева говорила, что вернулась в Россию, посмотрев нашего «Обломова», но вскоре уехала опять. Почему? Да потому что Обломова я тоже снимал не про ту страну, в которую она вернулась.

Режиму не нужен Обломов, ему нужны Павлики Морозовы и Корчагины…

Хорошего мне сказать об этом режиме нечего, а о плохом говорить не хочется. Совсем.

* * *

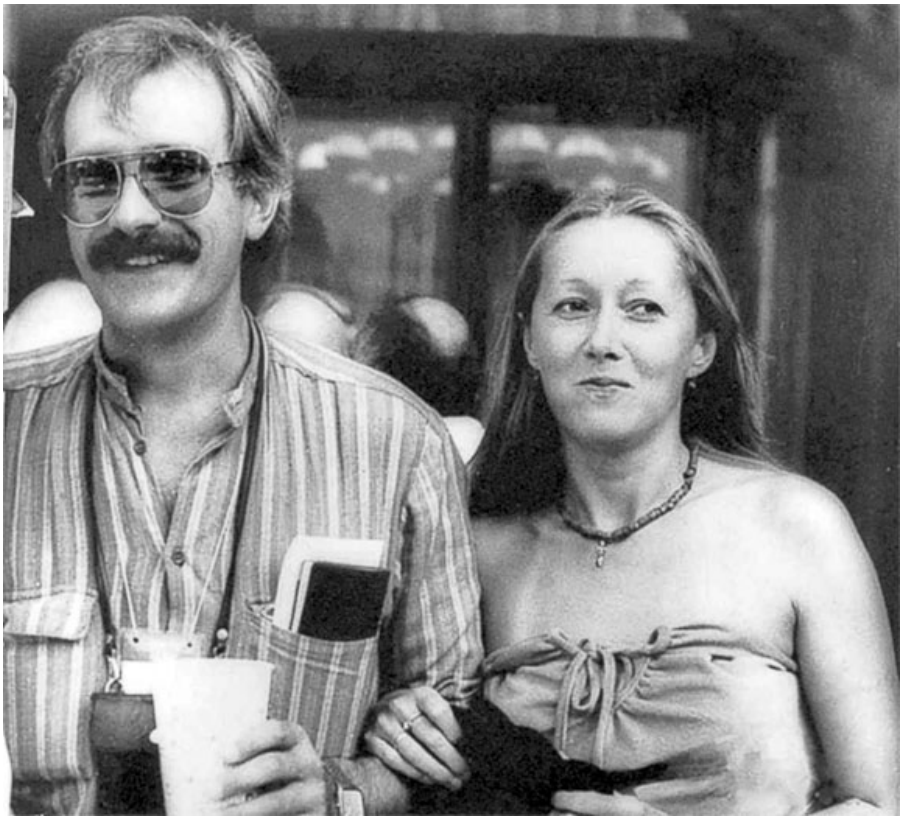
Панорама по окнам небоскреба, может быть, снимать с вертолета до 35-го этажа, где выезжаем на сидящего за столом человека. Человек сидит на среднем или крупном плане, и дальше пошло действие.

* * *

Снимая про «Фиат» («Fiat»), нужно забыть о «Фиате»! Нужно снимать для них, но свое! И только свое!

* * *

История в шикарном автобусе, набитом всякими «примочками»: Air/con., бар, стереофоника, бархатные кресла и так далее.



Никита и Татьяна Михалковы

С этим автобусом в дороге начинаются всякие приключения. В результате он постепенно теряет свой шикарный вид и становится для пассажиров просто повседневной необходимостью, домом с битыми стеклами, пыльным, замызганным, но живым и настоящим.

* * *

Все пропало, все просрано, раскрыта ужасная ложь! Последние под звуки утренней гимнастики уходят «туда» – за шлагбаум. Остались старорежимники, идеалисты, «хозяева» (все это придумавшие) и дураки.

Пауза. Поднимается ветер. Он тоже в «ту» сторону. Ветер тащит бумажки, обрывки, тряпки и вообще всякий сор. И вот эти

оставшиеся начинают от ужаса и безысходности собирать этот сор под видом «демократического кинематографа»! Собирают мусор и шелуху! Хоть и грязно, плохо, да свое. И не дай бог, кто тронет!

* * *

Они (японцы) уважают не только иностранцев, как мы, искренне считающие, что сервис иностранцу действительно нужен, а наш и так скушает. Нет, в японцах есть и это, правда, с несколько иным посылом – «мы после покушаем, кушайте вы!», но обращаться так с ними извне никто не смеет.

Мы же перед иностранцами приниженно заискиваем, а потом сами у них и крадем! Ибо если не украдешь, то иначе уже никак и не получишь, хотя бы тебе и полагалось!..

* * *

Вообще-то отношение к закону у нас и раньше было достаточно вольное в Отечестве. Закон трактовался совершенно самодеятельно, и никакими увещеваниями заставить следовать его «букве» было невозможно. И тогда все решали личные отношения.

Это важно вообще для понимания России.

* * *

Господин в самолете, салоне первого класса, – в разных носках. То есть по цвету они примерно одинаковые, но от разных пар. Видимо, одевался, торопился, а уже осень, в гостинице темновато, потому и ошибся.

* * *

В туалете, чтобы было удобно, снял штаны полностью. Был несколько «бухой», некоторое время поспал на стульчаке, а потом, все позабыв, вышел «в люди», так и забыв штаны с трусами в сортире шикарного «Boing'а».

* * *

Воришку вокзального попросила замечательная английская бабушка посторожить ее вещички. Вот было изумления и радости ему… (Чем кончилось, пока не знаю.)

* * *

Унылый, томный пидор, которому в аэропорту Лондона делают маникюр.

* * *

Сумасшедшая, размахивающая руками еврейка, в очках и с волосатыми ногами, в школе «Berlitz». И смиренная, ничего не понимающая польская монахиня перед ней.

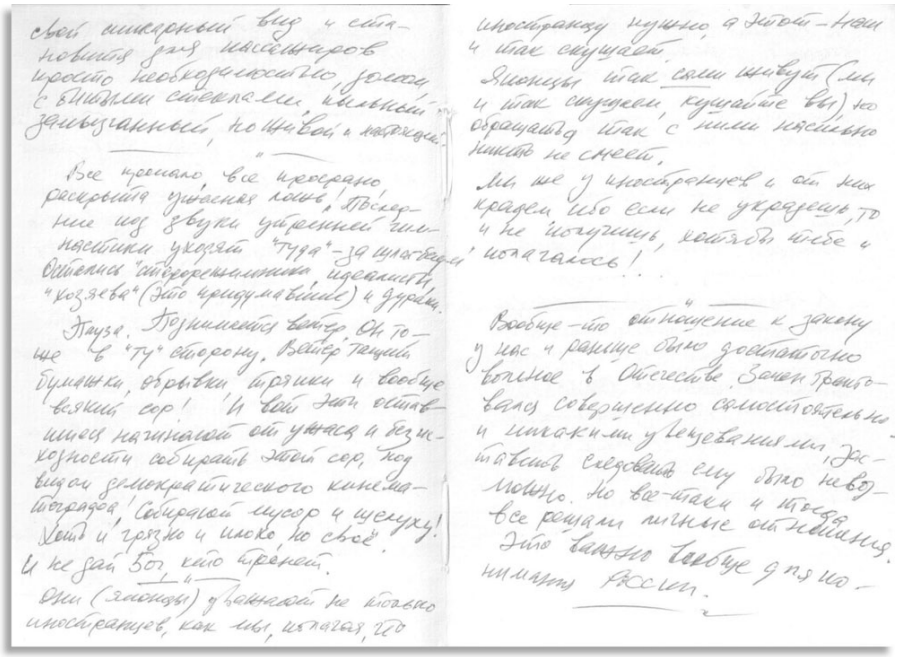
Или унылый измученный русский или хохол.

* * *

Тут, в L.A. (*в Лос-Анджелесе*), нет никакой даже надежды на созерцательность. Их больше интересует, как они отражаются в глазах друг друга, нежели как мир отражается в их глазах.

* * *

Мужчина, который долго говорит о чем-то за столом и все время указывает мизинцем то туда, то сюда.



Ох, как же это потом раздражало его жену, как ей было это отвратительно! В какой-то момент это могло стать поводом для совершенно не объяснимого логически скандала. Постепенное накопление негатива и раздражения, и… этот мизинчик в итоге. «Последняя капля».

> Все пропало, все просрано, раскрыта ужасная ложь! Последние под звуки утренней гимнастики уходят «туда» – за шлагбаум.

Она теперь все время смотрит на его мизинчик.

* * *

Попробовать следить подробно только за руками.
К чему приводит эта «прелюдия рук»?

* * *

Вдвоем сидят в пивнушке. Он знаменит. Она уходит позвонить…

Возвращается, а он уже получил от кого-то по морде. Но ей ничего не объясняет.

(Эта пощечина должна в конце все разъяснить.)

* * *

Русские туристы за границей.

Один здоровенный балбес ковыряется с несколькими, видимо, только что купленными, часами. Они, не останавливаясь, тикают на разные лады.

«Наши за рубежом». Возбужденно-подавленные, все в искусственных, химических тканях и такие узнаваемые – ни с кем не спутать.

* * *

Русский человек не может быть счастлив так, как понимают счастье представители других национальностей. Рядом со счастьем у русского всегда существует стыд за это счастье, неуверенность в его, этого счастья, долговечности, страх, что оно незаслуженно и Господь за это спросит.

Мне кажется, для русского человека настоящее счастье может быть только в Храме. Там он под Покровом, там он спокоен. Ведь не случайно же у русских счастье совсем рядом со слезами.

* * *

Как же так могло случиться, что *человек без Веры* оказался на столько десятилетий лучшим человеком в России? Как могло случиться, что русский человек надолго перестал осознавать, что кто бы то ни было без Веры – вообще не интересен.

Как же можно жить без Веры? Что толку, что тебе объяснят физическое происхождение молнии, а как жить без Чуда? Как жить русскому?

* * *

Русское делание. Русское созерцание…

Все-таки даже в этой нищете и пустоте всегда существовала атмосфера для жизни русской души. Погружение. Подробности. В этом погружении и заключается постижение. Не многословие, не суета, а проникновение и разработка. Каллиграфичность

существования! Чехов! Он весь на деталях своей каллиграфичности, а уж Бунин и подавно.

Толстой существовал в мире, где каллиграфичность была поддержкой на пути к постижению масштаба. Впрочем, она же была и этим путем.

Достоевский, напротив, шел от масштаба к каллиграфичности. Чехов же – наоборот, как и Бунин.

И всюду в итоге возникал осязаемый, видимый мир. То же Набоков! Только для него «деталь» была наслаждением, лакомством, он ею упивался. Чехов же ею повседневно и обытовленно жил, она для него была средством, не целью.

* * *

Господи! Как бы не потерять это ощущение жизни – таинственное и волшебное!

* * *

Танцующий в «капучино» сахар.

* * *

«Ну вот, это наш первый скандал на твоем языке». (Из некой пьесы)

* * *

Нашел записку, признание. Каракули с жуткими ошибками. Долго читал, улыбался, потом взял красный карандаш и аккуратно исправил ошибки…

Что потом?

* * *

Она:

– Я, наверное, самая ревнивая женщина на свете.

Он (твердо):

– Нет. (И вышел в ванную.)

Пауза. Ее изумление и обида. Долгое молчание. До

изнеможения самомучения. «Кто же та… самая ревнивая?»

* * *

Постоянное ощущение утраты. Утраты чего-то важного, естественного… и единственного.

* * *

Неизбежность, несбыточность, невозвратность – три субстанции человеческого бытия.

* * *

А. не может терпеть, даже если на нее лают собаки.

* * *

Все-таки «кино» – это не просто пересказ сюжета. Это пластико-ритмическое мышление. Соединение ритма пластики и цвета, температур и режимов.

Тонкость начинается там, где кончается необходимость пересказывания сюжета. Но тут важно и не опуститься до шифрования пустоты. «Классика», как мне она видится, и есть то самое, волнующее всех, наполнение. Эмоция, масштаб мышления и способ выражения!

Но «пилотаж» еще возможен и в том, когда «как» становится тем «что». Великое дело, когда это «как» не погибает в чистой форме.

* * *

Итальянские политики за ужином в ресторане. Долгие умные рассуждения, мелькают имена, фамилии, политические ситуации, их причины и следствия… – все это чинно, спокойно, самоуверенно, чередуя блюда и вина.

Потом принесли счет. Долго смотрят, подняв на лоб очки, считают, сверяют с тем, что ели, передают друг другу счет, кивают головами, потом долго высчитывают, по сколько им нужно скидываться. Тащат из карманов бумажники, мусолят

купюры, пересчитывают.

Последним уходя, один прихватил из оставленных чаевых какую-то мелкую бумажку.

* * *

Невротик на бензозаправке. Весь дергается, что-то говорит, попрыгивая, бензозаправщику. Все время повторяет: «Ты меня понимаешь?!.. Ну ты же меня понимаешь!» Тот, кивая в испуге, напряженно смотрит на сосок, держа его обеими руками.

> Отняв Бога, его попытались заменить идолом Коммунизма, и все рухнуло. Только изуродовали национальное самосознание.

Неврастеник берет деньги у старухи, сидящей впереди, тепло прощается с заправщиком и, подпрыгивая, усаживается в машину. Она тут же срывается с места.

* * *

В китайском ресторане. Сидим, ужинаем. Толя говорит: «Нет, я только рыбу, больше ничего».

Стали приносить китайские штучки, водоросли и так далее. Потом принесли курицу под сладким соусом и еще что-то под таким же соусом, но поменьше. Решили, что это и есть рыба для Толи. Он начал есть. «Вкусно». Все попробовали. Я тоже. Говорю: «Что-то не похоже на рыбу». «Нет! – говорит Толя. – Даже вкус рыбный». Все съел, отвалился…

Через мгновение подходит «мэтр»: «Ваша рыба уже почти готова, ее заканчивают». – «А это что было?» – «А это свинина».

Принесли рыбу дикой величины и еще тарелку рису.

Ужасно мы хохотали. Толя чуть не окочурился.

* * *

В детстве я пытался записать на только что купленный отцом магнитофон радиоспектакль. С шагами по болоту и выстрелом. Шаги делал губкой в тазу с водой…

* * *

Да все довольно просто. Просто совершенно потеряли всякую самостоятельность мышления. «Руководящая роль партии» истребила человеческую инициативу и доверие, самостоятельность и надежду.

> Тонкость начинается там, где кончается необходимость пересказывания сюжета.

Отняв Бога, его попытались заменить идолом Коммунизма, и все рухнуло. Только изуродовали национальное самосознание.

* * *

Аэропорт. Токио. Странный звук, навязчивый и странный. Постепенно приближаемся к нему. Человек играется – водит краешком пластикового стаканчика по небритой щеке…

* * *

Старая телефонная книжка. Иных уж нет… Что-то стало с этими?..

Путешествие по записной книжке (польский рассказ «Яичко»). Пронзительные воспоминания.

То ли это после войны, или отсидел, или вернулся из эмиграции…

Важно, чтобы все время существовала тайна взаимоотношений. «Тайная жизнь»… (Бунин, Чехов, Набоков, Берберова…)

Нужно, как в «Великом Гэтсби», – чтобы эта тайна тянула интригу всего фильма.

* * *

Мальчик, смотрящий на лес зимой. Потом полез по сугробам, обнял дерево и его поцеловал…

То же – старик…

* * *

Приснилась какая-то девушка, которая почему-то, чтобы сосредоточиться и принять решение, становится посреди потока

мчащихся машин и так стоит…

* * *

Танец в доме престарелых. Панорама камеры на тумбочку с лекарствами… Пронзительное, до слез, воспоминание.

* * *

Все большее внимание начинаю обращать на звук. Видимо, американцы отчасти правы, когда ставят звук по значению выше изображения. Я не полностью разделяю такое отношение к звуку, но, без сомнения, слышимое имеет чрезвычайно важное значение для воздействия на эмоцию. Это, на мой взгляд, одна из самых чувственных струн зрителя.

Что звучит, *как*, в каком *соотношении* с другими звуками… – все это имеет невероятное значение на управление эмоцией.

* * *

Если после «Hatale» хозяин магазина не сменит праздничную витрину и оставит Деда Мороза, значит, дела его плохи, он не отдается всей душой своему бизнесу и, соответственно, предприятие его умирает.

А сколько раз я видел у нас в мае забытые предупреждения о гололеде. Или призывы выполнить решения какого-нибудь пленума, который давным-давно прошел!..

* * *

Маленькая итальянская «Trattoria Enzo». Семейное дело: дед с бабкой готовят, сыновья с невестками подают.

Пусто. Маленький внук – 2–3 года. Бродит между столиками с грузовичком на веревке. Посетитель просит счет. Дед пишет счет и отдает этому мальчику. Тот несет счет. Клиент смеется, вручает мальчику деньги, тот несет их деду, дед отсчитывает сдачу, мальчик несет посетителю сдачу, посетитель весело дает «на чай». Объясняет, что одну бумажку деду, другую – внуку. Тот кивает, но приносит все бумажки деду, дед берет свою купюру, на глазах у клиента протягивает внуку его вознаграждение. Внук

принимает, хотя не особенно знает, что с деньгой делать…

Замечательно все, добродушно, по-семейному… И все – от мала и до велика – работают. И работают много и очень хорошо.

* * *

Как все закономерно!.. Все эти годы талантливым считалось только то, что построено на отрицании, на разрушении… Весь Высоцкий построен на отрицании, Галич, Бродский и очень многие.

Вижу в этом то же, что в большевиках.

* * *

Чеховский персонаж. Как немного выпьет – то аплодирует, то крестится…

* * *

Он часто в шутку пугал ее в доме. Допустим, она на втором этаже, он должен вот-вот появиться. Она слышит его, окликает, а он не отвечает – стоит под лестницей, спрятавшись. Она начинает смеяться, звать его, он терпеливо ждет, молчит. Она не выдерживает, спускается, и он ее успешно пугает. Общий хохот, крики…

Так было и в этот раз. Он пришел, спрятался, она его окликает, зовет, он молчит. Все уже слишком долго – с ее поведением, смешным и наивным. Наконец она спускается, а он, убитый, лежит…

Хорошо это по форме, но совершенно отсутствует чеховская тонкость. Все это, пусть и не сразу, ожидаемо… А вот то, что не ожидается, и не потому что запрятано в плоскости, а потому что спрятано и существует в глубине. Это – настоящее.

* * *

Певец и его жена. Он популярен в родной своей провинции. Жена – актриса городского драматического театра.

…Жрать в городе нечего. Певец поет в тюрьме – по двум причинам: во-первых, в этой тюрьме сидит друг, во-вторых, там

можно раздобыть продуктов.

На день рождения сына жена вместе с начальником тюрьмы (их отношения тоже могут быть весьма любопытны) едет в эту самую тюрьму за продуктами для дня рождения.

Замечательный финал всех перипетий Совдепии: продукты можно получить только в тюрьме.

* * *

Как важно, чтобы дети могли видеть тот же пейзаж, что и их прадеды!

Как показателен в этом отношении Рим! И пусть не усмехаются бездуховности и варварству современной цивилизации: в Риме всюду лифты, всюду туалеты и кондиционеры, но ничто не разрушено в угоду этому цивилизованному миру!

> «Русский человек может быть свободным только в окопе».
>
> *(Министр культуры СССР Н. Н. Губенко)*

Актер, режиссер Николай Губенко в пору своей политической деятельности

* * *

Замечательная деталь: в приемной министра культуры под столиком с телевизором – на полу заряженная мышеловка.

* * *

Деталь: собираясь домой с дежурства в больнице, дежурный забрал с собой несколько упаковок с лекарствами.

* * *

Для нового замысла – картины «Новый московский философ»:

– Да надоели мне все ваши идеалы, я просто жить хочу! Вы хорошо устроились! Придумали нам идеалы, за которые мы беззаветно должны умирать, а сами живете себе припеваючи!..

* * *

Она через какое-то время видит его в машине, его везут в государственном лимузине с телефоном. (Она выезжает из переулка, а он в трафике проезжает мимо.) Она его видит, не верит глазам… Но трафик не дает его как следует разглядеть. Очередная остановка, она пытается вылезти из машины, подбежать к его лимузину, но поток опять трогается. Ей сигналят. Она возвращается в машину… Опять едут…

Это можно развивать в динамике (короче, ситуация – трафик и поиск в нем человека).

* * *

Приключения в шикарнейшем отеле, типа того в Марокко.

Невероятная смесь французской холодной чванливости с сумасшедшей восточной пышностью. В таком отеле ты – совершеннейший раб, хотя, по идее, все должно быть наоборот.

С одной стороны, тебя усыпляет то, что любое твое движение предугадывается, но это же и означает, что ты под неусыпным наблюдением, контролем.

Возможно, такой отель мог бы стать контрапунктом к истории о кочевых племенах.

Страшная реклама McDonald's: в два раза длиннее очередь и в два раза быстрее двигается, чем к Мавзолею.

* * *

В лифте изнутри – зеркальные двери. Хорошая фактура для внутрикадрового монтажа и смены изображений: когда половинки дверей сходятся, видим отражение того, что внутри лифта, когда расходятся, изображение внутрикадрово меняется на то, что происходит на этаже за дверями.

* * *

Вообще, сделать историю, произошедшую в таком «Парадизе». Столы в саду, тут же бассейн с голыми сиськами, тут же официанты в ливреях, тут же какие-то райские птицы… Чуть дальше – звуки мячика на теннисном корте, кто-то отжимает плавки в кустиках, не ведая, что он чуть ли не в центре какого-то пати…

Что-то ужасно притягательное в такой вот подробной истории, с погружением в нее, с абсурдом и недрами тайной гостиничной жизни.

Может быть, это «история таинственного незнакомца», который приехал с Ней откуда-то. И кончается все для него тем, что он, уже в этом отеле, берет опять в руки поднос.

История сломленной души… Он нанимается в дом к некому Орлову, чтобы убить его отца. Но безумно и бессмысленно в Нее влюбляется. Любовь эта постепенно все более отодвигает его от решения убить. То есть все более уводит его от той цели, ради которой он сюда нанялся.

Когда же отец неожиданно говорит ему о сыне в сущности то же, что думает о нем и герой, тот уже просто не в силах убить.

А потом вся история в поездке, в отеле. С приходом к подносу.

* * *

Молодой марокканец – в феске с надписью чьей-то фамилии на дощечке в одной руке и с колокольчиком, который тихо позвякивает, в другой – медленно идет мимо распластанных тел вдоль бассейна, ища господина, имя которого написано на доске

(его позвали к телефону).

Замечательно по звуку и атмосфере.

* * *

Замечательная секретарша:

– Ой, а мне бы вы не захватили бы чего, только холодного…

Ее любимое занятие: решать кроссворды.

* * *

«…И детей научила сахар в стакане не мешать против часовой стрелки!»

* * *

Февраль, 1990 год

* * *

Длиннющая очередь, война, духота, мордобой! – в результате бутерброд в руках! McDonald в Москве!

Монтировать с Мавзолеем.

* * *

В «Новый московский философ»: разговор о том, что более важно, когда о страданиях говорит счастливый. Это, может быть, ценнее…

* * *

В «Новмоскфил»: красят Ленина. В продолжение всего фильма его красят. Покрасили наконец. Отъезд: стоит бронзовый «красавец», а перед ним раскинулась российская разруха.

* * *

Молебен в разрушенном храме. Стены исписаны, облуплены, в куполе дыра – а молебен идет. И лица… лица… Удивленные, неготовые.

(«Новмоскфил»)

* * *

Похоронная процессия случайно вклинивается в демонстрацию студентов. Сюда же попадает и проститутка, бредущая с ночной работы, и много кто еще…

* * *

Человек на мопеде, стоит на красный свет и массирует голову…

* * *

Сегодня изучали «семейную оборону». Дача, охотничьи ружья. Всерьез разговоры о самообороне.

* * *

История с советским офицером, возвращавшимся домой.

Навстречу – шпана… Потом демонстрация. Лозунги, ругань, крик, раскачивание… и снова шпана… А у офицера пистолет в кармане.

Потом пьянство с этой шпаной. (Ничего не понимающие, без веры, без задач.)

* * *

«Демократия выбирает не лучших, а согласных». (В. Максимов)

* * *

«Сплочение вокруг Российского ствола».

* * *

«Готова до конца дней жить впроголодь, но только не видеть рядом с собою богатых». («Новмоскфил»)

> Странная надежда современных лидеров на то, что о чем-то рассказать или поставить вопрос – равнозначно тому, чтобы его решить! Сумасшедшая говорильня, сумасшедший плюрализм, маниловщина, прожектерство и никакого дела!

* * *

Плюрализм – это когда каждый может говорить, но не каждого нужно слушать.

* * *

Вообще-то «Новый московский философ» должен быть картиной именно о том, о чем мы (я, например) думаем касаемо того, что происходит в стране нашей и почему.

* * *

Соборность вокруг Российского ствола. Это, думается мне, очень важно.

* * *

Старушка, взлетевшая в видении в объятиях отца, как в детстве. И переход в ее детство… («Новмоскфил»)

* * *

Телефонные разговоры девочки с играющим с ней папой. Телефон игрушечный.

* * *

Панорама по разрухе под музыку Мокроусова.

Когда каждый может говорить – это плюрализм, а когда каждого нужно слушать – это идиотизм.

* * *

Воспоминания о матери, неожиданные и пронзительные. Наотмашь должны ударить.

Петренко тихо плакал по старушке, совсем чужой и нелюбимой, как по чему-то своему, родному, уходящему, как мог плакать по матери.

(«Новмоскфил»)

* * *

Внутрикадровая импровизация! Актер, выходящий из кадра, возвращается с новой импровизационной, поворотной задачей…

* * *

Притча о циркаче в церкви. Один в пустом храме, на коврике, делает акробатические трюки и тем самым творит молитву, разговаривает с Богом, ибо это его талант, и Бог именно этим талантом его наградил.

(«Новмоскфил»)

* * *

Не спешить рассказывать историю, не торопиться схватить зрителя. Постепенность погружения, но без пауз в напряжении истории!..

* * *

Концерт в поле у колхозников. Какая-то народная капелла. Сидят по разные стороны деревенской пыльной дороги. По одну сторону дороги зрители, колхозники, по

другую – оркестр. Идет концерт… И с ужасом все видят, как издалека в клубах пыли несется грузовик.

Повороты возможны любые. Кто-то побежал навстречу… Водитель хоть не сразу, но остановился. Или пронесся и засыпал всех пылью…

(«Новмоскфил»)

* * *

Отметочки роста девочки на стенке. Переход от этих отметочек к старушке и обратно.

* * *

Рождение! Вообще рождение может быть любое: новые Весна, Осень, Лето, Зима – это прикосновение к тихому рождению чего-то в тишине и глубине природы…

* * *

Постепенное заполнение кадра и постепенное раскрытие его масштаба. То есть мы не сразу понимаем *где* и *что,* но постепенно нас заполняет информация не только хронологически-сюжетная, но и чувственно-пластическая. («Гражданин Кейн».)

Постепенность заполнения и несуетность повествования. Легкость в этом замечательная, но легкость напряженная.

(«Новмоскфил»)

* * *

Из детства: показывание жоп в окошко. Чем больше жоп, тем лучше. Собираются мальчишки, выстраиваются перед каким-нибудь домиком одноэтажным, снимают штаны, поворачиваются жопами и встают «раком». Кто-нибудь из них стучит в окошко. Человек выглядывает и видит шеренгу блистающих жоп. Потом все разбегаются. (Однажды меня тоже взяли с собой – по причине величины жопы и из желания втянуть в бесчинство.)

* * *

Нужен новый «соборный» метод подхода к делу, к возможности погружения.

Я не нищету и «равенство» имею в виду, а именно – погружение в среду. Всем вместе, но при железном контроле «над». То есть то самое Михаило-Чеховское: и «внутри» и «над» – одновременно.

(«Новмоскфил»)

* * *

Мать-одиночка, мальчику 6 лет. Чудесный парень. Ужасная тоска по мужчине в доме.

Появляется гость… Замечательное дуракаваляние… Хохот и счастье…

Уходя, гость сказал мальчику, показывая на висящий на стене колокольчик: «Как соскучишься, позвони, и я приеду…»

Можно трогательно развивать эту историю. Примерно так: мальчик, звонящий в форточку.

Вновь появление этого человека, но уже прошедшего через что-то…

* * *

Бокал вина или пива, который один человек перевез через границу, не расплескав, на другой континент, чтобы выпить с друзьями.

* * *

В японской актерской школе ничего не пропускается: если ты поставил стакан, то на этом действие не заканчивается, что-то еще и дальше, то есть то, как ты отрываешь от стакана руку, – тоже очень важно.

То есть не законченность движения, а продолжение его…

Сосредоточение энергии и ее переливание – в беспрерывности перехода из одного ее выражения в другое.

Это уже иная каллиграфия, иной этаж актерского существования. Это все стоит «за» словом, выше слова. Это

особенное самоощущение в пространстве.

* * *

Это вечное, странное перемещение вещей в доме. Никогда и ничего невозможно найти вовремя! Причем впоследствии обнаруживается в самом неожиданном месте!

* * *

«Телеграмма, если она настоящая и послана, потому что нужно послать, всегда ужасно близка к тому, что мы называем искусством. Ее эмоциональное напряжение до изгиба втиснуто в короткую отчетливую форму, и каждое слово читаешь, высасывая его до конца. Уж в ней не ошибешься, так же как и во взгляде, – она именно такая же немая, как взгляд, и поэтому такая же, безошибочно значительная.

Вот стихи. Это телеграммы в литературе: они не рассказывают, а воздействуют…»

(Вс. Пудовкин)

* * *

Вс. Пудовкин о Монголии: «…Мы проехали незамеченными. Здесь очень легко остаться незамеченным. Слишком заняты все своим, мало нам понятным делом…»

«Здесь можно улыбаться в одиночестве, уверяю вас. Улыбаться с радостным уважением к себе и окружающему вас великолепию…»

* * *

«Я думаю, что близость к природе и праздность составляют необходимые элементы счастья; без них оно невозможно…»

(А. П. Чехов – Суворину А. С.)

* * *

«…Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать теперь русский человек?» Вот мой ответ: Желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство…»

(А. П. Чехов – Суворину А. С.)

* * *

«Вон видишь дома: окна темные почти все, а где свет горит, там или пьют, или ругаются».

(А. П. Чехов)

* * *

Семья. Разные отношения, ссоры, сложности, ревность, проблемы, но всегда непрекращающаяся любовь! Не всегда видимая, не всегда ощутимая внешне, но всегда существующая и выплескивающаяся в любое удобное для того мгновение.

* * *

«Надо работать, имея в виду только будущее».

(А. П. Чехов)

* * *

«Герой – это поэт действия; поэт – это герой созерцания».

(Д. С. Мережковский)

* * *

«У Пушкина жизнь стремится к поэзии, действие к созерцанию; у Лермонтова поэзия стремится к жизни,

созерцание к действию».

(Д. Мережковский)

* * *

«…Кто не может подняться и не хочет смириться, тот сам себя обрекает на неизбежную гибель…»

(Вл. Соловьев)

* * *

Петербург «Цирюльника» – зима, много верховых, много военных.

* * *

Но там, на Западе, все и всегда держалось совершенно на другом. Там были совершенно иные рычаги. У нас же покаяние, стыд, удаль, православие, Государь, палка, зависть, пьяный порыв, созерцательность, жертвенность, парадоксальность, обнажение, откровение, ханжество, праведность, иррациональность, страдание.

* * *

У Бунина: мальчик, в постели рассматривающий свою силу мужскую.

* * *

Гений Пушкина в том еще, что он умел гениально рифмовать атмосферу. И недаром Толстой называл Чехова: «Пушкин в прозе». Это изумительно точно, ибо Чехов тоже создавал атмосферу, но только в прозе. Как же это точно! Вот Достоевский атмосферу не чувствовал, да она его и не интересовала, его волновала энергия и эмоция идеи, мысли! Чехов же не существует вне атмосферы – видимой, ощутимой, осязаемой. Как и Пушкин: «Зима. Что делать нам в деревне?..»

Антон Павлович Чехов

* * *

Коридор. Тема из-за двери лупит кулаком в Сережину ладонь. Отличное занятие для паузы.

* * *

Откуда же чему взяться, если в руководство страны могли пробиться только люди с наиболее плебейской родословной. Если отец неграмотный, если мать рабыня, а я только к 20 годам стал разбирать грамоту – значит, гожусь в Президенты!

* * *

Трафик. Рим. Машины ползут еле-еле. Между ними лавирует хорошенькая барышня на моторине. Поравнялась. Остановилась на мгновение. Переглянулись.

Она отвернулась и двинулась дальше. Он мгновение подумал, выскочил из машины, догнал ее и вскочил на сиденье сзади. «Поехали!» Она и опомниться не успела, они уже неслись между машин.

* * *

Закат. Грузовик. Меланхоличный водитель. Рядом пассажир. Едут полем, заблудились. В стороне на большом стоге сена мужик работает вилами. Грузовик остановился – пассажир сказал: «Пойду спрошу, правильно едем?»

«Пойди».

Пассажир вылез, пошел по полю к стогу. Разговора не слышим. Солнце вечернее. Мужик показывает в другую сторону, пассажир с ним, видимо, спорит. Мужик машет руками, что-то доказывает. Спор разгорается… Шофер меланхолично щурится на солнце, лениво включает приемник. По нему передают дебаты съезда, видимо, из Моссовета.

Мужик скатывается со стога и начинает мутузить пассажира, тот отбивается. Жуткая потасовка все на том же общем плане. Потом пассажир возвращается, садится в машину, тяжело дыша.

– Ну что, узнал, куда ехать?

– Прямо и налево.

(*Сцена воплощена в «Утомленном солнце» в 1994 году. –* ***Современный комментарий автора.***)

* * *

Старая еврейка-переводчица в Риме. Совершенно задвинута

на своей персоне. За две минуты успела рассказать всю свою биографию, присовокупив кое-что и про мужа, который был алкоголиком, но прелестным поэтом. Прочла его стихи – ужасающие. Муж еще сказал в них про Офелию: «Ох, Фелия, ох, душка!»

– Я писательница. Массу рассказов написала и роман. Я и музыку пишу. Бондарчука не люблю, а Чухрай, он украинец?

– Нет, еврей.

– Да что вы говорите! Прелестный человек!

Понимаю, что во время передачи будет полный кошмар. Так и было. Вся передача была посвящена ее тонкому устройству. То она ничего не слышит, то меня ей не видно, то оттуда дует… «А можно капельку водочки?..»

* * *

Май. Пляж. Италия. На пляже одновременно – и голые дети, и люди в пальто. (Чудесное соединение весны.)

* * *

Повар из ресторана – на пляже, выбежал на минутку. И у него весна.

Шезлонги еще не покрашены… Ощущение замечательной жадности к теплу, к солнцу.

* * *

Когда юнкер Толстой (главный герой в «Цирюльнике») в первый раз испытывает с Джейн оргазм, помутневшим глазом смотрит в сторону… медленная крупная панорама по ночному столику с выходом на фотографию матери. Взгляд Джейн в другую сторону… ПНР с выходом на фото отца на стене.

* * *

Начал снимать рубашку, сел и заплакал. Так и не выпростал рук из рукавов, а голову из ворота.

* * *

Мы были язычниками, потом на 1000 лет стали христианами, а с 1917 года нас вновь превращали в язычников: вот тебе красная тряпка и лист бумаги, на котором что-то единственно верное начертано и стоит чья-то подпись – кого-то того, кого потом посадили за взятки; или портрет чей-то таскай на палке и кричи при этом то-то! – правда, потом того, кого ты таскал, расстреляют. И так далее.

Только вот те, кто из народа язычников делал, они-то сами не за тряпки и грамоты работали.

Они твердили о бескорыстии, энтузиазме, клеймили хапуг и мещан. Сами же коллекционировали зажигалки, к примеру, золотые, драгоценности, картины, многое другое.

Поразительный цинизм все это и обман.

* * *

Монотонное журчание водички за окном, текущей с крыши в переполненное блюдечко, забытое в саду. Серенькое и прохладное майское утречко на даче. Щебет птиц, запах сирени.

* * *

Запотевшее зеркало в ванной. Он и она отпотевают его горячим воздухом фена. Появляются лица…

* * *

«Кочевники»:

Приемник в юрте. Из него веет «ветер цивилизации»: то Горбачев, то рок, то «Bitls», то сведения о событиях… Герой приостанавливается в своем движении – и слушает, и волнуется, и улыбается…

То есть он стремится к цивилизации, но, подойдя к ней, останавливается.

* * *

Может быть, ввести нашего человека? (Гостюхин? мотоцикл сломался? или Леша Петренко).

* * *

В степи попытались отнять телевизор – отбились.

* * *

Конфликт с продюсером. Мой внезапный аргумент:

– Господин Рицоли! Вы себе когда-нибудь сами носки стирали?

– …

– Так какого хера вы меня учите жизни?..

* * *

Короткометражка или эпизод в большой картине.

Шофер везет к своему боссу кого-то и, будучи обозленным на босса, несет его «по пням и кочкам», выдает всю его подноготную – и что он уже четыре месяца не трахается, и что жрет из холодильника по ночам, и т. д. и т. п.

Потом сама встреча героя с боссом: все ужасно важно, солидно и чванливо (может быть, в середине всего этого гость представляет себе то, что рассказывал шофер).

Затем путь обратно и… продолжение рассказа шофера.

А может, иначе: шофер везет гостя и нахваливает хозяина, как только может. Потом встреча с хозяином, в течение которой тот за что-то «влепил» шоферу. А затем уже, на обратном пути, шофер поносит хозяина на чем свет стоит, раскладывая всю его жизнь «по нотам».

* * *

Нашла в пиджаке мужа «condom». Он приходит – и они летают с криками по комнате. Дивный скандал среди «мыльных пузырей».

– Господин Рицоли! Вы себе когда-нибудь сами носки стирали?

– …

– Так какого хера вы меня учите жизни?..

* * *

День. Лето. Дождь. Они почти голые. Она зашивает ему брюки. Шутя рассказывает, как ездила в Ялту с подружкой. Как брала с собой презервативы, но попала под дождь, и они в сумочке промокли. «Годятся ли теперь?»

Такой мерный, тихий разговор под шум дождя.

Он, мучаясь, расспрашивает о подробностях с болезненной улыбкой на лице. Она совершенно бесхитростно все рассказывает. Этакая «исповедь путанки».

* * *

Рахманинов, 3-й концерт или вариации на темы Паганини в контрапункте к совершенно бытовым событиям на улице. Примерно так: кто-то едет в машине, а перед ним идет троллейбус, у заднего окошка которого стоят девушки. Подробно и последовательно снимать эти отношения между «машиной» и троллейбусом.

Начал было обгонять – одна принялась в шутку плакать. Опять притормозил и едет следом…

* * *

«Судьба загадочна. Слава недостоверна».

(Марк Аврелий)

* * *

«Жизнь невыносима без труда».

(Г. Флобер)

* * *

«Литературные среды» у гинеколога Сергея Г., где писатели сидят, читают и спорят вокруг гинекологического кресла («эшафота»).

* * *

За обедом: сначала высмаркивается, потом быстро ест. Никто ничего не понимает, но ни о чем не спрашивают. Потом он сам объясняет:

– Я, знаете, поесть люблю… А у меня насморк, простудился. Сначала высморкаюсь, а потом быстро ем, чтобы вкус чувствовать!..

* * *

Русская баня в N.-Y.

Человек в парилке, все время чистящий зубы без пасты.

Старый раввин, видимо, откуда-то из России.

Старики в молчании, застывшие над шайками, в которых они парят ноги.

Почему-то много глухонемых.

Сумасшедший венгр (это выяснилось потом) агрессивно кричит что-то в «джакузи», потом в бассейне поет «Интернационал», потом – почему-то голый – сделал на кафельном полу три кульбита. У него изуродован локоть – как выяснилось, сидел в немецком концлагере.

Грязно все и ужасно похоже на Россию, то есть на Совок. Что-то невытравливаемое есть во всей нашей жизни. И именно совковое, не русское, а совково-отвратительное.

* * *

После смерти мамы я ощутил ужасную пустоту, словно вместе с ее уходом безвозвратно ушел целый замечательный, естественный русский мир – с бытом, деланием, хозяйством, чаепитием на террасе, листьями салата, белыми чашками, запахом кофе, разговорами…

* * *

Удивительно: в прошлом веке то, что принимала Россия, потом принимал и весь мир – Достоевский, Толстой, Чехов, Чайковский, Рахманинов… Теперь же сама Россия с жалкой жадностью глядит на Америку, культура которой рядом и на версту не может находиться.

* * *

Яркое солнце, бассейн. Папа купает больного мальчика. На кромке бассейна – коляска мальчика. Он болен, но не безобразен. Потом папа со слугой переносят мальчика в кресло.

Сидит на солнце, смотрит по сторонам, иногда что-то пытается сказать.

Я прыгаю в бассейн и плаваю туда и обратно. Мальчик провожает меня глазами. Потом рядом с ним садится отец, начинает стричь ему ногти.

Медленно садится за дом солнце – медленно уходит из двора. Вот уже половина безвольного больного мальчика в тени… Я плаваю, он смотрит. Отец стрижет ему ногти…

* * *

Странно, но я никогда не слышал сочетания слов «американская культура» в положительном смысле слова *культура*.

* * *

И тем не менее именно это отсутствие культуры правит миром. Как это странно.

* * *

15.07.90

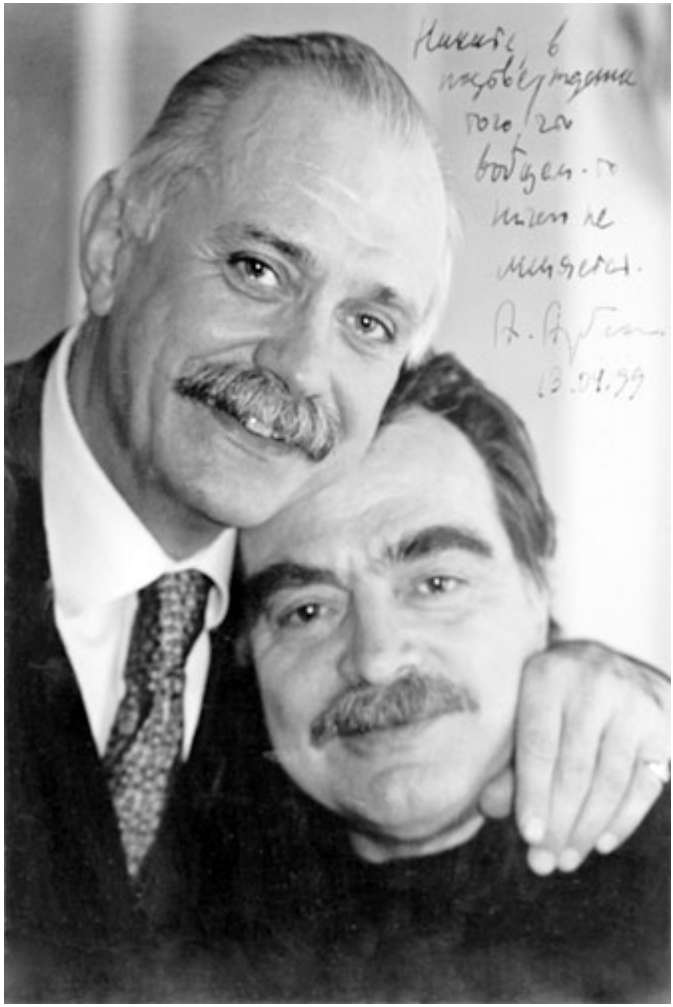
Мне снился чудный сон. Я что-то рассказываю Саше по делу, по профессии. И постепенно, как бы продолжая разговор, начинаю говорить о нас с ним, но совершенно не переходя в прямое по этому поводу общение. И вдруг вижу слезы у него на глазах. И словно прорвало… Он сказал, что ему ужасно одиноко, и я ему сказал, что до сих пор, кроме него, нет никого, с кем я мог бы обо всем поговорить. И что именно в этой возможности общения обо всем и есть радость необходимая.

Почему-то рядом с нами молодая женщина, которая говорит иногда по-армянски. Я спрашиваю Сашу:

– Кто это?

– Это мама.

– Сколько же ей лет?



С другом Александром Адабашьяном

– Она родила меня очень молодой.

И опять мы разговариваем и никак не можем наговориться.

Сколько трогательных и смешных вещей, сколько событий, шуток обтекало каждого из нас, так и не коснувшись друг друга!

Как жаль, как много потеряно! И как хорошо, что опять есть эта радость. Это счастье обретения и покаяния.

* * *

Микрофоны, с которыми работают театральные актеры в

Америке, по искусственности то же самое, что AIR Condition.

Можно и наоборот: «Эр Кондишен» – то же самое, что и микрофоны у актеров в театре, – странная неестественность.

Необходима натурная простота.

* * *

Тема трехлетний, «балдеющий» в наушниках с классикой.

* * *

Постоянное ощущение старости испытываю я в Америке.

* * *

> «И на весах мира слеза и вздох всегда перевесят расчет и алчность…»
>
> «У Бунина слово всегда точно, сдержанно и безошибочно».
>
> «…Религия священной жизни всегда близка И. Бунину».
>
> «Поэзия есть ощущение мира с волшебным оттенком. Потому и мир, создаваемый поэтом, несет оттенок мифизма».
>
> *(Борис Зайцев)*

* * *

Мережковский о Толстом: «Тайновидец плоти»…

* * *

Чехов сказал о Максиме Горьком: «Голос сильный, но противный».

* * *

В ресторане не было денег расплатиться: пригласил

подошедшую со счетом официантку танцевать. Она, изумленная, отбивалась.

* * *

«…Искусство все построено на благодати и на живой таинственности человеческой личности. Марксизм человека вообще стирает. Он мертв и неблагодатен. Он – враг художника. От него должен всякий, желающий идти «дорогою свободной», открещиваться как от нечисти. Горький не сделал этого».

(Борис Зайцев)

Писатель Борис Константинович Зайцев

* * *

Хайлар (Внутренняя Монголия). Старика несут на закорках,

чтобы было быстрее. Пыль. Сплошной поток велосипедистов. «Газики» и японские машины. Все сигналят и лавируют (!) между велосипедистами.

Грязно, и пастушеская простота нравов. Разглядывают тебя совершенно беззастенчиво.

* * *

Божество Степи! Воистину – это совершенно божественно, величественно, покойно, мощно и невероятно красиво всегда. Ни одной секунды повторяемой. Небо оглушительное. Стихия океанская. Все живое в Степи существует настолько органично и бесхитростно, что любое насилие мгновенно ощутимо и в результате наказуемо.

Степи Внутренней Монголии

Божество простора и его Божественная сила. Каждый миг ты ощущаешь живое дыхание этого края. Ничего подобного я не испытывал. Может быть, от Океана только. Только преклониться можно перед этим. Анализировать, стараться понять нельзя и не нужно. Вот откуда столько суеверий у кочевых народов.

«Аскетизм Степи» – это заблуждение и близорукость. Никакие субтропики не обладают при всей своей цветастости таким богатством, как Степь. Я видел Ветер. Я стоял, о чем-то думал. Помню только, что был очень наполнен ощущением, каким-то

радостным и духовным. И услышал за спиной словно бы шелест или плеск, оглянулся и увидел, как от горизонта неслась ко мне полоска ветра. Шириной сантиметров в 20!.. Ветер прошелестел у моих ног и скрылся в степи. Только долго еще был слышен его шелест и виден тонкий ручеек ложащейся травы. Волшебное, потрясающее ощущение.

* * *

«…Любовь к окружающему миру, к существованию, пусть подсознательная, есть последняя опора человека, и, когда природа отказывает ему в праве любить себя, любить воздух, воду, землю, он гибнет. И чем чище и нравственнее человек, тем строже с него спрашивает природа. Это трагично, но необходимо, ибо лишь благодаря подобной неумолимой жестокости природы к человеческой чистоте чистота эта существует даже в самые варварские времена».

(Фридрих Горенштейн)

* * *

Калюта в машине. Едем на выбор натуры во Внутренней Монголии. Шофер – китаец. Виля достает кассету.

– Поставь.

Китаец ставит.

– Что это? – спрашиваю.

– Да французы дали.

Звучит какой-то реквием. Прекрасная музыка. Едем. Останавливаемся в степи. Дождь. Я вышел чуть раньше. Слышу, Виля говорит ничего не понимающему китайцу:

– Классный реквием!

На съемочной площадке фильма «Урга – территория любви» (1990)

Байярту и Бадема в фильме «Урга – территория любви»

Монгольская актриса Бадема в национальном наряде

И показывает ему на пальцах, насколько классный этот реквием и что китайцу обязательно нужно его слушать, пока мы будем ходить по сопкам.

* * *

На гостиницу в Хух-Хото вешали лозунг – длинную полосу

материи с пришпиленными клеенчатыми иероглифами. Рассерженный клиент разрезал ткань в том месте, где она проходила через его балкон.

* * *

«Когда не ведают далеких дум, то не избегнут близких огорчений».

«Благородный муж – универсален, низкий человек – партиен».

«Когда пути не одинаковы, не составляют вместе планов».

(Конфуций)

* * *

Босс в душе. Шофер ждет в раздевалке. Босс никак не может дотянуться до спины. Просит шофера зайти. Тот входит и начинает как есть, прямо в пальто, аккуратно тереть хозяину спину…

С Надей в Париже

История мужчины с маленькой девочкой в чужом городе, в чужой стране… (Нужно придумать обстоятельства, по которым они оказались здесь, – иные, чем у меня и у Нади.)

Постепенное постижение мира дочерью. Постепенное постижение мира им через девочку.

* * *

Оба заболели. Он ее растирает, а она его. Ползает по нему, как чистильщик по паркету, и усердно трет.

* * *

Надя:

– Жалко: когда я вырасту, ты будешь уже старенький… а то ты бы на меня посмотрел бы…

* * *

Надя и детский набор женских украшений.

* * *

Занимаюсь гимнастикой внизу. Звонит портье: «Ваша маленькая дочь из мини-бара достала бутылочки с алкоголем, открыла и все перепробовала…»

Прибегаю – Наденька уже плыве-ет, веселая и сонная…

Она-то думала, в этих маленьких бутылочках – и вино игрушечное, детское!

* * *

Надя в ресторане, уныло над тарелкой: «И зачем я только сюда приехала, чтобы ты из меня человека делал».

* * *

Вечеринка в Париже. Бедные молодые артисты. Танцы под мексиканскую музыку…

Маленькая девочка в дверях смотрит, как ее папа с кем-то танцует. Смотрит глубоко и внимательно. Потом аплодирует со значением.

Потом совершенно пьяного папашу в шарфе на голове ведет за руку по улицам домой, ибо только она уже помнит дорогу.

* * *

Она просыпается, смотрит. Папаша приоткрывает глаза. С ужасом переводит свой взгляд в направлении гневного взгляда дочки – на кого-то, лежащего рядом.

Объяснение с дочкой, пока дама спит.

* * *

Надя в «битой» дубленке у Риццоли. Не хочет снимать перед глазами риццолевских «дам» свою шубу.

– Надя, почему?

– Ну, ты же знаешь, там еще хуже.

С дочкой Надей. 90-е

* * *

Пьяный папаша забыл ее в машине. Швейцар сжалился и устроил ее ночевать в гараж. Там она и проснулась.

* * *

Чистка зубов вдвоем перед зеркалом в ванной. Маленькая вся, с головы до ножек, – в зеркале, со щеткой во рту. Он – рядом, и тоже со щеткой, учит ее чистить зубы. Она обезьянкой повторяет.

* * *

В магазине, когда я покупал ей одежду, неожиданно сказала:
– Хватит.
– Почему?
– Ну, я же вырасту…

Потом, когда уже переоделась и я собирался наконец эту дубленку выбросить, вцепилась в нее изо всех сил.

– Ну она ведь уже не нужна. У тебя же есть все новое.
– Нет!
– Почему?
– У меня же тоже будут дети.

* * *

Просит милостыню в метро, пока отец болеет. Что-то насобирала, что-то ему принесла. А он все не может понять, откуда деньги.

Потом проследил и устроил истерику прямо в метро.

* * *

История под названием «Квас». Американский полицейский, которого отправили на пенсию, послан в Москву в качестве консультанта. В Москве – такой же, отправленный на пенсию. Они встречаются, когда наш получает расчет и роняет 20 коп. В поисках монетки ползает по полу, его оттуда гонят, ведь «иностранец приехал!».

– Какой там иностранец, когда у меня 20 копеек закатились?!

Короче, американец замечает нашего. То ли сами познакомились, то ли еще как-то… В результате они вдвоем должны провести какую-то сумасшедшую операцию, которую, как выясняется, очень сложно осуществить.

А параллельно идет знакомство американца с Россией, со всеми ее чудесами.

Хотят водку купить – негде. Останавливают машину возле «Кваса». Наш выходит. Через две минуты выходит с водкой. Так для американца слово «квас» стало синонимом водки.

* * *

Совершенно сказочная может быть история о том, как два человека, не говорящие на одном языке, могут быть едины и понимаемы друг другом в борьбе с общим злом. Это история о том, что зло всегда зло, вне зависимости от социальной структуры, а добро – всегда добро.

* * *

Трогательная история двух «старых псов», выкинутых за борт, но живучих и вообще «мужиков» до конца.

> Самое ужасное в работе и рабочих отношениях, да и не только в рабочих, это превышение, нарушение уровня компетенции.

* * *

Замечательно, если американец постоянно наталкивается на неисполнение русскими своих же законов. «Здесь все не так, как должно быть!» Он может даже напиться от отчаяния.

* * *

И как же только могло прийти в голову применять материалистическую теорию Карла Маркса в такой религиозной стране, как Россия! Как можно было европейскую культуру рационализма внедрять в совершенно чуждую ей русскую почву? И самое главное: как Россия могла с таким отчаянным вдохновением ее принять?

* * *

У Кати Генко на занятиях балетом был аккомпаниатор, который играл на фортепьяно довольно сложные произведения Чайковского, Шопена, но на пюпитре у него все время лежала газета, которую он с увлечением читал.

Отвлекался же от острых репортажей этот старичок, только когда Катя делала прыжки. У нее были большие груди, которые роскошно подпрыгивали, и именно в эти моменты аккомпаниатор на нее смотрел. А она жутко смущалась и проклинала свои груди.

Но и жопа у Кати была тоже российская, поэтому пианист смотрел и на жопу, а Катя проклинала и свою жопу, и этого старичка, и все на свете!.. Потела, краснела, и слезы стояли в глазах.

* * *

Париж. Метро. В тоннеле черный инвалид играет на гитаре. Герой в ужасном настроении сидит в фотоавтомате. Монотонная

гитарная «ламбада», монотонно вспыхивает вспышка фотоавтомата, монотонно лезут фотографии. (Это несколько из старого кино, но меня почему-то волнуют фотоавтоматы.)

* * *

Удивительно: монашество вовсе исключает жизнь, целью которой является достижение чего-то, что можно «потрогать руками» (за исключением, скажем, строительства Храма или Монастыря). Но монашество замечательно именно тем, что оно строит жизнь Духовную. Молитвы и послушание – это и есть строительство.

* * *

Смешно. Нам всегда говорили о скромности и аскетизме вождей. Ленин в единственном галстуке, Сталин в кителе, с единственной парой сапог. Говорят, что после смерти Сталина у него не нашли никаких сбережений.

Но что же нужно тому, для кого ничего, кроме неограниченной власти над другими жизнями, не важно? Зачем ему деньги или хороший костюм? Он владеет судьбой любого. И заодно всеми деньгами, домами и костюмами страны. Обыватель же меряет все по своим меркам: «Вот это настоящий вождь! Может иметь 100 костюмов, а у него только один френч». Какой самообман!

* * *

Выход из Галла никому не известного человека, что-то орущего толпе, которая молча на него смотрит, абсолютно не понимая – кто это?..

* * *

Самое ужасное в работе и рабочих отношениях, да и не только в рабочих, это превышение, нарушение уровня компетенции. Ты можешь быть замечательным вторым режиссером или классным аранжировщиком, но ты не должен забывать, что полировать хорошо – это трудная работа, но все же

это не самое делание. Хорошо аранжированная музыка лучше звучит, но это не самая музыка, это ее подача. Потрясающе отреставрированный стул – это искусство, но это исполнение, а не создание. Это воссоздание, это хоть и творчество, но все же вторичное. И беда, когда замечательный реставратор начинает без особых на то прав претендовать на роль мебельщика. Нужно, и очень важно, всем оставаться на местах.

* * *

Подъезд сквозь толпу к театру, в котором начинается TV – галла (Италия). Люди липнут к стеклам, колотят руками по крыше, – пытаются понять, кто сидит в глубине машины. Прижатые к стеклам губы и лица.

Замечательно, если в одной из машин едет труп или еще что-то…

Машина медленно катит сквозь ревущую толпу.

> «Гнаться» за другими – это естественно; опасно «гнаться» за самим собой.

* * *

Громко поют в ресторане немцы (или шведы). Рядом сидит компания русских. Немцы опасливо поглядывают на них. Один из русских успокоительно кивает певунам: «Пойте, ребята, пойте».

Немцы заканчивают ужин, собираются уходить. Русские их дружно останавливают: «Куда?! Не-ет, пойте, ребята! Сидеть! Пойте дальше!»

* * *

Опять заметил, как охотно люди сплачиваются, понося что-либо и кого-либо. Как губительно объединение в отрицании и как маняще привлекательно.

* * *

В Вашингтонской картинной галерее. Вечером звучит сигнал о том, что галерея закрывается. Полицейские, все в черном и все негры, ужасно похожие друг на друга, ходят по залам, подгоняя

посетителей к выходу. Те потихоньку тянутся.

Уже почти при выходе напротив друг друга стоят двое охранников: он и она. Не замечая, что я наблюдаю за ними, он начинает танцевать брейк-данс на мраморном полу, она ему отвечает, максимально растянув в улыбке очень алые, накрашенные губы. За его спиной висит Дюрэр, за ней Рубенс.

* * *

Премьер-министр России (Иван Силаев) в личном самолете играет с министрами в подкидного дурака.

* * *

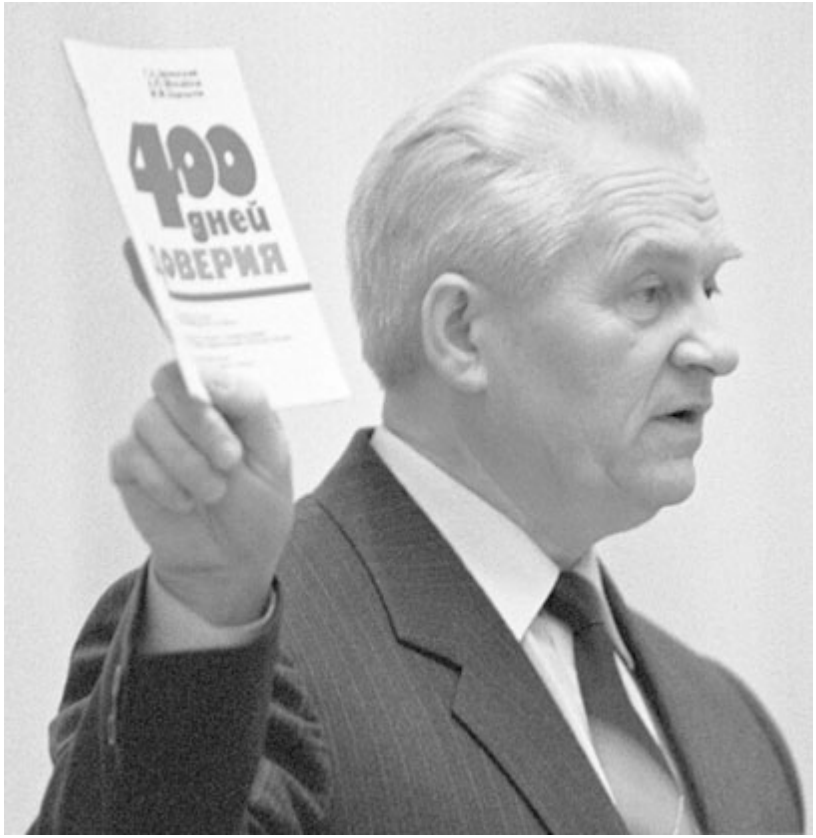
Министр иностранных дел России, «Нессельроде» (Андрей Козырев), ходит по самолету в носках и первый снимает пиджак, чтобы примерить халявную куртку. Обожает сырники и анекдоты. Всегда иронично спокоен и совершенно равнодушен ко всему, что его не касается.

* * *

Вообще, уровень кабинета невероятный! И, что самое чудовищное, что сами они уже ничего не чувствуют вокруг. Не понимают, насколько весь их вид и поведение ужасны, насколько оторваны все их движения от жизни страны, насколько *все они мешают*!..

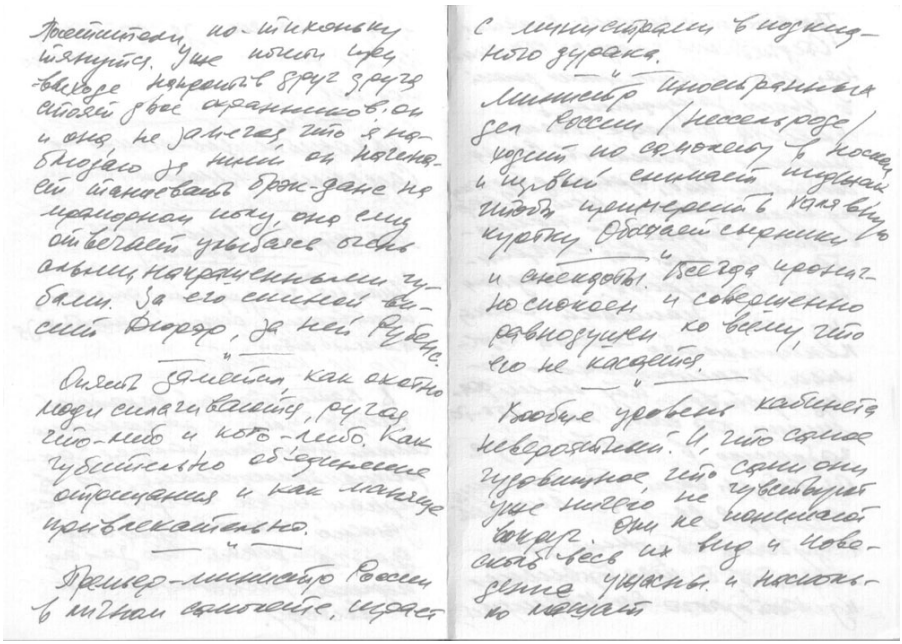
* * *

Трогательная комедия. Венеция. Обедневший граф из старинного рода венецианских дожей в своем дворце. Тоска и никаких перспектив. Слуга сообщает, что, кроме двух яиц, на кухне ничего нет. Граф в тоске бродит по комнатам, разглядывая старинные портреты. На одном из них – члены Венецианского Совета времен Венецианского государства. Под ними фамилии, кто есть кто. Что-то забродило в голове графа…



И. С. Силаев, председатель Совета министров РСФСР (1990–1991)

А. В. Козырев, министр иностранных дел России (1990–1996)



Он открывает телефонную книгу, а до того листает сборник документов тех времен, из которого вдруг понимает, что Венецианская республика распущена незаконно, и Наполеон, вывезший ценности из Венеции, за них не заплатил. Кроме того, граф поднимает документы о том, что испанский король еще не расплатился с Тицианом, который 20 лет писал ему письма с просьбой о компенсации. И так далее. Короче, в телефонной книге наш герой находит фамилии потомков тех дожей – тоже теперь достаточно обнищавших духом и «телом». И, собравшись, они начинают кампанию по возвращению Венеции независимости и компенсации наследникам ее правителей утраченного.

В ролях наследников Марчелло Мастроянни, Витторио Гассман, Филипп Нуаре и т. д. пишут письмо Миттерану, испанскому королю и многим другим.

* * *

Нужно стараться вникнуть в общую архитектонику фильма: соединение ритмов, масштабов, растущий градиент этого соединения.

Понять изнутри красоту этих соединений. Глубину и

объемность. Начиная от крупного плана лица и заканчивая последней мухой или звоном комарика.

(«Урга»)

* * *

Смерть барана: это безобразно и аморально на экране, если это средство, но возможно, если это цель!

* * *

Русская лень – тоже часть нашего менталитета. «Зачем торопиться? Еще успеется». А может быть, это просто жизнь при постоянном ощущении покрова Веры, Надежды и Любви?

Это истреблено почти, но в генах еще сохранилось.

* * *

В «Тайгу»: стрела, попавшая в медведя и пустившая ростки. Медвежья туша с растущим кустом на спине.

* * *

Потом Герой этот куст с наконечником на конце дарит Ей.

* * *

Если сцену можно смотреть и без музыки, то музыку можно ставить.

* * *

Учиться самоограничению. Часто, дойдя до конца, до итога идеи, принимаю совершенно противоположное решение.

Не торопить результат! Пытаться ощутить это целое, к которому идешь, через все его частицы! Через доскональную конкретику! Это принцип.

* * *

Затор. Трафик. Машины. Человеку нужно позвонить. Выйти из машины он не может…

Вдруг оказывается рядом с машиной, в которой есть телефон. Открывает окошко, просит позвонить. Дальше что угодно: они могут так рядом и ехать или что-нибудь совершенно другое, смотря какой разговор по телефону.

Может оказаться, что владелец телефона хорошо знает того, кому звонит герой.

Или владельцу телефона в авто наконец все надоело, он просто оторвал шнур и уехал.

Это может быть любовный разговор, полицейский, с мамой и т. д. Хорошая ситуация с перспективой.

* * *

Илья Ефимович Репин просил похоронить себя – сидящим на стуле перед мольбертом! Во как! Слава Богу, финские власти не разрешили.

Сын его, страстный охотник и, мягко говоря, странноватый человек, в день похорон отца ушел на охоту, принес двух зайцев и хотел положить их на гроб, рядом с цветами. Священник не разрешил. Потом и сын, и дочь Репина очень возмущались тупостью священника, не оценившего этого «романтически-поэтического» желания.

Удивительно по́шло все. Да и живопись самого Репина, искавшего, как он говорил, «потаенного граждански-социального смысла во всем».

Дочь его недурно пела, и он сам делал ей эскизы костюмов, в которых она исполняла арии из опер на художественных вечерах в «Пенатах». Затем, по ритуалу, нужно было долго упрашивать самого Илью Ефимовича почитать его воспоминания, от чего он очень долго отказывался, сетуя на скучность этого занятия, а потом соглашался – благо рукопись «случайно» оказывалась рядом.

После чтения воспоминаний Репин долго сидел молча и смотрел вдаль – как бы устремив взор в прошлое. А все гости молча, с благоговением, его созерцали.

Сын Репина, Юрий Ильич, в вечерах участия не принимал,

сидел в стороне и набивал патроны. Страсть его к охоте проявилась даже в том, что он и сыновей своих назвал охотничьими именами – Тай и Дий.

В «Пенатах» никто не здоровался за руку, только кивали головами. Общались с гостями еще и табличками, повсюду висевшими: «Садитесь, где и как хотите», «Если вам не хватило стула, принесите из столовой»… На двери в столовую было написано: «Здесь – столовая».

В столовой стоял круглый стол с приподнятой вращающейся серединой с рукоятками, и тоже надпись: «Каждый берет, что хочет».

Вера Ильинична, затянутая в картонные латы, обклеенные серебряной бумагой, пела «Орлеанскую деву», опираясь на копье. Ей было далеко за сорок. Маленькая и полная. Костюм ей готовил Илья Ефимович лично.

Когда Илья Ефимович читал воспоминания о Париже, Вера Ильинична «для фона» пела «Песенку о сидре». Была соответственно случаю одета вакханкой с гроздьями винограда в распущенных волосах.

Илья Ефимович об импрессионистах: «Живопись талантлива, но тупа по содержанию; ни мысли, ни идеи… Он сидит, она сидит, а какие страсти ее волнуют, о чем она думает – неизвестно».

* * *

Ужасно трогательно: Андрончик в полном изумлении и растерянности раскланивается перед ликующей публикой со сцены «Opera Bastelle» после поставленной им «Пиковой дамы», целует ручки исполнительницам партий Графини и Лизы, а затем совершенно неожиданно целует руку и исполнителю партии Германа. Тот тоже очумел и не знал, что делать.

* * *

«Сострадание и ирония» – это сказал кто-то из французов о французах. Это так, жаль только, что ирония их направлена на других, а сострадание – на себя. (В отличие от россиян.)

* * *

В современном искусстве совершенно утеряно уважение к жизни.

В кинематографе, например, важно теперь только «что» и «как» и совершенно отсутствует необходимость осознания «почему?» и «зачем?». Словно никакой аргументации зрителю уже не требуется! Оттого-то и утеряно сострадание и сочувствие.

В кино убито много тысяч человек, но само явление смерти уже никого не волнует. Важна не сама смерть, а как она пришла – как убили, как зарезали, разорвали, удушили и т. д. И чем изощреннее метод, тем считается лучше художник. Совершенно не важно, за что гибнут люди, за что убивают их и почему!

Необходимо вернуть уважение к человеческой жизни и к жизни вообще. Без этого деградация и нищета духовная совершенно неизбежны.

* * *

NB! «Человек и общество страдают, потому что они потеряли понятие священного. Человек не может жить без самых глубоких ценностей».

(Андре Мальро)

* * *

Замечательно, что в «просвещенном мире» воспитание и вежливость заменили все то, что прежде во всей полноте, совокупности существовало, по крайней мере в России: сострадание, терпение, умение выслушать, чтобы понять, а не потому, что так принято, спрашивать, чтобы услышать ответ, а не чтобы соблюсти формальность.

Занятно, что, отработав некоторое время – положенное, чтобы считаться воспитанным человеком, – от вежливости этой и следа не остается… Далее – стена, за которой властвует только закон.

* * *

Париж. Аэропорт. Ужасающей активности человек. Худой, лысый, с бородкой. Что-то жует, во все вмешивается. Ужасающей

активности и всезнайства.

* * *

Из Парижа летела группа детей, видимо, какой-то ансамбль. И, видимо, не москвичи. Руководительница спрашивает у девочки:

– Тебя кто-нибудь встречает?

– Не знаю, может быть, мама или… – и начала перебирать все варианты – всех, кто ее может встретить: там и сестра, и бабушка, и тетя и т. д.

Подумалось: «Какое это счастье, когда вокруг так много тех, кто близок и любит!.. И как печально, что все они постепенно уходят, не обязательно из жизни – от тебя, из твоей жизни».

* * *

Закрытие Московского международного кинофестиваля. Ощущение, что это просто гениально срежиссированный китч.

Янковский в смокинге. Объявляет победителя – и должна пойти музыка. Но музыка не идет. Он повторяет заветную фразу три раза, но ни музыки, ни изображения так и не появляется.

Потом было объявлено, что один из призов поделили такие-то претенденты, но, к сожалению, пока не доставлен дубликат приза. И вот имеющийся в наличии приз принял почему-то работник Канадского посольства, а бедный китайский режиссер стоял на сцене и ждал свой, который наконец-то потащили через зал.

Вместо Изабель Юппер ее приз получала Аньес Варда. Она очень маленького роста, да еще и опустила микрофон. Так что переводчица ее высоченная переводила, стоя практически «раком».

Марк Рудинштейн, Олег Янковский и Никита Михалков на XVII Московском международном кинофестивале (1991)

Уходя со сцены с призом, канадский дипломат уронил приз в зал со страшным грохотом. А в это самое время Янковский сообщал о том, что организаторы фестиваля предлагают сделать Москву центром европейских фестивалей.

Забавно, что наши пространные речи стоящим на сцене никто вообще не переводил. Разве что изредка что-то переводила, все время вставая со своего места, Марта Месарош, член жюри.

Уже под занавес появилась Софи Лорен, но едва она начала подниматься на сцену по ступенькам, какой-то му…к подскочил, схватил ее за руку и начал безумно целовать, чуть не стащив со сцены.

Между тем вручение цветов производил юноша в рубашке с засученными рукавами, в серых брюках и кроссовках.

Софи Лорен

Совершенный паноптикум, а дело все в том, что все пытаемся быть на кого-то похожими, но далее того, что цепляем на шею бабочку, дело не идет. Мы торопимся схватить результат, торопимся скорее судорожно выскочить из собственной шкуры, никак не желая заниматься внутренним своим переустройством и строительством.

* * *

Вспомнил почему-то фразу: «Ночью была гроза…», и колени слабнут. Почему? Сразу возникает сумасшедшее, томящее ощущение чего-то забытого и пронзительного… Мокрого сада утром… Свежести. Запаха кофе из белых чашек на террасе. Монотонного многоголосья летнего русского утра. Нежности к еще спящим близким. Надежды и радости к наступающему дню…

«Ночью была гроза». Это значит – ночью сверкала молния, и дождь шумел по крыше и по саду, и гром грохотал над темным домом и блистающей под молниями рекой… И все не спали и чутко прислушивались, цепенея и крестясь… А теперь утро и длинный летний день впереди.

* * *

Семья Кравченко. Сидят взрослые в большой гостиной.

– Ну хорошо, – говорит бабушка. – Кем же все-таки будет наш Алеша? Давайте так: сейчас он выйдет и войдет, а мы по его виду, осанке и по всем приметам будем думать, кем мог бы быть этот человек?

Мальчик выходит. Некоторое время взрослые сидят. Потом входит Алеша – маленький, худой, в очках. Стоит посреди комнаты, тоскливо глядя в окно.

– Ну, вот кто может быть этот человек? – говорит бабушка. – Писатель?

– Нет, – возражает кто-то. – Писатели не такие.

– Инженер?

– Да какой он инженер?!

И т. д. Потом кто-то произносит слово «архитектор».

– Да! – восклицает бабушка. – Конечно же, он похож на архитектора!

И Алеша Кравченко стал архитектором.

* * *

Интересно, что любое искусство, в котором слишком большое значение имеет форма, недолговечно, быстро стареет.

Стихи Крученых и Кирсанова. Живопись Малевича. Кино Годара…

* * *

Наверное, только мера и качество искренности определяет истину значимости художественного произведения.

* * *

Можно подражать всему, кроме темперамента.

* * *

– Кому ты звонишь?

– Портвейну.

– ???

– Набрал три семерки.

* * *

Есть такая категория женщин: «Запасной игрок».
И у мужчин есть такая категория.

* * *

Так бывает: подарят тебе пряник, ты его бережешь-бережешь, а он взял, да и высох.

* * *

Но нельзя же принадлежать всем одновременно! Нельзя!

* * *

– Я вот иногда думаю о чем-нибудь и… сама чувствую, что глаза у меня глупые абсолютно.

(Оля Полянская)

* * *

– Теперь вы будете спокойно спать?
– Конечно. А вы?
– А я нет.
– Почему?
– А вы почему спокойно?

* * *

– Да что мне надо, Господи! Чередование необходимости слушать с возможностью говорить.

* * *

Нельзя все мерить взаимностью. Нельзя любить только тех, кто тебя любит.

* * *

– Уста говорят от избытка сердца, а я от избытка сердца молчу.

(Оля Полянская)

* * *

Как же красиво! Женские руки, развязывающие длинные шнурки сапог. Длинно, долго, заученно и нетерпеливо.

* * *

– Мне все время приходится душить в себе то, что во мне происходит. На это уходят все мои силы. Очень это трудно. Моя душа – кладбище задушенных желаний.

(Оля Полянская)

* * *

Маленькая девочка около дедушки, который зашел в гости и обедает, махнув стопочку. Девочка смотрит на дедушку и говорит:

– Ты будешь протертый суп?

– Что?

– Протертый суп?

– Как?

– Суп протертый!!!

– Громче, я не понимаю.

– Суп протертый.

– Все впереди? – не понял дедушка.

Так они и продолжали, пока не пришла мама.

* * *

Очень красиво: вечером при белом закате – женщина на сером каменистом пляже. Вокруг ржавые сваи обрушившихся после шторма ферм. Она рыжая, а одета в белое.

* * *

Может быть замечательный кадр. Балкон. Кресло-качалка. Человек качается. И мы видим то, что видит он в момент качания.

* * *

Обидев человека, она может сожалеть лишь о том, что он мог бы быть еще ей полезен.

* * *

Сидят двое, молча. Он и она. У них какой-то конфликт, но не явный.

– Ты почему молчишь?

– Думаю.

– О чем?

В ответ он начинает рассказывать ей весь ход своих мыслей – последовательный и полный «поток сознания», который становится для нее все более оскорбительным. В результате – ужасная ссора.

* * *

(Для «Голубой чашки».) Август. Вечерок пронзительный. Солнце белое. Пляж.

Женщина, только что пришедшая на пляж. Расчесывает длинные волосы. На другом конце пляжа появляется молодой парень, который раздевается и начинает выпендриваться. Бросается в воду: плавает, ныряет, делает стойку, короче – все для этой женщины. А она расчесывает волосы.

Скоро же приходит к ней огромного роста лысый мужик с волосатой грудью.

* * *

Девочка лет двенадцати. Очень хорошенькая. С отцом. Отец довольно молодой человек, но у него нет обеих рук и ноги.

Мир этой девочки, которая с раннего детства росла в уродстве, для которой интересы и заботы были совсем иными,

нежели у других детей.

* * *

Идут два человека по дороге. Осень, дождик моросит. Идут, каждый думает о чем-то своем. Потом один начинает невольно маршировать, то есть шагать более четко. Второй подхватывает, и вот они уже маршируют «строем», поют марш, валяют дурака.

(Для «Голубой чашки»)

Старшина Карамнов. Каспий. Маленькая застава. Двадцать человек. Молодые ребята. Кругом совершенно пусто на сто верст. Пляж – 40 км. Застава – 200 м на 150 м, окружена невысоким дувалом. Свиньи старшины бродят по двору. Здесь же – внуки его. Земля засыпана ракушками. Белое солнце. Тишина, мир. Что бы могло произойти на этой заставе?

* * *

Оба пьяные, счастливые. Обнимаются.
– Ты меня любишь?
– Да.
– Очень?
– Да.
– Очень, очень?
– Да.
– Ну как?
Она начинает его обнимать, тиская изо всех сил.
– Ну! Ну! Еще!
Она жмет что есть мочи. Оба падают. Хохочут.

* * *

Для русских Свобода – это когда все можно, а несвобода – когда чего-то нельзя; для Запада же Свобода – это когда можно только то, что можно, а нельзя то, что нельзя; несвобода же для них – это когда сегодня нельзя то, что можно было вчера.

* * *

Отпуск в Италии. Долго его ждали. Наконец приехали. Ждет яхта. Купили продукты, поехали в порт… На секундочку он попросил остановиться у «Оптики» – показалось, что неудобно сидят темные очки, немного криво. Зашли в «Оптику», мастер начал работать, а он пробовать: теперь немного в другую сторону, нет, криво, теперь вот в дужке жмут и т. д.

Кончилось тем, что весь отпуск провел в мастерской…

* * *

Приехал на дачу один, усталый. Поужинал, лег спать. Сразу тяжело провалился… Пригрезилось, что еду на велосипеде по пустой дороге. И вдруг кто-то оказался сзади, словно на багажник кто-то опустился и меня обнял – и дыханием коснулся моего уха и что-то сказал или даже не сказал, а лишь издал какой-то звук, и я узнал брата и почувствовал, как он обхватил меня сзади и прижался к моей спине. И так вдруг хорошо стало, так замечательно, и будто бы даже проснулся, засыпая заново – уже легко и сладко расслабляясь.

И с этим же замечательным ощущением проснулся. Осень, прохладно. Один. Солнышко редкое и белое, и листья совсем уже ржавые падают.

Такие мысли хорошие и, как казалось, умные приходили мне в то утро. Как было хорошо!

* * *

Может ли существовать единство в России, основываясь только на экономической основе? Да никогда! Для России этого мало. России нужна идея, нужно что-то духовное, соборное!..

Италия и Франция, и Англия совершенно спокойно могут без этого обходиться: «Ты мне нитки, я тебе копыта…» – и поехали. Для России это совершенно неприемлемо. Созерцательность… «А потрендеть?» А поразмыслить, а пообсуждать, а полениться?.. Без этого нет России, и вогнать ее в общеевропейские представления совершенно немыслимо. России нужна духовная идея, вокруг которой она сможет собраться. До Петра этой идеей был православный «Третий Рим», затем до 1917-го – монарший престол, могучее и просвещенное русское государство, потом – коммунистическая утопия, большевицкая ложь, теперь и этого нет. Но есть Евразия. Это и станет идеей, которая единственная может сплотить. Возродить центростремительность движения

российских народов.

* * *

Ничего не будет, особенно в России, если объединяться вокруг «Нет».

Жестокая правда без любви – ложь!

В России, в настоящей России, животворно объединение только вокруг «ДА».

* * *

Как можно не понимать, что русский человек может променять явную материальную выгоду на сидение на крыльце или за чаем и обсуждение ситуации на Гаити.

Это нужно чувствовать! Без этого невозможно ничего сделать и с этим народом, и этому народу.

> Может ли существовать единство в России, основываясь только на экономической основе? Да никогда! Для России этого мало. России нужна идея, нужно что-то духовное, соборное!..

* * *

Сегодня у власти те, кто объединены вокруг «Нет».

* * *

Мне интереснее верить, чем знать!

* * *

Таня: «Как это они так странно перевели часы, что в 3 часа уже темно?..»

* * *

Город Luxor в Египте. Ночь. Автобус от аэропорта. У лачуги горит костер. Мальчики босые. Один сидит у костра. Двое, в нац. одеждах до полу длиной, играют в пинг-понг.

* * *

Интервью в Германии. Немецкие журналисты. Фотограф – ужасно стеснительная женщина. Начала расстегивать сумку с аппаратурой, в паузе почему-то очень громко заскрипела открываемая молния. Журналистка ужасно смутилась. Потом каждый щелчок ее камеры звучал, как выстрел. Потом завизжала «перемотка». То есть в результате все интервью проходило под ее аккомпанемент. Причем по нарастанию. Финальная точка: закрываемая молния сумки.

* * *

Египет. Аэропорт. Пожилой автобус, развозящий пассажиров, прилетевших и улетающих. В автобусе на заднем сиденье всегда сидит бритый парень. Сидит съежившись, глядит в окно автобуса или слушает маленький радиоприемник. Подумалось, что это сын водителя, попавший в какую-то историю, и теперь отец решил его ни на шаг от себя не отпускать.

Встречи и приключения этого парня на аэродроме. По-моему, может быть печальная и чувственная история любви.

* * *

Медленно сползающие капли по запотевшему стеклу баньки. За окошком пейзаж, там холодно. Капелька начинает медленно зарождаться, потом медленно двигаться вниз, потом все быстрее и под конец юрко скатывается.

М. б. «Rapid», м. б. титры, м. б. музыкальный кусок.

* * *

Триест. Грохот. Много грохочущих машин, что-то долбящих. Рабочие, инженеры. Ищут мрамор. Подходит маленький поддатый старичок. Постоял, похихикал, потом говорит:

– Вы чего делаете?

– Мрамор ищем.

– А его тут нет. Он вон там.

– Ладно, дедушка, иди, дорогой. Вот тебе 1000 лир. Пойди винца выпей и не мешай.

Тот ушел. Потом опять пришел. И то же самое. Наконец надоело бригадиру. Говорит помощнику:

– Ну пойди посмотри, а то он не отстанет.

Тот пошел за дедушкой. Отошли на сто метров. Старик наклонился, смахнул землю ладошкой, и оказалось, что мрамор практически лежит снаружи.

* * *

Ольга Страда ужасно хотела пойти в дискотеку. Родители не пускали. Уговаривали остаться и посмотреть вместе с ними какую-то очень хорошую новую программу по TV. Ольга, отчаявшись, налила им в чай снотворного. И села ждать. У телевизора родителей бедных стало «мотать». Наконец завалились. Ольга соскочила.

Утром мама жаловалась, что у нее ощущение, словно снотворного напилась на ночь. Очень жалела, что не удалось запомнить, что показывали по телевизору.

* * *

Приехала раз в Мексику делегация советских кинематографистов. Глава делегации – председатель «Совэкспортфильма» Олег Александрович Руднев. Замечательный руководитель – небольшого роста, но с густейшими бровями и совершенно невероятным, бархатным и раскатистым басом. Собственно, при помощи этого баса он и начинал свою карьеру – работая вторым секретарем ЦК ЛКСМ Латвии, прекрасно пел и вообще всячески развлекал приезжее начальство. Затем возглавил горком партии Юрмалы и по заданию Москвы превратил его в крупнейший советский курорт. Потом возглавил Госкино Латвии, а в 82-м был назначен главой «Совэкспортфильма» (организация по продажам советской кинопродукции) и переехал в Москву. Но еще в Латвии он начал писать сценарии. Недавно еще так популярный сериал «Долгая дорога в дюнах» – его детище.

Так вот, приехала делегация наших кинематографистов в Акапулько (мне тоже посчастливилось оказаться в их числе). И так уж случилось, что представляли «Совэкспортфильм»

в Мексике одни мужики. Решив этим обстоятельством законно воспользоваться, мы поинтересовались у принимающей стороны – какие в Акапулько существуют вечерние удовольствия? Нет ли случайно таких учреждений, как ночной клуб или стриптиз?..

А для советского человека этот вопрос был чрезвычайно актуален тогда. Тем более что от посольства мы были далеко. (Рядом, конечно же, было начальство, но вполне адекватное – не только понимающее нас, но и само «интересующееся жизнью во всем ее многообразии»).

Надо сказать, принимающая сторона оказалась вполне к нашим вопросам готова: «Конечно! Не проблема. Вот тут есть одно место…» и так далее. Мы стали с нетерпением ждать вечера… Но думаю, многие нас поймут: именно в такие моменты вечер не наступает очень долго. Точнее, вообще не наступает.

Поэтому, обсудив ситуацию, мы пришли к выводу, что, в общем-то, для каждого из нас совершенно не принципиально, какое сейчас в Мексике время суток, и решили отправиться как можно скорее! Все равно делать нам было нечего.

Портье, у которого мы поинтересовались адресом интересующего нас заведения, удивленно поднял бровь, посмотрел на часы, затем, еще раз окинув нас взором, понимающе кивнул, и через 15 минут у подъезда гостиницы стояло пять белых карет ландо, в каждую из которых запряжена была пара прекрасных лошадей. На козлах восседали кучера в экзотическом наряде, видимо, уже точно знавшие, куда везти клиентов. Мы расселись по каретам и двинулись в путь.

Ехали, ехали, ехали, ехали… Вот уже какая-то нехорошая вонища по борту, ну ничего – миновали ее, едем дальше. А вечер все не наступает, день будто бесконечно тянется…

Наконец лошади остановились. Неужто приехали?

Мы вылезли из наших карет, огляделись… Какие-то покрытые соломой бунгало, в глубине двора – бар, одноногие грубые столики, сколоченные из дерева… И ни души.

Руднев, как руководитель делегации, решил поинтересоваться – туда ли мы приехали? Сверил адрес – правильно, туда!

Мы двинулись вглубь этого оазиса. Сначала навстречу нам попался темнокожий мальчишка в трусах. Но, увидев компанию взрослых людей в костюмах и галстуках (а все это происходило лишь в 5 часов вечера), мгновенно исчез… Но уже через минуту появилась дама – дородная мексиканка, с блестящими, намазанными кокосовым маслом голыми плечами и руками, голой блестящей спиной и роскошным бюстом, который был только слегка погружен в лифчик из соломы.

Дама поинтересовалась, не ошиблись ли мы адресом? – к ним ли, действительно, хотели приехать? Мы со всем энтузиазмом закивали головами, после чего она нам необыкновенно мило улыбнулась и пригласила к столу. Походя заметив, что вообще-то «представление» начинается в 11 часов вечера.

Но деваться нам уже было некуда. Не ехать же обратно в город, чтобы непонятно где и как убить еще 5 часов в ожидании «встречи с прекрасным». Решили скоротать время там.

Вскоре появились «официантки». Это уже было больше похоже на то, что мы искали. Все они были в бикини, топлес, и тоже густо намазаны кокосовым маслом. Особенно впечатляющи были их груди, соски которых торчали наружу, как носовые орудия на сторожевых катерах.

Спросили, что мы хотим выпить? Мы сказали, что хотим «их национального»… И понеслось! Масса разных вариантов, в основе которых была, конечно же, мексиканская текила.

И так, с половины 6-го до 11 вечера, мы с Рудневым были приговорены друг к другу. И все это время, обуреваемый творческим подъемом, в восторге от возможности иметь вынужденных слушателей, глава «Совэкспортфильма» подробно, серию за серией, рассказывал, показывая сцены в лицах, играя за мужчин и женщин, детей, стариков и собак, все перипетии своего бессмертного произведения «Долгая дорога в дюнах».

Он подходил уже к 10-й серии, когда зал начал наполняться редкими посетителями, а официанток постепенно сменили другие девушки – скажем, одетые «несколько легче». Если не сказать, что они вовсе были голыми. Уже они начали нам подносить напитки.

Естественно, наше внимание стало отвлекаться от латвийской проблематики, только Руднева это нисколько не смутило. Он увлеченно продолжал свое повествование, уверенно подводя его к кульминации.

Но в какой-то момент, когда глава «Совэкспортфильма» сообщал о том, что порочно влюбленный секретарь латышского райкома был застигнут «на месте преступления» женой, между мной и лицом Руднева – словно в сказочном, невероятном, фантагорическом видении – появился бесшумно и плавно… роскошный сосок. Это было похоже на мистический триллер…

Но самое гениальное, что меня больше всего поразило и умилило, так это невероятный творческий азарт моего друга Руднева даже в этих обстоятельствах! Когда сосок, а затем и вся сиська перекрыли ему мое лицо, Руднев, несмотря на то, что мы находились в столь специфическом заведении, хорошо помня о том, что партбилет второй раз не выдается, просто аккуратно из-

за сиськи выглянул. И договорил мне фразу, из которой стало ясно, что семья у секретаря райкома безвозвратно рассыпалась.

Девушка же сделала для себя естественный вывод, что следует привлечь к себе больше внимания, и намазанной кокосовым маслом попой села Рудневу на колено. А точнее, на темно-голубые, очень в то время модные, хорошо отглаженные брюки.

Далее произошло следующее.

Руднев, конечно, понимал, что возмутиться, вскочить, отогнать девушку в том заведении, где она работает и куда он приехал по своей воле, было бы по меньшей мере странно, а по большому счету и опасно, потому что в дверях уже маячили серьезные ребята с накаченными шеями. К тому же глава «Совэкспортфильма» не мог подсознательно не опасаться и того, что все это может стать и достоянием гласности (не дай бог, сделают еще фотографии!). Поэтому он, не дрогнув и мускулом, спокойно положил локти на стол – таким образом, что девушка, продолжавшая сидеть на его колене, оказывалась у него за левым локтем! Почти за спиной. И с огромным темпераментом и актерским мастерством продолжил рассказывать о том, чем закончилась та роковая ночь для секретаря райкома, когда жена его застала врасплох.

То есть если из этого «кадра» извлечь сидящую на коленях Руднева голую девушку, то, исходя из положения наших фигур за столом, все по-прежнему читалось бы как увлеченное обсуждение нами каких-то творческих проблем. И любой зритель такого фотоснимка естественно предположил бы, что девушка на этом кадре появилась в результате шалости фотохудожника, освоившего искусство коллажа.

Девушка между тем с огромным любопытством наблюдала эту «экзотическую» для нее сцену и вслушивалась в незнакомый ей язык, пытаясь понять, кто мы?.. Что-то наконец поняв, она нежно тронула Олега Александровича за его густую бровь и спросила:

– Russian?

А Руднев, не раздумывая, абсолютно интуитивно, на всякий случай сказал:

– No.

С этого момента все шлюзы были открыты. Мы спокойно пьянствовали… Когда девушка ушла за очередной порцией текилы, я сказал Рудневу:

– Ну, Олег, либо надо уезжать, либо уж расслабиться и веселиться. А то глупо как-то… Чего мы сидим, потные, в ужасе, с пяти часов?

Начались танцы. Руднев замечательно пел на русском языке полуголым посетителям этого заведения. Сам себе аккомпанировал, взяв гитару у музыканта. Причем пел он действительно великолепно, хотя и про комсомольцев-добровольцев. И далее – весь тот репертуар, который и сделал его в свое время секретарем латвийского горкома.

Не буду детализировать эту историю.

Закончилось все замечательно – общим весельем, братанием, обниманием… Весь костюм Руднева был в масле, впрочем, как и у всех нас.

Проведя в общей сложности в этом прекрасном заведении часов семь, мы, очень довольные, хотя и взнервленные, сели в свои экипажи, чтобы ехать обратно…

Из того же, что произошло дальше, я понял, что на таких экипажах сюда приезжают только очень богатые и глупые туристы. Девушки всей толпой обступили наши экипажи в ожидании щедрых чаевых. И Руднев, уже за неимением ничего большего, достал из кармана огромную пачку открыток с фотографиями артистов советского кино и стал раздавать их вместе с фотографиями Красной площади и Мавзолея. Девочки брали открытки, цокали языками, спрашивали:

– Who is it?

– А! Это наши звезды! Стар!

– О! Star!

Кому-то достался Николай Губенко, кому-то – Жанна Болотова, кому-то – Нона Мордюкова, кому-то – Евгений Матвеев… Моих фотографий тогда еще на открытках не было, о чем я очень пожалел. (А потом, со временем, решил, что и хорошо, что не было, – мало ли в какой «келье» эта фотография окажется при посещении очередным советским человеком.)

Когда все девушки уже были наделены открытками и начали их рассматривать, пытаясь понять – кто это, и сравнивать, показывая их друг другу, мы, не сговариваясь, ткнули наших кучеров в спины. «Гони!.. Let s go! Drive!» Наши кареты сорвались с места.

Некоторое время девушки еще бежали за нами, размахивая открытками и, видимо, еще надеясь, что за открытками последуют и чаевые. Но уже клубы пыли, из-под колес экипажей поднимаясь к вечернему небу, их скрыли от нас!..

* * *

По телефону жена, которой муж врет, что он на работе,

слышит специфический звонок в своей квартире.

* * *

Напивающаяся в Париже русская, из дворян. То и дело смотрится в столовый ножик, ища своего отражения.

Она же: «Какое жесткое мясо!» – это она говорит, пытаясь разрезать бифштекс обратной стороной ножа.

* * *

Олег Янковский в Булонском лесу. Останавливается возле каждого куста. Шел «на переговоры», но они все ни к чему не приводят… Вернулся в машину, изумленно вращая глазами: «Представляешь, потрогал сиськи – настоящие, полез ниже, а там х… вот такой…»

Во время очередной остановки я в зеркальце увидел, как неожиданно быстро между кустов замелькали ягодицы. Это «барышни» кинулись врассыпную. Показалась полиция. Олежек остался в одиночестве среди деревьев в кашемировом пальто.

* * *

Спрашиваю у югославки Иваны Жиган, говорящей по-русски:

– Как вы учили язык?

– Мой папа режиссер. Обожает Россию. Он там долго, еще до моего рождения работал. Когда я была маленькая, он любил меня баюкать, особенно когда выпьет. Придет ко мне в комнату, сядет на кровать, гладит по голове и тихо говорит:

– Ты только послушай, как это красиво: Елена Николаевна Расщупкина, Татьяна Викторовна Мухина, Наталья Степановна Самсонова… (и так далее).

Я слушала и за ним шепотом повторяла, ничего не понимая.

(По-моему, замечательно!)

* * *

Под Белой Церковью в степях многие русские офицеры кончали жизнь самоубийством. Их находили, потому что лошадь

продолжала стоять над телом своего хозяина.

* * *

Какой там Бретон! Большего сюрреализма, чем славянский, невозможно придумать.

* * *

Отец радовался, что сын в гвардии и сидит тихо в Белграде (сам же он – хорват). Сына вместе с полком отправляют на фронт, отца же мобилизуют в Хорватии.

* * *

Феномен массовой культуры. Он последовательно вытравляет чувство Родины!

> «Каждый человек достаточно жил, если умер как свободный».

* * *

Чтение монолога Робеспьера перед массой студентов. Забрали в полицию за экстремизм.

– Да какой у меня экстремизм?! Я артист и читал свою роль.

– Ну-ка прочти.

Начинает читать уже в полиции. У всех шок.

* * *

Мишель Морган в пиджаке из рюлекса. Все время у нее то серьги цепляются за воротник, то рукава за полы и за скатерть. Сумасшедшая ситуация, которая заканчивается гомерическим хохотом всех.

* * *

Нужно уважать то, о чем рассказываешь!

* * *

По отдельности все люди. В толпе – животные.

Это очень удобно и безопасно – прятать личную, индивидуальную ответственность в коллективной безличности и безответственности толпы.

* * *

По-моему, Хьюстон сказал, что он не знает никакого искусства, он просто рассказывает истории.

* * *

Одна из разновидностей ущербности – это когда для тебя ласковый взгляд начальника важнее, чем радуга над полем и лесом.

* * *

Уход через границу или побег – одновременно играя с ребенком.

* * *

История с коммерсантом-банкиром, которого за полмиллиона покатал летчик-испытатель, а посадил на землю свою машину еще за полмиллиона.

* * *

Набережная Grand Canal Venezia. Стоят две венецианки и долго о чем-то говорят (наплыв) …

Они же –100 лет назад, в тех же позах и о том же абсолютно (наплыв) …

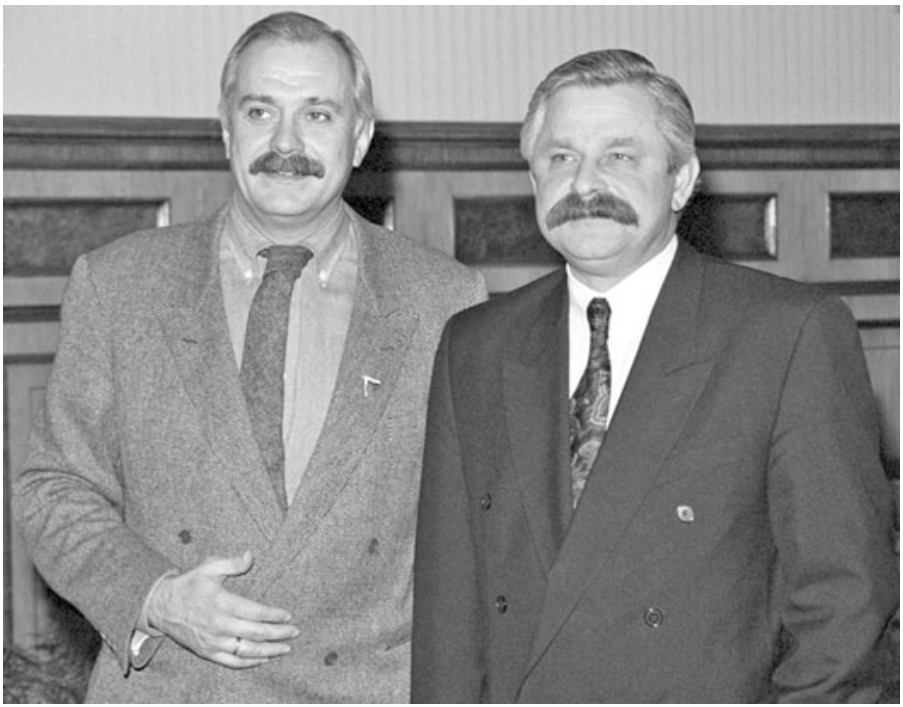
400 лет назад – и опять они же и опять о том же…

* * *

ПНР на «свободную руку» человека, который жадно ест. Рука его отражает все эмоции, и намного более чувственно, потому что отраженно. Жизнь руки жадно насыщающегося человека.

* * *

Руцкой рассказал о том, как умирал его боевой друг. Он был обожжен. И его поместили в барокамеру, под колпак. Он попросил спирту, ему дали. Потом попросил гитару. Ему принесли. И он запел под этим колпаком.



С Александром Руцким

Так и умер с гитарой в руках под колпаком.

* * *

Венецию влюбленных все видели, а вот Венеция в детективе может быть как минимум забавна. С водными лыжами по каналам.

* * *

Замечательно. Карта Италии, по которой ползает муравей. По нему загадывают что-то… Или куда поехать, или еще что-то. Как идея – очень чувственно.

* * *

Девочка, папа и папина любовница где-то на море. «Женская проблема».

* * *

Ехали четверо в машине. Женщина сидела впереди и, так как они долго добиралась до места, приехали поздно, она по дороге уснула. Пока доставали вещи, про нее забыли. Так и спала в машине. Пока о ней не вспомнили.

В интервале между тем моментом, как ее забыли, и тем, когда о ней вспомнили, и произошло все самое главное в фильме.

Или это забытая жена, или уже не нужная любовница… Или произошло что-то такое, что про нее заставило забыть.

* * *

Антонио кому-то перевозил огромную сумму денег: чемодан или два. Ехали с другом. Ужасно захотели есть, но нужной валюты в карманах не хватало, хотя в чемодане лежала уйма денег.

В результате удовлетворились водой и рогаликами на мелочовку, которую с трудом удалось наскрести.

* * *

А в общем-то, цивилизация и культура европейская вся почти пошла из Средиземноморья!..

Набережная Венеции

* * *

В доме Антонио, в спальне, – телевизор маленький, но с «пультом». К вилке привязана веревка. Антонио лежа телик смотрит и, когда программа заканчивается, дергает за веревку, и вилка выскакивает.

* * *

Занимались какими-то звонками и бумажками в этот жаркий белый день. *Они* же томно слонялись по саду и дому, пахнущему цветами и зимней пылью, с надутыми сквозняками занавесками.

Они стремительно сближались. И, когда муж вышел в сад, ее там уже не застал. Застал *их* где-то во флигеле.

* * *

У Антонио есть друг – карабинер-вертолетчик. Время от времени они выпивают. Иногда друг прилетает к Антонио в гости, сажая свой вертолет возле его дома. От этих визитов чуть весь сад не вырывает с корнем.

Еще они часто встречаются в море. Антонио – на лодке или катере, тот – в воздухе. Начинаются всякие игры, порою довольно опасные. Иногда, когда у Антонио на борту люди, которых он не очень любит, при появлении вертолета он им говорит: «Вы знаете, у меня тут вообще-то небольшие неприятности, но вы, конечно, не бойтесь… Хотя кто знает этих карабинеров, так что, если что-нибудь, вы сразу просто поднимайте руки». Гости перепуганы, вертолетчик заходит на вираж, а дальше Антонио так и везет их с поднятыми руками на виду у всего побережья.

* * *

Антонио с другом ходят на яхте в Венецию. Самое любимое – стоять в лагуне и встречать рассветы и закаты, когда видно и Собор Святого Марка, и Большой Канал, и еще многое… Никогда от этого не устаешь.

И вот однажды пришли они в Венецию, а там – гигантский американский крейсер. И американские матросы по утрам бегают по набережной.

И ничего не видно, кроме этой серой брони, да к тому же утром досаждает колокол, который обычно звонит только в то время, когда висит сильный туман. Антонио спрашивает у друга: «Что это вообще?»

Тот отвечает: «Ну, сам видишь, слышишь, крейсер, колокол».

«Нет! – говорит Антонио. – Это нужно прекращать».

«Это как же?»

«Увидишь», – заявляет Антонио уверенно.

Дальше они отправились на своей яхте за продуктами. Друг остался на судне, а Антонио ушел в магазин.

Все купил, возвращается и тут неожиданно замолкает колокол. Друг смотрит на Антонио. Тот кивает ему – мол, видал?

Но самое изумительное было потом, когда стал с якоря сниматься крейсер.

«Это ты сделал?» – вылупил глаза на Антонио друг.

«Конечно!» – отвечает Антонио, и сам изумленный не меньше тем, что происходит.

Оказалось, крейсер уже две недели готовили к отходу. Но друг до сих пор с подозрением на Антонио смотрит.

* * *

В Неаполе в порту ужасная напряженка с «концами»:

невозможно пришвартоваться. Но лежит, покуривает ханыга. Видит твои мучения, спрашивает: «Есть проблемы?» «Да», – отвечаешь. «20 000 лир». – «Хорошо». Надевает маску, ныряет и вынимает тебе из-под воды свободный «конец». Потом опять ложится, курит, наблюдает…

* * *

Антонио уехал готовиться к экзаменам на Капри, после этой «подготовки» вылетел из университета вообще.

* * *

Пара, уехавшая в глубинку заниматься любовью. Приехали куда-то – в село или на море. Остановились у рыбака или крестьянина. А тот влюбляется без памяти в нее и делает все, чтобы занять их чем угодно, только не дать им остаться одним. Возит, кормит, спаивает, знакомит с друзьями, устраивает вечеринки, концерты и так далее…

* * *

18-летие Анны в Риме. Театр оперы. Директор меня жутко фалует. Стелет невероятно мягко. Таскает по театру, всем кричит о наших планах. Потом отводит нас в ложу правительства.

Сидим в ложе. В зале толпа… Открывается дверь, входят несколько человек в черных ливреях – вносят торт, посыпанный пудрой, с 18-ю свечками. Сзади стоят другие, с ведерком со льдом и шампанским.

Анна задувает свечки, и мгновенно все ливреи и лица над ними становятся напудренными. И вообще все вокруг становится белым бело!

Начинается опера. Пьем шампанское. В темноте разливаем, хохочем…

Потом родственник Сильвии, почему-то оказавшийся сильно поддатым, опрокидывает ведерко со льдом, а затем, совершенно очумев, отодвигает занавеску в прихожую, разбегается и запускает над партером пробку от шампанского, пытаясь добросить ее до оркестра. Не добросил. Попала кому-то по голове.

Сумасшедшее совершеннолетие!

* * *

Подглядывание мальчика 5–6 лет под халат старой тетке, застилающей кровать. Он лезет под эту кровать, как бы что-то ища, а сам заглядывает под халат.

* * *

Прямой эфир. Человек появляется на экране, вынимает из кармана пистолет, кладет его рядом с собой. Далее он чего-то требует, угрожая прямо здесь, перед телезрителями, застрелиться. (Хорошая для кино ситуация.)

* * *

Мелководье. Субботнее утро. Посередине реки лежит на животе человек. Другой его массирует. Мнет и топчет. Тот кряхтит и повизгивает.

Странное и замечательно русское событие – возможное в совершенно любые годы в России.

* * *

В самолете «Аэрофлота»:

– Скажите, это у вас натуральный сок или из банки?

Стюардесса изумленно моргает.

* * *

Таня (в самолете «Москва – Токио»):

– У меня сердце болит, но почему-то справа.

* * *

Токио. Таня:

– У них такие высокие цены! Наверное, правительство специально такие цены высокие сделало, потому что они на островах живут, все равно никуда не убежать.

* * *

Степа целует в лысенькую еще головку свою дочку Сашеньку, а Алла потом ходит весь день с дочкой на руках и нюхает Степин запах…

* * *

Бабушка Элика Караваева.
– Бабушка, а когда яички всмятку сварятся?
– Прочти три раза «Отче наш» – вот и всмятку будут.
– А если вкрутую?
– Тогда десять раз читай.

* * *

Еле двигающийся, на костылях или еще как-то, человек приходит в амбулаторию, его все пропускают без очереди, а он просит у медсестры палец себе заклеить пластырем.

* * *

Два брата-близнеца. Красят мосты по всей России. Сейчас, вот уже три месяца, сидят с палаткой на берегу Оки. Рыбачат… И ничего их не волнует.

– Бабушка, а когда яички всмятку сварятся?
– Прочти три раза «Отче наш» – вот и всмятку будут.

* * *

С Надей для «Голубой чашки». Не дают друг другу зевнуть и ужасно хохочут.

* * *

Взрослая сестра написала в тетрадке у маленькой: «Надя дурочка».

Через некоторое время, когда та научилась читать, она это

прочла. Обида нестерпимая. «Предательство!» Скандал.

* * *

Валентина – переводчик у наших хоккеистов. Двадцать здоровенных мужиков, с кучей денег, без языка, без каких-либо интересов, да еще и воспитанных советской системой.

Барышня и ватага мужиков. Чего только ей не приходилось делать! Даже проституток вызывать. Звонит по массажному телефону, начинает приглашать. Ее спрашивают: «А вы-то лично, барышня, чего желаете?» Она что-то пытается объяснить. Ее посылают…

Вообще, может быть смешная история нашего хоккеиста в Канаде или США.

* * *

Диалог Нади и музыканта в «Русском самоваре». (Наде 5 лет.)

– Сыграйте «Калинку».

– Да я ее давно не играл.

– Да я тоже давно ее не слушала.

– Лет пять?

– Да больше!..

* * *

Для «Голубой чашки»: Надю нужно учить танцевать и петь «Утомленное солнце».

* * *

Длинный счастливый день девочки, в конце которого увозят отца.

Сумасшедшая атака в дыму и со стрельбой…

Войска, вальс и девочка.

М. б. до самого конца не понятно, кто этот замечательный человек, приехавший к ним. Только в самом конце понимаем, что он приехал за отцом.

Как сделать, чтобы это было еще и смешно? Чтобы не было тяжело, но в результате пронзительно?!..

Засыпающая девочка в конце тихонько поет: «Утомленное солнце».

* * *

Для «Шаровой молнии»:

Разговор на пляже или за столом, когда Митя крутит в руках винную пробку. И постепенно все скручивается и концентрируется на эротических воспоминаниях. Она почти кончает. И от этого просит Сергея, чтобы он проводил Митю.

Может быть, Надя наблюдает за этим. Ничего не понимает, но ощущает что-то сильное и запретное.

* * *

Никогда созерцательность не будет рядом ни с властью, ни с политикой.

* * *

Надя одевает отца перед его отъездом. Она торопится, потому что ждет машина, и она боится, что машина не дождется и уедет.

– Скорее, папочка. Они же без нас уедут.

Он молчит. Она застегивает на нем рубашку, что-то говорит, смеется…

– Папочка, ну пожалуйста, ну я тебя очень прошу, ну быстрее же. Не дождутся же нас!

– …Дождутся.

* * *

Мой разговор по телефону с отцом:

– А Леонов, писатель, жив?

– Жив.

– Сколько же ему лет?

– 94.

– И что же он, соображает?

– Соображает, хорошо соображает, но боится.

– Чего боится?

– Соображать…

* * *

Присманова перед отъездом Марины Цветаевой из Парижа в Россию попросила у нее прядь волос. Ножницы у Присмановой оказались в сумочке. Шел проливной дождь… Прямо на парижской улице Присманова отрезала у Цветаевой прядь волос.

* * *

Жена и муж разговаривают по радиотелефону, врут друг другу что-то и так, разговаривая, проходят мимо друг друга по улице.

* * *

Сан-Франциско. Аэропорт. Пассажиры ждут посадки. Все время зовут какую-то госпожу Плахову и господина Таранова.

Из-за поворота появляется квадратное существо в шляпе на глаза, в плаще (а-ля 30-е годы), в руках две сумки, рядом – этакая субтильная «душечка». Проходят мимо, слышу разговор:

Она: – Хочешь сесть?

Он: – Хочу стоять и курить, и еще водки хочу выпить.

* * *

Она кормила его вечером у себя дома. Впервые он пришел в их дом. Где-то в глубине большой квартиры существовал сын. Она ужасно нервничала. Все делала «по приборам», спина ее была напряжена, а движения неправдоподобно четки и механистичны.

Он разглядывал ее и ее «жизнь в его отсутствие». Фотографии на стенах, полотенца на кухне и в ванной комнате, мебель, торшеры, диваны…

Потом он ушел. Через какое-то время она легла спать, и перед сном они еще долго разговаривали по телефону. Много смеялись и шутили…

Спала она крепко и спокойно. Но, проснувшись, ощутила ужасающую безысходность…

Раздался звонок, кто-то спросил ее бывшего мужа, потом ее. Она решила, что это *он* шутит, и стала разговаривать с ним, но вдруг поняла, что это совсем другой человек, их старый знакомый. Холодный пот прошиб, и голос треснул. Знакомый ничего не понял. Они распрощались.

Когда же она положила трубку, началась истерика. В слезах пошла на кухню и, утирая кухонным полотенцем лицо, съела целый кекс с маслом. Вошел сын, спросил: «Почему ты плачешь?»

Не зная, что ответить, выговорила: «Деньги потеряла». Сын спросил: «Сколько?» Попыталась сообразить, сколько же сегодня нужно потерять, чтобы заплакать. Сказала: «Зарплату». Сын ушел, пожав плечами.

Потом долго лежала в постели и утирала уже пододеяльником слезы. И думала, почему она сказала про деньги, почему именно это пришло в голову, чтобы объяснить сыну причину слез?

Надо было объяснить так, чтобы он в это поверил? Сын – коммерсант, и для него, конечно, деньги терять – печально, возмутительно, нехорошо, но сколько ж нужно денег потерять, чтобы так плакать?..

Потом, опухшая, гуляла по заснеженному городу.

* * *

Как печально и пронзительно зимой выглядят летние вещи, забытые на улице. Качели, гамак, волейбольная сетка, велосипед…

19. I.81

К «Дмитрию Донскому»

1. Мальчик-князь.
2. Путешествие в Орду и обратно. У мамы на груди плачет.
3. Мужание.
4. Куликово поле. Туман. Великое стояние. (Мальчик идет по полю в тумане. Звуки, цветы, жуки, бабочки… Туман медленно рассеивается. Две рати по 250 тыс. человек.)

* * *

Образ Москвы. Она должна стать четким действующим лицом картины. Строительство Кремля. Замечательный повод показать русский характер.

* * *

Бой на реке Пьяне.

Герой, плавающий и ныряющий, которого убьют под водой стрелой, пригвоздив к коряге. Его отношения с рыбами.

Пока жив, он их ловит и отпускает, и словно разговаривает с ними. А потом те же рыбы проплывают мимо него, пригвожденного к коряге.

* * *

До того как ныряльщик вступит в бой:

Погружается в воду у другого берега… Подводное его путешествие. Рыбы – разной формы и величины, вьющиеся вокруг, плавающие в разных направлениях, с разной скоростью… Шевелящиеся водоросли… Неторопливые раки…

Выныривание и… ужас от того, что он видит. Топчут в воде наших ребят. Ужас того, что творится на поверхности земли, после тишины и покоя речного подводного мира.

* * *

Одежда с мороза, с веревки. Отличная фактура и повод для движения драматургического.

* * *

Дичающие лошади под татарскими седлами – табуном в лесу.

Великий князь Дмитрий Иванович Донской. Миниатюра из «Титулярника». 1627 год

* * *

Хорошо бы побольше использовать фактуру и возможности льда. Что-то заледенелое, что-то замерзшее: одежда, еда и так далее. Это дает замечательный импульс для включения биологической памяти.

* * *

Русские, говорящие с пленными татарами и ужасно радующиеся тому, что узнают какие-то свои слова. И каждый наш хочет что-то вспомнить по-татарски, сказать это слово и ужасно обрадоваться, когда слово это окажется знакомым татарину.

* * *

Старушка на крепостной стене с луком, девушка с мечом.

* * *

Голые дети в потертых валенках.

* * *

Пир для ордынских послов. Нажор и напой до умопомрачения. Тут и этнография, и живопись, и меню средневековое. Гостеприимство русское и хитрость.

* * *

Тщедушный человек в латах, которые ему велики. Сил у него нет, есть только дух. Запел толпы… И все начали подниматься. Может быть, отъезжая (*камерой*), увидеть еще многое. За ратниками могут стоять дети, женщины, старики.

* * *

Поджог посада московского, озадачивший Ольгерда. Первый пожар, устроенный собственными руками…

* * *

Кем были наши предки и почему теперь мы такие? Это очень важный вопрос. Хочется рассмотреть русского средневекового человека во всех сферах его деятельности и показать, насколько он был более цельным, искренним, порядочным и истинным человеком, нежели мы теперь.

* * *

Небесное знамение.

Занятно, что понятие «любовь» никак не принималось в расчет при женитьбах Великих князей.

* * *

Неумолимая московская наступательность.

* * *

Целование креста на верность Москве всех бояр и черного люда после того, как Мамай отдал великое княжение владимирское Михаилу Тверскому.

* * *

Поле пшеничное на бугре. Тихо. Встает солнце…

Из-за бугра поднимается пыль. Постепенно появляются всадники. Они должны заполнить весь кадр – из края в край. Конница мчится на камеру (30 тыс. человек).

Камера медленно поднимается на воздушном шаре. Конница мчится уже прямо под камерой… Когда она исчезает, остается совершенно изуродованная земля. Пауза. Далеко на общем плане появляется маленький мальчик. Он идет на камеру. Когда он подходит, камера как раз опускается. Крупный план: мальчик смотрит в камеру.

Идет титр, название фильма.

* * *

NB! Богатейший неизученный животный мир Руси. Берегов Дона и Днепра, Оки и Волги. Это должно быть роскошно, щедро, в панорамах, и зачастую соединено в одном кадре с актерскими сценами.

Непринужденность, широта и легкость.

* * *

Желание вырваться из тисков необходимостей политических, «вырваться в природу, в травы, в леса» (А. С. Пушкин). Важно ощущение уставшего, пробирающегося в темноте к неизведанному человека.

* * *

«Дмитрий Донской» – это масштабная картина с подробно разработанными характерами главных героев на фоне шестидесяти тысяч человек. Не нужно повторять ошибок Озерова.

* * *

В «Донском» может быть замечательный контрапункт в итальянской и вообще европейской музыке.

Что-то вроде концерта в Кремле. Поют итальянцы, играет походный органчик, а наши слушают. Потом задаривают иноземных певцов и музыкантов (а своих бьют?). Но хорошее соединение.

* * *

Крещение. Иордань на реке. Купание в ледяной купели.

* * *

Сражение. Из тумана на камеру после начала битвы, очень тонкой и пронзительной по звуку, выходят полуубитые люди в обнимку (или почти под руку) – пронзенный насквозь русский и обезглавленный ордынец.

* * *

П. П. Кадочников в роли кого-то из бояр в Крещение лезет в прорубь на глазах у Дмитрия.

> При Дмитрии Донском церковь была скромной, целомудренной, благородной и достойной. Это потом пришел разврат и внешность.

* * *

Одна из отправных точек – междоусобица в русских землях.

И тот, кто в междоусобной стычке отрубил кому-то руку, и тот, кому ее отрубили, должны вместе идти на Куликово поле и вместе там стоять.

* * *

Молитва войска Дмитрия. Проскок быстрый князя вдоль войск. Дмитрий на белом коне – и все войско по мере его продвижения встает на колени. Панорама с отъездом вверх на очень общий план. Молитва.

* * *

«Человеческий дух был унижен необходимостью братоубийства».

«История Российская». В. Н. Татищев.

* * *

Занятно, что понятие «любовь» никак не принималось в расчет при женитьбах Великих князей. Важно было родниться с именитыми и мощными соседями. Что это с точки зрения физиологии и чувственности? А понятие ревности?

* * *

Москва долгое время была просто в ряду сильных княжеств.

Почему же именно Москва объединила всех вокруг себя? Почему ей суждено было стать тем ядром, вокруг которого все сплелось и объединилось?

* * *

«Самый упрямый русский человек XIV века – Олег Рязанский».

(В. О. Ключевский)

* * *

Богомаз, которого не пускают на Куликово поле, чтобы не убили. Бьют и запирают в церкви.

* * *

Дмитрий Боброк. «Под трубами повит, под шеломами взлелеян, с конца копья вскормлен». Пришел служить не Великому князю, не Москве, а чему-то большему. Знал требы, по крику птицы определял, есть ли кто чужой в лесу. Хороший, дающий большие возможности персонаж!

* * *

Рязанцы, выходящие на брань, применяли приемы ордынцев.

* * *

Орда – это ёные. Паразитирующее государство, интересующееся только наживой, в любом виде. Только материальное, только под себя и только с выгодой.

* * *

Может быть, в «Дмитрии Донском» можно сделать сцену Великой пасхи. Праздника истинно христианского, нежного, мощного. Всеобщее единение в Вере.

А еще м. б. какая-то междоусобица, происходящая в Пасху, и кто-то неожиданно воскликнет: «Христос воскресе!», и ему ответят все: «Воистину воскресе!», и вчерашние враги начнут обниматься.

За спинами воинов на Куликовом поле стоит один только мальчик, которого защищают все эти сто тысяч человек.

* * *

Невозможность перешагнуть через что-то, чему, видимо, нет названия. (Михаил Тверской в колоде, не желающий бежать.) Что-то, что пронзительно просто и совершенно необъяснимо. Русский стоицизм, упорство без страха смерти, но со страхом перед тем, что, предав, не найти покоя в совести, не быть счастью.

* * *

Для Михаила Тверского – гибель есть логическое завершение положения, в которое его поставила судьба. Он не может не «испить сей чаши», ибо тогда перестанет быть самим собой.

* * *

Княжья дума: послы и бояре… Дмитрий сидит, слушает, смотрит, потом с самым серьезным видом просит его подождать и уходит. По переходам идет все быстрее, почти уже бежит… К жене!.. Любовь страстная!.. Потом опять – князь с важным видом среди послов.

* * *

История с первыми деньгами Дмитрия Донского.

Разбираются чьи-то дела, кого-то наказать должны, а Дмитрий об одном мечтает – как свою денежку новую Евдокии показать.

* * *

Понятность, ощутимость того, о чем хочется говорить. Чтобы дошли до других то уважение и гордость, которые мы испытываем, рассказывая свою историю. Нужно, чтобы в зрителе, даже совсем отдаленном от наших корней, возникало чувство глубокого уважения к земле, родившей этот народ.

* * *

Леденец за щекой маленького Дмитрия Донского перед исповедью. Стоит в храме и леденеет от ужаса – и ничего не слышит, кроме перекатывающегося и, как ему кажется, слышного всем леденца между зубов… Даже расплакался. Никто не может понять почему.

* * *

Ушкуйники. Позорная их гибель. Позорная и жизнь в разорении своих же – русских.

* * *

Арапша – царевич-чингизид. «Карла станом, но великан мужеством» по Карамзину.

* * *

Сомнения Дмитрия: «Имею ли право?» Молитвы у гробницы Алексея. Страх не за себя, а за то, что м. б. не имею права губить людей, которые верят.

* * *

Войско, залегшее в хлебах и неожиданно поднявшееся.

* * *

Битва при Воже. Оценка К. Маркса (для заявки картины.) NB!

* * *

Сергий Радонежский. Вдохновитель Куликовской битвы.

Слова Сергия Дмитрию о победе. «При сей победе тебе еще не носить венца мученического, но многим без числа готовятся венцы с вечною памятью».

* * *

Единение, гордость, братство. Приход литвинов и особенно появление перед великой ратью горстки ельчан, которая ручейком влилась в это могучее воинское море.

* * *

О долготерпении и о бессмысленности сиюсекундных всплесков ярости, когда наши переколотят отряд баскаческий, а через неделю хан пришлет войско и все спалит. Юра Лощиц, «Донской»

* * *

Развращающая политика разжигания междоусобиц.

* * *

Зверь, рыба, леса, плесы в путешествии Дмитрия.

* * *

Персонаж, которого калечат все больше в междоусобицах и который дошел до конца только одним духом на Куликовом.

* * *

Купание рати. Вода, течение, люди.

* * *

…Волна конницы постепенно меняет окраску, то есть скачут разные отряды наемников, разные национальности, по-разному одетые. Все время цветовое движение. Наконец они исчезают, и мы видим только изуродованную землю. Пауза. Из-за бугра появляется мальчик.

* * *

Форма, видимо, новелльная, но объединенная одними героями.

* * *

Темы в заявке:

1. Историко-военно-патриотическая.
2. Без расового великорусского шовинизма.
3. Татары в наших рядах.
4. Орда приносила горе и самому татарскому, и монгольским народам.
5. Чингисиды гнали татар в бой, как скот.

* * *

С ордынским послом встречалась вся княжеская троица: мал-мала-меньше. Вообще: дети и орда; дети и хан; дети и судьба отечества.

* * *

Разбор мостов после переправы.

Походные церкви, вечерний молебен.

Таинственные ночные знамения.

Молчание загадочного воеводы Боброка. Князь-мальчик в глаза ему заглядывает.

* * *

Стояние 8 сентября. Туман, ветер в стягах.

Переоблачение великого князя Дмитрия.

* * *

А м. б. есть смысл посмотреть, а что же была такое Европа в тот момент, когда Дмитрий собирался бить татар?

* * *

Ритм. Общий национальный ритм. Он важен и в кадре, и в существовании персонажей, и в размахе, масштабе мышления.

* * *

Крещение знатных ордынцев в Москве-реке.

* * *

Через всю картину – человек, которому отсекают члены. За повторное участие в междоусобии наказывают отсечением руки. Грозят, что, если что, и между ног отрежут. Потом, уже в конце, когда его спрашивают, чем же собирается он воевать, весело отвечает, что между ног-то осталось!

* * *

Из первой новеллы должны вытекать все остальные, как ручейки. Истоки их в первой новелле, где все главные лица так или иначе должны быть представлены. А далее все нити должны, прерываясь и путаясь, но неумолимо вести к Куликову полю. С разных сторон – к главному делу всех этих людей во главе с Дмитрием.

* * *

Дмитрий на переправе. Страх за людей, ответственность. Слезы на глазах.

* * *

А что, если все это действительно дать от первого лица?

* * *

В этой картине тоже необходим юмор! Многое должно быть весело.

* * *

С появлением на краю поля войска ордынцев наши тесней прижимаются плечами друг к другу.

* * *

Напряжение может быть нагнетено чистой этнографией. Здесь необходимо много импровизации и фантазии, но все это только на основе углубленного изучения своей культуры и истории, своей национальной традиции.

* * *

В битве и перестроениях – движение в разных и сложных направлениях, от чего создается иллюзия большого количества людей.

* * *

По первому плану шторкой – трепещущие стяги.

Много вообще всяких развевающихся плоскостей – плащей, епанчей, частей шатров…

* * *

Донской должен быть показан в становлении, в мужании, в движении, через сомнения и отчаяние.

* * *

Как же этих вот «пляжных кукушек» заставить смотреть «Донского»? Как их заставить хоть что-то почувствовать?

В. М. Васнецов, «Единоборство Пересвета с Челубеем»

* * *

Не бояться импровизировать в детали, в быте, в этнографии. Все эти вещи, хорошо сделанные, сами могут «держать» напряжение.

* * *

В «Донском» нужно создать особенную, святую атмосферу во всем, что связано будет с преподобным Сергием Радонежским. Именно атмосферу.

* * *

ПНР с трюков на осаждающие крепость войска. Пошел снег летом… Наплыв в зиму, войска стоят там же и так же, но в сугробах.

* * *

В трюках должен интересовать не сам трюк, а их каскад, панорама, наслоения, соединение, умножение.

* * *

Кровь в воду пустить при питье.

* * *

Удивительные, поражающие сегодняшнего человека события там – норма.

Записные книжки 1993 г.

27. II.93 от Р. Х. Суббота перед «Прощеным воскресеньем»

Надежда вернулась с лыж и сказала, что очень тяжело «тащить лыжню». (Ее точное выражение.)

Бежать из ванной на цыпочках она называет: «на пятнышках». Замечательно точно: от пальчиков мокрых ног остаются пятнышки на полу.

* * *

Наверное, для каждого приходит время, когда игра во лжи и ложь в игре заканчиваются, и наступает момент истины, ответственности, жертвы. Только понявший это может надеяться на Понимание.

* * *

Для «Шаровой молнии»: Надя с перекидным календарем 1935 года. Объяснения отца, кто есть кто на фото в календаре.

* * *

История с Эдиком Володарским, которого крестили, когда ему уже было лет 11. Перепуганный священник все предлагал ему имена из «Святцев», а тот, стоя голый в тазу, капризничал.

* * *

На просвет свечки над пепельницей прозрачные пальцы с ноготками, выбрасывающие косточки от винограда.

* * *

Человек в ресторане с радиотелефоном. Рядом надрывается

тенор, и человек ничего не слышит. Подходит с трубкой к тенору и, продолжая разговаривать по телефону, зажимает ему рот.

Или хорошо подойти к такому тенору во время его пения и о чем-то незначительном спросить.

* * *

Человек разговаривает по телефону с тем, кого в то же самое время видит сквозь оптический прицел.

* * *

> «Предпочтение быть иногда исторически непоследовательным и логически темным ради эстетической логики – знак настоящего, смелого и независимого художника».
>
> *(В. Ходасевич)*

* * *

Стыдиться бедности намного покойнее, чем стыдиться богатства.

А гордиться бедностью намного пошлее, чем гордиться богатством.

* * *

> «Печаль и одиночество – это удел тех, кто достиг вершин власти, овеваемых ледяными ветрами государственных интересов, и им нет возможности рассчитывать на искренность тех, кто их окружает».
>
> *(Ш. де Голль)*

* * *

Какие-то военные, которые что-то делают в поле. Потом выясняется, что они поднимают над лесом и полем гигантский портрет Сталина.

Дети, вбегающие в воду по свистку.

Что, если Сергей перед отъездом «засаживает» стакан? И дальше ведет себя совершенно не адекватно ситуации. Он совершенно пьян в машине и вообще во всей сцене перед его избиением. Откровение.

(*Воплощено в «Утомленных солнцем» 1994 г. –* ***Современный комментарий автора***)

* * *

Русские могут перебить друг друга, защищая каждый своего еврея.

* * *

Высшая похвала для художника: «Им гордится его страна», а для лидера политического высшая похвала: «Он гордится своей страной».

* * *

Коста-Рика. Прием у министра иностранных дел.

Дуэт играет: пианист и ударные. Причем ударные состоят из ракушек, разного размера колокольчиков, каких-то пустых высушенных фруктов и овощей. Играют что-то между самбой, басановой и джазом. Играют чувственно, хорошо.

Все чинно и прилично. Официанты носятся между столиками…

Огромный таракан пытается перебежать проем дверей. Но ему все никак не удается. То и дело кто-то из официантов пробегает в дверь… Наконец рискнул, и тут его спокойно раздавили.

А дуэт играет, и гости произносят тосты.

* * *

Замечательное «видение» во время скучнейшего и умнейшего заседания «Комиссии по культуре и развитию». Даже засмеялся:

«Я всегда о ней думаю».

* * *

Небольшого роста седой, суетливый человечек из посольства нашего в Коста-Рике. Посольство совершенно нищее. Работают трое дипломатов. О жизни России ничего не знают. Почту отправляют и получают раз в два месяца, причем приходится ездить за этим в Никарагуа.

Посол – женщина, дочка бывшего партийца. Муж ее – совершеннейший подкаблучник. Бывший инженер-авиатор, теперь убирает пустое посольство, стирает и готовит еду. Послиха сама подходит к телефону и говорит, что это секретарь. О муже порой сообщает трагическим голосом: «Он посвятил мне свою жизнь» или чуть иначе «Он принес себя в жертву моей карьере». Сама – оторва совершенная, суетливая «тусовщица», при этом в деловом плане на большее, чем администратор ресторана «Балчуг», едва ли способна.

Муж тоже всегда суетится, хочет сделать как лучше. Но не получается. Часто вижу из машины его взъерошенный затылок у ворот или шлагбаума, когда он пытается объяснить что-то охранникам и все оглядывается с испугом на меня.

* * *

Русский человек без Бога в душе – завистливое, жестокое и тупое животное. Безбожие Запада компенсируется уважением или страхом перед законом. В России же закон никогда не почитался. Чтился только Закон Божеский.

* * *

К власти должно быть отношение духовное. Жаждущий возвышения, властвования или мести не должен властью пользоваться.

* * *

«И на обломках атеизма напишут ваши имена…»

* * *

Человеку предлагают инсценировать свое убийство для того, чтобы, проанализировав поведение тех, кто пришел на его похороны, лучше понять – откуда ему угрожает настоящая опасность. Ему говорят: или ты сделаешь так, или тебя шлепнут по-настоящему.

Этот выбор ему предлагает человек в его рабочем кабинете. Затем посетитель выходит… Вошедшая секретарша видит «застреленного» в его кресле.

* * *

По сути, все они: и император Николай, и Ленин – молодыми и пришли, и ушли. Трагический ракурс.

* * *

Человек, у которого стесняются спросить, откуда у него богатство, – раб при всех возможностях своих.

* * *

«Они не дадут столько, сколько мне надо, а столько, сколько мне не надо, я у них не возьму».

(Ответ отца на одно «выгодное предложение».)

* * *

Губная помада от поцелуя на лбу умершего Нагибина.

* * *

На студии человек с огромной сумкой на колесиках подходит и протягивает двум беседующим людям по две конфеты. «Это вам от меня, из Хабаровска. Там прекрасная шоколадная фабрика». И уходит с этой сумкой в глубь здания…

Далее может быть несколько развитий. Один из получивших конфеты протягивает их другому: «Детям отдай». Тот принимает,

садится в машину и уезжает. Через несколько минут машина взрывается.

* * *

Сюжет для небольшого фильма.

Папа и двадцатилетняя дочь едут отдыхать. Дочь берет с собой подружку из института. Вскоре к ним должна присоединиться мама. Пока же ее нет, у папы начинается сумасшедший роман с подружкой дочери.

Приезжает мама…

* * *

Флирт Коли Ващилина и некой поэтессы.

Поэтесса, обволакивая Колю томным взором, говорит проникновенно: «Еще вчера смотрел в глаза…» Коля изумлен: «Да ты что? Я только сегодня приехал!» Но она спокойно продолжает. Оказывается, это стихи…

* * *

Роман в течение чемпионата по футболу. У них меняются, ломаются и умножаются отношения… Все страстно, чувственно… А футболисты все играют и играют… Убили колумбийского защитника. Кто-то «вылетел» и т. д. Хороший фон.

* * *

Джеймс Кервуд об острове во время лесного пожара. Звери держатся все вместе, и никто никого не трогает. «Общий разум, которого так не хватает человечеству».

* * *

На Луне нет кислорода, Юпитер – аммиак в атмосфере, Венера – из облаков льется серная кислота. Нам некуда перебраться.

* * *

XVII век – убито 3 млн. 300 тыс.
XVIII век – 5 млн. 200 тыс.
XIX век – 5 млн. 500 тыс.
XX век – 60 млн., и век еще не кончился!

* * *

Хвост войны всегда сильнее, чем клыки.

* * *

Трагедия нашего века в том, что человечество перешагнуло за предел сострадания.

* * *

Когда нам говорят об общечеловеческих ценностях, это значит, что нам пытаются навязать цивилизацию выгоды вместо цивилизации морали.

* * *

Горизонтальное и вертикальное мышление – это и есть два главных типа мышления, Запада и Востока…

* * *

Воспоминания о летнем приключении: песок пляжный на дужках очков с диоптрией.

* * *

Замечательно для любовной истории.

Они не виделись много времени. Встретились где-то в другой стране, или она приехала, или скорее он приехал к ней, в *ее новую страну*. Но обстоятельства складываются так, что им никак

невозможно остаться наедине друг с другом. Томно, мучительно… Все в постоянном натяжении. За обедом или ужином они сидят рядом. Разговаривают нейтрально. Вдруг на пол падает со спинки стула ее пиджак. Он собирается его поднять, но она говорит: «Не надо». Тогда он снимает со своего стула свой пиджак и бросает на ее пиджак, лежащий на полу.

«Если уж нам не судьба обняться, пусть хоть они, – он кивнул на пол, – пообнимаются».

Через некоторое время она поменяла пиджаки местами.

«Теперь я сверху…»

* * *

Замечательно! Парад кораблей ВМФ. За ним наблюдают зрители. Там может быть и государь молодой, еще кто-то… И наши герои. Запретная любовь. Время от времени они через головы и прически смотрят друг на друга. Умирают от любви и желания. Парад набирает силу. Бьют пушки, летят ракеты…

Они смотрят. Происходит высадка десанта, мины… Умножается «война» – и умножается их страсть. Любовь – через взгляды и через сумасшедшую военную мощь. До оргазма! Страсть, любовь и разрушение – все вместе!

* * *

Мокрые тела. Жара. Маленький город. Маленький отель, маленький номер…

ПНР с его Крупного плана. Он смотрит. ПНР по мокрому плечу, руке, локтю, запястью. В его руке ее рука маленькая. ПНР продолжается по ее запястью, локтю, предплечью на ее Крупный план. Она смотрит на него. ПНР дальше по изгибу бедра на контровом свете из окошка. Бедро бликует влагой пота, нога чуть согнута в колене…

* * *

Некто позирует в фотоателье. Фотограф поправляет свет, чуть поворачивает голову тому, кого снимает. Щелкает затвор камеры. Время от времени фотограф смотрит на часы. Продолжает снимать. Наконец ставит камеру, в которой закончилась пленка, на стол. Сам идет поправить свет.

Камера на столе мотает пленку автоматически. Посетитель сидит на диване. Фотограф неожиданно бросается бежать. Камера докручивает пленку – и раздается страшный взрыв.

(Начало фильма)

* * *

За столом. Он тихо дует. Она незаметно ловит этот ветер. Это игра, в которую они играют везде. И чем более неподходящее место, тем более волнующей становится эта игра.

* * *

Какая-то любовная история с японкой или китаянкой. Потом возвращение домой – в Европу или Россию. Тоска…

Когда занимается любовью с женой, натягивает ей кожу у уголков глаз, делая раскосость. Жена не понимает… Потом, отдавая его пиджак в чистку, находит любовное письмо или фотографию восточной женщины.

* * *

История со старым сейфом. Хозяин какого-то кафе приобрел по случаю сейф, ключи от которого потеряны. И никто не знает комбинации цифр.

Практически все посетители кафе, каждый в свое время, пытаются его открыть. Хозяин назначает награду. Цена ее быстро растет. С каждым днем нарастает и интерес – что в сейфе? Кто его откроет?

* * *

Он подарил часы дочери. И *ей* подарил. Дочь ей похвасталась в машине. Она же инстинктивно потянула рукав свитера на свои часы.

* * *

«Абсолютная нравственность проявляется не как любовь к отечеству, народу и законам, но как

абсолютная жизнь в Отечестве и для народа».

(Георг Вильгельм Фридрих Гегель)

* * *

Вечеринка. Шестидесятилетние вспоминают молодость. «Лабают» твист и рок-н-ролл. Странно, смешно и печально смотреть.

* * *

Любовь вызывает любовь. И это не может быть иначе оттого, что Бог, проснувшись в тебе, тем самым пробуждает Себя и в другом человеке.

* * *

«Нет такого дурного дела, за которое был бы наказан только тот, кто его сделал. Мы не можем так уединиться, чтобы то зло, которое есть в нас, не переходило на других людей. Наши дела, и добрые, и злые, как и наши дети: живут и действуют уже не по нашей воле, а сами по себе».

(Джордж Элиот)

* * *

«Бояться Бога хорошо. Но еще лучше любить Его. Лучше же всего воскресить Его в себе».

(Ангелиус Силезиус)

* * *

«Если бы Бог не любил Сам Себя в тебе, ты никогда не мог бы любить ни себя, ни Бога, ни ближнего».

(Ангелиус Силезиус)

* * *

Вера – не столько знание истины, сколько преданность ей.

(Иван Бунин)

* * *

«На земле жизнь и ложь – синонимы».

(Федор Достоевский, «Бобок»)

* * *

«Да, я шут, но только я из тех шутов, которые пляшут под свою дудку, а не под чужую».

* * *

Самое страшное, когда злодейство становится повседневностью.

* * *

Катали макет памятника Жукову по площади. Примеряли, где ставить.

Ангелиус Силезиус, немецкий христианский мистик, поэт

* * *

Любовная сцена в купе… Две вешалки колотятся о стенку в раскачивающемся вагоне.

(*Воплощено в «Солнечном ударе», 2014 г.* – ***Современный комментарий автора.***)

* * *

Рим. Аэропорт. Югославская семья. Видимо, из провинции. Крестьяне.

Мама – толстая, с вечно приоткрытым, полуулыбающимся

ртом. В платке с челкой прямых волос, стриженных «под горшок». Платок завязан под подбородком. Сидит враскоряку, сняв туфли.

Дочка – загорелая, с крупными чертами лица, в пиджаке с люрексом. Руки огромные, крестьянские. Укладка волос волнистая, как в сороковые годы. Сама сильная и смешливая. Рядом – два сына или, может быть, это ее младшие братья, ибо она еще совсем не стара.

Один парень – лет 25–27, в кожанке новой, недавно очень обстоятельно подстрижен, в «дудочках», с перстнем и в «ковбойских» остроносых сапогах на каблуках. Второй – видимо, помоложе, но крупнее, в кожаном черном пальто с меховыми гигантскими лацканами, в белых джинсах, тоже «дудочках», с длинными курчавыми волосами.

Они, видимо, ждали рейса. Парни все время куда-то ходили, что-то узнавали и докладывали. Женщины чему-то смеялись…

Что-то замечательно здоровое, веселое и трогательно-наивное было в этом семействе.

* * *

Рассказ Ю. Ф. Ярова о том, как сразу после войны в Латвии стояли наши корабли. И к каждому из них были «прикреплены» семьи из определенных домов. Когда какой-то корабль уходил, у латышей было ощущение, что уехала их мама. Потому что с этих кораблей их кормили.

Те же, кто оставался еще на довольствии у находившихся в порту кораблей, никого чужого к себе не пускали.

(*Юрий Федорович Яров – в то время (начало 90-х) заместитель председателя Верховного совета РСФСР, затем – заместитель председателя Правительства Российской Федерации. –* ***Современный комментарий автора.***)

* * *

> «Дух в произведении искусства – это его идея. Душа – атмосфера. Все же что видимо и слышимо – его тело!»
>
> *(Михаил Чехов)*

Михаил Александрович Чехов

* * *

Юрий Федорович Яров маленьким ложился спать голодным, и чтобы не думать о еде, засыпал. Мама приносила ночью картошку и жарила ему со шкварками, а потом будила и, сонного, ночью кормила.

Он же утром ничего не помнил, и маму это ужасно огорчало. Она плакала, потому что хотела сделать сыну приятное, а он даже не мог порадоваться еде, потому что ел во сне.

* * *

На рыбном рынке рано утром в Гамбурге. Танцуют похмелившиеся люди, остальные в такт музыке хлопают в ладоши. В толпе, спиной ко мне, стоит женщина в шубе, тоже хлопает. Потрясающей красоты руки… Медленно пытаюсь обойти ее и посмотреть, что за лицо принадлежит этим рукам. Оказалось, ничего особенного!

* * *

Три русских му…ка в костюмах и при галстуках пошли смотреть нудистов на пляже. Все повалились вместе с забором.

* * *

Пора бы всем понять, что с нами ничего не сделать. Но самим нам что-то с собой нужно делать обязательно.

* * *

О русской гордости мы вспоминаем, когда нужно отдавать долги, берем же, совершенно об этом позабыв.

К «Детству»

Школа моисеевцев и фигуристов. Коридоры четвертого этажа. На переменках соревнуются, кто с места, да еще и с одной ноги впрыгнет на подоконник открытого окна! И застынет, держа равновесие!

* * *

С нами учился третьеразрядник по боксу Володя Мещерский. Он на три года был старше всех нас, так как оставался уже в третий раз в пятом классе. Несмотря на свои спортивные успехи, он был совершенно плоскостопый, словно с изуродованными ногами, ходил в ортопедической обуви. Обезьянье лицо, будто высушенное, и руки с дикими костяшками на пальцах (видимо, артрит врожденный).

И вот этот Мещерский в своей борьбе за лидерство в классе решил весьма оригинальным способом расставить все точки над «i» и организовал секцию бокса. Причем он отобрал туда одних отличников (то ли чтобы на них отыграться, то ли по иным каким соображениям, более утилитарным). Заодно и меня туда засунул, хотя я отличником не был. Собрал со всех нас по рублю, «на секцию».

В парадном на «черном ходу», как бы на маленьком ринге, всех нас собрал, выдал одному боксерские перчатки и надел перчатки сам. Проводил занятие он так: показывал, как встать, а после въебашивал в лоб. И отличник улетал. Помню, дальше всех летел отличник Слава Соболев. Он грохнулся спиной о батарею и сказал, вставая, что ему на сегодня занятий достаточно. И Володя великодушно отпустил его домой, не забыв забрать его тетрадки, чтоб списать домашнее задание.

Все ждали своей участи, поняв, что никуда уже не деться. Я в этой очереди был последним. Наконец, оставив по рублю, все отличники исчезли с набитыми рылами, и настал мой черед. Я надел с помощью «тренера» перчатки, он небрежно их зашнуровал… Но я левша, и встал невольно в ту позицию, которая для меня естественней и проще. Он этого не понял. И так как до того он бил правшей, то и повел себя по прежнему стереотипу, то есть правая часть его лица оставалась открытой (для левши). По этой причине я, инстинктивно ударив в ответ, очень удачно попал ему в челюсть. После чего он отмудохал меня со страшной силой.

Когда же «занятие» подошло к концу, Володя выдал мне две исписанные школьные тетрадки со своей поэмой, с тем, чтобы мой папа где-нибудь ее опубликовал. Начиналась поэма так: «Как стаи черной саранчи, идут фашисты-палачи!..» Мне показалось неплохо, и я с легким сердцем понес этот шедевр отцу… Думаю, можно примерно понять, что я от него тем вечером услышал.

* * *

Учился с нами еще один замечательный персонаж, Саша Борзенков, который немецкий диктант писал русскими буквами, за что с удовольствием получал кол и бывал выгоняем из класса.

«Их бин» он так и писал русскими буквами, как слышал.

* * *

Политбюро перерисовывают. В «портретной галерее» над стадионом «Динамо» вместо выведенных из Политбюро рисуют нововведенных. Прямо на старые лица наносят новые – сперва, не трогая костюмов, замазывают прически, глаза и носы пульверизатором, и так далее.

* * *

Младший брат известного писателя Вячеслава Шишкова был скульптором. Человек огромного роста. Страшен бывал в пьяном виде. Хотя невероятно добродушен, только с виду он был страшным. Зато настолько, что если он, выпивши, куда-то приходил (даже к своим художникам и скульпторам), все старались от него попрятаться.

В конце весны 1953-го года ему заказали бюст Берии. Дали аванс. И пару месяцев ваятель его пропивал, за работу вообще не брался. Когда же осталась до сдачи шедевра буквально неделя, Шишков заперся у себя в мастерской. День и ночь лудил, никуда не выходя, – практически без обеда, завтрака и ужина. Наконец-то, едва уложившись в срок, доделал… Позвонил заказчику: мол, так и так, готов заказ.

– Какой заказ?

– Ну вот, Лаврентий Павлович выше пояса…

– А-а, понятно. Минуточку… – некоторое время было тихо. Потом тот же голос ответил: – Везите.

Шишков вызвал специально обученных людей, погрузили накрытое холстиной изваяние на грузовик, мастерская скульптора располагалась недалеко от Лубянки (откуда, собственно, и пришел заказ).

Грузовик подкатил к небезызвестному зданию. Всем пропуска уже были заказаны.

Но через проходную люди с бюстом, стоящим на специальных носилках, пройти не могли. Поэтому пришлось для них открыть ворота. И, если бы кто-то проходил мимо, увидел бы довольно странное зрелище – как обсыпанные мраморной крошкой люди во главе с огромным человеком с взлохмаченной шевелюрой и безумным взглядом сквозь стекла перемотанных в трех местах изолентой очков вносили покрытый холстиной тяжелый предмет во внутренний двор КГБ.

Лаврентий Павлович Берия

Потом Шишков и люди с бюстом, следуя за майором

госбезопасности, долго поднимались по лестнице (в лифт носилки с бюстом не входили). Шли длинными коридорами, оставляя на ковре белесые следы от мраморного порошка, и наконец-то оказались в просторном зале, в котором стоял перед высокой сценой стол, словно специально приготовленный для демонстрации заказа.

Что ж? Водрузили скульптуру на стол, не снимая с нее покрывала. Рабочие аккуратно отошли в сторонку, к окну. Шишков сел на стул, рядом с ним пристроился и майор, сопроводивший их на место.

Настроение у скульптора было чудовищным. Поводов для этого было очень много: во-первых, в течение долгого времени он денно и нощно работал, плохо питался и вообще не пил, во-вторых, перед самым его выходом из дома по телефону ему сообщили о том, что в мастерской у него не уплачено ни за свет, ни за тепло, ни за воду. Одно утешение, что звонок этот был сделан именно сегодня, когда скульптура была уже закончена, потому что, если бы эта задолженность выяснилась раньше и ему бы отключили свет и воду, закончить работу едва ли бы удалось.

Майор сидел молча, глядя прямо перед собой, положив ладони на колени. Шишков пару раз пытался к нему повернуться, чтобы о чем-то спросить, но тут же отворачивался, понимая, что этого лучше не делать.

Так прошли мучительные полчаса.

Вдруг распахнулись высокие двери, и в зал быстро вошли несколько человек в форме госбезопасности. Впереди шел маленького роста, лысоватый, чисто выбритый генерал в ладно сидящем кителе и в начищенных до блеска сапогах. Уже при звуке открываемых дверей майор вскочил и довольно грубо толкнул Шишкова в плечо. Тот тоже поднялся…

Генерал остановился напротив покрытого холстиной изваяния. Ему тут же подставили стул, на который генерал неспешно сел, закинул ногу за ногу и коротко сказал:

– Показывайте.

Шишков поспешил к столу, на котором стоял бюст, собрался с духом, взялся за край покрывала и картинно его сдернул, подняв облако мраморной пыли, которое почти заволокло изваяние, но быстро осело.

Наступила пауза.

Оценивающий произведение искусства генерал наклонил голову направо, потом – налево. Потом покачал головой. Хрустнул пальцами. Боковым зрением окинул своих сопровождающих.

Затем генерал встал, за спинку взял стул, на котором сидел.

Медленно подошел к бюсту. И со всего маху раскрошил свой стул о голову Лаврентия Павловича. Тот, впрочем, и бровью не повел. Так и стоял, бдительно глядя сквозь пенсне на разбившего стул об его голову генерала.

Возникла секундная пауза. И вдруг чудовищный рык, похожий на рев раненого бизона, огласил всю залу… С диким слоновьим топотом, вцепившись в собственные волосы, по коридорам Лубянки несся бедный скульптор, выкрикивая не своим голосом бессвязные слова.

Что было дальше, уже не имеет значения. Важно другое: почему такой аккуратненький, «ладно скроенный», маленький генерал совершил этот невероятный поступок? По какой причине разбил он свой стул о бюст человека, перед которым трепетала вся страна, включая ее руководство?

Ответ прост.

Пока Шишков выходил из алкогольного синдрома, а потом как фанатичный подвижник творил, никого не видя и не слыша, не принимая посетителей, не включая ни радио, ни телевизора, пока он, отрабатывая пропитый аванс, в поте лица создавал бессмертный образ министра внутренних дел СССР, в это самое время Лаврентия Павловича признали государственным преступником и приговорили к высшей мере наказания.

Вывод для всех без исключения художников, сформулированный в свое время Расулом Гамзатовым:

Пить можно всем,
Необходимо только
Знать – где и с кем,
За что, когда и сколько.

Можете представить себе, сколько должен был выпить несчастный скульптор, чтобы прийти в себя после этой жутчайшей истории и победить в себе устойчивое отвращение к дальнейшему ваянию представителей власти.

* * *

Генералы, мечущиеся по корту, старательно играющие в теннис, потому что их командующий любит теннис. Сетки – дырявые, но солдаты подбирают улетающие мячики.

* * *

Чешский тренер по теннису тренирует меня. Все время, почти не останавливаясь, говорит по-чешски. Понять ничего невозможно. Он же совершенно не обращает внимания на то, понимаешь ты его или нет.

Смешно может быть, если та же ситуация, но тренер говорит на каком-нибудь более экзотическом языке.

* * *

VIP. Шереметьево. Подсаживается совершенно шпанского вида парень. Потом оказался солнцевским. Губы мокрые, глубоко посаженные глаза, очень нервный, руки мелко изрезаны (видимо, бритвой резал вены). Выяснилось потом, что эпилептик. Долго и без остановки говорил. Оказалось, вместе летим в Прагу…

Летели на разных местах в самолете…

В Праге в аэропорту нужно было заполнять какую-то анкетку. Он, уже сильно поддатый, ходил со смокингом в чехле на пальце и совершенно детским, шпанским и гнусавым голосом канючил, чтобы ему заполнил кто-нибудь эту анкетку. Пытался полицейскому сунуть взятку в 100$, чтобы тот ему заполнил сам. После совал уже 300$.

Погранзона пустеет, а солнцевский браток все ходит, болтается хлыстом, канючит – просит заполнить анкетку.

* * *

По д’Артаньяну: «Времена меньшей свободы и большей независимости».

* * *

> «…в Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам».
>
> *(Генерал А. П. Ермолов)*

Генерал от инфантерии А. П. Ермолов

* * *

Завязка:

Ресторан. Сидят какие-то «крутые» ребята. Один все время говорит по радиотелефону. Потом, забывшись, кладет его на поднос с грязной посудой. Поднос уносят, тоже не заметив меж высоких пивных кружек телефона…

Короче говоря, телефон со всякими отходами «перекочевывает» в мусорный бак, возле которого ютится «бомж». Сквозь стенку бака он слышит трель телефона. (А может быть, находит его, ища в баке объедки.)

Дальше разворачивается целая цепь приключений. Телефон звонит, и «бомж» снимает трубку, ему что-то говорят. (Может быть: «Где ты ходишь? Деньги ждут тебя там-то…») В результате

он куда-то едет, и так далее. Можно сколько угодно накручивать смешно эту историю.

* * *

Какие бездны человеческих комплексов выползают наружу, когда задето честолюбие!

Цыгане – не нация, а образ жизни.

* * *

Сидел на балконе. Ждал чего-то очень важного. Внизу, в море, купались и играли в мяч дети. Он загадал, чтобы мячик, семь раз переброшенный, не упал в воду. Никак не получалось: то три, то пять. Наконец получилось. И в дверь постучали… (Или зазвонил телефон.)

* * *

Аэробика. Девушка-тренер в нижнем зале занимается с тучными туристами. Наверху кто-то «борется» с беговой дорожкой, грохочет «ламбада». Девушка, видя, что у клиента ничего не получается, заставляет всех продолжать какое-то движение, а сама бежит наверх. И надолго там задерживается почему-то (в этом и развитие сюжета – почему). Внизу же все тупейше выполняют одно и то же движение. Бесконечно!..

* * *

Каким щемящим может быть соединение какого-то далекого воспоминания с сегодняшним сиюминутным впечатлением, звуком, запахом, шелестом ветра в листве… и вообще Божьим миром.

* * *

Все дело в том, к чему прислушивается художник. Пока он слушает себя, свое нутро, свою «невозможность» делать иначе, все в порядке. Он, конечно же, не застрахован от ошибок, но это

ошибки правильные.

Но как только он начинает оглядываться по сторонам, пытаясь уловить «что требуется», происходит метаморфоза не только с творчеством, но и с самим человеком.

* * *

Владыка Феофан – духовник императора – гулял по саду монастыря. К нему приехал Василий Васильевич Розанов. Они были уже знакомы. Стали гулять по саду вместе.

Владыка, по обыкновению, сосредоточенно читал про себя молитвы. Розанов же почему-то начал горячо распространяться по поводу вреда монашества. Феофан ничего не отвечал, продолжая идти и беззвучно молиться. Розанов все не отставал.

Спустя некоторое время он попытался заглянуть Феофану в глаза, но тот, как всегда, держал очи долу. Розанов поубавил страсти, но еще продолжал гнуть свое, совершенно не понимая реакции архимандрита. Постепенно он начал путаться, сбиваться с мысли, потом вдруг остановился и тихо-тихо сказал: «А может быть, вы и правы».

* * *

В «Уложении Тимура Тамерлана» сказано: «Опыт доказал мне, что власть, не опирающаяся на религию и законы, не сохранит на долгое время свое положение и силу. Она подобна нагому человеку, который заставляет других при встрече с ним с омерзением отводить глаза».

* * *

«…полный внимания и осторожности к своим врагам и друзьям…»

(Тамерлан)

* * *

«…Ты должен каждому лицу и каждой вещи указать границы и место, какие они должны занять».

(Тамерлан)

* * *

«Действия и слова лица повелевающего должны вполне принадлежать ему, то есть народ и войско должны быть уверены, что все, что ни делает и ни говорит государь, он делает и говорит от себя и никто не руководит им».

(Тамерлан)

* * *

«Приказания и запрещения требуют твердости. Нужно самому принимать все решения, дабы никто не мог вмешаться и их исказить».

(Тамерлан)

* * *

Тем, кто хочет вновь загнать страну в истерику и отвлечь от созидательного мощного процесса, тем выгодно сейчас колебать «умы ни в чем не твердые» требованием выбора из тех, из кого выбирать невозможно.

* * *

«Храбрость есть не что иное, как терпение в опасности».

(Тамерлан)

* * *

Что же за психология у этих людей (скажем, у американцев), если они воспитаны на Шварценеггере и ничего не знают о Толстом и Достоевском?

* * *

«Необходимо разделить управление делами между несколькими достойными доверия людьми; тогда каждый из них, занятый известной работой, не будет стремиться к высшей власти».

(Тамерлан)

Тамерлан в изображении французского путешественника Андре Тевe (1516–1590)

* * *

«Необходимо, чтобы все, что повелитель ни делает, делал он сам и чтобы он был непоколебим в приказаниях, раз отданных, ибо твердость в приказаниях составляет самую большую силу для монархов. Все сокровище для них – это армия, народ и целое поколение принцев».

(Тамерлан)

* * *

Молодой директор музыкальной школы в кубанской станице. К нему пристает местный «барон»:

– Научи моего цыганенка играть на баяне!

– Пожалуйста.

Проходит неделя, другая. Цыганенок не приходит учиться.

Директор подождал еще и пошел сам к «барону». Так, мол, и так, не ходит ваш Петька. Тот кричит на весь двор: «Петька, выходи сюда!» Февраль. Петька выходит на крыльцо в трусах и босой. Отец начинает его распекать. Директор с ужасом смотрит на голого ребенка на морозе. Потом говорит: «Может быть, он все-таки оденется?» Отец, спохватившись, кричит: «Иди оденься!» Петька ушел и вернулся в том же виде, только поверх трусов – солдатский ремень только что вернувшегося из армии брата и его же фуражка – на голове.

Отец кивает удовлетворенно: «Ну вот, теперь другое дело». И принимается снова его распекать.

* * *

Детская парикмахерская на Гоголевском бульваре. Ходил туда стричься. Парикмахерша Клава, совершенно сумасшедшая, задвинута на сексе. Пока она стригла, рассказывала во всех, именно во всех (!) подробностях о своих приключениях. Приключения же эти были ужасающие, чернушно-советские. Ее трахали и обирали, унижали и бросали. Она же была совершенно уверена, что все идет как надо и что именно она хозяйка положения. Причем все это во время стрижки: «Нет, у Коли был большой, прямо очень большой…» – и руками показывала, каких именно размеров.

Такая стрижка могла продолжаться часами, и, что примечательно, в соседних креслах стригли маленьких детей.

* * *

«В искусстве, как в органической природе, что не строго целесообразно – то уже портит, что не нужно более – делается вредным».

(В. В. Розанов)

Василий Васильевич Розанов

* * *

Приехал в германскую клинику худеть. Тоска и ужас.

В столовой на «прощальном с едой» постном ужине мрачно шутили.

Володя Седов с дичайшего пятидневного «бодуна», небритый и опухший, мрачно сидит, подперев щеку рукой. Потом на какой-то очередной щебет Ирки смотрит на нее и медленно говорит: «Пойдем, киса! Мы с тобой неделю не мылись».

* * *

«Говори, как большинство, но думай, как меньшинство».

> «Большинство может меня запугать, но не может меня убедить».
>
> *(Василий Великий)*

* * *

> «Там, где просто, ангелов до ста, а где мудрено – ни одного».
>
> *(Преподобный Серафим Саровский)*

* * *

В одном санатории (или доме престарелых) призом после какой-то игры или викторины стал «телекомандер» от телевизора. Выигравший имел право в этот вечер смотреть все, что пожелает, и переключать программы без учета мнения всех остальных.

* * *

Билл Эванс: А. при очередной сцене ревности И. говорит ей, выведенный из себя: «Пойми наконец, те 200 граммов, которые находятся у меня между ног, Бог дал мне! Понимаешь, не тебе и не кому-либо еще, а именно мне, и я сам разберусь, что с ними делать!!!»

* * *

На Западе человеческая улыбка ничего не обозначает. Так положено, как носить брюки.

* * *

А. Васнецов писал о России в 20-е годы: «Если бы даже большинство, и даже все, пришли к отрицанию Бога – Он все-таки есть, потому что истина не в отрицании Его, а в утверждении, потому что отрицать Его – значит, утверждать ничто – небытие, а мы существуем. Если бы даже все человечество забыло Его – Он все-таки есть, потому что забыть – не значит, что Его нет, и никогда не будет времени без Бога, потому что время Им порождено, оно – Его Воля».

«Если народ потеряет в себе национальное самосознание, расшатается в основах, потеряет свою религию, забудет свою историю, забудет самое слово «патриотизм» и будет способен к предательству Родины, Промысел и Провидение не дойдут до сердца погибающего народа, потерявшего свою душу…

Он как полуживой труп – можно плясать на нем, гадить на лицо, надсмехаться над его национальным чувством, а он в бреду пьяного угара только будет мычать и сквернословить. Что случилось с «русскою душою»? – Великое бедствие – потерять национальную волю, предаться интернациональному. Как душа человека дает творчество личной его жизни, так и душа народа – истории его прошлого и будущего!»

* * *

Примерно такой кабинет как у А. А. Хондруева (*в те годы – заместитель председателя Центрального банка России. – **Современный комментарий автора.***) Большие часы у стены. В медленно качающемся маятнике отражается сидящий за столом хозяин кабинета. Медленный наезд на маятник – насколько возможно крупно… В отражении маятника видим расправу с хозяином. При наезде слышим только то, что кто-то вошел.

Или так:

Посетитель на переговорах у банкира. Телефонная трель, и хозяин кабинета отходит к телефону. Перед лицом посетителя – большие напольные часы. В огромном и выпуклом сияющем

маятнике отражается говорящий по телефону банкир за своим столом. Маятник медленно и тяжело качается. Может быть, играет музыка, а может, включен телевизор. Телефонный разговор затягивается, и посетитель задремывает…

В кадре теперь – только маятник… Вдруг в отражении банкир, сидящий за столом, начинает биться окровавленный. Услышав серию легких хлопков (или уже звук падения тела на письменный стол), посетитель открывает глаза и цепенеет. Оглядывается – банкир действительно убит. На полу – оставленный автомат с глушителем.

Что делать?! Может быть, он нес хозяину деньги, да так и не отдал. Может быть, он начинает их выбрасывать в окно. Может быть, сбегает в испуге через дверь внутренней комнаты. Может быть, в ужасе выходит в приемную. Там – никого. Вбегающая секретарша спрашивает:

– У Николая Николаевича никого не осталось? А то я факс бегала отправлять…

Дальше раскрут…

* * *

Кто-то моется в душе. Не видно из-за перегородки. Видно только, как стекает в слив мыльная вода, которая неожиданно розовеет и становится кровавой. Потом понимаем, что произошло.

* * *

Все настоящее требует страдания.

* * *

Русским от чужого счастья нужно научиться заражаться счастьем, а не ненавистью!

* * *

Уже нет или почти нет на свете людей, которые могут мне сказать: «Когда ты был маленьким…» И все больше людей мне говорят: «Когда я был маленьким, я смотрел ваш фильм такой-

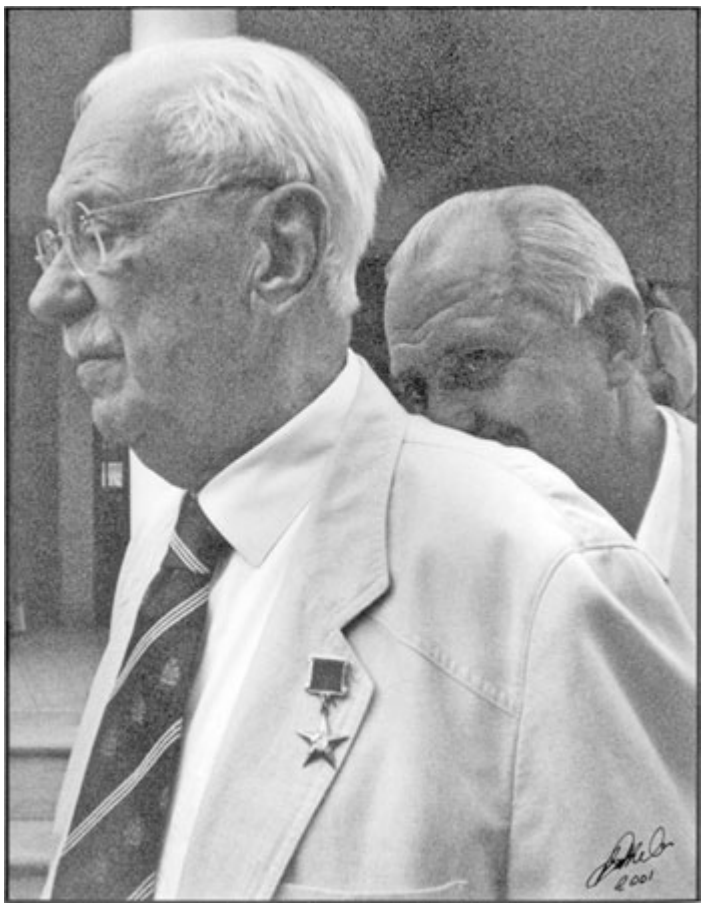
то».

* * *

Сегодня мы живем в эпоху менструации. Кровавое очищение, бесплодие – в движении к плодородию чистоты.

* * *

Подлетали к Красноярску. Рассвет, туман, роса, осень – желтеющая тайга… И тут я почему-то с ужасной тоской и любовью подумал об отце. О его беззащитности, благородстве, терпении в перенесении невзгод и о совершенном равнодушии ко всему внешнему (в том, что касается его самого).



С отцом, Сергеем Владимировичем Михалковым, в 90-е

Замечательный старик с потрясающей жизнью. Как мне захотелось приласкать его, обнять, подробно и обстоятельно выслушать. Как мало, как непростительно мало мы с ним видимся!

* * *

Посмотрите: как гениально евреи играют на скрипке или на рояле, но ни одного гениального певца. Почему? Думаю, потому что все «инструментальные искусства» требуют, кроме души, еще и наличие определенного механизма, связанной с ним техники, торопливого перебирания струн или клавиш, так или иначе это – опосредованный звук инструмента, это искусство управления «чужим» звучанием, а голос… с душой связан напрямую. Голос гол. Он от души непосредственно зависит, от ее широты и наполненности. Скрипка без техники и умения мертва, а голосу нужна только душа. И все. А душа через голос может потрясать!

* * *

С возрастом все меньше людей говорят тебе «ты» и называют просто по имени. Жалко!

* * *

Все меньше людей, которые могут сказать тебе: «Вот когда ты был маленький…», и все больше тех, кому ты можешь это сказать. Как печально!

* * *

Лариса Авдюшко. Симпатичная благородная женщина. Гример. После посещения Большого театра ехала домой. В своих выходных туфлях она перебралась через лужу (шел дождь), чтоб попасть в полупустой троллейбус, в котором сидело человек пятнадцать. Но, когда она взялась за поручень, ее жутко тряхануло током. От шока она неожиданно громко крикнула на весь троллейбус: «Е… твою мать!!!»

Повисла ужасающая пауза. Все переглянулись и уставились в окна. Подумать только… Вечер. Центр Москвы. Все чинно-

благородно, тихо. И вдруг вошедшая интеллигентная дама, совершенно трезвая, ни с того ни с сего на весь троллейбус рявкает такое!..

Лариса, сгорая со стыда, присела на сиденье и все с тайной надеждой ждала, что кого-нибудь еще шарахнет. Но никого больше не шарахнуло.

* * *

Одинокая женщина в немецкой клинике работает в сауне среди голых мужчин и женщин.

Странные взаимоотношения: никто почему-то ее не стесняется, словно она не человек или тоже мужчина. Проследить ее жизнь.

* * *

Сумасшедше сложные отношения между девочками, испорченными русской литературой.

* * *

Невозможность сойти с круга. Сначала биться за то, чтобы в него попасть, а потом в ужасе понять, что не сойти.

– Ну куда еще? Хватит! Тебе что, еще нужно?

– Нет.

– Так зачем?

– …

Тщетность бытия. «Несбыточность. Невозвратность. Неизбежность».

* * *

Мощная история о том, во что может превратиться человек без Бога.

* * *

Кто-то пытается купить в магазине набор столовых приборов, но почему-то не хватает одного предмета, какой-то ложечки или

еще чего-то. В соседнем магазине в точно такой же коробке не хватает того же предмета!..

Заинтересовался. Пошел дальше. Вскоре нашел комплект этой же фирмы (или того же качества), но и там не было *этой ложечки*. Что бы это могло быть?

* * *

«Правители должны понимать свой народ, и у них должно быть чувство цели».

(Ан. Уткин)

* * *

«Платформой победы может быть патриотизм, соединенный с демократией, а не историческая защита абстракции».

(Ан. Уткин)

* * *

Рим. Освещенная лобовым солнцем стена дома. На втором этаже гимнастический зал. Противоположная сторона в тени. В кадр въезжает машина. Она в тени. В ее заднем боковом стекле отражается освещенный солнцем дом, в окне второго этажа которого – бегущий, видимо, на тренировочной дорожке человек. Камера (либо сама машина) движется таким образом, что мы видим потом и того, кто за рулем. Он впрямую, тот – бегущий – в отражении в стекле.

* * *

Кострома. Снимаем «Жестокий романс». Появляются две крашеные куклы в коротеньких юбочках, явные проститутки и явно не местные. Разговорившись с ними, мы узнали дивную историю.

У одной из этих путан в Москве родилась от африканца девочка. Назвала ее путана Лизой. Но, чтобы дочка маму не компрометировала, отвезли Лизу к бабушке в Кострому.

И девочка там росла, живя почти безвыездно с любимой бабушкой, и даже разговаривать стала на «о». Стала абсолютно костромской обычной девочкой, только шоколадного цвета. В обыкновенную среднюю школу ходит…

Чтобы не было лишних вопросов, с самого начала была придумана легенда, что девочку эту нашли где-то на вокзале (то ли в Сочи, то ли в Крыму), вроде как отстала она от какого-то круизного парохода… Ну а дальше история становилась совсем простой и задушевной. Потерявшуюся девочку добрые люди нашли, приютили, привезли в Кострому, где еще в младенчестве ее удочерили, – вот теперь она тут и живет. «Окает» и пишет диктант по русскому языку лучше своих одноклассниц.

Конечно же, для города появление на его улицах темнокожей школьницы было делом диковинным. Особенно, если учесть, что город Кострома долгое время был городом «военного значения», то есть закрытым для иностранцев. Открыли его, кстати, чуть раньше, чем мы приехали туда снимать «Жестокий романс». Поэтому центральная гостиница «Волга», в которой мы жили, стала уже гостиницей Интуриста, куда можно было заезжать туристическим группам и иностранным делегациям.

И вот однажды в Костроме был устроен международный симпозиум. Съехались туда делегации с разных континентов, в том числе и из Африки. И так случилось, что когда Лизины одноклассницы шли после уроков мимо гостиницы «Волга» домой, по ступенькам гостиницы спускался белозубо улыбающийся курчавый темнокожий мужчина в модном пальто, с небольшим чемоданом в руке.

Девочки сперва просто остолбенели, но тут же кинулись обратно в школу (откуда Лиза еще не выходила) с криками:

– Лиза! Лиза! Скорее беги! Твой папа приехал!..

Лиза, сломя голову, помчалась к гостинице «Волга» и, прибежав туда… с изумлением и ужасом смотрела, как из дверей туристического автобуса – один за другим – выходит несколько десятков ее черных «пап».

Все они были как она! Чуть даже темнее… Сначала Лиза хотела подбежать к ним. Но когда увидела, что их очень много и сразу ей не разобрать, кто же из них все-таки ее папа, осталась на месте. «Папы» поднимались по ступенькам и скрывались за вертящимися дверями гостиницы…

Лиза присела на скамейку, рядом поставив свой ранец. И так сидела очень долго, несколько часов, – до тех, пока ее «папы» не сели обратно в автобус и не уехали. Автобус повез африканских туристов на экскурсию. Но Лиза не знала этого. Она еще не знала и что такое экскурсия.

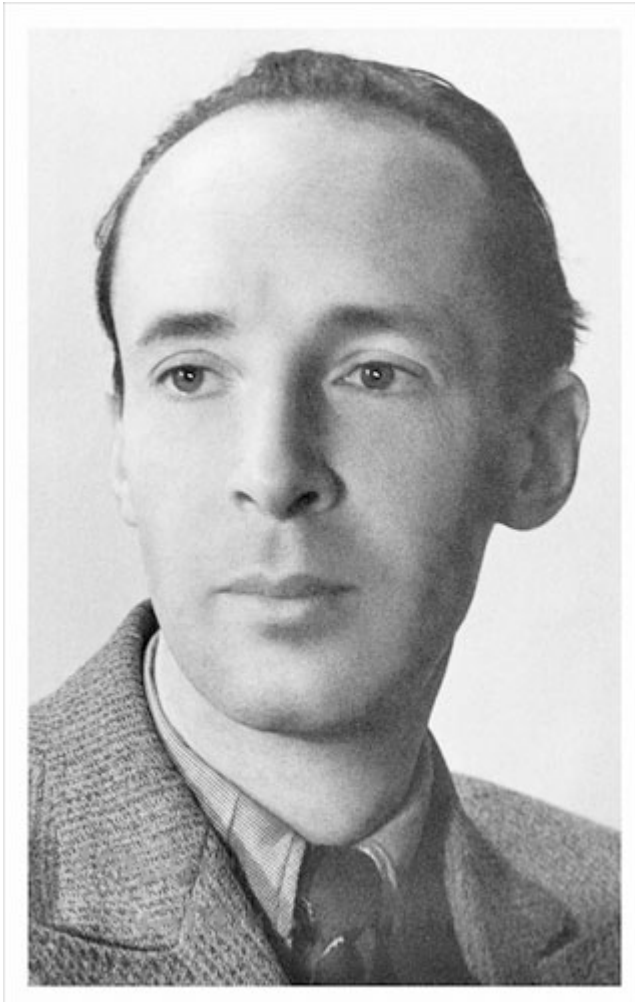
Лиза проводила автобус взглядом, накинула на плечи свой ранец и побежала обедать – домой, к бабушке.

Дальнейшее развитие этой истории я надеюсь описать в книге (если Бог даст мне ее написать) о моих встречах и приключениях «в кадре и за кадром». – Современный комментарий автора.

* * *

«Поэзия – это тайны иррационального, познаваемые при помощи рациональной речи».

«Достоинство шедевра зависит не от того, ЧТО сказано, а от того, КАК это сказано, от блистательного сочетания маловыразительных частностей».



Владимир Владимирович Набоков

> «Как в чешуйках насекомых поразительно красочный эффект зависит не столько от пигментации самих чешуек, сколько от их расположения, способности преломлять свет».
>
> *(В. Набоков)*

* * *

На Кипре на закрытии фестиваля журналисты облепили сцену, которая вся была украшена цветами. Ужасно жарко. Один из журналистов срывал в темноте бутоны роз и вытирал ими потное лицо.

* * *

Замечательная история Юры Купера про маму, приехавшую к нему в Париж и привезшую ему зимнюю шапку в подарок.

Долго молча возилась на кухне. И вдруг горько сказала:

– Видно, тебе мой подарок не понравился.

– Какой?

– Мой.

– Что за подарок?

– Да шапка.

– Почему? Очень понравился!

– Нет. Не понравился.

– Почему же?

– Даже не надел ни разу.

– Да ведь июль на дворе! Какая шапка? Жара.

– Нет, не понравился тебе мой подарок!

И т. д. В результате – ужасный скандал в Юриной парижской квартире парижским летом по поводу дурацкой шапки. На ровном месте, со слезами и криками.

Потом с товарищами сидел-выпивал в майке, трусах и в демонстративно нахлобученной, даже с завязанными под подбородком «ушами», шапке.

Очень по-нашему.

С художником Юрием Купером

* * *

Юра, имеющий везде квартиры и живущий в гостиницах. То потому, что одной его женщине нужно побыть с детьми, то потому, что к другой его женщине приехал муж, и так далее.

* * *

На вопрос Чернышевского «Что делать?» есть только один ответ: то, что было делано вчера.

(В. В. Розанов)

* * *

«Совершенство формы есть преимущество падающих эпох…»

(В. В. Розанов)

* * *

«Фантазия бесценна, лишь когда она бесцельна».

(В. Набоков)

* * *

По-настоящему скучно только тогда, когда не по кому скучать.

* * *

Девушка идет по воинской части мимо плаца, на котором занимаются строевой подготовкой.

Едва она поравнялась со строем солдат, офицер дает команду: «Кру-у-гом!» Весь строй оборачивается. И стоит, не шелохнувшись, «держа равнение» на девушку (для этого даже не нужно особой команды).

Она проходит и опять звучит: «Кру-у-гом!»

* * *

Он не любил, когда на него обращали внимание, но когда внимания не обращали – не прощал.

* * *

Страшенный ливень. Проливной. Они ругаются на даче. Ничего не слышно (зрителю уж точно). Дождь по крыше заглушает все. Скандал разрастается. Он должен уезжать. Подойти к машине невозможно. Он находит старый зонтик. Прыгая через лужи, кое-как добирается до машины. Она тоже собирается уезжать, но на своей машине. Дождь останавливает ее на крыльце. Пауза.

У него включены дворники. Он открывает окошко, бросает ей зонтик. Тот не долетает, падает в лужу. Проливной дождь. Они смотрят друг на друга… Ливень вдруг начинает его веселить. Он включает скорость, сдает назад – смотрит на ее фигуру на крыльце сквозь дождевые струи. Опять подъезжает, открывает окно и бросает ей маленький букетик, оставленный ею вчера в машине.

Уезжает под ливнем.

* * *

Н. М. Карамзин: «Кто был в Москве, знает Россию». Так ли это теперь?

* * *

Паша Лебешев звонит в Праге в гостиницу, ищет Журавлева. Его не понимают. Он повторяет имя: «Журавлев!» Потом обращается к присутствующим:

– Ну, кто знает, как по-английски Журавлев?

– Журавлев, он и есть Журавлев.

С Павлом Лебешевым, оператором-постановщиком восьми своих кинокартин

* * *

Мне иногда, как воздуха, не хватает общения со страной, с Россией. Ужасно не хочется, чтобы это пошло прозвучало, но не знаю, как точнее объяснить. Просто если я долго не бываю в глубинке, не общаюсь с людьми оттуда, я словно теряю покой, уверенность, ровное дыхание. Телевидение создает вакуум. Оно как бы выкачивает воздух, рождает ощущение, что страна – это одни и те же люди, одни и те же их взгляды, одни и те же «тусовки», один и тот же искусственно навязанный образ жизни. По сути, это преступление. И в конечном счете – удивительно недальновидная политика, потому что она притупляет и без того уже достаточно тупой взгляд на мир нашего правительства.

Это приводит к полному непониманию того, что для возрождения народного самосознания и достоинства важнее сесть в самолет и прилететь на празднование 150-летия гениального художника Василия Сурикова, чем сесть в лимузин и потом весь вечер просидеть на гламурной московской тусовке, посвященной 60-летию «великого комбинатора» Иосифа Кобзона.

В России можно жить либо под Богом, либо под страхом.

Отказавшись от Бога, народ приговорил себя к страху.

* * *

«Петр Великий много сделал и ничего не кончил».

(К. Н. Батюшков)

* * *

«Padrino» (*«Крестный отец»*) по-русски.

Очень подробная картина. Видимо, готовится какое-то невероятно «сложнопостановочное» покушение. С детальными подстраховками в разных странах. С учетом всевозможных неожиданностей. С включением самых маловероятных случайностей. Отрабатывается сложнейшая схема.

Все это в обрамлении флешбэков воспоминаний двух героев – того, на кого покушение, и исполнителя. Должно быть чрезвычайно напряженно и независимо. Нужно найти новый язык в рассказе подобных историй. Это роман-боевик, роман-детектив. Важно насытить историю теми фактурами, которые бы не раздражали ни кондовостью, ни лживостью.

* * *

Мне приснилось ощущение счастья. Я, видимо, не смогу описать его полностью.

Лето. Я не очень помню, где это. Скорее, Москва, чем дача. Женщина, которую я привлекаю к себе, – в сарафане с тонкой ниточкой бретельки на горячем, обтянутом сухой загорелой кожей плече. Она улыбается. Я держу ее за талию и спрашиваю:

– Ну, а ты сегодня где была?

– На старой работе, – очень просто, с улыбкой отвечает она.

И то, что она говорит, – безусловная и какая-то удивительно приятная правда. Видимо, «старая работа» – это то, что было до меня, и она счастлива, что ее, эту «старую работу», бросила. Она сказала еще что-то, не помню что, но из этого было понятно, что те, кто остался на «старой работе», ей завидуют. То ли завидуют ее «новой работе», то ли тому, что она со мной, то ли и тому, и

другому.

Я обнимаю ее, совсем просто, без значения, нюхаю шею под волосами… и вижу улыбающуюся девочку в наискосок залитом солнцем проеме двери.

Я проснулся от удивительного чувства безмятежного счастья, потому что эта женщина, из образа которой я запомнил только ее плечо и улыбку, – моя жена. Счастье заключалось в том, что сочетание с ней было полным, покойным, а власть над ней законной.

И еще важна была улыбка девочки в проеме двери. Это была улыбка, в которой было что-то очень взрослое и лукавое, мол: «Ну-ну, все понятно. Нечего про работу говорить – все видно, о чем вы сейчас думаете и чем займетесь». Что-то простое и волшебное было в этом солнечном видении и еще что-то *из тех лет*, с пионерскими маршами по радио, сладкими творожными сырками и трясущимся под тобой по корням дачных тропинок велосипедом.

* * *

Вся так называемая «мировая история» началось с того, что, перестав бояться Бога, люди начали бояться друг друга. Это главная причина всего, что с нами сейчас происходит.

* * *

Приснилась совершенно чеховская ситуация.

Какой-то телецентр в провинции. Ведущий местной популярной программы даже не может представить себе, что все то, что происходит с ним, интересно не каждому. И будто бы я приглашен на передачу этого субчика. На улице идет дождь. Уже в студии, смахивая дождевые капли с волос, я говорю:

– Дождь на улице.

Он отвечает с пафосом:

– Нет, снег.

Я не понимаю. Он наклоняет рыжую потную голову, показывает на затылок.

– Видите?

Я не понимаю. Он тычет пальцем в свой затылок – там видно несколько седых волос.

– Седые, видите?

Я киваю головой.

– А ведь этого в прошлом году не было, помните?

И он с философической усталостью начинает говорить что-то своим, смотрящим ему в рот сотрудникам, работая явно на меня.

* * *

«Однажды в России». Это не история про мафию. Это история о том, как, перестав бояться Бога, люди начали бояться друг друга.

* * *

Хозяйка готовилась кормить гостей. Должно было прийти 3 человека, а пришло 11. Еды явно не хватит. Сели за стол. Мгновенно все смели… Хозяйка откинулась на спинку стула:

– Ну, я, собственно, наелась… и вам советую.

* * *

Все хотят, чтобы было как-то по-другому, но никто толком не знает что по-другому и как это сделать.

* * *

Женщина куда-то собирается ехать. Принимает ванну и, обдумывая, что ей еще предстоит сделать (или что взять с собой), загибает пальцы: взять то, взять это, купить то, позвонить тому-то…

Потом, по мере выполнения того, что наметила, она разгибает пальцы. Остался загнутым один, но она так и не выполняет последнее из всего того, что нужно сделать…

В процессе развития истории *это что-то* становится основой интриги.

* * *

Париж. По радио – в утреннем прямом эфире – балдежный диалог со слушателями. Ведущему все время кто-то звонит. Наконец раздается еще один звонок: женщина начинает что-то говорить по-русски (может быть, с небольшим неуклюжим

вкраплением французских слов). Никто ничего почти не понимает. Она же явно сообщает что-то очень важное!.. Но вот дозванивается еще кто-то и переводит все то, что она сообщала. Интрига!

* * *

Париж. К отцу приезжают две дочери – 12-и и 24-х лет. Две красивые, умные, самостоятельные и обожающие отца. Девочки эти от второго брака. Так случается, что в один вечер в одной компании оказывается и он, и девочки, и его первая жена, от которой у него есть сын (брат этих девочек, с которым они очень дружат).

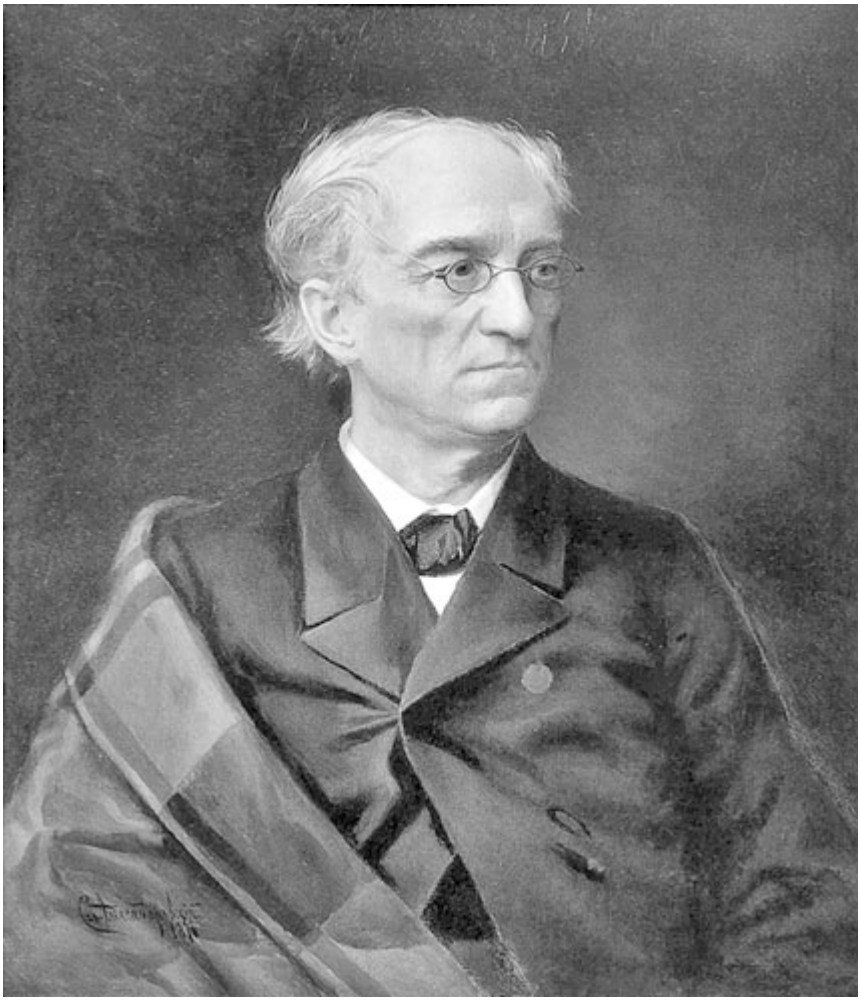
Ресторан «Будебар». Без всякой задней мысли он общается со своей бывшей женой, девочки же ужасно напряжены, а младшая просто «перевернута». Наконец ревность достигает такого накала, что младшая начинает плакать…

А бывшая жена между тем, видя все и понимая всю ситуацию, постепенно надирается…

* * *

«Государство – ограниченная местностью и овеществленная религия»!!!

(Ф. Тютчев)



Федор Иванович Тютчев

* * *

Там, где нет достоинства, не может быть и стыда.

* * *

По сути «реформаторы» – те же большевики. Они точно так же стали ломать все, что было до них. Они совершенно лишены исторической памяти и корневого, органического ощущения своей связи с теми, кем они должны руководить и для кого они будто бы и затевали эти реформы.

Самое главное, что они пытаются построить страну, общество без Бога. Это и есть самая главная ошибка. Ничего они не чувствуют в своей стране. Боятся ее и надеются что-то сделать, не прикасаясь к тем людям, для которых они *как бы должны жить*.

* * *

Замечательная мизансцена. Вечернее солнце. Студия звукозаписи. Стеклянный тамбур (много стекол, но внутри темно).

Она выходит из других дверей, подходит к своей машине. Там у нее все очень солнечно. Он же, идя в студию, останавливается в глубине тамбура, почти в полной темноте. Его почти не видно, но одет он во все светлое и потому просматривается. Он застывает в несколько странной позе и смотрит на нее не шевелясь.

Она открывает машину, бросает сумку и все время смотрит в его направлении, ибо не может понять… – очень похоже, что это он, но совершенно недвижное тело создает впечатление чего-то неодушевленного.

Она садится в машину, заводит ее и все смотрит. Он стоит не шевелясь. Она дает задний ход, разворачивается и медленно выезжает, все время глядя на него.

Он понимает, что она пытается его разглядеть, но так как он не шевелится, ей непонятно – он это или не он, и вообще человек ли там или только что-то, похожее на фигуру?.. Он стоит. Она медленно уезжает за угол. Но он не двигается все равно!.. Она же, не в силах уехать, так и не поняв, он ли это, медленно сдает назад и останавливается. Он не шевелится по-прежнему. Она выходит из машины, идет к нему, не отдавая до конца себе отчета в том, что происходит… Наконец она отчетливо видит его. Подходит, останавливается. Они смотрят друг на друга…

Дальше может быть любое разрешение.

* * *

Алик Тайванчик: «Я весь день сплю, потом ночью иду домой и давай опять спать – и всю ночь от кого-то бегаю, по лесам, по долам… Просыпаюсь и опять сплю».

* * *

История Гражданской войны через судьбу коня. Конь был под красным, потом красного убили. Конь достался белому. Стал воевать под белым против красных… Другими словами, история народа.

Алимжан Тахтахунов (Тайванчик)

А между всем этим и любовь, и гибель… и та новелла, как на фронт везут 10 тысяч гробов. Старший – мальчик почти, юнкерок, с ним девушка, медсестра. Любовная история на фоне пустых пока гробов, движущихся навстречу своему содержимому.

* * *

– Как хорошо ты говоришь по-русски. Какой образный и яркий у тебя язык. Откуда?

– Изнутри.

Замечательно точно. Наполненность души требует выплеска, формулирования. Вообще, язык звучит изнутри. И вовсе не в начитанности дело. Совсем малограмотные люди могут замечательно емко, выразительно и даже поэтично говорить. Все дело в наполненности.

* * *

– Собиралась пойти в церковь, но так и не собралась, – не знала, что надеть.

* * *

«Нет лучшего средства от неурядиц, чем предоставить им идти своим чередом, – все как-нибудь уладится».

(Бальтазар Грасиан)

* * *

«Ручей и от ветерка замутится, и вода станет прозрачной не твоими стараниями, а когда от нее отойдешь».

(Б. Грасиан)

* * *

«Извлекай пользу из врагов. Любую вещь надо брать умеючи, не за клинок, где порежешься, а за рукоять, чтобы себя защитить, тем паче при соперничестве. Разумному больше пользы от недругов, чем глупцу от друзей. Вражда порою равняет те горы трудностей, перед коими останавливается благосклонность. Многим славу создали враги их. Лесть куда опаснее, чем ненависть; вторая помогает избавиться от изъянов, которые первая прикрывает. Благоразумный сделает злобу людским своим зеркалом, более верным, нежели зеркало приязни, и либо предотвратит обличение, либо исправит недостатки».

(Б. Грасиан)

* * *

«Искусство не вмешиваться. И прежде всего тогда, когда море общественное или семейное разбушевалось. В отношениях между людьми – те же вихри, бури страстей.

В такую пору разумней укрыться в надежной гавани, переждать. От лекарства недуг нередко обостряется; предоставим действовать здесь природе, там – нравам; мудрый врач столько же должен знать, чтобы прописать лекарство, сколько – чтобы не прописать, и зачастую искусство его в том, чтобы обойтись без лекарств. При непогоде житейской всего лучше сложить руки и выждать, пока буря уляжется. Отступишь сейчас – победишь потом».

(Б. Грасиан)

Бальтасар Грасиан-и-Моралес, испанский писатель и философ, иезуит

* * *

«Не хватайся из упрямства за худшее – оттого, что твой противник, тебя опередив, выбрал лучшее. Будешь уже с самого начала побежден, и придется потом с позором отступать. Не видать тебе удачи, коли твоя позиция неудачна. Противник оказался хитрей, он раньше занял лучшую, и глупо, замешкавшись, двинуться против него с худшей. Глупость строптивцев в том, что они из страсти противоречить не видят истины, из жажды спорить не замечают выгоды. Здравомыслящий всегда в стане разума, а не пристрастия, он либо первый туда поспешит, либо потом ошибку исправит».

(Б. Грасиан)

* * *

Пушкин к Вяземскому: «…Охота тебе видеть его на судне. Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. Он мал, как мы, он мерзок, как мы. Врете, подлецы: он и мал и мерзок – не так, как вы – иначе».

* * *

Удивительная была Россия по своей самодостаточности и концентрации. По самостоятельности и полноте жизни. По разлитости по всему ее телу достоинства и оригинальности…

Никому не известный Ал. Дм. Улыбышев привез в столицу из нижегородской глуши даровитого юношу Милия Балакирева (знаменитого композитора в будущем), потом оставил службу в Иностранной коллегии, ушел в отставку, заперся в своем поместье и написал там – почему-то по-французски! – фундаментальную биографию Моцарта. Потом на русский язык ее перевел Петр Ильич Чайковский…

Удивительно.

– Как хорошо ты говоришь по-русски. Какой образный и яркий у тебя язык. Откуда?

– Изнутри.

* * *

Путешественник Костин: «…Россия – это огромный театральный зал, где из всех лож следят за тем, что делается за кулисами…»

* * *

Совершенно отвязанный, очень смешной итальянец с чертиковой бородкой под нижней губой, в очках +9 и с невероятной прической демонстрировал дрожащими руками замысловатые фигурные украшения из овощей и фруктов. В конце концов, совершенно зажавшись, искромсал в хлам луковицу и стоял, глупо улыбаясь. Все это в прямом утреннем эфире.

* * *

Мы поссорились с Надей. Она совершенно по-пустому, на ровном месте приревновала меня к гидше. Я-то понимал, что происходит. Но Надя попыталась все списать на настроение. Я стал сух и официален. Мне было важно, чтобы она сама честно сформулировала (причем для себя) то, что с ней творится.

Она молчала, потом плакала, потом пришла и попросила извинения, но никак не хотела открывать причины своего состояния. Я сказал ей, что извинение – это хорошо, но не оно важно. Важно для себя сформулировать свои внутренние обстоятельства и самой себе открыться в причине, а не в следствии. Она опять заплакала. Я сидел в бассейне. Смотрел на нее. Длинная, неуклюжая, красивая, любимая. Стоит, плачет. И она все понимает, и я все понимаю. Такая нежность и благодарность охватили – еле сдерживался, чтобы не позвать ее. Но удержался. Она что-то сквозь слезы пролепетала. «Не понял», – говорю. Она (сквозь слезы): «Я тебя не-не-много приревновала». Ко всему на свете.

Соль у всех слез одна и та же, а какая космическая между ними может быть дистанция: девочка плачет от ревности, и мать-турчанка рыдает у разрушенного землетрясением дома, в котором погибли под развалинами ее дети. Я обнял Надю и сказал ей об этом. Она разрыдалась, теперь уже от другого: от того, как я уверен, счастья, что все наконец поняла и что этого стыдно, а еще от счастья, что землетрясение это – не с ней.

* * *

Русский «Крестный отец».

История со съемками, в которых «гибнет» весь каботажный северный флот. Морской бой, тонут и взрываются корабли… Какой-то эсминец, стреляя, вдруг упирается… в чей-то пупок. Отъезд камеры: видим студийный бассейн и кого-то из художников, стоящего в трусах посередине.

* * *

Юля, жена Володи Красинского, вернулась из Болгарии.

– Где ты загорела так?

– Была в Болгарии. А вы тоже загорелый, тоже были в Болгарии?

– Нет. Здесь погода хорошая была. А у вас там как?

– Вообще-то дождь шел все время, – врет Юля (явно для Володи).

– Где же ты загорела?

– А… в аэропорту, в последний день. Ждала самолета и вот так, – показывает, – загорала.

* * *

Потанин рассказывал, что в Норильске во время паводка нужно было срочно отогнать от берега подъемные краны, но для этого было необходимо электричество высокого напряжения. Вода прибывала с огромной скоростью. Все могло кончиться катастрофой. И тогда мужики подняли кабель на плечи и, выстроившись длиннейшей очередью, держали его, стоя по пояс в воде и меняясь. И все это длилось трое суток.

* * *

Астафьев: обстрел двора с немецкого самолета. Мужик и мальчишки пытаются спрятаться от пулеметных очередей, но некуда! От ужаса зарываются в навоз…

Мужик не выдерживает стыда – бояться вместе с сосунками. Выходит на середину двора со своей винтовкой и, дождавшись новой атаки, сбивает самолет.

* * *

Солдаты вылезли толкать машину, прислонились к борту и уснули.

(*Воплощено в картине «Утомленные солнцем. Цитадель», 2010. –* ***Современный комментарий автора***)

* * *

Как, через что русские люди, такие разные, порою противоположные, могут сговориться и понять друг друга, как не через единую веру, единые законы православия.

* * *

На Камчатке вход на одну из танцплощадок был по билетам филармонии. Директор филармонии так выполнял план!

* * *

Директор филармонии Маграчев – невероятно благообразный, очень похожий на Карла Маркса человек, с большой окладистой бородой, обладающий тончайшим еврейским юмором, который приводил меня в неописуемый восторг. Например, он говорил: «Ви можете себе представить? Приезжает к нам Лисициан. Виходит на сцену и поет: «У Родины вечной в долгу!» – и одну руку он в левую кулису отправил, другую сунул в правую, и я должен ему в каждую руку по 500 рублей ложить!»

> Соль у всех слез одна и та же, а какая космическая между ними может быть дистанция: девочка плачет от ревности, и мать-турчанка рыдает у разрушенного землетрясением дома, в котором погибли под развалинами ее дети.

А вот его другая история: «Ви можете себе представить? Вихожу из Дома рибака – стоят два бича пьяные, смотрят на меня и говорят: «Билядь! Это Карл Маркс!» – и начинают меня пиздить!»

Маграчев был грозой и благодетелем всех музыкальных ансамблей. Однажды мы зашли с ним в ресторан (он пригласил меня поговорить), когда там репетировал оркестр ресторанный. Он им сказал: «Так, мальчики! Видите в окне сопку? Идите, там играйте, дайте нам поговорить». Оркестр мгновенно испарился.

Именно этот Маграчев продавал билеты своей филармонии «на вход в танцплощадку». Надо сказать, танцплощадка эта была обнесена забором около 4 метров в высоту. Я никак не мог поначалу понять, зачем у входа там дежурили дружинники с собаками. Но вскоре выяснил, что в *Питере-Камчатском* не было тогда танцплощадки, которая бы не взрывалась временами дракой – то в одном, то в другом углу. Сказывалась специфика приморского города с вечным антагонизмом между моряками и «сапогами», погранцами и «шупупами».

Так вот, как только начиналась драка, все, знающие правила, мигом ложились на пол, потому что на площадку запускали собак. Те бежали по лежащим, но хватали только тех, кто двигался. То есть хватали с какой-то погрешностью именно тех, кто дрался. Поэтому человек знающий, даже если замахнулся уже в пылу драки, пусть даже у него хлестала кровь из носа, при виде собак сразу замирал. И возникала вмиг немая сцена, сродни многофигурной композиции «Сильнее смерти» скульптора Фивейского.

Собаки ходили и обнюхивали эти застывшие фигуры. И тех, кто, перед тем как застыть, дрался, дружинники спокойно забирали – они были сразу видны!

* * *

> «…гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей как с обыкновенным явлением во всех веках».
>
> *(Н. М. Карамзин)*

Николай Михайлович Карамзин

* * *

Я совсем никому не нужен, кроме тех, кому нужен совсем не я.

* * *

Любая чушь, но сказанная по-французски, выглядит умно и, главное, благородно.

* * *

«Всегда радуйтеся. Непрестанно молитеся. О всем благодарите».

(Серафим Саровский)

Преподобный Серафим Саровский

* * *

Тому, кто лжет, важно, чтобы ему верили, а тому, кто говорит правду, важно, чтобы он сам по-настоящему верил в то, что говорит. В то, что это правда!

* * *

«Брат! Бог ради молитв святых угодников Своих да помилует и меня и тебя по воле Своей».

(Святитель Игнатий Брянчанинов, «Отечник»)

* * *

«Пока помнишь о Боге, умножай молитву, чтобы Господь помянул тебя, когда ты забудешь о Нем».

(Марк Подвижник)

* * *

Батюшка из Енисейска. Кулачищи с голову подростка. Шумлив, весел и совершенно «отвязан».

Ехал на машине, нарушил, остановили. Долго ругается с ментом. Безуспешно. Последний аргумент: «Я тебя прокляну!»

Милиционер заинтересовался неожиданно:

– А как ты мою фамилию узнаешь?

– А я тебя по номеру прокляну.

* * *

Красноярск. Матч между французами и сибиряками. Два высоких должностных лица. Это Лебедь и кто-то из французской провинции. Обмениваются комплиментами… Неожиданно на трибунах начинается дикая драка. Ее волна докатывается и до ложи правительств. Вот уже дерутся и там!..

* * *

История В. П. Астафьева: Танк отправлен на разведку. Движется в глубь неизвестной территории. Узенькая речка. Решили переехать вброд. Застряли. Тина, ил. Танк полностью засел. Ребята повылазили, решают, что делать, чешут «репу». На том берегу появляется немецкая «Пантера» или «Фердинанд».

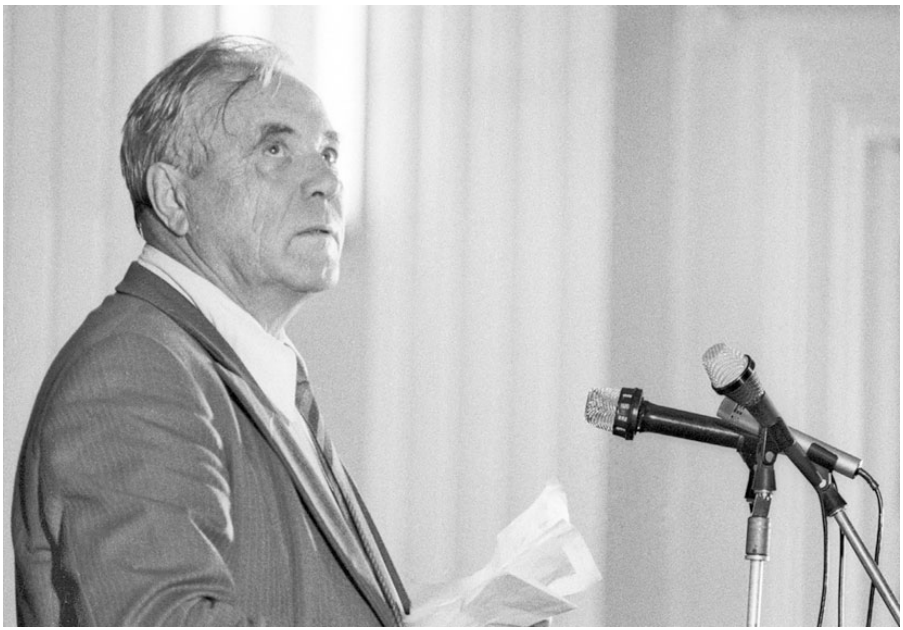
– Иван, сдавайся!

Ребята очумели, но что делать? Сели на башне босые, руки вверх подняли. Немцы осмотрелись, поняли обстановку. Решили наших пленить вместе с танком. Стали думать, как вытащить «Т-34» из тины. Достали трос. Он оказался короток. Их танк стал подбираться к нашему. Немцы пытаются накинуть «серьгу» троса на наш штифт. Короче – сел и немецкий танк. Оба по горло в тине

и иле. И тут кончается война: восемь мужиков – четыре наших и четыре немца – начинают разбираться с засевшими машинами. Мат, советы, воспоминания, тяжелое дыхание. Война кончилась для них в эти несколько часов единения в созидании!

(Может быть, потом – сразу в бой, сражаются друг с другом.)

Реальный финал: наши забрали немцев в плен. Но может быть и что-либо другое?



Виктор Петрович Астафьев

* * *

Господи! Сделай так, чтобы моя воля не мешала Твоей!

* * *

Бабушка в электричке, едущей в Сергиев Посад, ходит по вагону туда и обратно. Ходит, ходит, ее спрашивает кто-то:

– Бабушка, ну чего ты все ходишь? Сядь, посиди.

– Не могу, – отвечает, – я Сергию обет дала пешком в Лавру прийти.

* * *

– Батюшка, – говорит бабушка, – меня очень беспокоит судьба жизаны!

– Кого?

– Жизаны!

– Какого жизаны?

– Ну как же, поем же в «Верую»: «Распятого же за ны при Понтийском Пилате…»

* * *

«Я живу, как хочу, а одеваюсь, как могу».

* * *

41-й год. Лето. Наши бегут бегом от немцев. Молодой артиллерист бежит со всеми. Паника!.. Неожиданно останавливается: «Не хочу больше! Хватит». Остается с пушечкой и снарядами. И два или три часа один колотил немецкие танки и пехоту. Весело, как песню пел. Потом его, естественно, убили.

* * *

Было озеро когда-то, потом на месте озера построили большой пивной цех. Но уже несколько поколений уток весной в темноте налетают на это место, подчиняясь генетической памяти. И тут же в изумлении и испуге вновь взмывают в темноту.

* * *

Пустота и временность фестивалей.

* * *

Один человек ест в машине, пьет сок, а другой, праздно стоящий в стороне и кого-то ожидающий, от нечего делать хамски его озвучивает (чавканье, хлюпанье сока и так далее).

* * *

Никак не могущая уйти Надя… Все возвращается из-за угла, делает пируэт и вновь уходит. Но снова возвращается…

Тонкая и вечная привязка ее ко мне и моя к ней.

* * *

5–7 стариков-ветеранов на чеченской войне, и последовательные истории каждого из них в той, Великой, войне.

Униженные ветераны, без лекарств, денег, без помощи, собираются с силами и едут на войну в Чечню. Их может собирать старик-чечен, которого за сопротивление сталинскому выселению отправили тогда в штрафбат. И вот он собирает по бывшему СССР своих однополчан. Из Курска, Минска, Донецка и т. д.

Параллельно мы видим их Великую войну, кто как воевал, как выжил. Кто-то, возможно, тогда предал. Расплата – здесь, через 50 лет.

Может быть, старик-хохол встречает тут среди наемников своего внука.

– Зачем ты здесь? Что защищаешь? – Нет ответа.

Может быть, в Чечне историю можно локализовать: освобождение заложников в роддоме. Беременные женщины. Басаев. Тут могут быть и снайперши.

Старик-хохол убивает внука-наемника. (Тарас Бульба.)

Может быть, один из ветеранов вообще живет давно в Израиле. Ему звонят, зовут, объясняют, и он приезжает.

М. б. идентичность ситуационная и энергетическая между ними в той войне и в этой.

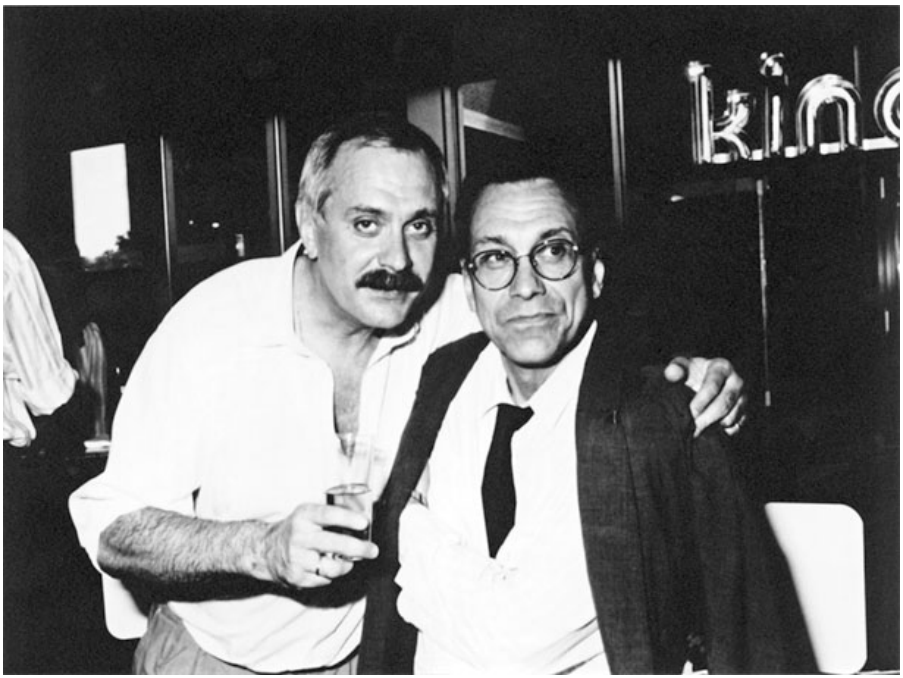
* * *

Лето. Дача. Солнце. Собираюсь на тренировку. Захожу к брату. Маленькая дочка его, Маша, чего-то гугукает. Я называю ее Марья Андреевна. Женщины хлопочут на кухне, в детской…

Поднимаюсь к брату. Он сидит, Андрончик, на кровати, свесив ноги. Без очков. Смотрит на меня, щурится. Я пытаюсь пошутить о чем-то. Подхожу. Он сажает меня рядом, обнимает. Сидим, прижавшись друг к другу. У него вдруг задрожали плечи…

Я прижал его к себе, и он как-то обмяк и разрыдался. У меня перехватило дыхание. Глажу его по голове, спрашиваю: «Что случилось?» Он молчит, плачет. Чувствую, слезы и у меня закипели. «Что случилось?» «Ничего, ничего… Я твои письма

перечитывал… Прости меня! Я так виноват перед тобой!.. Я читал, как ты замерзал в тундре… и т. д.». Так мы с ним и сидели. А я подумал: какое счастье, Боже, что у меня и мысли не было прощать его, потому что я никогда и не считал его в чем-то виновным передо мною. Да, порою раздражался, злился, но того, что называется злой памятью, никогда у меня к нему не было.



Со старшим братом, Андроном Михалковым-Кончаловским. 90-е

Благодарю Бога за этот подарок!

* * *

Сидели, обедали… Вспомнили Иерусалим, Крестный путь Спасителя и то, что Он никого, кроме Отца, ни о чем не просил. Неожиданно расплакались от полноты благодарности к Нему за Подвиг ради нас, грешных.

* * *

Смотрел на такую вытянувшуюся Наденьку и думал, кто и когда уведет ее из дома?..

Печально.

* * *

Муж смотрит на жену (или жена смотрит на мужа) и предугадывает все, что она (он) сейчас скажет или сделает.

* * *

Таинственная, манящая притягательность Луна-парка. Что-то напрашивается контрапунктное. То ли преступление, то ли страстное объяснение на какой-нибудь сумасшедшей горилле. А может быть, покушение.

Есть в этом балагане что-то завораживающее, как в цирке.

* * *

Только что взошедшая травка газона вдруг застелилась под легким, нежным ветерком, обнажив нежную бледно-зеленую подложку травинок. Так это было трогательно и сильно. Только что вынули из земли и тут же сделали единым со всем живым!..

* * *

«Тот, кто боится людей, любит законы».

(Маркиз де Вовенарг)

* * *

Принцип: сумасшедший масштаб от капли росы до танковой армии.

(*Воплощено в картине «Утомленные солнцем. Цитадель», 2011. –* ***Современный комментарий автора***)

С Дмитрием Дюжевым и Андреем Мерзликиным в фильме «Утомленные солнцем. Цитадель» (2011)

notes

Сноски

1

Я тогда не знал слов Уинстона Черчилля: «Кто в молодости не был революционером – у того нет сердца, кто в зрелости не стал консерватором, у того нет ума». Эти слова в полной мере иллюстрируют те изменения, которые происходили с годами в моем мировоззрении, так же как и мою полную искренность и в 70-е годы, и сегодня.

В те годы, под впечатлением XX съезда, «оттепели», все те обличения и «откровения», которые были подарены советскому обществу в отношении И. В. Сталина, расстрелянного Л. П. Берии и т. д., словно воодушевили народ на прозрение. И, как это часто бывает в такие периоды в народе, ощущение мгновенного прозрения вдруг в одночасье расставило простые ответы под множеством сложнейших вопросов, которые не могли не возникать у людей, живущих в столь огромной и многосоставной державе с множеством проблем. А тут вдруг всем стало понятно, кто в этих проблемах виноват и что именно не так он сделал. В чем, так сказать, состояло «абсолютное зло» на пути к коммунизму. Через какое-то время мы уже совершенно уверовали, что Сталин «воевал по глобусу», что никакой он не был Верховный Главнокомандующий, а был он бездарен, малограмотен, труслив, туп, кровожаден и даже психически болен. Хрущев в этой ситуации выглядел как человек, освободивший советский народ от ига заблуждения.

И мало кому из нас приходило тогда в голову, что обличающая предыдущее руководство страны информация выдавалась очень избирательно и порционно, и в полном соответствии с политической конъюнктурой новых «эшелонов власти». Мало кому вспомнились тогда слова Л. Н. Толстого, что «самый страшный враг правды – не ложь, а полуправда».

Сегодня, когда мы с годами стали объективно знать больше (и в отношении статистических данных во всех областях, и в осмыслении стоящих тогда перед страной немыслимых задач, которые в итоге оказались решены, и в отношении многих шагов внутренней и внешней политики Сталина), сегодня, когда мы имеем столь печальный опыт в итоге действительно безграмотных либо предательских действий вождей либеральных реформ, конечно, я уже не скажу так о Сталине.

А тогда… 72-й год! – всего-то лет 10–15 назад пришла к нам «оттепель». Беспечная творческая интеллигенция, Политехнический музей, там – Окуджава, Евтушенко, Вознесенский, Белла… Журнал «Новый мир», публикации

Солженицына, Астафьева. Феномен «лейтенантской прозы» – по-настоящему правдивая литература о войне. В кино – тоже первое свободное, свежее дыхание – Марлен Хуциев, Михаил Ромм… Ставшие доступными вдруг зарубежные фильмы.

Было бы все это возможно при Сталине?.. Тогда бы я сказал: «Конечно нет!» А теперь… Не знаю. Проживи он еще пять или десять лет?.. Будущий писатель-диссидент Виктор Некрасов получил еще в 1947 году Сталинскую премию за правдивейшую повесть «В окопах Сталинграда». И «Дни Турбиных» Булгакова МХАТ восстановил в репертуаре только по личному указанию Сталина.

Говорят, история не имеет сослагательного наклонения. Но я не могу с этим согласиться. Принять эту мысль – значит лишить нас возможности вариативности в помыслах и рассуждениях, в детальном анализе истории.

Мы не задумывались тогда о многом. В том числе о том, каким образом можно было за 2–3 месяца перевезти все заводы за Урал и буквально через считаные недели начать выпуск военной продукции для фронта! Нами это воспринималось просто как данность. А сегодня кажется фантастикой.

Как ни странно, именно творческая интеллигенция в столице была единодушна в принятии на веру всех полуправд и обличений. Чего не скажешь о простом народе, который быстро отказал Хрущеву не только в любви, но и в элементарном уважении. Словно весь исторический опыт, природная интуиция и чувство самосохранения говорили народу, что истина – глубже и шире, чем сегодня преподносится.

Как это было мне ни странно, далекий от «культурного центра» корякский поэт Владимир Косыгин (литературный псевдоним Каянта), чей отец был расстрелян в 1937-м, с пеной у рта защищал Сталина, что для нас, его московских гостей, было абсолютным нонсенсом. Мы его просто ненавидели во время жарких споров… И Каянта был в своем великодушии не одинок: очень многие люди из народа, чьи отцы пострадали в годы репрессий, готовы были это Сталину простить. За что-то другое… – чего мы тогда не понимали и что начинает проясняться лишь сегодня.

Шло время, был смещен Хрущев, под трескучие лозунги оттрубил положенное на посту генсека Брежнев… И постепенно, незаметно стали уходить люди, которые «аукались» войной. Запах кожи портупеи, кобуры на ремне и ваксы на сапогах стал выветриваться. Счастливый звон орденов и медалей на кителях ветеранов стал затихать… И постепенно то пронзительное народное единение, те кровные узы, сотворенные Великой

Победой, стали нивелироваться, словно освобождая место для предательства и обмана – вольных или невольных, не имеет значения. Явилась «перестройка», начатая человеком с интеллектом секретаря крайкома максимум, которому на плечи упала вдруг огромная страна и которого столь непринужденно обманул Запад, не выполнив ни одного своего обещания! Потом, после короткой борьбы с этим растяпой и демагогом, у него выхватил кремлевскую власть человек, для которого личная амбиция и личная обида имели куда большее значение, чем будущее его родины, и напрочь отсутствовало понимание того, что стратегически-серьезное планирование не имеет ничего общего с сиюминутной популярностью. Этот его популизм, близкородственный методам предшественника, но подвластный воле большего количества поводырей, привел к окончательному распаду прежнего государства – то есть Российской державы в границах, незыблемых уже несколько столетий. Привел к обнищанию народа и разграблению страны. Это разграбление было осуществлено в таких масштабах, которые мы до сих пор еще не можем осмыслить и признать по-настоящему (а я убежден, что это необходимо будет сделать на официальном уровне).

И все-таки… все это было совершено и могло было быть совершено только при молчаливом попустительстве со стороны народного большинства. И, говоря сегодня о своей переоценке роли Сталина, я остаюсь верен своим мыслям и чувствам в отношении чудовищной инфантильности «советского народа» и в то же время цинизма и полной индифферентности, привитых народу лицемерием советских чинуш. Их фальшивыми лозунгами, их вечным враньем о великих достижениях. Их рыбьим молчанием о действительных проблемах.

Ведь именно такой – изверившийся, лишенный инициативы народ легко разграбить, разорить. Лишить исторической памяти, исказив его культурный код. И тогда окончательно растереть в пыль.

Помоги, Господи, скорей нам исцелиться!

2

Дальнейшие строки стихотворений Г. Шпаликова из блокнота Н. С. Михалкова издательство здесь не приводит, руководствуясь соображениями авторского права, а также исходя из понимания того, что любой читатель сегодня может прочесть стихи Геннадия Шпаликова в его книгах, издаваемых большими тиражами, либо в Интернете.